

ISSN 2524-0285

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

1/2018

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д. филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д. пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**

Члены редколлегии: д.и.н., проф. **В.Л. Агапов**, д.филос.н., проф. **Т.А. Андреева**, д.и.н., проф. **А.В. Бредихин**, д.пед.н., проф. **А.И. Дзундза**, д.филос.н., проф. **Н.Н. Емельянова**, д.пед.н., проф. **Е.Г. Евсеева**, д.и.н., проф. **Г.П. Ерхов**, д.филос.н., проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д.и.н., проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д.и.н., доц. **А.В. Колесник**, д.пед.н., проф. **М.Г. Коляда**, д.и.н., проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д.филос.н., проф. **Д.Е. Муза**, д.и.н., проф. **В.Н. Никольский**, д.пед.н., проф. **П.В. Плотников**, д.пед.н., проф. **Е.И. Скафа**, д.пед.н., проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д.и.н., доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Associate Prof. **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Associate Prof. **D.A. Chernyshev**

Executive Secretary – Candidate of History, Associate Prof. **V.V. Razumnyi**

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Prof. **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Prof. **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Associate Prof. **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

*Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Протокол № 7 от 29.06.2018 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 1/2018

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Разумный В. В.* «Посеявший ветер, пожнет бурю»: Последствия «арабской весны» для стран Ближнего Востока и Северной Африки 5
- Бредихин А. В.* Влияние Мексиканской революции 1910–1917 гг. на политическое и экономическое развитие Мексики в 20–30 гг. XX в. 12
- Даренский В. Ю.* Монархист в событиях Русской революции: феномен Н. Е. Маркова 19
- Кухтин М. М.* Причины и механизмы катастрофы бронзового века 26
- Краснонос Ю. Н., Толмачева В. В.* Причины техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 году: анализ нормативно-правовых источников 30
- Шабельников В. И.* Реформирование территориальной организации и управления экономикой Донбасса в 1957–1965 гг. 35

Философия

- Andreeva V. I.* On which grounds can the toleration of non-liberal groups be justified? 43
- Бартагариева И. И.* Правовой дискурс как атрибут гражданского общества: концептуальное измерение 51
- Бугаев В. И.* Виртуальный идеал в современной культуре 57
- Волошин В. В.* Знание в современном социуме: атрибуты и следствия 62
- Гришанов А. Н.* Возрождение актуального искусства в современном Донбассе 70
- Гришанова Е. В.* Самобытность смехового пространства в социокультурном контексте: прошлое и современность 77
- Даренский В. Ю.* Модель инициации в структуре литературного произведения 82
- Емельянова Н. Н.* Проблема ментальной целостности полиэтнического Донбасса 89
- Лустин Ю. М.* Субъективизация индивидуального в контексте антропологического подхода к типологии личности 97
- Марюхнич М. Т.* Трансформация секулярного и традиционного мировоззрений русской цивилизации в контексте философии сопротивления 104
- Отин А. Е., Мезенцева А. А.* Мифотворчество и мироустройство древних славян 110
- Половинкина И. С.* Виртуальная реальность в контексте концепции сверхчеловека 116

<i>Рочняк Е. В.</i> История становления «Донбасского культурного типа» как проблема социальной философии	123
<i>Чернышов В. А.</i> Фактор «мягкой силы» во внешней политике стран мира: мировоззренческий аспект	128
<i>Шелехов Е. А.</i> Одиночество в системе экзистенциальных страхов личности	134

Педагогика

<i>Андрасова А. П.</i> Профилактика специфических заболеваний у учащихся, занимающихся плаванием в школах спортивного профиля	140
<i>Драгнев Ю. В.</i> Преимущества и недостатки электронного обучения в высшем физкультурном образовании	146
<i>Нескреба Т. А., Чернышев Д. А.</i> Сущность и структура профессиональной компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования	152
<i>Сердюков Э. В.</i> Сущность профессионально значимых качеств специалистов государственной службы	159
<i>Ульянкина О. В., Чернышев Д. А.</i> Теоретические аспекты подготовки будущих специалистов-медиков к профессиональной деятельности с учетом повышенных требований к их психофизиологическим возможностям и личностным качествам	166
<i>Чудина Е. Ю.</i> Microsoft Excel как эффективное средство реализации технологии педагогического тестирования	175
<i>Гризодуб Н. В.</i> К проблеме организации самостоятельной работы студентов в учебном процессе колледжа технического профиля	188
<i>Делянченко В. Н.</i> Образовательно-воспитательное пространство вуза как условие формирования толерантности у студентов – будущих социальных работников	193
<i>Зенченков И. П.</i> Анализ понятия ценности для рассмотрения аксиологических основ формирования физической культуры личности будущего учителя	200
<i>Марченко Г. В.</i> «Уроки» реформирования образования в Украине	208
<i>Мерхелевич Г. В.</i> Методические аспекты обеспечения содержательно-смысловой адекватности академических и научных понятий при переводе на английский язык	214
<i>Приседский В. В., Волкова Е. И.</i> Опыт преподавания курса «Наноматериалы и нанотехнологии» для студентов инженерных специальностей	225
<i>Приходченко Е. И., Маркова Е. А.</i> Управление образовательным процессом: теоретический аспект	233
<i>Жидких Т. Н.</i> Корпоративная культура высшего учебного заведения	238
<i>Токмачева М. А.</i> Воспитание будущих монархов в контексте Отечественной историографии	243
<i>Фёдорова А. А.</i> «Проекториум»: применение игровых технологий с элементами коучинга в обучении проектному менеджменту	250
Правила для авторов	257

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. The Humanities

№ 1/2018

CONTENTS

History

<i>Razumnyi V. V.</i> "Sowing the wind, reap the storm": the Consequences of the "Arab Spring" for the Countries of the Middle East and North Africa	5
<i>Bredikhin A. V.</i> The influence Mexican Revolution of 1910–1917 on the political and economical development of Mexico in 20-30s	12
<i>Darenskiy V. Y.</i> Monarchist in Russian Revolution: phenomenon of N. Ye. Markov	19
<i>Kukhtin M. M.</i> The causes and mechanisms of the bronze age catastrophe	26
<i>Krasnonosov Yu. N., Tolmacheva V. V.</i> Causes technogenic disaster at Chernobyl NPP in 1986: analysis of normative-legal sources	30
<i>Shabelnikov V. I.</i> Reforming of territorial organization and management of Donbass economy in 1957–1965	35

Philosophy

<i>Andreeva V. I.</i> On which grounds can the toleration of non-liberal groups be justified?	43
<i>Bartagarieva I. I.</i> Discourse of law as an attribute of civil society: the conceptual dimension	51
<i>Bugayev V. I.</i> Virtual ideal in modern culture	57
<i>Voloshin V. V.</i> Knowledge within the modern society: attributes and implications	62
<i>Grishanov A. N.</i> Revival of contemporary art in the modern Donbass	70
<i>Grishanova Ye. V.</i> The originality of the comic space in a sociocultural context: past and present	77
<i>Darenskiy V. Y.</i> The model of initiation in structure of literary work	82
<i>Yemelyanova N. N.</i> The problem of mental unity of multi-ethnic Donbass	89
<i>Lustin Yu. M.</i> Subjectification of the individual in the context of anthropological approach to typology of a personality	97
<i>Maryukhnich M. T.</i> Transformation of the secular and traditional worldviews of Russian civilization in the context of philosophy of resistance	104
<i>Otina A. E., Mezentseva A. A.</i> Mythogenesis and world order of early slaves	110
<i>Polovinkina I. S.</i> Virtual reality in the context of the ubermensch	116

<i>Rochnyak E. V.</i> History of the «Donbass cultural type» formation as a problem of social philosophy	122
<i>Chernyshov V. A.</i> The factor of «soft power» in the foreign policy of countries of the world: the worldview aspect	128
<i>Shelekhov Y. A.</i> Loneliness in the system of the existential fears of a personality	134

Pedagogy

<i>Androsova A. P.</i> Prevention of specific diseases in pupils who learn to swimming sports in schools of sports profile	140
<i>Dragnev Y. V.</i> Advantages and disadvantages e-learning in a graduate physical education	146
<i>Neskreba T. A., Chernyshev D. A.</i> The essence and structure of professional competence of a teacher of physical culture in the system of additional pedagogical education	152
<i>Serdiukov E. V.</i> Essence of professionally important qualities of state service professionals	159
<i>Uliankina O. V., Chernishev D. A.</i> Theoretical aspects of future medical specialists training for professional work considering the increased demands for their psychophysiological and personal abilities	165
<i>Chudina E. Y.</i> Microsoft Excel as effective means of realization of technology of pedagogical testing	175
<i>Grizodub N. V.</i> To the problem of the organization of the independent work of students in the educational process of the college of the technical profile	188
<i>Delyanchenko V. N.</i> Educational and educational space of higher education as a condition for forming tolerance in students – future social workers	193
<i>Zenchenkov L. P.</i> Analysis of the concept of values for consideration of axiological bases of formation of physical culture of the person of the future teacher	200
<i>Marchenko G. V.</i> «Lessons» of reformation of education in Ukraine	208
<i>Markhelevich G. V.</i> Methodological aspects of providing content-significant adequacy of academic and scientific concepts in translation to English language	214
<i>Prisedsky V. V., Volkova E. I.</i> Experience of teaching a course in «Nanomaterials and nanotechnologies» for engineering students	225
<i>Prihodchenko E. I., Markova K. A.</i> Management of the educational process: theoretical aspect	233
<i>Zhidkikh T. N.</i> Corporate culture of higher educational institution	238
<i>Tokmacheva M. A.</i> Education of future monarchs in the context of national historiography	243
<i>Fedorova A. A.</i> «Projectorium»: application of game technologies with coaching elements in project management training	250
Guidelines for authors	257

ИСТОРИЯ

УДК 94(569.4)

«ПОСЕЯВШИЙ ВЕТЕР, ПОЖНЕТ БУРЮ»: ПОСЛЕДСТВИЯ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» ДЛЯ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

© 2017. В. В. Разумный

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена последствиям «арабской весны» в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Этот регион уже на протяжении нескольких десятилетий остается перманентной «горячей точкой» планеты. Автор обращает внимание на негативные последствия «арабской весны» для государств этого региона. В статье проведен анализ последствий революционных изменений в арабских странах, а также рассмотрена оценка этих событий в работах российских востоковедов

Ключевые слова: Ближний Восток, Северная Африка, протестное движение, «арабская весна», мировое сообщество.

С начала событий «арабской весны» прошло уже почти семь лет. Однако до сих пор в работах историков нет однозначной оценки результатов этих бурных потрясений, которые серьезно изменили внутривосточную ситуацию в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки. Протестные движения, начавшиеся в конце 2010 г. в Тунисе, переросли в полномасштабные революции, приведшие к смене правящих элит. В отдельных случаях смена власти переросла в продолжительные гражданские войны, которые на долгие годы перечеркнули перспективы развития этих стран. Этот регион называют «мировой бензоколонкой» и поэтому экономические последствия «арабской весны» будут оказывать серьезное влияние на мировые экономические процессы. Основная цель нашей работы состоит в изучении последствий революционных потрясений, вызванных «арабской весной» и выявления общих закономерностей.

Данная проблема была рассмотрена в научных трудах российских специалистов по истории стран Ближнего Востока и Северной Африки. Здесь следует выделить работы московских арабистов Р. Г. Ланды [6] и А. М. Васильева [2]. Вопросы влияния событий «арабской весны» на деятельность экстремистских мусульманских организаций в Европе изучали И. О. Абрамова и Л. Л. Фитуни [1]. Последствия революционных потрясений в арабских странах были предметом изучения историка А. С. Иващенко [4].

Революционные события в арабских странах в 2011 г. имели широкую социальную поддержку и симпатии значительной части населения. Руководство Египта и Туниса, фактически, ничего не предпринимало для снижения роста безработицы среди молодежи. Поэтому призывы к свержению правящих режимов находили широкую поддержку среди молодых людей. Более того, большинство историков и политологов подчеркивали, что в условиях авторитарных режимов в арабских странах полностью отсутствовали так называемые «социальные лифты». Молодым людям в возрасте до 25 лет, практически, не было возможности для самореализации. Принято

считать, что главными причинами протестных движений в арабских странах были нищета, коррупция, социальное расслоение, экономическая стагнация.

Однако следует подчеркнуть тот факт, что пламя революции «арабской весны», вспыхнуло именно в Тунисе, который тогда нельзя было бедной страной. В этой североафриканской стране почти 80 % семей являются собственниками жилья, 21 % владеет автомобилями, 80 % сельских жителей имеют доступ к электроэнергии, 70 % – к питьевой воде [10]. В стране возник многочисленный, составляющий 60 % населения, средний класс, на долю которого приходится 83 % потребления. Характерным для Туниса был к тому же низкий, всего лишь двукратный разрыв в потреблении между бедными и богатыми слоями обществ. На наш взгляд, если бы доминировали именно вышеуказанные факторы, то, по логике событий, протестные движения должны были начаться в более бедном Йемене или Судане.

Революционные события были вызваны также тем фактом, что в арабских странах, несмотря на республиканскую форму власти, фактически установились наследственные монархии. В статье А. С. Иващенко приводились данные относительно сроков правления правителей Ливии, Туниса, Египта и Йемена. Интересен тот факт, что за всю пятидесятивековую историю Египта только три правителя (фараоны Рамсес II и Тутмос III, а также египетский паша Мухаммед Али) находились у власти больше, чем президент Хосни Мубарак [4]. Президент Туниса Зин Эль-Абидин Бен Али правил этой арабской страной 23 года. Аналогичные явления можно было наблюдать в Йемене и Ливии. В данной работе мы не будем углубляться в изучение причин протестного движения, а сконцентрируем внимание на исследовании последствий «арабской весны».

Как уже упоминалось, революционные события начались в Тунисе. Итогом массовых протестов стало бегство 14 января 2011 г. президента Бен Али в Саудовскую Аравию. Однако победа демократии в Тунисе наступила не сразу. В течение десяти месяцев после начала массовых протестов страна находилась под управлением временного правительства. В октябре 2011 г. было создано учредительное собрание, которое должно было выработать положения Основного закона Туниса. На гребне революционных событий большинство мест получила исламистская партия «Ан-Нахда». Президентом страны был назначен Монсеф Марзуки, а премьер-министром стал Беджи Каид Эс-Сбси, глава светской партии «Нидаа Тунис». Получив власть, исламисты пытались провести в стране радикальные преобразования в духе суннитской «исламской революции». Однако, в октябре 2014 г. в ходе парламентских выборов победили сторонники светского пути развития. Партия «Ан-Нахда», пошла на компромисс другим партиям, а впоследствии вообще отказалась от политического ислама и объявила о своем новом кредо, – светская политика с религиозными корнями.

Оценивая последствия «арабской весны» для Туниса, можно согласиться с утверждением некоторых специалистов о том, что эта страна минимально пострадала от революционных потрясений. Тунисское общество обнаружило способность к цивилизованному диалогу и взаимодействию, к совместному поиску решений, к поиску политических консенсусов [8]. Также следует учесть тот факт, что армейская элита Туниса отказалась от вмешательства в политические процессы и не реализовала план по захвату власти.

Тунис на данный момент единственная страна в Северной Африке, где после протестных движений была достигнута стабилизация власти. Во многом тунисский феномен обусловлен значительным влиянием Европы, в первую очередь Франции, которая оказало существенное воздействие на развитие событий в Тунисе. Однако

здесь не следует забывать о поддержке со стороны США. После двух масштабных терактов весной и летом 2015 г. Тунис получил статус основного союзника Вашингтона вне НАТО, а американская помощь на поддержание безопасности страны была увеличена до 100 млн. долларов в 2016 г. [8]. В статье К. Светловой указывается, что эти деньги пошли на возведение заградительных сооружений на границе с Ливией, где было построено почти 200 километров стены, оснащенной современными техническими средствами наблюдения и предупреждения [8].

В Ливии последствия «арабской весны» были более трагичными. После семи месяцев кровопролитных столкновений между сторонниками полковника Муаммара Каддафи и повстанцами власть в стране перешла в руки революционного правительства. Здесь был факт внешнего вмешательства, который больше напоминал военную интервенцию. По данным историка В. Б. Долгова, в период боевых действий в Ливии авиация НАТО осуществила более 26 тыс. самолетовылетов, из них более 10 тыс. боевых. Причем за каждый боевой вылет уничтожалось 3–4 цели, среди которых были не только военные объекты, но и административные здания, жилые дома, системы жизнеобеспечения. За время вооруженного противостояния погибло более 50 тыс. ливийских граждан. Военная операция в Ливии обошлась ее главным инициаторам, Франции и Великобритании, в 300 млн. и 340 млн. евро соответственно [3].

В ходе военных действий была практически разрушена промышленная инфраструктура Ливии, а также была нарушена работа институтов власти. В стране появилось большое количество оружия у местного населения, что способствовало ухудшению криминогенной ситуации. В отдельных случаях к власти пришли радикальные исламисты, которые имели опыт повстанческой деятельности в Афганистане, Боснии и Алжире. Так, Главой Военного совета в Триполи назначен Абдель Хаким Бель-Хадж – бывший «национальный эмир» Вооруженных исламских ливийских групп, радикальной исламистской группировки, осуществлявшей террористические акции в Ливии в 1990-е годы и связанной с «Аль-Каидой».

Самым печальным последствием «арабской весны» в Ливии стал фактический распад страны на отдельные кланово-племенные группировки. После свержения режима полковника Каддафи в Ливии существуют три реальных центра силы: 1) временное переходное правительство; 2) радикальные исламисты; 3) сторонники Муаммара Каддафи.

На юге Ливии действуют вооруженные отряды кочевников-туарегов. Здесь важно отметить тот факт, что часть из них воевала на стороне полковника Каддафи, а часть поддерживала радикальных исламистов. Весной 2012 г. вооруженные отряды туарегов захватили часть территории Мали. Это спровоцировало государственный переворот в этой западноафриканской стране, совершенный военными, недовольными неспособностью действовавшего президента защитить целостность государства [4].

«Арабская весна» способствовала децентрализации власти в Ливии. В стране воцарился хаос и произвол, население оказалось на грани гуманитарной катастрофы. Значительно возросла безработица, ухудшилось здравоохранение. Если при режиме Муамара Каддафи европейские специалисты ехали на работу в Ливию, то теперь из этой страны бегут тысячи нелегальных мигрантов в страны Европы [1].

Одним из последствий «арабской весны» в Ливии стало убийство посла США в сентябре 2012 г. Тогда, в Бенгази из различных видов стрелкового оружия было обстреляно американское консульство. В ходе нападения погиб посол США в Ливии Кристофер Стивенс, который, как считают специалисты, был причастен к свержению

власти полковника Каддафи. В аналитических докладах, посвященных анализу этого террористического акта, американские чиновники заявили, что нападение на консульство в Бенгази было тщательно подготовленным и профессионально выполненным.

Протестные движения «арабской весны», вмешательство интервентов из блока НАТО и смещение Муамара Каддафи имели разрушительные последствия для ливийского государства, населения и экономики, Ливия превратилась в страну для транзита международной преступности, незаконной миграции и контрабанды оружия.

В Египте революционные потрясения «арабской весны» привели к свержению власти президента Хосни Мубарака. 25 января 2011 г., в государственный праздник, День полиции, египтяне вышли на улицы Каира, Александрии и других крупных городов. Причины начала протестного движения схожи с тунисскими: социальная несправедливость, отсутствие роста экономики, коррупция и неприязнь к персоне президента, который правил Египтом с октября 1981 г. [5].

Участникам акций протеста понадобилось всего восемнадцать дней для того, чтобы сместить президента и правящую Национал-демократическую партию. Не помогли обещания Хосни Мубарака созвать новый парламент, не выставляя свою кандидатуру на пост президента и даже не выдвигать на него своего сына. В феврале 2011 г. президент Египта, после тридцатилетнего правления ушел в отставку. В 2012 г. на первых общенациональных президентских выборах победил Мухаммед Мурси, представлявший «Партию свободу и справедливости».

Однако его правление было недолгим. Уже 25 января 2013 г., в годовщину революции, улицы египетских городов вновь были заполнены участниками акций протеста. Египет снова бунтовал. В конце июня уже сотни тысяч протестующих египтян требовали отставки Мухаммеда Мурси. В этот сложный процесс вмешалась армия, потребовав от власти и оппозиции прекращения кризиса и предложив свою дорожную карту. Мурси заявил, что не позволит диктовать себе условия, после чего продержался на посту президента еще два дня. Власть в Египте взяли представители армейских кругов. В 2014 г. на досрочных президентских выборах в апреле 2014 г. победил министр обороны Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси.

Последствия «арабской весны» в Египте существенно отличались от ливийского и тунисского варианта. Фактически, здесь произошла относительно бескровная смена политической элиты, в которой доминировали военные. Этому способствовали несколько факторов, главные из которых – неготовность египетского общества к имплементации полностью демократических принципов и необходимость власти сильного национального лидера. Военные как ключевой сдерживающий элемент, пользующийся непререкаемым уважением, вновь играют лидирующую роль на политической арене Египта, являясь фактически системообразующим и объединяющим элементом. К власти пришел харизматичный, яркий лидер из этой среды, пользующийся популярностью и уважением.

Историк Б. В. Долгов, сравнивая итоги «арабской весны» в Тунисе и Египте, сделал вывод, что изменения коснулись лишь верхнего эшелона властной элиты [3]. События в Тунисе и Египте можно определить, как социальный протест, направленный против коррумпированных авторитарных режимов. В этом протесте исламистская составляющая являлась лишь частью общего движения, но, в конце концов, сумела занять лидирующую политическую позицию. В то же время структура власти в этих странах на настоящий момент не претерпела серьезных изменений, так же как не произошло существенного реформирования социально-экономической сферы. Такой

итог явно не устраивает ту часть общества, которая активно участвовала в свержении прежних режимов, но не получила ощутимых дивидендов [3].

На наш взгляд, следует заметить, что в ходе революционных событий серьезно пострадал туристический имидж Египта. До событий 2011 г. эта арабская страна получала значительные доходы от иностранных туристов. Еще в 2005 г. каирская газета «Эль-Ахрам Эль-Иктисади», сообщала, что индустрия туризма Египта предлагала 52 вида услуг для иностранных гостей. В сфере туристического бизнеса этой арабской страны было задействовано около 2 млн. египтян [9]. В 2005 г. Египет посетили более 8 млн. иностранных туристов. После «арабской весны» интерес к Египту у туристов заметно снизился, что негативно отразилось на экономике страны. Вновь возросла безработица, обострились социальные проблемы. Здесь, по нашему мнению, очень уместна цитата писателя Виктора Гюго о том, что «нищета ведет к революции, революция – к нищете».

В Сирии последствия «арабской весны» вылились в полномасштабную гражданскую войну, которая длится уже шесть лет. Здесь, в отличие от Туниса и Египта, не было острого социально-экономического и политического кризиса. Главным фактором противостояния в этой стране, по мнению специалистов, является поддержка извне действий вооруженных оппозиционных группировок [7]. 21 марта 2012 г. члены СБ ООН единодушно приняли Заявление, выработанное Россией и ЛАГ, главные пункты которого призывают к прекращению насилия с обеих сторон, выводу сирийской армии из населенных пунктов, продолжению посреднической миссии Кофи Аннана и началу политического диалога между властями и оппозицией. 26 февраля 2012 г. в Сирии прошел референдум по проекту новой конституции, за одобрение которой высказались 89,4% проголосовавших. В ней упразднен пункт о руководящей роли партии ПАСВ и присутствуют все элементы демократического государственно-политического устройства. На основе новой Конституции на май 2012 г. были намечены парламентские выборы, в которых могли принять участие все зарегистрированные политические партии, в том числе зарубежная оппозиция. В Сирии, в отличие от Туниса и Ливии, существует массовая поддержка руководства страны со стороны большей части населения. Несмотря на все трудности, связанные с борьбой с вооруженными антиправительственными группировками, в стране налаживается процесс восстановления демократизации, в котором участвуют основные политические силы общества.

В Йемене антиправительственные протестные выступления начались в феврале 2011 г. Их причинами в основном явились внутренние факторы: 1) обострение социально-экономических проблем; 2) подавление демократических свобод; и многолетнее, по аналогии с Египтом, авторитарное правление президента Али Абдаллы Салеха. Немаловажную роль в возникновении протестного движения играли также межконфессиональные, региональные и межклановые противоречия, приведшие к вооруженным столкновениям между правительственными войсками и повстанцами Конфедерации племен Хашид во главе с шейхом Хусейном Аль-Ахмаром, видным политическим деятелем и членом парламента.

Повстанцы требовали отставки президента и демократизации режима. В ходе столкновений президент Али Абдалла Салех был серьезно ранен и проходил курс лечения в Саудовской Аравии. После его возвращения столкновения возобновились с новой силой и продолжались до начала 2012 г. [3]. В феврале 2012 г. в Йемене состоялись досрочные президентские выборы, на которых был избран единственный кандидат – занимавший ранее пост вице-президента Абдо Раббо Махмуд Хади.

Новое правительство, как и прежнее руководство Йемена, фактически не контролирует значительную часть территории страны. В наследство от Салеха ему достались очень сложные проблемы. В первую очередь, это действия шиитских повстанцев – Хуситов, которые составляют почти 40% населения Йемена. Еще в 2004 г. они подняли мятеж в северо-западной провинции Саада и начали вооруженную борьбу с йеменскими властями. Хуситы выступают за воссоздание на севере Йемена зейдитского имамата, который существовал здесь почти тысячу лет, с 969 г. до революции 1962 г., свергнувшей режим имама Яхьи. Хуситы заявляют, что они защищают свою религию – зейдизм от экспансии суннизма, поддерживавшегося йеменской властной элитой, которая, по их мнению, действовала в интересах Саудовской Аравии и США. Хуситы позиционируют себя как борцов с коррумпированным режимом и социальной несправедливостью. Йеменские власти, так же, как и Саудовская Аравия, считали хуситов террористической группировкой, поддерживаемой Ираном. Однако, это заявление опровергалось как самими хуситами, так и Ираном. С 2009 г. авиация Саудовской Аравии регулярно наносит удары по базам хуситов на севере Йемена и на приграничной саудовской территории, куда проникают их отряды.

Еще одна серьезная проблема – это сепаратистское движение на юге, обусловленное существованием в течение достаточно длительного периода на территории страны двух государств – Северного и Южного Йемена. Если первый всегда был оплотом исламской религии, то второй, с момента завоевания независимости и провозглашения Народно-демократической республики Южный Йемен (НДРЮЙ) в 1970 г. до объединения Йемена в 1990 г., придерживался социалистической ориентации. В Южном Йемене, по сравнению с Северным, общество более структурировано. Здесь выше образовательный уровень населения, существуют светские общественно-политические организации, в том числе Йеменская социалистическая партия. Однако после объединения страны руководство Али Абдаллы Салеха проводило политику ущемления прав южан и доминирования представителей Северного Йемена как в бизнесе, так и в политической и военной сферах. Многие офицеры-южане были уволены из армии и правоохранительных органов и получили мизерную пенсию. Это вызывало недовольство и привело к формированию достаточно сильного сепаратистского движения, которое жестко подавлялось властями.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что события «арабской весны» привели к негативным последствиям в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Здесь можно наблюдать серьезный кризис этатизма и разрушения системы государственного аппарата, рост терроризма и трайбализма. Фактически, такие страны как Ливия, Йемен распались на несколько враждующих между собой частей, которые опираются на иностранную помощь. Следует подчеркнуть тот факт, что последствия революционных событий имели различный характер, хотя начало их было инициировано по схожему сценарию. Также следует отметить устойчивость монархических государств Северной Африки и Ближнего Востока к революционным потрясениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма» // Азия и Африка сегодня. – 2015. – №11. – С. 2–11.
2. Васильев А. М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №3. – С. 2–18.

3. Долгов Б. В. «Арабская весна»: итоги и перспективы [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm (дата последнего обращения – 03.11.2017).
4. Иващенко А. С. Причины и последствия социальных потрясений в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки (конец первого – начало второго десятилетия XXI в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – Вып. 3. – С. 38–46.
5. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года: структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №7. – С. 15–21.
6. Ланда Р. Г. Арабский мир: конец «эпохи Насера» // Восток. – 2012. – №6. – С. 51–61.
7. Саватеев А. Д. «Арабская весна»: симбиоз глобализации и исламских традиций // Азия и Африка сегодня. – 2012. – №2. – С. 7–10.
8. Светлова Ксения. Тунис единственный, кто выиграл от «арабской весны» [Электронный источник]. – Режим доступа: http://inosmi.ru/reg_mideast/20160813/237541307.html (дата последнего обращения – 03.11.2017).
9. С надеждой на будущее // Эль-Ахрам Эль-Иктисади. – 2005. – 17 апреля.
10. Подцероб А. Б. События в Тунисе: причины и последствия [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/07-02-11b.htm> (дата последнего обращения – 03.11.2017).

Поступила в редакцию 21. 12. 2017 г.

"SOWING THE WIND, REAP THE STORM": THE CONSEQUENCES OF THE "ARAB SPRING" FOR THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA

V. V. Razumnyi

The article is devoted to the consequences of the «Arab Spring» in the countries of the Middle East and North Africa. For several decades this region has remained a permanent «hot spot» of the planet. The author draws attention to the negative consequences of the «Arab Spring» for the states of this region. The article analyzes the consequences of revolutionary changes in the Arab countries, as well as the assessment of these events in the scientific works of Russian orientalists.

Key words: Middle East, North Africa, protest movement, «Arab Spring», global community.

Разумный Виталий Витальевич
Кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Razumnyi Vitalii Vilatyevich
Candidate of History, Associate Professor,
Donetsk National University
e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

УДК 94:332.021(72)

**ВЛИЯНИЕ МЕКСИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1910-1917 гг.
НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЕКСИКИ
В 20-30 гг. XX в.**

© 2017. А. В. Бредихин

Статья посвящена анализу политического и экономического развития Мексики в 20-30-е гг. XX в. Рассматриваются преобразования связанные с Мексиканской революцией 1910-1917 гг. В статье автор охарактеризовал противоречивый характер реформ и их последствий. В частности, было акцентировано внимание на создание партийно-государственной системы, при активном участии Институционно-революционной партии, аграрной реформе и ограничении влияния иностранных компаний.

Ключевые слова: революция, Мексика, институционно-революционная партия, преобразование.

Революция 1910-1917 гг. привела к ликвидации диктатуры П. Диаса. В 1886 г. благодаря поддержке иностранного капитала, крупных землевладельцев П. Диас совершил военный переворот. Данное событие отражало устойчивую тенденцию к формированию в Мексике олигархической группы тесно связанной с иностранным капиталом. Господство олигархов гарантировала диктатура П. Диаса. Для Латинской Америки было характерно правление подобных диктатур. Например, в Венесуэле была установлена диктатура Х. В. Галиса (1909-1935 гг.), она носила надклассовый, надпартийный характер.

Данные диктатуры оставили заметный отпечаток на истории Латинской Америки. Следует подчеркнуть то, что их свержение приводило к не менее серьезным последствиям для политической и экономической жизни государств региона, в частности Мексики. По нашему мнению, именно этим обусловлена актуальность темы.

Цель статьи проанализировать влияние Мексиканской революции 1910-1917 гг. на политическое и экономическое развитие Мексики.

В соответствии с поставленной целью предусматривается решение следующих научных задач:

- рассмотреть изменения в политической среде;
- проанализировать подходы правительственных кругов Мексики к преобразованиям в экономической, в частности аграрной сферах.

История кардинальных изменений в постреволюционной Мексике посвящена фундаментальная монография российских ученых «История Латинской Америки. 1918-1945» [1]. Авторы отмечают, что именно в Мексике произошли наиболее глубокие преобразования в результате революции 1910-1917 гг.

Наиболее полно процесс формирования и развития политической системы показан в монографии «Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы» [2].

В мексиканской историографии исследователи акцентируют внимание на характере революции и ее хронологических рамках. Значительный вклад в изучение революции и преобразований, которым она положила начало, внес Хесус Сильва Эрсог [3]. Сильва Эрсог акцентирует внимание на том, что, несмотря на достигнутый прогресс жизненно важные для населения Мексики проблемы, не были решены.

Источниковой базой данной работы являются конституция Мексиканских Соединенных Штатов, энциклопедические издания.

Анализируя ситуацию, которая сложилась в Мексике в связи с победой революции, прежде всего, следует отметить то, что Конституция 1917 г. Была скорее политической декларацией, а не основополагающим государственным документом. Мексиканская революция 1910-1917 гг. не решила наиболее важные задачи. В частности, не ликвидировала латифундизм, не ограничила влияние иностранного капитала.

Это порождало ожидание перемен у населения Мексики.

По Конституции 1917 г. Государственный строй Мексики соответствует характеристикам либеральной демократии: конституция провозглашает принцип разделения властей, проведение выборов на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, политический плюрализм, свободу слова, защиту прав личности.

Вместе с тем особенности политической системы позволяют характеризовать ее как авторитарную демократию. По нашему мнению, данная характеристика политической системы объективна, так как в Мексике сформировалась сверхпрезидентская форма правления. Мы считаем, что революция 1910-1917 гг. ликвидировав диктатуру, не обеспечила условий для развития демократии.

Традиции персонализма, культ харизматического каудильо-вождя оказались сильнее революционных потрясений. Мы согласны с мнением известного российского ученого-латиноамериканиста К. А. Хачатурова о том, что сформированная после революции 1910-1917 гг. политическая система Мексики уникальна не только в Латинской Америке, но и за ее пределами. Отсутствие государственных переворотов и обманчивая стабильность обязаны традиции персонализма, жесткой иерархической дисциплине, повсеместной практике касикизма (касик – вождь индейского племени) при том, что безграничная власть «касика» пирамидальна – от президента до главы сельской общины («эхидо») [4].

В связи с этим необходимо акцентировать внимание на характеристике полномочий президента.

Глава государства имеет право формировать кабинет, назначать и смещать государственных служащих высокого ранга. С одобрения Сената, глава государства назначает членов Верховного суда, послов. В сфере экономики президент разрабатывает и контролирует реализацию национального плана развития, предоставляет право на использование природных богатств. Президент имеет крайне широкие полномочия и в законодательной сфере: ему предоставляется право на законодательную инициативу, право вето, возможность утверждать и обнародовать законы и добиваться их исполнения, регламентировать законодательство, касающееся административной деятельности.

Президент фактически контролирует судебную власть, так как он имеет право назначать членов Верховного суда. [5].

Широкие полномочия предоставляются исполнительной власти и в отношениях с субъектами федерации. В компетенцию президента входят и основные направления внешней политики, установление дипломатических отношений и подписание соглашений и договоров (при последующей ратификации конгрессом). В распоряжении президента для обороны страны находятся вооруженные силы, национальная гвардия [6].

Приведенные выше полномочия президента Мексики, в соответствии с Конституцией 1917 г., не дают полного представления о власти главы государства. По

нашему мнению, необходимо акцентировать внимание на формировании государственно-партийной системы, благодаря неограниченной власти, правящей до 1997 г. Институционно-революционной партии (ПРИ). Победа мексиканской революции обусловила создание данного блока, и обеспечило практически неограниченную власть президента Мексики. Массовые организации входили в состав Институционно-революционной партии, кадровая политика на национальном и местном уровнях находилась под контролем ПРИ. Исполнительная власть и палаты конгресса превратились в, своего рода, продолжение Институционно-революционной партии.

Показательно то, что кандидаты в президенты от Институционно-революционной партии побеждали на выборах.

Как известно, 1928 г. в истории Мексики ознаменовался завершением этапа «революционного каудильизма» и началом режима «максимата». Основой данного режима была Институционно-революционная партия. Она была объявлена единственной «подлинно национальной партией» созданной «пролетарским большинством нации» опирающейся на рабочих и крестьян, добывающей решительного улучшения положения масс и призванной избирательным бюллетенем обеспечивать устойчивость «революционных правительств» [7].

Данное событие послужило, своего рода, отправной точкой в преобразовании партии в средство воздействия и контроля различных социальных групп. Мы считаем, что достижению вышеперечисленных целей, содействовала широкая социальная база Институционно-революционной партии, которая включала в себя крестьян, рабочих, предпринимателей. Это отражало разнородный состав участников Мексиканской революции 1910-1917 гг. вошедших в состав партии.

Закономерным результатом формирования широкой социальной базы ПРИ, стала ее реорганизация по корпоративному принципу. В этой связи следует отметить то, что в нее вошли четыре сектора. Во главе каждого из них стояли массовые организации: крестьянской, представленной Национальной крестьянской конфедерацией; рабочей – Конфедерацией трудящихся Мексики, народный – объединяющий индивидуальных членов и государственных служащих, дипломированных специалистов, мелких торговцев, фермеров, входивших в Национальную конфедерацию народных организаций, и военный.

Официальная идеология Институционно-революционной партии основывается на национал-реформизме, принципах верности идеалам мексиканской революции 1910-1917 гг., которая была объявлена перманентной, продолжающейся мирным путем. ПРИ признает наличие классов и их интересов, однако призывает к классовой гармонии и решению возникающих противоречий и социальных конфликтов на основе сотрудничества [8].

Не менее глубокие преобразования в социально-экономической, аграрной сферах.

Институционно-революционная партия выступала за активное вмешательство государства в экономику. Революция 1910-1917 гг. привела к тяжелому экономическому положению. Численность населения страны в 1910-1921 гг. уменьшилась с 15 млн. 160 тыс. до 10 млн. 710 тыс. человек [9]. В 1920 г. объем производства в обрабатывающей промышленности составлял 77% от уровня 1910 г. Стоимость продукции сельского хозяйства упала с 2962 млн. песо в 1911 г. до 2606 млн. песо в 1921 г. [10]

Победа Мексиканской революции 1910-1917 гг. предоставила возможность провести аграрную реформу, ликвидировать латифундии, ограничить влияние иностранных компаний, развивать национальную экономику, решить социальные проблемы.

Правительство Венустиано Каррансы не было заинтересовано в проведении коренных преобразований в экономике и сельском хозяйстве, реализации положений конституции 1917 г. Наиболее ярко об этом свидетельствуют следующие цифры. За период правления (май 1917-май 1920 гг.) крестьянам было передано всего 132,6 тыс. га, трудовое законодательство было принято в 8 из 28 штатов [11].

Необходимо акцентировать внимание на том, что мелкая и средняя буржуазия выступали за ограничение позиций латиноамериканизма и иностранного капитала, добивались от государства защитительных и покровительственных мер по отношению к мелкому предпринимательству [12]. Противники В. Каррансы поддержали генерала Альвара Обрегона в качестве кандидата на пост президента и создали Национальную аграрную партию (НАП), главной задачей которой была пропаганда аграрной программы А. Обрегона [13]. 21 мая 1920 г. В. Карранса был убит. В июне 1920 г. Национальный конгресс избрал временным президентом Мексики А. де ла Уэрту, в сентябре состоялись выборы, на которых победу одержал А. Обрегон. Новый глава государства и его сторонники исходили из необходимости капиталистического развития Мексики, прежде всего, оказывая содействие национальным финансово-промышленным кругам, предпринимателям. При этом усиливая роль государства в экономике страны.

По нашему мнению, социально-экономическая политика А. Обрегона и его окружения в большей степени соответствовала идеям мексиканской революции, чем действия В. Каррансы в данной сфере. В качестве примера целесообразно привести аграрную политику А. Обрегона, характерными чертами которой было более активное распределение земли, создание активного законодательства. Аграрное законодательство правительства А. Обрегона вводило понятие «мелкой собственности» с верхним пределом в 150 га орошаемой или эквивалентов других категорий земли, кроме того, декретом 1923 г. каждому мексиканцу старше 18 лет предоставлялось право покупки за умеренную плату участков государственных земель – от 25 га орошаемых до 200 га богарных [14]. За период президентства А. Обрегона более 158 тыс. крестьянам было передано 971,6 тыс. га, причем почти 500 тыс. га – в 1921 г., в 1921-1922 гг. землю получили примерно 100 тыс. крестьян [15]. Национальная аграрная партия активно поддерживала А. Обрегона в проведении аграрной реформы.

Плутарко Элиас Кальес, избранный президентом Мексики в июле 1924 г. продолжил социально-экономическую политику А. Обрегона. Составляющими данной политики были: поддержка «среднего класса»; поддержка национальной экономики, продолжение аграрной реформы. В период правления президента П. Э. Кальеса 302,4 тыс. эхидатариес получили 3 млн. 88 тыс. га земли [16]. Для П. Э. Кальеса важно было не только наделить как можно больше крестьян землей, но и ускорить развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. В частности П. Э. Кальес выступил за усиление позиций частных владений крестьян, оказание давления на крупных земельных собственников, с целью вовлечь латифундии в формирование аграрной сферы.

Переход от «революционного каудильизма» к режиму «максимата» привело к продолжению аграрной реформы. С 1928 по 1930 г. 156 тыс. эхидатариес получили 1 млн. 173 тыс. га земли [17].

На рубеже 20-х-30-х гг. темпы проведения реформы в аграрной сфере стали снижаться. Это было обусловлено позицией находившихся у власти представителей политической элиты, принявших решение поддержать крупные землевладения. По их мнению, процесс наделения крестьян землей, негативно влиял на экономику Мексики.

Тем не менее, аграрная реформа приняла радикальный характер в период правления президента Л. Карденаса. Именно благодаря Л. Карденасу она приняла действительно народный характер. В частности крестьянам передавались земли, принадлежавшие иностранным компаниям. Именно в результате экспроприации такого рода агропромышленных хлопководческих хозяйств в районе Ла-Лагуна части хенекеновых плантаций Юкатана и кофейных Чиапаса, а также крупных имений Ламбардиа и Нуэва Италия в Мигоакане, сахаропроизводящего комплекса Лос-Могис в Синалоа возник сектор коллективных эхидос – производственных кооперативов [18].

Правительству Л. Карденаса не удалось завершить аграрную реформу из-за сопротивления землевладельцев. В руках аседадос оставалось примерно 80 млн. га сельскохозяйственных угодий (60% их общей площади) по сравнению с 49 млн. эхидос, кооперативах и у крестьян-собственников [19].

Ситуация, связанная с проведением аграрной реформы, характеризует не только противоречивый характер политики правительств в послереволюционной Мексике, но и акцентирует внимание на особенностях политического, социально-экономического развития Латинской Америки первой половине XX в.

В связи с тем, что характер мексиканской экономики во многом определял нефтедобывающий сектор, правительство, пришедшее к власти в результате победы Мексиканской революции 1910-1917 гг. уделяли ему особое внимание. Восстановление экономики происходило трудно, в связи с тем, что крупная финансово-промышленная буржуазия настороженно или агрессивно относилась к правительствам. Иностранные компании были нацелены на ведение «экономической войны» против Мексики. В качестве примера, целесообразно привести действия иностранных нефтедобывающих компаний. Под предлогом «конфискационности» положений ст. 27 они постоянно сокращали добычу нефти, от продажи которой Мексика получала значительную часть бюджетных поступлений в виде налогов. В 1921 г. было добыто 30,75 тыс. м³ [20]. В связи с этим сокращались поступления в бюджет Мексики.

Правящей политической элите Мексики не всегда удавалось выдерживать натиск иностранных компаний. В январе 1928 г. правительство П. Кальеса приняло нефтяной закон, признававший права иностранцев на концессии, полученные до вступления в силу Конституции 1917 г. По нашему мнению, этот шаг был сделан не только под натиском нефтяных компаний, но и был обусловлен стремлением правящей элиты пойти на сделку с представителями иностранных компаний. П. Кальес и его окружение исходили из того, что это укрепит их власть. Тем не менее, целесообразно подчеркнуть то, что революция 1910-1917 гг. в Мексике привела к созданию государственного сектора в экономике и соответственно усилению роли государства в данной сфере. Мы считаем, что одним из наиболее ярких примеров является национализация в 1938 г. нефтедобывающей промышленности и создание государственной компании «Петролеос мекханос». Мы считаем, что это укрепило экономическую независимость Мексики.

Таким образом, можно сделать следующий вывод.

Одним из наиболее значимых событий новейшей истории Латинской Америки была Мексиканская революция 1910-1917 гг. В результате революции произошли кардинальные политические и экономические изменения.

Заметный отпечаток на политическую ситуацию в Мексике оказала принятая в 1917 г. Конституция и созданная в 1929 г. Институционно-революционная партия, которая превратилась в основу политической системы. В результате в Мексике сформировалась сверхпрезидентская форма правления.

Экономическая политика основывалась на вмешательстве государства в экономику и развитие государственного сектора. Основное внимание правительства уделяли проведению аграрной реформы и ограничению влияния иностранных компаний, прежде всего в сфере нефтедобычи. Действия правящей элиты в аграрном вопросе носили противоречивый характер. Наступление на крупных земельных собственников сменялось отходом на прежние позиции, в результате аграрная реформа осталась незавершенной.

В вопросе ограничения влияния иностранных компаний удалось добиться больших результатов, в частности была национализирована нефтедобывающая промышленность.

Противоречивый характер политических и экономических преобразований был обусловлен, прежде всего, попыткой ряда представителей политической элиты занять менее радикальные позиции, в определенной степени отойти от завоеваний Мексиканской революции 1910-1917 гг. По нашему мнению, это не перечеркивает значимость данного события не только для Мексики, но и для Латинской Америки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Латинской Америки. 1918-1945. – М.: Наука, 1999. – С. 15-55
2. Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы. /Отв. ред. З. В. Ивановский. – М.: Наука, 2000. – С. 199-221
3. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. – М.: изд-во Московского Университета, 1968. – С. 561.
4. Хачатуров К. А. Латиноамериканские уроки для России. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 67.
5. Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы /Отв. ред. З. В. Ивановский. – М.: Наука, 2000. – С. 203.
6. Там же. – С. 203.
7. Historia documental del Partido de la Revolucion Mexico, 1981. P. 56-58.
8. Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы. /Отв. ред. З. В. Ивановский. – М.: Наука, 2000. – С. 211.
9. Wilke G. W. The Mexico Revolution, Berkley; Los Angeles, 1967. – P. 120.
10. Mexico: Un pueblo en la historia. Mexico, 1988. – P. 240-241.
11. Gilly A. La revolucion desvirtuada. Mexico, 1976. – P. 343.
12. Resena y memorias del Primer Congreso Nacional de Industriales. Mexico, 1918. – P. 19.
13. Dias z Soto y Gama La cuestion agrarian en Mexico, Mexico, 1959. – P. 62-64.
14. Ковалев Е. В. Латинская Америка: аграрные реформы и экономическое развитие. М., 1982. – С. 78-80.
15. Cien anos de lucha de clases en la historia de Mexico. Mexico, 1980. Vol. 11. – P. 20.
16. Gonzales Casanova P. La democracia en Mexico, Mexico, 1975. – P. 35.
17. История Латинской Америки. 1918-1945. – М.: Наука, 1999. – С. 37.
18. Строганов А. И. Новейшая история Латинской Америки. – М., 1995. – С. 63-64.
19. Очерки новой и новейшей истории Мексики. – М., Наука, 1960. – С. 329.
- 20.

Поступила в редакцию 24. 12. 2017 г.

THE INFLUENCE OF MEXICAN REVOLUTION OF 1910-1917 ON THE POLITICAL AND ECONOMICAL DEVELOPMENT OF MEXICO IN 1920-1930s

A. V. Bredikhin

The article is devoted to analysis of the political and economic development of Mexico in the 20-30's of the past century. Considered the transformations associated with the Mexican revolution of 1910- 1917. In the article the author described the contradictory nature of the reforms and their consequences. In particular, there was emphasis on the creation of party-state systems with the active participation of the Institutional revolutionary party, agrarian reform and limit the influence of foreign companies.

Key words: revolution, Mexico, institutional revolutionary party, conversion.

Бредихин Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всемирной истории,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: kafedravsemirnois.donu@yandex.ua

Bredikhin Andrey Vladimirovich

Doctor of History, Professor,
the Head of the Chair of the World History,
SCE HPE “Donetsk National University”
email: kafedravsemirnois.donu@yandex.ua

УДК 94(470)

МОНАРХИСТ В СОБЫТИЯХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ФЕНОМЕН Н. Е. МАРКОВА

© 2017. В. Ю. Даренский

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

В статье рассматриваются основные вехи политической деятельности и мировоззрение одного из наиболее известных противников революции 1917 года монархиста Н. Е. Маркова. Понимание мотивов антиреволюционной деятельности и мировоззрения ее лидеров в настоящее время весьма важно для избежания одномерного видения этого трагического события. Аргументы и идеи противников революции позволяют лучше понять тот социальный, идейный и политический уклад России, который был ею разрушен.

Ключевые слова: Н. Е. Марков, революция, контрреволюция, монархизм.

В нынешних дискуссиях о событиях 1917 года часто звучит тезис о том, что русская монархия пала потому, что ее якобы почти никто не поддерживал и не хотел защищать. Однако монархические политические организации до 1917 были самыми многочисленными – до 3 миллионов человек [9, с. 133], что в разы больше, чем все остальные политические партии вместе взятые. Правда, это число обычно занижают во много раз, поскольку основную массу составляли коллективные членства общин, а не индивидуальные члены (т. е. одна подпись в документах на несколько десятков, а то и сотен человек). Так, известный политический деятель В. В. Шульгин в своих мемуарах рассказывает о том, как в 1909 году на встрече с Николаем II делегация от Волынской губернии во главе с архиепископом Антонием (Храповицким) и архимандритом Почаевской лавры Виталием (Максименко) преподнесла Царю книги со списками членов «Союза Русского народа», в которые записались *более миллиона* человек, то есть, по сути, почти всё взрослое мужское население Волыни. Это подтверждают и современные исследователи [9, с. 133]. Сам В. В. Шульгин, также входивший в состав делегации, свидетельствовал, что запись в эту организацию имела характер массового народно-православного религиозного движения протеста против революционных событий 1905 года, и добавлял: «Миллион волынцев сказали в тот день царю, что они не “украинцы”, а русские, ибо зачислились в Союз русского народа» [10, с. 245].

Почему же все эти люди не защитили монархию в 1917 г.? Ответ состоит в том, что революционные события двойственны – они не только вызывают к действию определенные социальные группы населения, но и одновременно блокируют активность других групп. В этом смысле, как уже было показано многими исследователями на конкретных фактах, *Революция – это особая технология захвата власти, при которой основная масса населения либо одурманивается пропагандой, либо просто изолируется от политических процессов.* Отношение к монархии у основной массы населения Российской Империи до 1917 года имело религиозный характер, и поэтому свержение царя у подавляющего большинства граждан вызвало шок и ступор. Особо эффективным средством деморализации и населения, и сторонников монархии в армии и госаппарате стало известие об «отречении» царя, распространенное в СМИ. Оно и парализовало их действия, дав «карт бланш» и легализовав на любые действия революционеров, хотя они и составляли самую мизерную долю от общего количества населения страны.

Хотя и косвенным, но неопровержимым подтверждением монархического сознания подавляющего большинства народа стал так называемый «культ личности» Сталина – т. е. фактическое восстановление «народной монархии» (И. Солоневич) как нормальной формы российской государственности, пусть и в самой варварской ее форме – богоборческой и репрессивной. Как это ни парадоксально, но большевики победили именно потому, что фактически восстанавливали монархию в виде своей одной партии и ее вождя, а «Белое движение» проиграло именно потому, что его западные покровители запретили монархические лозунги. Ведь за совершенно непонятное им «Учредительное собрание» народные массы воевать не будут, а за «грабь награбленное» всегда и в любой стране можно найти достаточное число желающих.

Уже в июле 1917 г. бывший депутат Государственной Думы Н. Е. Марков, едва выпущенный из тюрьмы Временным правительством, создал в Петрограде подпольную организацию «Великая единая Россия», которая ставила перед собой цель спасти Царскую Семью (в эту организацию также входили видные правые деятели Г. Г. Замысловский, Н. Д. Тальберг, некоторые правые депутаты Государственной Думы, гвардейские офицеры). Но спасти царственных страстотерпцев не удалось, как позднее говорил Н. Е. Марков, из-за недостатка денежных средств и развала транспортного сообщения.

В последние годы политическая деятельность и мировоззрение Н. Е. Марков стали предметом исследований уже не только в рамках исторической публицистики, но и на страницах научных изданий [2; 3; 8; 9]. Уже со времен распада СССР историкам стало понятным, что «черно-белое» видение революции и участвовавших в ней сил приводит к необратимым искажениям, не позволяя понять это трагическое событие во всей его целостности и многомерности. Однако это понимание не всегда реализуется на практике – в частности, до сих пор сохраняется явное предубеждение по отношению к радикальным противникам революции – монархистам. И из всех радикальных антиреволюционеров именно Н. Е. Марков был едва ли не самой яркой, цельной и последовательной личностью, в чем нетрудно убедиться, обратившись к объективным данным.

Николай Евгеньевич Марков был выходцем из широко известной в России второй половины XIX века литературной семьи – его отец и дядя были известными историческими романистами, которых весьма ценил сам Ф. М. Достоевский. Эта семья никогда не жила в суетных столицах, предпочитая оставаться в своем маленьком имении Александровка Щигровского уезда Курской губернии, занимаясь хозяйством вместе с крестьянами. Н. Е. Марков, родившийся в 1866 году, стал железнодорожным инженером, одновременно занимаясь земледелием на своих 250 десятинах земли. Это был характерный представитель мелкопоместного дворянства, по своему духовному складу практически не отличающийся от окружающих его крестьян: привыкший работать с утра до вечера, глубоко верующий, не знакомый с алкоголем и табаком, кристально честный человек, готовый отдать последнюю рубаху. Еще в 1904 году, в самом начале революционной смуты, Н. Е. Марков стал именно тем человеком, благодаря которому она на смогла проникнуть в Курск. Когда Губернская земская управа (подобие нынешнего «облсовета»), в основном кадетская или ещё более «левая» по своему составу, превратилась в революционный митинг с призывами к свержению царской власти, туда явился Н. Е. Марков с группой патриотически настроенных земцев и громогласно провозгласил «Ура!» Самодержцу Всероссийскому. В других городах такие попытки остановить смуту уже часто заканчивались смертельным исходом для тех, кто их делал. Но в Курске граждане и авторитет самого Н. Е. Маркова были столь сильны, что в революционном собрании произошло замешательство. Многие поддержали патриотический клич, а затем революционеры были изгнаны из собрания. После этого земские патриоты во главе с Н. Е. Марковым организовали

«Партию народного порядка» численностью более 500 человек, представлявшую собой народную милицию, благодаря которой Курск стал одним из тех немногих крупных городов, где не произошло никаких беспорядков и беззаконий в течение всей «революции» 1905-1907 годов. По инициативе Н. Е. Маркова из числа членов курского Дворянского собрания были с позором исключены все, кто сочувствовал Революции [2].

Первоначально сопротивление населения действиям революционеров носило пассивный характер, выражаясь в основном в крестных ходах и молебнах о прекращении смуты и «междуусобных браней». Однако они очень скоро стали прямо нападать на крестные ходы, обстреливая их из револьверов и даже иногда метая гранаты в толпу молящихся, среди которых были и дети! Такого рода изуверства произошли более чем в ста городах России, имелись тысячи убитых и раненых. Обычно в таких случаях все мужчины – участники крестного хода бросались ловить и разоружать бандитов, и не имея огнестрельного оружия, только за счет отваги и новых жертв могли это сделать. Но тех, кого удавалось поймать, обычно по заслугам казнили прямо на месте.

В южных и западных губерниях, как правило, большинство в революционных организациях составляла еврейская молодежь, которая после разбоев бежала в свои кварталы и тем самым «подставляла» их под гнев коренного населения. Поэтому вслед за революционными выступлениями здесь обычно в качестве ответных действий следовал погром еврейского населения, в основной своей массе к этим разбоям несколько не причастного. Однако тот факт, что погромы чаще всего бывали ответом на революционный террор и бандитизм был ловко использован для создания лживого мифа о том, что погромы – якобы дело рук патриотических организаций и народных дружин, боровшихся с Революцией. Вся лживость этого мифа вполне очевидна в свете целого ряда фактов. Во-первых, указанные организации возникают только с ноября 1905 года – уже *после* того, как погромы практически закончились. Во-вторых, они и закончились именно благодаря восстановлению порядка стихийно возникшими народными дружинами и разгону ими революционных дружин. Очень показателен тот факт, что если революционеров в эти годы погибло около двух тысяч, евреев – менее 1 тысячи, то простых русских людей – более 17 тысяч! Так кто же кого «громил»? Ответ очевиден: громили саму Россию и тех её граждан, кто сопротивлялся действиям революционеров. (Этот вопрос на основе мемуарных свидетельств и соответствующей статистики хорошо обобщен в исследовании В. В. Кожина о «черносотенцах» [5, с. 8-139]).

В Курске, который был вне «черты оседлости», и где вообще не было евреев, Н. Е. Марков создал первую патриотическую организацию и дружину – очевидно, отнюдь не для погромов. «Громить» там было просто некого. А самое массовое и кровавое столкновение «черных сотен» с революционными организациями, закончившееся полным разгромом последних, произошло в Томске – за тысячи километров от «черты оседлости», где евреев никто и не видел. Поэтому те, кто называет патриотические организации «погромными» – либо сознательно лгут, либо демонстрирует свое невежество. Русские патриоты боролись не против какого-то социального класса или тем более отдельной народности, а именно против Революции, поскольку по их представлениям, она направлена не против мифического «деспотизма», а против Православной Руси, и ведут её не «борцы за свободу», а темные «сатанинские силы».

Именно об этом говорил депутат Н. Е. Марков с трибуны Третьей Думы, собравшейся в 1907 году. Говорил, чтобы не дать подготовить новую, еще более кровавую Смуту. Говорил почти в полном одиночестве, под свист и ругательства «левых», и под надменные ухмылки «либералов». И те, и другие очень скоро расплатились за свою политическую наивность и самодовольство жизнью или, в

лучшем случае, бежали в эмиграцию. Расплатилось и само государство, которое в лице П. Столыпина приложило усилия к уничтожению своего настоящего спасителя – «Союза русского народа», всероссийской патриотической партии, объединившей с ноября 1905 года все региональные организации, боровшиеся с опасностью новой революции. Н. Е. Марков свидетельствовал: «Зная совокупность политики Столыпина, как к нам относились на местах, как наших членов “Союза” преследовали и выгоняли со службы, можно убедиться в том, что... в сущности нас уничтожали» [Цит. по: 8, с. 13]. Тем самым, монархические организации нельзя считать «правительственными» – государство, скорее, рассматривало их как «незванных» помощников.

Н. Е. Марков упоминался в трудах В. Ленина свыше 40 раз, естественно, в негативном контексте. Очень известный в то время политический публицист и религиозный писатель Михаил Меньшиков назвал Н. Е. Маркова «лучшим оратором» Думы. Курский губернатор Николай Муратов дал «курскому зубру» следующую характеристику: «Это был несомненно умный, даже очень умный человек, с большим характером, твердой волей, убежденный, искренний, упорный в достижении цели, но не добрый, не мягкий, а, напротив, злобный и мстительный. Политически развитый, с достаточной эрудицией, доктринер, как всякий парламентский деятель, но не сухой, а с большой способностью к концепции, хороший оратор, с иронией в речах, всегда умных, тонких, порой очень остроумных и всегда интересных, Марков был политическим бойцом первого сорта, и Дума была его сферой... Если бы в наших четырех думах было побольше деятелей, подобных ему, правое дело не было бы в таком загоне» [1]. Политический оппонент Маркова и противник «черносотенного» движения выдающийся философ Иван Ильин, тем не менее, дал ему следующую характеристику: «Марков человек умный, волевой и патриотичный» [4, с. 606].

Н. Е. Марков никогда не стремился к политической карьере, в отличие от подавляющего большинства остальных членов Думы, пришедших туда не для государственной работы и выражения народных интересов, а для реализации личных амбиций и шкурных интересов – и именно за это его так страстно ненавидели. Ненавидели также и за то, что никто не мог сравниться с ним в красоте и убедительности выступлений – часто даже «левые» кричали ему: «Браво, Марков!» Это было не «ораторское искусство», а живая народная русская речь, на фоне которой с особенной ясностью проявлялось убожество интеллигентского «новояза» с его трескучей и претенциозной, но совершенно плоской и пустой по смыслу фразеологией, идеологическими штампами и двуличием. Ненавидели даже за его внешний вид – Н. Е. Марков, помок военной династии, участвовавшей еще в Куликовской битве, и сам был огромного роста и богатырского телосложения, очень похожий лицом на Петра Великого. Н. Е. Марков был единственным из тогдашних политиков, широко известным в народных массах. Каждый, кто был готов героически защищать Россию от внутренних врагов, в то время именовал себя «марковцем».

В июле 1908 года Н. Е. Марков был избран в Главный совет «Союза русского народа» и начал борьбу с попытками Столыпинских агентов его расколоть и уничтожить. Тем не менее, раскол произошел в 1910 году, когда один из первых основателей Союза А. И. Дубровин (авторитетный детский врач) все-таки вышел из него и со своими сторонниками организовал Союз с тем же названием, но с приставкой «Всероссийский». Дружины по приказу Столыпина были расформированы, а с 1914 года большинство их членов были призваны на фронт. Перед Смутой 1917 Россия оказалась беззащитной.

Едва успев прийти к власти после свержения царской власти, Временное правительство задумало устроить показательное судилище над патриотами со

стандартными обвинениями в «погромах» и т. п. Н. Е. Марков в качестве формально – свидетеля, а по сути – обвиняемого, фактически попал под арест и допросы. Но длившееся несколько месяцев расследование, даже при всей его предвзятости, так и не смогло доказать ни одного случая какой-либо причастности патриотических организаций к еврейским погромам и другим разбойным действиям – во всех случаях были обнаружены лишь факты их самообороны от вооруженных организаций революционеров. На самом же деле все погромы совершались уличными толпами во главе с криминальными элементами, что было естественным результатом революционного хаоса. (Например, до сих пор точно так же в США регулярно происходят погромы магазинов при отключении электричества). Но пришедшие им на смену большевики вообще не стали ничего доказывать, а просто объявили всех патриотов «погромщиками» и распространяли эту ложь более 70 лет. «По инерции» этот миф, к сожалению, дожил и до наших дней.

В годы самой страшной в истории революционной Смуты, начавшейся в 1917 году Н. Е. Марков со свойственным ему героизмом пытался организовать спасение царской семьи из большевистского плена. Причины неудачи этой попытки он описывает так: «Когда мы приступали к этому подвигу, у нас были надежды на проснувшуюся совесть русских богачей и русских верхов. Людей, готовых жертвовать своей жизнью ради спасения Царя и восстановления монархии, было немало. Но все попытки – не только мои, но и всех моих единомышленников – получить на дело необходимые средства потерпели неудачу. Требовались миллионы, а мы с трудом находили десятки тысяч. Постыдное равнодушие, окаменелость и неизжитое недоброжелательство к монархии и к монархистам отталкивали наши обращения за помощью. Мы имели печальное удовольствие видеть, как всего через несколько месяцев после пренебрежительного отказа в помощи на спасение Царя все эти холодные себялюбцы были до нитки ограблены большевиками, сейфы и вклады отобраны и сами они – в большинстве поарестованы, а многие и расстреляны... Но все же до последнего дня мы добивались и делали все, что было в наших силах, для освобождения Государя и Его Семьи» [Цит. по: 8, с. 19].

В годы гражданской войны Н. Е. Марков как офицер по специальным поручениям в армии Н. Н. Юденича прилагал титанические усилия к согласованию действий белых армий, а также пытался убедить их руководство, что добиться победы можно только под монархическими лозунгами, что за «республику» и «Учредительное собрание» народ массово воевать не будет, и пойдет за большевиками, которые обещают «всеобщую справедливость». Как доказывал Н. Е. Марков, если бы белые провозгласили традиционный лозунг «За Веру, Царя и Отечество!», то их победа была бы неизбежной.

В эмиграции сложились два направления деятельности Н. Е. Маркова: организация монархического движения и научное исследование новейшей истории, которую он трактовал как захват антихристианскими «темными силами» лидерства в рамках западной цивилизации, а затем разрушение Православного Царства путем свержения, а затем убийства российского императора как ключевой политической фигуры, удерживающей Россию от полного подчинения геополитическим интересам западной цивилизации.

В 1921 году на съезде русских монархистов в немецком городе Рейхенгалле Н. Е. Маркова избирают председателем Высшего Монархического Совета (неформальным лидером монархического движения он оставался до самой своей смерти в 1945 году). С 1920 г. по 1930 г. Н. Е. Марков издает журналы «Двуглавый орел» и «Еженедельник Высшего Монархического Совета», где ярко проявился его

талант публициста в статьях на исторические, политические, философские и даже богословские темы. Но главным трудом его жизни, который также носил синтетический – исторический, философский, богословский и политический – характер стало двухтомное исследование «Войны темных сил», первый том которого вышел в 1928 году в Париже в издательстве «Долой зло», а второй – там же два года спустя. Н. Е. Марков, владея основными европейскими языками, изучил всю мировую литературу по этой тематике, дополнив её собственными историческими изысканиями, особенно по событиям XX века. В отличие от европейских авторов, Н. Е. Марков не ограничился только историческими описаниями, но создал целостную научную концепцию истории Нового и Новейшего времени, в соответствии с которой одной из важнейших, а затем и решающей силой социальных, политических и мировоззренческих изменений в этот период была неофициальная деятельность определенных политических сил Европы и США, стремившихся к разрушению христианской цивилизации и завоеванию господства над миром.

Впрочем, подробное рассмотрение научного наследия Н. Е. Маркова – предмет для отдельной статьи. Упомянем лишь, что переиздание его основных трудов и публицистики вышло в Москве уже дважды в 2002 и 2011 годах [6; 7] и теперь доступно для беспристрастного изучения. Н. Е. Марков и умер на 80-м году жизни за две недели до окончания Второй мировой войны и был похоронен на Православном кладбище Церкви св. Елизаветы в Висбадене, где указана дата смерти – 22 апреля 1945 года.

Каким бы ни было политическое мировоззрение современного человека и его отношение к революции 1917 года, неискаженное знание о ее противниках и их взглядах в любом случае необходимо. Карикатурные представления о них, к сожалению, очень распространенные до настоящего времени, не позволяют адекватно осмыслить это трагическое событие и его причины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания Н. П. Муратова // ЦГАЛИ ф. 1208, оп. 1, д. 26, л. 262. // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Н.Е.Марков>
2. Иванов А. А., Богоявленский Д. Д. «Курский зубр» Николай Евгеньевич Марков (1866–1945). Сайт «Русская линия» (1 апреля 2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusk.ru/st.php?idar=161481> (дата последнего обращения – 22.12.2017 г.).
3. Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 140-156.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений. Дневник. Письма. Документы. (1903-1938). – М.: Русская книга, 1999. 734 с.
5. Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901-1939). – М.: ЭКСМО, 2002. 448 с.
6. Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил / Сост. и коммент. Д. Стогов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. 704 с.
7. Марков Н. Е. Войны темных сил / Сост. М. Смолина. – М.: Журнал «Москва», 2002. 528 с.
8. Смолин М. Монархический ригоризм имперского зубра // Марков Н. Е. Войны темных сил / Сост. М. Смолина. – М.: Журнал «Москва», 2002. С. 5-22.
9. Степанов С. Черная сотня. – М.: ЭКСМО, 2005. 554 с.
10. Шульгин В. В. Дни. 1920: Записи. – М.: Изд. АПН, 1989. 516 с.

Поступила в редакцию 24. 12. 2017 г.

MONARCHIST IN RUSSIAN REVOLUTION: PHENOMENON OF N. Ye. MARKOV

V. Y. Darenskiy

The article discusses the major milestones of political activity and ideology of one of the most prominent opponents of the 1917 revolution, the monarchist N. Ye. Markov. Understanding the motives of anti-revolutionary activity and ideology of its leaders at the present time it is very important to avoid one-dimensional

vision of this tragic event. The arguments and ideas of the opponents of the revolution allow to better understand the social, ideological and political structure of Russia which was destroyed.

Key words: N. Ye. Markov, revolution, counter-revolution, and monarchism.

Даренский Виталий Юрьевич

Доктор философских наук, доцент,
ГОУ ЛНР «Луганский национальный
аграрный университет»
e-mail: darenskiy1972@mail. ru

Darenskiy Vitaliy Yuryevich

Doctor of Philosophical Sciences,
SCE LPR“Lugansk National Agrarian
University”
e-mail: darenskiy1972@mail. ru

УДК 327.8

ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ КАТАСТРОФЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

© 2017. М. М. Кухтин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена исследованию причин и механизмов катастрофы бронзового века. Делается вывод, что вскрыть их можно только на основании системного подхода, отказавшись от редуционизма и проанализировав широкий круг относящихся к делу факторов. Катастрофа иллюстрирует «издержки глобализации» и критическое влияние экономических и технологических изменений на социально-политические структуры. Из исследуемых событий можно извлечь ценные уроки для современности.

Ключевые слова: катастрофа бронзового века, Древний Египет, «народы моря», раннеклассовое общество.

Актуальность темы обусловлена полезными аналогиями, которые можно провести между системным кризисом, переживаемым человечеством сегодня, и катастрофой бронзового века. Они касаются издержек взаимозависимости, экономической безопасности, ресурсного голода [1, с. 13] и некоторых других важных проблем.

Исследование опирается, в первую очередь, на работы англосаксонских ученых [1; 2; 3]: по историческим причинам британское научное сообщество раньше многих других получило доступ к данным, имеющим критическое значение для понимания исследуемого феномена.

Цель работы – вскрыть причины и механизмы катастрофы с опорой на археологические и текстуальные свидетельства. Задачи – исследовать факторы силы и уязвимости раннеклассовых обществ, технологическое и экономическое измерения катастрофы, ее внутреннюю логику и всемирно-историческое значение. Хронологические рамки работы охватывают время от воцарения Мернептаха до смерти Рамсеса III (датировки несколько разнятся), географические рамки – Восточное Средиземноморье.

На рубеже XIII-XII вв. до н. э. старые социально-экономические и политические институты региона начали стремительно разрушаться. Последствия коллапса хорошо известны – хаос, нестабильность, долгий упадок (в Греции, например, приблизительно в 1200-800 гг. до н. э.). Сложнее установить, почему испытанный веками порядок рухнул на глазах одного поколения. На основании общих соображений можно сформулировать следующие гипотезы, подлежащие проверке конкретно-историческим анализом:

- природные факторы (перемена климата, природные и/или рукотворные катастрофы);

- социальные, в широком смысле слова, факторы: распространение железа, перебои с поставками олова и меди, устаревание устоявшихся производственных отношений, внутренние классовые, этнические и религиозные конфликты, внешние враги.

Возможны различные комбинации из вышеперечисленного.

Нашествия «народов моря» создали пробелы в письменной истории древнего Ближнего Востока [4], поэтому данные, позволяющие судить о причинах и механизмах катастрофы бронзового века, весьма скудны. Согласно наиболее влиятельной трактовке событий, «народы моря» разрушили Хеттское царство, опустошили Сирию и

«положили конец египетским притязаниям на сиро-палестинскую гегемонию» [5], хотя и были дважды разбиты Египтом – при Мернептахе, когда их союзниками были ливийцы [6], и Рамсесе III [5]. Последовавший упадок Нового царства был вызван более глобальными причинами, чем урон от нападений.

Известно, что в XIII-XII вв. до н. э. многие центры цивилизации в Восточном Средиземноморье сильно пострадали от иноземных вторжений (далекая от Египта и Ханаана ахейская Греция также не избежала данной участи). На причинах атак следует остановиться подробнее.

По мнению американского историка К. Куигли, «народы моря» – это часть «захватчиков железного века» – индоевропейцев-скотоводов, которые не могли прокормиться на равнинах севернее Каспийского и Черного морей при относительно сухом и холодном суббореальном климате и двинулись на запад и юг [7, с. 197-198]. Вывод об индоевропейском происхождении «народов моря» представляется спорным хотя бы потому, что некоторые из них не идентифицированы, а идентификация ряда других не может считаться окончательной. На роль климатического фактора ученый указывает правильно, однако он вызвал две волны миграций с интервалом в несколько веков (были еще «захватчики бронзового века»). Климатические причины катастрофы неспецифичны, поскольку они действовали большую часть суббореального периода. Значит, ее объяснение не может опираться только на них. Возможно, «народы моря» были не только, и даже не столько, виновниками, сколько жертвами кризиса [1, с. 25-26]. В конце концов, у них не было единой мотивации, единого плана, у каждой группы были свои причины и цели [1, с. 19].

На проблему проливает свет анализ изменений в военном деле. «... использование железа для изготовления оружия впервые сделало его доступным массам и вызвало ряд масштабных перемещений народов, которые продолжались две тысячи лет и изменили облик Европы и Азии» [8]. На Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе полноценный железный век начался, согласно одной из оценок, как раз около 1200 г. до н. э. [8]. Очевидно, что он не мог наступить одновременно во всем изучаемом регионе. Неравномерность развития и здесь выступила как источник проблем.

Военные причины катастрофы хорошо исследованы американским историком Р. Древисом. В его интерпретации ее главное содержание – это «сожжение богатых дворцов и знаменитых городов» [3, с. 30], разумеется, связанное с организованным насилием. Ученый полагает, что суть коллапса – закат эпохи колесниц, бывших до тех пор вершиной развития военного дела. Мобильная пехота «народов моря», вооруженная длинными мечами и дротиками и действовавшая в рассыпном строю, могла их побеждать. Раньше она тоже использовалась в цивилизованном мире, но только как вспомогательная сила [3, с. 219]. Рамсес III разбил своих врагов, поскольку понял новое значение пехоты и набрал ее в достаточном количестве [3, с. 210]. Соответственно, коллапс бронзового века – это крушение развитых обществ, которые не сумели адаптироваться к переменам в военном деле и оказались практически беззащитными перед нецивилизованными противниками [3, с. 221]. Микенам, Хеттскому царству и многим другим повезло гораздо меньше, чем Египту [3, с. 211]. Ассирия устояла, поскольку обладала многочисленной пехотой, пригодной для наступательных операций [3, с. 224-225].

Наконец, революция в военном деле выразилась в появлении протогоплитов – предтеч позднейшей фаланги. Хорошо экипированные, дисциплинированные копейщики, атакующие и обороняющиеся сомкнутым строем, весьма эффективны против более легкой и менее организованной пехоты [3, с. 225].

Предложенное Р. Древсом объяснение отражает блестящее знание военной истории, однако в свете масштабов изучаемого явления представляется неполным.

Американский ученый Э. Клайн, напротив, последовательно отстаивает многофакторный подход. Вот его список причин катастрофы, часть из которых, впрочем, принимается лишь с оговорками:

- иноземные нашествия (они же во многом и следствие; вина и агрессивность «народов моря» сильно преувеличены);
- кризис или даже крах международной торговли из-за пиратства (перебои с поставками олова и меди и т. п.);
- кризис и падение централизованных политико-экономических систем, подъем частного предпринимательства (маловероятно, это скорее следствие);
- изменения климата, засуха, голод;
- землетрясения;
- внутренние восстания (не доказано, но вероятно);
- системный коллапс, во многом вызванный перечисленными факторами [1, с. 126-149].

Историк отмечает, что изучаемая катастрофа – следствие целого комплекса разнородных причин, ее нельзя объяснить с позиций редукционизма. Свою роль сыграли эффект домино («издержки глобализации», плата за растущую сложность и взаимозависимость на разных уровнях) и умножающий эффект, созданный взаимодействием деструктивных факторов [1, с. 146-148].

Британский исследователь О. Дикинсон, напротив, акцентирует роль восстаний и беспорядков (вероятно, в том числе и на почве голода), внешних и внутренних войн в падении дворцов – центров ахейской цивилизации. Землетрясения, эпидемии и местные засухи, по мнению ученого, были не причинами коллапса, а толькоотягчающими факторами. Он сравнительно невысоко оценивает гипотезу о катастрофической засухе в бассейне Эгейского моря, хотя и отдает должное бесспорным свидетельствам о голоде, поразившем Хеттское царство к концу его существования.

Выводы Э. Клайна и О. Дикинсона о «народах моря» хорошо согласуются. Последний не берется даже судить о временном отношении между их нашествием и катастрофой бронзового века (предшествование, одновременность или следование). При этом он глубоко осознает значение международной торговли и взаимозависимости государств и цивилизаций, что также сближает его концепцию с идеями Э. Клайна [2, с. 54-56]. Впрочем, О. Дикинсон считает, что упадок ахейской Греции был вызван внутренними причинами, а внешние факторы сыграли только роль катализаторов [2, с. 242].

В каждой из приведенных интерпретаций есть рациональное зерно. Их можно синтезировать в рамках единого объяснения, способного претендовать на высокую степень доказательности и полноты. Главные итоги анализа таковы: уязвимость высокоразвитых обществ часто обусловлена нетривиальными, скрытыми от поверхностного взгляда причинами, устранить которые гораздо труднее, чем вызываемые ими симптомы. Достижения цивилизации могут быть неожиданно утрачены за короткий, по историческим меркам, срок, никто не застрахован от этого полностью. Общественный прогресс имеет нелинейный и противоречивый характер, предполагает не только перерывы постепенности, качественные скачки, но и заметные спады, частичные откаты назад. Сегодня особенно важно помнить об этом, поскольку цена политических ошибок за последние три тысячелетия только возросла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cline E. H. 1177 B. C. The year civilization collapsed / E. H. Cline. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2015. – 264 p.
2. Dickinson O. The Aegean from Bronze Age to Iron Age. Continuity and change between the twelfth and eighth centuries B. C. / O. Dickinson. – New York: Routledge, 2006. – 320 p.
3. Drews R. The end of the Bronze Age. Changes in warfare and the catastrophe ca. 1200 B. C. / R. Drews. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – 243 p.
4. Sea People // Encyclopaedia Britannica. – Retrieved from: <https://www.britannica.com/topic/Sea-People>. – Accessed on: 14. 10. 2017.
5. Faulkner R. O. Ramses II / R. O. Faulkner, P. F. Dorman // Encyclopaedia Britannica. – Retrieved from: <https://www.britannica.com/biography/Ramses-II-king-of-Egypt>. – Accessed on: 14. 10. 2017.
6. Merneptah // Encyclopaedia Britannica. – Retrieved from: <https://www.britannica.com/biography/Merneptah>. – Accessed on: 14. 10. 2017.
7. Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – 444 p.
8. Iron Age // Encyclopaedia Britannica. – Retrieved from: <https://www.britannica.com/event/Iron-Age>. – Accessed on: 15. 10. 2017.

Поступила в редакцию 23. 12. 2017 г.

THE CAUSES AND MECHANISMS OF THE BRONZE AGE CATASTROPHE

M. M. Kukhtin

The article is devoted to the study of the causes and mechanisms of the Bronze Age catastrophe. It is concluded that one can reveal them only on the basis of the systems approach, rejecting reductionism and analyzing a wide range of relevant factors. The catastrophe illustrates “the costs of globalization” and the critical influence of economic and technological change on the sociopolitical structures. Valuable lessons for the present time can be drawn from the studied events.

Keywords: catastrophe of the Bronze Age, ancient Egypt, “sea peoples”, early class society.

Кухтин Михаил Михайлович

Кандидат политических наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

Kukhtin Mikhail Mikhailovich

Candidate of Political Sciences,
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

УДК 930.2:621.311.25

ПРИЧИНЫ ТЕХНОГЕННОЙ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС В 1986 ГОДУ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

© 2017. Ю. Н. Красноносков

© 2017. В. В. Толмачева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В данной статье на основе анализа нормативно-правовых источников рассмотрены основные причины аварии на Чернобыльской АЭС. В результате исследования установлено, что нормативно-правовые документы являются наиболее ценным источником для объективной оценки данной техногенной катастрофы, объективно отражая воздействие различных компонентов жизни советского общества

Ключевые слова: ЧАЭС, авария, нормативно-правовые акты, МАГАТЭ.

Более 30 лет прошло с момента аварии на Чернобыльской атомной электростанции, но вопрос об истинных причинах аварии до настоящего времени остается дискуссионным. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего обобщения информации, освещающей опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС). Мобилизационные, административные, научно-технические, социально-медицинские, профилактические и другие мероприятия, проведенные в ходе выполнения беспрецедентных работ в условиях тяжелейшей радиационной обстановки не имели аналогов в мировой практике в данной области. Требуется тщательный ретроспективный анализ фактов, событий, более полный системный подход при исследовании трагедии, начавшейся 26 апреля 1986 года. Существенная значимость событий, произошедших в Чернобыле, а также недостаточная исследованность комплекса источников, определили актуальность данной проблемы и необходимость ее детального изучения.

Целью данной статьи является анализ нормативно-правовых документов, раскрывающих причины аварии на ЧАЭС и обобщение полученных данных. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач: проанализировать историографию по данной проблеме; провести комплексный анализ документов и материалов, освещающих катастрофу.

На протяжении всего периода, с момента катастрофы и по настоящее время, изучением различных аспектов чернобыльской проблемы занимались специалисты многих научных отраслей. Предметом многолетнего изучения был в частности, физико-технический аспект проблемы. Социальное ее измерение стало предметом исследования лишь с начала 1990-х гг., когда был получен доступ к информации об аварии, а также ее составляющих. В течение длительного времени необходимый информационный материал был недоступен для исследователей. В первую очередь это было обусловлено тем, что большинство документов, которые могли дать объективную оценку аварии на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС), содержали гриф «секретно» или «совершенно секретно», в связи с чем, не могли быть обнародованы на протяжении определенного срока. Необходимо также отметить, что доступ к документам, освещавшим трагические события на станции, в советский период ограничивался многочисленными правительственными и служебными инструкциями.

В январе 1994 г., уже после провозглашения государственного суверенитета, был принят Закон Украины «О государственной тайне» [1], который запрещал засекречивание документов, касающихся окружающей среды и экологической обстановки в целом. Появилась реальная возможность сделать документы советских органов государственной безопасности, об аварии на ЧАЭС, открытыми для широкого научного обсуждения.

В рамках борьбы с так называемым «утаиванием правды советской эпохи» уполномоченные государственные органы Украины обнародовала документы, которые совершенно по-новому раскрыли истинные причины аварии на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г.. Эти документы охватывают период с 1971 по 1988 гг. и излагаются в хронологическом порядке. Так как описать содержание всех нормативно-правовых актов не представляется возможным, попробуем дать общую характеристику, разделив документы по тематическому принципу, затрагивающих определенный круг вопросов.

Первая группа документов содержит основные инженерно-технические характеристики проекта строительства Чернобыльской АЭС. Ко второй группе можно отнести нормативно-правовые акты, раскрывающие факты нарушений технологии производства и строительно-монтажных работ при сооружении отдельных энергоблоков станции. Ряд документов содержит информацию о результатах расследования причин внеплановых остановок энергоблоков ЧАЭС и возникновении других технически экстремальных ситуаций на станции в доаварийный и поставарийный периоды. Третью группу составляют документы, непосредственно отражающие ход предварительного расследования причин и обстоятельств взрыва 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. К следующей, четвертой группе относятся документы, характеризующие проблемы и недостатки социально-бытового обеспечения строительного и эксплуатационного персонала Чернобыльской АЭС, Данные источники охватывают разноплановый круг вопросов, таких как: экономические, экологические и медико-биологические последствия аварии; выяснение проблем социально-бытового, материального и медицинского обеспечения участников ликвидации последствий аварии, действия по оказанию оперативной помощи жителей г. Чернобыля и населенных пунктов зоны усиленного радиоэкологического контроля; результаты анализа технического состояния и радиационной безопасности объекта «Укрытие» Чернобыльской АЭС. В данной статье мы проанализируем первые четыре группы документов, непосредственно указывающие на причины аварии. [2]

Следует отметить, что после аварии на Чернобыльской АЭС, для расследования причин аварии была организована Международная консультативная группа по ядерной безопасности (ИНСАГ), которая являлась консультативным подразделением при генеральном директоре Международного агентства по атомной энергетике (МАГАТЭ). Первоначальные выводы комиссий, обобщенные и объединенные в «Итоговом докладе INSAG» (известном как «Доклад ИНСАГ-1»), содержали перечень основных причин аварии, в которых обвинялся исключительно персонал ЧАЭС. [3] После обнародования секретных нормативно-правовых актов и появления новой информации Международная консультативная группа по ядерной безопасности МАГАТЭ пересмотрела свои прежние выводы относительно причин чернобыльской аварии.

Доклад ИНСАГ-7 подготовленный в Вене в 1993 г. дополнил Итоговый доклад Совещания по рассмотрению причин и последствий аварии в Чернобыле, опубликованный в сентябре 1986 г. Новая информация повлияла на взгляды, представленные в ИНСАГ – 1 таким образом, что основное внимание сместилось на

аспекты, связанные с конкретными особенностями конструкции реактора, на факты некачественного строительства и монтажные работы, а также на нарушение технологической дисциплины и правил безопасности [4].

В качестве ключевого доказательства того, что действия персонала, на которого возложили вину за возникновение аварийной ситуации, явились лишь завершающим, второстепенным фактором в цепочке событий, предшествующих катастрофе, приведем выдержки из нормативно-правовых документов, связанных с аварией на ЧАЭС.

Первое, что нужно отметить, это то, что доступ к сведениям относительно аварии на Чернобыльской атомной электростанции был строго ограничен советскими компетентными органами. Этот факт подтверждается тем, что сразу на следующий день после аварии 27. 04. 1986 г. было составлено письмо, целью которого являлось стремление засекретить все данные о выполнении работ по ликвидации последствий на ЧАЭС. Текст письма содержал следующее: «Об усилении режима секретности при выполнении работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. 4 пункт – засекретить все сведения об аварии. 8 пункт – засекретить сведения о результатах лечения. 9 – засекретить сведения о степени радиоактивности поражения персонала, участвующего в ликвидации аварии на ЧАЭС». [5] Исходя из вышеизложенного, мы видим, что оценить объективные причины аварии и масштабы последствий в поставарийный период не представлялось возможным.

В результате анализа первой группы документов, характеризующих основные инженерно-технические характеристики проекта строительства Чернобыльской АЭС, было установлено, что Минэнерго УССР, еще задолго до аварии, не имело опыта эксплуатации атомных электростанций. Сведения об этом дает нам рассекреченная «Справка по Чернобыльской АЭС от 19 сентября 1971 года». [6] Учитывая данный факт, становится очевидным, что отсутствие надлежащего руководства, стало одним из факторов аварии на ЧАЭС.

Вторая группа документов, содержащая информацию о технических и проектных параметрах ввода в эксплуатацию отдельных энергоблоков станции, свидетельствует о том, что причиной аварии на ЧАЭС стало, в первую очередь, систематическое нарушение установленных технологий проведения строительно-монтажных работ. Сведения об этих негативных фактах из истории станции содержатся в следующих документах: «Докладная записка о нарушениях в строительстве Чернобыльской АЭС от 17 января 1979 г.» [7], «О недостатках в проектировании Чернобыльской АЭС от 18 июля 1985 г.» [8], «О нарушении в технологии производства строительных работ при сооружении 5 энергоблока Чернобыльской АЭС от 26 февраля 1986 г.» [9].

На основании анализа нормативно-правовых актов, освещающих результаты расследования причин внеплановых остановок энергоблоков ЧАЭС и возникновения других аварийно-опасных ситуаций на станции, автор к следующим констатациям. Аварийные ситуации на Чернобыльской АЭС случались довольно часто, еще задолго до аварии 26 апреля 1986 г., что находит свое подтверждение в подготовке следующих документов: «Специальное сообщения об аварийной остановке 1 энергоблока Чернобыльской атомной электростанции от 18 февраля 1979 г.» [10], «Об аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС от 18 февраля 1982 г.» [11], «Об остановке на Чернобыльской АЭС октябрь 1984 г. » [12] и т. д. . Меры по ликвидации аварийных ситуаций предпринимались незамедлительно, но полученный опыт не привел к предотвращению подобной ситуации на 4 энергоблоке в апреле 1986 г. Несомненно, что частые нарушения в работе энергоблоков, как сами по себе, так и вследствие отсутствия должного внимания к подобным сбоям со стороны руководства станции и

контролирующих органов также можно рассматривать в качестве предпосылки будущей техногенной катастрофы.

Исследование документов, непосредственно раскрывающих ход предварительного расследования причин и обстоятельств взрыва 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г., предоставляет нам возможность оценить, насколько советское руководство знало и осознавало настоящие причины аварии. Так, в сообщении от 7 мая 1986 г. «О возможных причинах аварии на Чернобыльской АЭС» [13], кроме версии о низкой культуре работников электростанции, так же говорится о том, что причиной аварии могла послужить спешка со сдачей в эксплуатацию 4 энергоблока атомной станции, так как реактор досрочно, в авральном режиме сдавался к дате проведения очередного съезда партии, что в итоге привело к внеплановой остановке реактора для последующей доработки. В связи с чем, в вышеназванных документах были определены следующие причины аварии: недоработка конструкции атомного реактора и системы его защиты; отсутствие надлежащего надзора за деятельностью научного руководителя, Главного конструктора и Генерального проектировщика; недостаточная квалификация разработчиков; недостаточное качество строительно-монтажных работ при возведении новых объектов; недостаточное внимание к анализу ядерных инцидентов и доведению до широкого круга специалистов рекомендаций по их предупреждению. Кроме того, проектные испытания системы реактора не были проведены при вводе 4 энергоблока в эксплуатацию [14].

Таким образом, на основе исследования нормативно-правовых документов и обобщения полученных данных можно сделать следующие выводы. После того как был получен доступ к информации об аварии, а также ее составляющих, по мере накопления и изучения необходимого объема фактического материала, закрытого от исследователей в течение длительного времени, в научной литературе происходит переосмысление предпосылок и характера возникновения Чернобыльской катастрофы с позиций современной историографии. Анализ актовых материалов как исторических источников свидетельствует, что причины аварии на четвертом энергоблоке ЧАЭС носят комплексный характер, накапливались с момента строительства станции, ее эксплуатации, по-своему отражая недостатки и проблемы административного, кадрового, технического, социального, морально-нравственного состояния советского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон України «Про державну таємницю». Верховна Рада України; Закон від 21. 01. 1994 № 3855-ХІІ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3855-12/page>
2. З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ [Электронный ресурс]: науч. журнал. / Голов. редкол. наук. -докум. сер. кн. "Реабілітовані історією", Нац. акад. наук України, Ін-т історії України Нац. акад. наук України, Держ. ком. архівів України, Інститут історії України – К.: 1994 - 2014. - Режим доступа: http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?I21DBN=EJRN&P21DBN=EJRN&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=JUJ_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=I=&S21COLORTERMS=0&S21STR=gpu
3. Дятлов, А Чернобыль как это было [Текст] / А. Дятлов. – М.: Научтехлитиздат, 2003. – С. 148-155
4. Чернобыльская авария: дополнение к INSAG-1: INSAG-7: Доклад международной консультативной группы по ядерной безопасности МАГАТЭ. - Вена, 1993. – С. 1-16
5. Главное управление Минздрава СССР. Об усилении режима секретности при выполнении работ по ликвидации аварии на ЧАЭС. Письмо у-2617 С от 27.06.86. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/secret.jpg>
6. Довідка про основні інженерно-технічні характеристики проекту Чорнобильської АЕС. 19 вересня 1971 р. [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/001.pdf>

7. Доповідна записка КДБ УРСР до ЦК КПУ про систематичні порушення технології провадження будівельно-монтажних робіт на окремих ділянках будівництва Чорнобильської АЕС. 17 січня 1979 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/003.pdf>
8. Спеціальне повідомлення 6-го Управління КДБ УРСР до 5-го відділу 6-го Управління КДБ СРСР про основні недоліки проектування 3-го, 4-го та 5-го енергоблоків Чорнобильської АЕС. 18 липня 1985 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/018.pdf>
9. Спеціальне повідомлення 6-го відділу УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до 3-го відділу 6-го Управління КДБ УРСР про порушення технології провадження будівельних робіт при спорудженні 5-го енергоблока Чорнобильської АЕС. 26 лютого 1986 р [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/020.pdf>
10. Спеціальне повідомлення УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до КДБ УРСР про аварійну зупинку 18 лютого 1979 р. енергоблока № 1 Чорнобильської АЕС. 21 лютого 1979 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/004.pdf>
11. Повідомлення УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до Другого Головного управління КДБ СРСР та 2-го Управління КДБ УРСР про аварійну зупинку 9 вересня 1982 р. енергоблока № 1 Чорнобильської АЕС. 10 вересня 1982 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/009.pdf>
12. Спеціальне повідомлення 6-го відділу УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до 3-го відділу 6-го Управління КДБ УРСР про основні інженерно-технічні недоліки діючих енергоблоків Чорнобильської АЕС. Жовтень 1984 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/017.pdf>
13. Повідомлення 3-го відділу 1-го Управління КДБ УРСР про можливі причини аварії на Чорнобильській АЕС. 7 травня 1986 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/029.pdf>
14. Повідомлення ОГ КДБ УРСР та КДБ СРСР у м. Чорнобилі до КДБ СРСР про радіаційну обстановку та хід розслідування аварії на Чорнобильській АЕС 20 травня 1986 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://pripyat-city.ru/pages/pripyat/docs/kgbussr/036.pdf>

Поступила в редакцію 25. 12. 2017 г.

CAUSES OF TECHNOGENIC DISASTER AT CHERNOBYL NPP IN 1986: ANALYSIS OF NORMATIVE-LEGAL SOURCES

Yu. N. Krasnonosov
V. V. Tolmacheva

This article is devoted to the analysis of regulatory and legal sources, the main causes of the Chernobyl Disaster are considered. As a result of the research it was established that regulatory documents are the most valuable source for an objective assessment of this technogenic catastrophe, objectively reflecting the impact of various components of the life of Soviet Society.

Key words: Chernobyl NPP, accident, normative-legal acts, IAEA

Красноносков Юрий Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедры историографии, источниковедения,
археологии и методики преподавания истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: ur. kr@yandex. ua

Krasnonosov Yuriy Nikolayevich

Candidate of History, Associate Professor, Head of
the Chair of Historiography, Source Study,
Archeology and Methods of Teaching History
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: ur. kr@yandex. ua

Толмачева Вероника Валентиновна,

Студентка магистратуры исторического
факультета
e-mail: nika. mironyuk@mail. ru

Tolmacheva Veronika Valentinovna,

student of the Master Course of Historical faculty
e-mail: nika. mironyuk@mail. ru

УДК 94(477):3.53

РЕФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ ДОНБАССА В 1957–1965 гг.

© 2017. В. И. Шабельников

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена рассмотрению трансформации административного и экономического районирования в Донбассе в 1957–1965 гг. На основе опубликованных и архивных источников, историографического анализа рассматривается государственная политика СССР по реформированию территориальной организации общества, децентрализации управления экономикой, выделены основные этапы административных преобразований, проанализированы их причины и последствия. В статье акцентируется также внимание на вопросах расширения экономической самостоятельности Донецкого региона, реорганизации административных и партийных структур.

Ключевые слова: территориальная организация, управление экономикой, реформирование, регион, экономический район, децентрализация, административно-территориальное устройство, совнархоз.

В последнее время интерес к проблемам территориальной организации и управления экономикой общества неуклонно растет. Это и понятно, поскольку изучение данных проблем позволяет понять не только внутреннее устройство, но и принципы функционирования общества на определенном этапе его развития. Освещение данной темы историками чаще всего концентрируется на анализе административно-территориального устройства государства, так как ярко отражает процессы его трансформации, уровень развития и стабильности. В тоже время значительный интерес представляет изучение системы управления народным хозяйством в административных регионах, на примере которых можно продемонстрировать типичные для общества взаимоотношения между центром и регионами. Отсюда интерес исследователей к проблемам административно-территориального управления экономикой такого крупного региона, как Донбасс, можно считать закономерным.

Проблемы экономического реформирования в СССР и Донбассе рассматриваются в некоторых работах российских историков, среди которых можно выделить монографию А. К. Соколова и В. С. Тяжелникова, статью В. И. Вишнякова [1]. Авторы рассматривают отдельные аспекты экономических реформ, причины их неэффективности.

Среди работ украинских историков следует выделить те, которые посвящены различным вопросам регионалистики, в том числе административно-территориального устройства. Наибольший интерес представляют монографии Я. В. Верменич и С. В. Андросук [2]. Однако в них не становилась задача исследования реформирования системы административно-территориального устройства и управления в регионах в период нашего исследования. Их работы носят преимущественно концептуальный характер.

На протяжении последних лет появились исследования по истории развития Донбасса, как отдельного региона, его взаимосвязи с другими территориями России и Украины, критическому анализу устоявшихся мифов и стереотипов, некоторых вопросов управления экономикой [3]. Однако эти работы носят обобщенный характер и научно-популярную направленность. Они касаются лишь отдельных вопросов

территориального устройства в отрыве от системы территориальной организации власти в государстве.

Ценные материалы и выводы по проблемам территориальной организации и экономических процессов 50–60-х гг. в Донбассе имеются в работах А. А. Саржана [4]. В них содержится всесторонний анализ экономических реформ Н. С. Хрущева. Однако автор не ставил перед собой цель глубокого и всестороннего анализа проблем территориальной организации управления, а потому в них недостает характеристики сущности реформы, причин ее неудач.

Значительную научную ценность представляют сборники документов и материалов по истории административно-территориального деления Донецкой и Луганской областей [5]. Приведенные в них данные дают возможность проследить общую картину изменений в административно-территориальном делении и управлении экономикой Донбасса.

На сегодня нет ни одной диссертации, ни одной монографии или статьи по данной проблеме. Имеющиеся работы по административно-территориальному устройству и отдельным вопросам экономической политики государства не дают целостной картины изменений в управлении экономикой и территориальном устройстве в Донбассе во времена «хрущевской оттепели».

Таким образом, состояние научной разработки данной проблемы показывает необходимость ее исторического исследования, с другой стороны, источниковая база создает условия для успешной реализации поставленных задач.

Целью статьи является исследование изменений в территориальной организации общества и экономическом управлении народным хозяйством Донбасса в период 1957–1965 гг.

Исходя из цели, поставлена задача исследовать в историческом аспекте государственную политику в решении проблем совершенствования территориальной организации и повышения эффективности управления экономикой Донбасса на основе их решения в масштабах СССР и УССР.

Для периода 1957–1965 гг. характерна одна из самых радикальных попыток советского руководства коренным образом изменить систему территориальной организации, планирования и управления экономикой. Это было вызвано стремлением преодолеть господство ведомственных структур (министерств, управлений, служб и др.), препятствовавших эффективной реализации планов социально-экономического развития страны.

Для такой масштабной и глубокой реорганизации нужна была соответствующая правовая база. Указом Президиума Верховного Совета УССР от 30 декабря 1956 г. была отменена утвержденная еще 16 апреля 1924 г. постановлением ВУЦИК и СНК УССР «Инструкция о порядке отнесения населенных пунктов к категории городских или сельских поселений» [6]. Правовая база процесса административно-территориальных изменений пополнилась новыми нормативно-правовыми актами. С этого времени законодательное регулирование практически всех вопросов административно-территориального деления сосредоточивается в компетенции республиканской власти. Законом СССР от 11 февраля 1957 г. фактически ликвидируется сложная система образования, ликвидации и переименования областей с целью децентрализации управления промышленностью и строительством [7].

В 1957 г. первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев приступил к реформированию старой системы территориальной организации, планирования и управления экономикой, замены ее новой, в основе которой должно было лежать объединение централизованного планового руководства с повышением самостоятельности республик и областей. Вместо

старой системы отраслевого (вертикального) управления через союзные министерства вводилась территориальная (горизонтальная) система советов народного хозяйства (совнархозов).

В соответствии с Законом СССР от 10 мая 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» вводилась система административных экономических районов во главе с государственными органами территориального управления и планирования – совнархозами [8]. Было решено вернуться к системе совнархозов, которые существовали в 1920-х гг., но расширить их административные полномочия по управлению экономическими районами.

Следует отметить, что эта реформа в целом отвечала требованиям дня. Только в Донецком регионе промышленные предприятия подчинялись одновременно 18 союзным и 20 союзно-республиканским министерствам, не считая исполкомов советов, отделов обкомов партии, ЦК КПУ, ЦК КПСС. Обилие директивных органов и разного рода решений на местах вносило сумятицу в процесс управления производством. Поэтому в Донбассе, как и во всей стране, уже в 1957 г. начали создаваться региональные советы народного хозяйства, взявшие на себя функции управления промышленными предприятиями и организациями в пределах экономических районов. Украина была разделена на 11 экономических регионов. Предприятия Сталинской и Луганской областей вошли в Сталинский и Луганский совнархозы [9].

Сталинский совнархоз стал самым крупным в Украине и одним из пяти наиболее мощных индустриальных регионов СССР. В ведении совнархоза находилось 1068 промышленных предприятий, на которых было занято более одной трети всех рабочих Украины.

Экономическая самостоятельность давала возможность более полно использовать местные ресурсы, улучшать кооперацию труда, распоряжаться средствами для развития инфраструктуры.

Первые результаты, направленной на перестройку системы управления экономикой и промышленностью по территориальному принципу, были оптимистичными. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции СССР в 1957–1960 гг. составляли 10,7 %, Украинской ССР – 11,1 %, Сталинской области – 8,0 %. Производительность труда в промышленности Сталинской области за эти годы выросла с 104 % до 107 % [10].

Однако вскоре начались проблемы неравенства регионов по экономическому потенциалу, возникших трудностей в налаживании связей между предприятиями одного региона с другими. При сложившейся ситуации возникла потребность в центральных координирующих органах. С этой целью в 1960 г. были созданы республиканские Советы народного хозяйства, в 1962 г. – Совет народного хозяйства СССР, в 1963 г. – Высший Совет народного хозяйства СССР [11].

В ноябре 1962 г. пленум ЦК КПСС принял решение «О развитии экономики СССР и перестройки партийного руководства народным хозяйством» [12], согласно которому был взят курс на дальнейшее структурирование планирования и управления экономикой уже существующих совнархозов. С этой целью создавались более крупные экономические районы. Вновь созданный (укрупненный) Донецкий Совет народного хозяйства объединил Донецкий и Луганский совнархозы. На территории Украины в 1962 г. вместо 14 было создано 7 укрупненных совнархозов [13], среди которых Донецкий совнархоз (Донецкая и Луганская области), Донецкий совнархоз, который возглавил В. И. Дегтярев, стал самым крупным в Украине и одним из 5-и наиболее мощных индустриальных центров СССР.

Переход к территориальному принципу управления экономикой изменил сложившуюся систему управления сверху донизу. Главным звеном становились совнархозы, в которых не предусматривалось партийное представительство. На практике это означало, что хозяйственные органы оказались самостоятельны по отношению к обкомам компартии и областным советам депутатов трудящихся. Таким образом была нарушена сложившаяся за многие десятилетия вертикаль партийного руководства. Поэтому в конце 1962 – начале 1963 года ЦК КПСС провел новую реформу, в результате которой партийные органы были разделены по производственному принципу: промышленные и сельскохозяйственные. Цель реорганизации партийных структур – приблизить парторганы к производству, улучшить руководство народным хозяйством. В 1963 г. первым секретарем Донецкого промышленного обкома компартии Украины стал В. И. Дегтярев, который до этого возглавлял Донецкий совнархоз, а сельский обком компартии Украины возглавил Т. Т. Поплевкин.

30 декабря 1962 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета УССР «Об образовании областных (промышленных) и областных (сельских) Советов депутатов трудящихся Украинской ССР» [14], в котором говорилось о необходимости дальнейшего усовершенствования руководства народным хозяйством, улучшения обслуживания городского и сельского населения.

Несмотря на некоторое оживление хозяйственной деятельности, реформа вскоре проявила принципиальные недостатки. В первую очередь это местничество, когда партийные секретари, региональные органы власти и управления стали уделять внимание собственному региону, использовать ресурсы для собственных целей в ущерб сотрудничеству с другими, в результате страдала экономика в целом. Новая система усложняла внедрение новой техники и технологии, дезорганизовывала промышленное развитие вследствие недостатка местных ресурсов и невозможности их перераспределения из других регионов, не могла обеспечить единую научно-техническую политику в стране.

В целом в СССР, в отличие от положительной динамики в промышленности Донбасса, о чем было сказано выше, стало наблюдаться снижение темпов развития промышленного производства (в 1957–1960 гг. – на 8,9 %, в 1961–1964 гг. – еще на 6,8 %. С 1958 г. вплоть до 1965 г. происходило снижение валовой продукции промышленности СССР с 110,3 % до 108,7 % [15].

Новая экономическая регионализация не изменила основ административно-территориального деления. Области сохранили за собой предыдущий статус. Однако в отношениях на мезоуровне создавался дисбаланс в системе управления экономикой, особенно в сельском хозяйстве. Поэтому ЦК КПСС и Совет Министров СССР еще 22 марта 1962 г. приняли постановление «О перестройке управления сельским хозяйством» [16], согласно которому основным звеном новой системы управления колхозами и совхозами становились межрайонные территориальные производственные колхозно-совхозные управления (КСУ). В областях и в УССР создавались аналогичные комитеты. Ставилась задача коренным образом перестроить руководство сельским хозяйством с тем, чтобы ускорить создание изобилия продуктов питания. В связи с этим единые административные районы были разделены на промышленные и сельскохозяйственные. В последних создавались территориальные производственные колхозно-совхозные управления, организованные по тому же принципу, что и совнархозы. Они были привязаны к колхозам и совхозам. Производственные управления включали от 30 до 60 хозяйств и охватывали 2–4 административных района. В связи с этим в сельских районах были упразднены парткомы, а их функции

переданы партийным организациям КСУ. Это повлекло за собой начало очередного масштабного укрупнения сельских районов. В 1962–1964 гг. их численность стала приводиться в соответствие с сетью территориальных колхозно-совхозных управлений [17]. О масштабах этого переформатирования можно судить по числу ликвидированных сельских районов. Всего в Украине в начале 1963 года перестали существовать 352 района, в Донецкой области из существующих ранее 22 было образовано 9 районов: Амвросиевский, Великоновоселковский, Волновахский, Володарский, Красноармейский, Марьинский, Новоазовский, Славянский [18]. В Луганской области вместо 25-и было создано также 9 укрупненных районов, в результате чего были ликвидированы десятки мелких «неперспективных» хуторов и сел, вводились запреты на развитие пригородных хозяйств и личных участков колхозников, что привело к падению объема сельскохозяйственного производства [19].

Изменения в системе сельских районов непосредственно увязывалось с реформами в народнохозяйственном комплексе. Значительное сокращение количества сельских районов в первой половине 60-х гг. было вызвано стремлением уменьшить государственные расходы на содержание органов управления, а также введения новой структуры управления сельскохозяйственным производством. Опыт существования укрупненных районов доказал неоправданность такого шага.

Механическое объединение небольших районов в крупные привело к их хозяйственной неоднородности, поставило в трудное положение сельских жителей, которые утратили удобную возможность пользоваться услугами больниц, магазинов, учреждений социальной защиты, которые размещались в отдаленном райцентре. Двухлетний опыт существования укрупненных районов доказал нерациональность такого деления и негативно сказался на результатах сельскохозяйственного производства. Так, за годы семилетки (1959–1965 гг.) в колхозах Донецкой области валовый сбор зерновых только дважды (1961 и 1964 гг.) превышал уровень сбора в 1958 г. [20]. Появились первые признаки застоя в сельском хозяйстве СССР и УССР. Валовая продукция сельского хозяйства СССР в 1963 г. по сравнению с 1958 г. составила всего 89 %, а в 1964 г. – 103 % [21].

Из-за постоянных изменений управленческой системы и территориальных реформирований стали наблюдаться негативные тенденции в росте национального дохода страны, падении производительности труда. Если в 1951–1956 гг. темпы роста национального дохода СССР в среднем возрастали на 11,3 % в год, в 1957–1960 гг. – на 8,9 %, то в 1961–1964 гг. – всего на 6,4 %, что было в 1,8 раза меньше, чем в начале 1950-х годов [22].

Все это побуждало многих партийных и советских работников, хозяйственных руководителей, ученых настойчиво поднимать вопрос о необходимости изменений экономической политики, приведение ее в соответствие с огромными возможностями страны.

Широкие перспективы для решения этой задачи, как казалось тогда многим, открывал октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС, на котором был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК Н. С. Хрущев за администрирование, субъективизм и волюнтаризм в планировании и хозяйственном руководстве.

Возросшие трудности в управлении экономикой и социальной сферой вынудили власти довольно быстро вернуться к старой структуре административно-территориального устройства. Уже 16 ноября 1964 г. Пленум ЦК КПСС принял постановление «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов [23]. Было признано необходимым восстановить единые партийные и советские органы на основе территориально-производственного принципа. В соответствии с этим постановлением промышленные и

сельские районы были ликвидированы, значительная часть укрупненных административных районов подлежала разукрупнению, а существовавшие ранее обычные административные районы были восстановлены.

В полном объеме восстанавливалась также вертикаль партийного руководства: ЦК–обком–райком. Следом за перестройкой партийных органов было проведено восстановление прежних советских, комсомольских и профсоюзных органов.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета УССР от 4 января 1965 г. «О внесении изменений в административное районирование Украинской ССР» [24] было начато разукрупнение районов. Вместо 250 сельских и промышленных районов было образовано 394 обычных административных районов. В Донецкой области вместо 9 районов было создано 15 районов.

В целях стабилизации управленческих структур на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1965 г. было принято решение вернуться к отраслевой системе управления промышленностью и приступить к экономическим реформам. В соответствии с законом, принятым Верховным Советом СССР 2 октября 1965 г. «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления» [25], созданные в ходе реформы экономические районы были упразднены, вместе с ними ликвидированы советы народного хозяйства всех уровней и восстановлены 9 союзных и 11 союзно-республиканских министерств. Снова внедрялась отраслевая системы управления экономикой сверху донизу.

Новое руководство страны понимало, что развитие экономики требовало реальных реформ и стабильной территориальной организации страны. В 1965 г. по инициативе Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина была начата очередная экономическая реформа, которая продолжилась до 1971 г.

Задачи экономической политики были сформулированы в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [26]. В соответствии с его положениями усиливалась самостоятельность предприятий, возрастала роль экономических методов хозяйствования в противовес традиционным административным.

Внедрение экономических реформ сказалось на повышении эффективности работы предприятий страны. Не случайно, восьмью пятилетку (1966–1970 гг.) считают лучшей за все послевоенные годы. Определенные позитивные изменения наблюдались и на предприятиях Донецкого региона. В 1970 г. по сравнению с 1965 г. только на металлургических заводах Донбасса валовая продукция выросла на 125,5 %, производительность труда – на 118,8 % [27].

Однако в масштабах СССР, начиная с 70-х годов экономические показатели пошли на убыль. В результате девятая пятилетка (1971–1975 гг.) не была выполнена. Народное хозяйство страны было экономически убыточным и не эффективным.

Почему реформы управления экономикой 50–60-х гг., территориальные реформы 20–30-х гг. прошлого столетия, не дали весомых позитивных результатов? Очевидно, что неудачи были обусловлены прежде всего тем, что реформаторам не хватало научной модели оптимального административно-территориального устройства. Метод проб и ошибок, поспешность приводили к возвращению предшествующих форм административно-территориальной организации общества. Партийный аппарат не мог, да и не хотел отказаться от привычных методов управления экономикой, своей руководящей роли в стране.

После смещения Н. С. Хрущева и ликвидации его реформ в сфере административно-территориального устройства установилось долгое постоянство уже

достигнутого, в котором базовой структурой выступает район. Однако сложившаяся система территориальной организации и соответствующие ей органы управления в Украине и Донбассе базировались, как и ранее, на началах жесткого доминирования центра.

Считаю, что современное внутреннее административно-территориальное устройство любого государства должно строиться на основе децентрализации управления экономикой, что применительно ко многим республикам бывшего СССР, предполагает коренное реформирование существующей модели территориальной организации, которая не может быть эффективной без учета экономических, политических и географических факторов, этнического состава населения, предоставления обществу права на самоуправление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов А. К. Курс советской истории, 1941–1999 / А. К. Соколов, В. С. Тяжелников. – М.: Высшая школа, 2006. – 308 с.; Вишняков В. И. Об опыте перестройки аппарата управления экономикой (На примере работы Донецкого совнархоза) / В. И. Вишняков // Советское государство и право. – 1973. – № 10. – С. 48–54.
2. Верменич Я. В. Територіальна організація в Україні як наукова проблема: регіонально-історичний та політико-адміністративний виміри: монографія / Я. В. Верменич. – К., 2008. – 160 с.; Верменич Я. В. Зміни адміністративно-територіального устрою України ХХ–ХХІ ст. / Я. В. Верменич, О. В. Андрощук. – К.: Інститут історії України НАН України, 2014. – 182 с.
3. Гармаш О. С. Діяльність Донецького раднаргоспу / О. С. Гармаш, Л. О. Кругова // Історія України: маловідомі імена, події, факти. – Вип. 18. Донецьк: Рідний край, 2001. – С. 61–67; Бунтовский С. Ю. История Донбасса: научно-популярное издание / С. Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2015. – 402 с.
4. Саржан А. А. Социально-экономические и политические процессы в Донбассе (1945–1998): Монография / А. А. Саржан. – Донецк: Сталкер, 1998. – 295 с.; Саржан А. О. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х – кінець 80-х рр. ХХ ст. / А. О. Саржан. – Донецьк: Лебедь, 2004. – 412 с.
5. Донецька область: Адміністративно-територіальний поділ на 1 березня 1966 р. / Виконком Донецької обласної Ради депутатів трудящих. – Вид. 2. – Донецьк: Донбас, 1967. – 159 с.; Луганська область: Довідник адміністративно-територіального поділу на станом на 1 жовтня 1965 р. / Виконком Луганської обласної Ради депутатів трудящих. – Донецьк: Донбас, 1966. – 112 с.; История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов. – Донецк, 2001. – 272 с.
6. Ведомости Верховного Совета Украинской ССР, 1956. – 30 декабря. – С. 265–267.
7. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1958 гг.). – М.: Юридическая литература, 1959. – С. 34–35.
8. Ведомости Верховного Совета СССР, 1957. – № 11. – Ст. 275.
9. Беспалов Н. Е. История Украины. Учебное пособие для студентов / Н. Е. Беспалов, В. А. Носков, В. И. Шабельников. – Донецк: Китис, ДонГУ, 1999. – С. 187.
10. Народне господарство Української РСР в 1965 р. Статистичний щорічник. – К., 1966. – 46, 59, 61; Донецкая область за 50 лет. Статистический сборник. – Донецк: Статистика, 1967. – С. 30, 31.
11. Ведомости Верховного Совета СССР, 1960. – № 27. – Ст. 248; Ведомости Верховного Совета СССР, 1962. – № 48; 1963. – № 7.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 10. – С. 288–296.
13. Ведомости Верховного Совета СССР, 1963. – № 7.
14. Государственный архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р. –2794. – Оп. 2. – Д. 911. – Л. 203, 204; Відомості Верховної Ради УРСР. – 1963. – № 2. – Ст. 29.
15. Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. – М.: ЦСУ СССР, 1966. – С. 77, 127.
16. Правда. – 1962. – 24 марта.
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 10. – С. 288–296.
18. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов. – Донецк, 2001. – С. 6.

19. История Луганского края. Учебное пособие / А. С. Ефремов, В. С. Куримов, Н. Ю. Бровченко. – Луганск: Альма-матер, 2003. – С. 9.
20. Донецкая область за 50 лет. Статистический сборник. – Донецк: Статистика, 1967. – С. 66.
21. Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. – М.: Статистика, 1967. – С. 120; Народне господарство Української РСР в 1965 р. Статистичний щорічник. – К., 1966. – С. 185.
22. Шабельников В. И. Советское общество в условиях НТР, нарастания негативных тенденций. Курс лекций. «Политическая история XX в. Темы 5–9. – Донецк: ДонГУ, 1991. – С. 125.
23. Правда. – 1964. – 17 ноября.
24. Ведомости Верховного Совета УССР, 1965. – № 3. – С. 51, 60, 61.
25. Государственный архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р. – 2794. – Оп. 2. – Д. 1196. – Л. 206, 207.
26. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 10. – С. 455–482.
27. Госархив Днепропетровской области. – Ф. Р. – 4243. – Оп. 4. – Д. 2302а. – Л. 100, 101.

Поступила в редакцию 25. 12. 2017 г.

REFORMING OF TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF DONBASS ECONOMY IN 1957–1965

V. I. Shabelnikov

The article is dedicated to viewing of administrative and economical transformations of DonbasS from the point of division into regions in 1957–1965. The state policy on reforming of territorial organization of the society, decentralization of economy's management are viewed on the basis of the published archive sources and historiographic analysis. The main stages of administrative rennovations are analysed, alongside with their causes and consequences, The article stresses upon questions connected with expansion of economic independence of Donetsk region, reorganization of its administrative and party structures.

Key words: territorial organization, management of economy reformation, region, economical region, decentralization, administrative-territorial arrangement, regional economic management board.

Шабельников Виктор Ильич
Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России и
славянских народов,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
e-mail: Shabelnikov36@mail.ru

Shabelnikov Victor Ilych
Doctor of historical sciences, Professor
Professor of the Chair of Russia's History and
History of Slavonic Peoples
Donetsk National University
e-mail: Shabelnikov36@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

UDC 140.8:321.7

ON WHICH GROUNDS CAN THE TOLERATION OF NON-LIBERAL GROUPS BE JUSTIFIED?

©2017. *V. I. Andreeva*
University of Zurich

This essay aims to provide some reasons for toleration of non-liberal groups in liberal society. Considering utilitarian arguments like Mill's argument from the truth and social progress, this article concludes that the majority of open-minded people can contribute to the proliferation of tolerance as one of the main liberal virtues by tolerating practices, beliefs, and thoughts of non-liberal citizens.

Key words: toleration, liberal society, non-liberal groups.

This paper will argue that intolerance towards non-liberal groups in a liberal society could lead to negative social consequences. One of which is the proliferation of the intolerant mindsets by the process of social diffusion¹. Therefore, from the utilitarian point of view, it is assumed that toleration of non-liberal citizens would induce more social advantages than in case of being intolerant to them. Moreover, toleration of non-liberals can be justified by Mill's argument from the truth and social progress that not just true, but also false opinions and practices lead to productive social learning processes [13; 11, p. 14-16]. The last argument of the current essay considers the freedom of conscience and freedom of speech, as main values in pluralistic liberal societies that should be provided even to non-liberal groups [16]. Consequently, the liberal citizens could observe the behavior of the non-liberal ones in order to "diagnose" problems in the society which are the reasons for proliferation of non-liberal attitudes, whereby the causes for those social troubles could be tackled. Let me begin with something like a roadmap for what I would like to cover. This article will first clarify what is considered as „toleration“ and “non-liberal groups” in a liberal society. Then I will look at the „paradox of tolerance“ [15] as a counterargument which supposes that the toleration of non-liberal members of liberal society would destroy toleration as a virtue, whereby I am going to discuss the weaknesses of this argumentation. As a next step I am going to counter-argue to that point delineating three possible arguments for the justification of toleration towards non-liberal groups – the first, regarding some negative social consequences of being intolerant; the second, concerning Mill's argument from the truth and social progress that could be achieved through liberality [13]; and the third one provides justification of toleration of non-liberal groups by freedom of conscience and freedom of speech [16]. At the end of this paper, I am going to discuss the only case in which some practices of non-liberal groups should be regulated by the “self-preservation principle” proposed by Rawls (2009).

¹ Diffusion is a social process through which elements of culture spread from one society or social group to another (cultural diffusion), which means it is, in essence, a process of social change. It is also the process through which innovations are introduced into an organization or social group (diffusion of innovations). Things that are spread through diffusion include ideas, values, concepts, knowledge, practices, behaviors, materials, and symbols [2].

Source and further information: <https://www.thoughtco.com/cultural-diffusion-definition-3026256>

The toleration is an ambiguous term in the political philosophy. Many philosophers provide different concepts, conceptions and definitions of toleration,² whereby there are sometimes conflicts between the various ways of understanding this term. Castiglione and McKinnon (2003) delineate that the “toleration is a moral sense that is incompatible with indifference, permissiveness, and endurance” [1, p. 69]. Some scholars regard toleration as “an interim value” [20, p. 74], as “a virtue” [9] or as “the prerogative of humanity” [18, cited in 10, p. 69]. Other affirmative conceptions perceive the “toleration as recognition” [7] or claim that “to tolerate means to insult” [5]. In the present paper, I am going to examine neither any controversial concepts nor any ambivalent conceptions of toleration. Instead, I am going to focus only on one particular definition, in order to give grounds for the toleration of non-liberal groups in a liberal society. For the purposes of this article, Scanlon (2003) provides the most appropriate definition of toleration as “accepting people and permitting their practices even when we strongly disapprove of them” [17, p. 187].

However, this definition of toleration could be too general and raises some questions such as: Should we tolerate non-liberal groups even if they do not tolerate us?; How can we permit certain cultural or religious practices when they could be immoral, illegitimate or dangerous for liberal citizens as well as for the non-liberal ones too?; Aren't there any limitations for toleration in such cases? All those questions I will try to answer in the following chapters.

Before I start with the justification of toleration of non-liberal groups in liberal, diverse society, I would like to clarify briefly what exactly is assumed as “non-liberal groups” in the current article. Non-liberal groups are not willing to respect or accept behaviour or opinions different from their own and are not open to new ideas [14]. Furthermore, non-liberal groups are “communities that engage in discriminatory practices against their co-community by highlighting the other's cultural, racial, linguistic or religious differences” [3, p. 192-193]. Moreover, in this paper I am not going to differentiate between non-liberal individuals that are part of non-liberal groups by choice or by obligation and I am not going to focus on any non-liberal political parties or social movements but I am going to provide several real as well as hypothetical examples of religious, ethnic and cultural non-liberal minorities and on the basis of those examples I am going to argue that these non-liberal groups should be tolerated in a liberal society.

Let just suppose that there is ethnic minority X in a liberal country Y. This minority group lives only according to its cultural and traditional principles that do not coincide with virtues and beliefs in the liberal society Y. One of the practices of this ethnic minority is not allowing children to go to regular public schools or to communicate with other children that do not belong to the particular ethnic group X, because in their beliefs the “outside world”, in other words, all other citizens that are not part of ethnic minority X, would have negative influence on their children. Moreover, those children receive education at home, provided only by teachers who are members of the ethnic minority X. Because of those practices, the ethnic minority X is assumed to be a non-liberal minority group. In this situation, the citizens and the government of the liberal country Y are facing the important question how they should treat the ethnic minority X. The citizens, as well as the state authorities of the liberal society Y, could run a risk in both cases: when they tolerate beliefs and practices of non-liberal group X as well as when the liberal society does not tolerate the non-liberal minority X. On the one hand, Popper (2012) argues that being tolerant to non-liberal and intolerant minorities lead to the destruction of tolerance itself [15, p. 581]. Nevertheless, this is not a

² Forst (2013) clarifies the difference between a concept and conception. On the one hand, the „concept“ includes central semantic contents, on the other hand, the „conceptions“ interpret some of the elements included in the concept [6, p. 17].

certain outcome and it can be avoided. On the other hand, being intolerant to non-liberal beliefs and practices, the citizens and the state authorities of the liberal state Y run a greater risk to be intolerant and unjust itself [16, p. 190-194]. The consequences of this intolerant attitude would be negative for the whole society. So let just start considering the second, more dangerous possibility, when the citizens in a liberal society do not tolerate the practices of the ethnic minority X because of certain fears.

In the Context of the Second World War, Popper (2012) identifies the “paradox of tolerance” and addresses possible fears of being tolerant towards non-liberal minorities. The author argues that toleration of non-liberal, intolerant groups would pose a threat to the tolerance itself:

If we extend unlimited tolerance even to those who are intolerant, if we are not prepared to defend a tolerant society against the onslaught of the intolerant, then the tolerant will be destroyed, and tolerance with them [15, p. 581].

In this sense, there is at least one possible objection against toleration of non-liberal groups which could be that liberal citizens are afraid of non-liberal practices and beliefs. One of the main reasons for those fears is that “in a free and pluralistic society the activities of others could modify the common values and mores of our society in ways that we disapprove. This possible cultural and moral evolution could threaten the social world in which we feel most comfortable” [17, p. 191].

However, toleration requires each of us to acknowledge that “all members of society are equally entitled to be taken into account in defining what our society is and equally entitled to participate in determining what it will become in the future” [17, p. 190]. If we go back to the example of the intolerant ethnic group X, we can claim that the liberal citizens would be afraid that the practices of that particular group could influence the future development of the society. As a result, forbidding children to go to regular public schools or to have friends outside of the particular community may become a common practice, which would be an obstacle for some liberal citizens to tolerate ethnic minority X. Still, there is a reason to doubt that this strategy would succeed because being intolerant to non-liberal groups could have some negative consequences for the whole society. The non-liberal groups could conclude that even the liberal citizens are intolerant and that the term of tolerance includes intolerance itself. Consequently, they can imagine some kind of moral superiority, arguing that in contrast to the liberal citizens, they are not hypocritical and show directly their non-liberal practices and intolerant points of view. On these grounds, they could suppose that they should continue with them even stronger and try to attract other people that could become part of the non-liberal group too.

Moreover, new non-liberal communities with other or similar principles could emerge by diffusion as a social process. They may exert similar or new non-liberal practices. Consequently, more and more people could adopt some practices which are incompatible with the virtues in liberal societies. In addition to that, new difficulties could occur when the different non-liberal groups have particular practices that are not only incompatible with the liberal ones but also are contradicting to each other. Those would lead to strong social polarization among a liberal society. In the worst case, the minority-majority-relations may change: the minority non-liberal groups could become a majority and the liberal citizens could become a minority. As a result, the spread of non-liberal and intolerant attitudes could endanger the values of a liberal society and pose some treats for liberal citizens. Yet, to that point, it could be counter-argued the Popper’s claim can easily be misunderstood and interpreted in various ways by non-liberal groups. Furthermore, it could be claimed that Popper (2012) doesn’t mean that the non-liberal groups shouldn’t be tolerated under no conditions. Popper’s argument could be interpreted in the way that he is against the

suppression of intolerant philosophies, in cases when we do not understand the ideology of non-liberals, or when we disapprove it, or even when we are angry with the existence of some intolerant, respectively non-liberal groups in liberal societies:

I do not imply, for instance, that we should always suppress the utterance of intolerant philosophies; as long as we can counter them by rational argument and keep them in check by public opinion, suppression would certainly be unwise [15, p. 581].

Nevertheless, arguing that Popper is against the suppression of non-liberal groups doesn't mean that he is for their toleration. So, another worry about Popper's argument is the controlling of non-liberal groups by public opinion. It comes back to the question if this kind of supervision of non-liberal groups by liberal citizens could be understood as toleration. Still, the control of non-liberal minority groups does not involve accepting people and permitting their practices even when we strongly disapprove of them³. As already mentioned above, the case of being intolerant to non-liberal groups is more dangerous for the liberal society because of the possibility of proliferation of the intolerant thoughts that would endanger the tolerance as one of the most important virtues in a liberal society. As a result, the better option would be to tolerate non-liberal groups because through positive social diffusion process they could adopt liberal virtues such as tolerance [19, p. 80-81]. According to the utilitarian point of view, the morally right action is the action that produces the most good and is understood entirely in terms of consequences produced [4]. Regarding the consequences of being intolerant respectively of being tolerant, the better result for entire liberal society occurs when liberal citizens and state authorities choose to tolerate even non-liberal groups because in this way the overall good can be increased — the good of the non-liberal groups as well as the good of liberal citizens. However, there are certain limits of the toleration towards some particular practices of non-liberal minorities but the limitation of “check by public opinion” proposed by Popper (2012) wouldn't be the best option. Before I refer to that point in the next chapters, I am going to focus on two more reasons for toleration of non-liberal members of liberal societies.

One of the most appealing arguments for justification of toleration of non-liberal groups is Mill's argument from the truth and social progress [13; 11, p. 14-16]. The diversity of opinions is beneficial for the citizens in a tolerant society because it gives “a chance of fair play to all sides of the truth” [13, p. 24]. One of the most reliable methods of getting closer to the truth is free discussion and exchange of ideas. Consequently, in a competitive liberal society all theories, beliefs, and conceptions should be tested so that the good ones can compete the wrong ones. Only in this way a “free market of ideas” and progress in a healthy society are possible [13, p. 24; 8]. Still, there are always certain personalities who think in a different way or do not have the same values, in which the majority of the society believes. But those minorities should have the right to express their thoughts even if they are against common behaviour norms because in another case “the truth would lose more by the silence” of non-liberal groups in a liberal society [13, p. 24]. Tolerating the non-liberal groups that have totally false propositions, would help liberal citizens to revise their own beliefs [13, p. 24]. In this way, the tolerant, open-minded members of the society may become wiser, open-minded, and get nearer to the truth. Consequently, that practice of revision enables a social progress in a liberal society.

One possible objection to that argument could be that there are some truths that are already proved a long time ago and it is not worth to retest them because we would lose valuable time which we can use for more meaningful investigation of more appealing theories and philosophies. Let take the following two examples into consideration. The first one does

³See [17]

not refer to any non-liberal groups but it constitutes the following truth: The Earth is a sphere. At school, we learned about this fact and there are numerous proofs for that theory. Beginning with the famous scientist Galileo Galilei, ending by modern satellites that can take photos of the Earth and we can clearly see that it is a sphere.

Nevertheless, the “Flat Earth Society” does not believe in this fact, arguing that the Earth is actually flat, and trying to convince us that all satellite photos are fake. Moreover, they try to convince as many members of the society as possible in the validity of their flat-Earth-theory. Of course, it could be true that the Earth is flat but the belief that the earth is a sphere is one of the fundamental beliefs of the majority. If people start to examine the fact that the earth is a sphere they should examine many other of their beliefs as well. Because of the fact that almost everybody is sure that the earth is a sphere, a contestation with the beliefs of the “Flat Earth Society” wouldn’t lead to any significant astronomical progress in the searching for the truth. This example raises several questions. Why should we listen to the arguments of the “Flat Earth Society”, when we are sure that these beliefs are not true? Wouldn’t be time wasting when we tolerate the existence of this group in searching for the truth?

It is argued that it is not always time wasting and it is not obligatory to be because not everybody should examine their arguments [11, p. 14-16]. On the one hand, people who are not interested in the ideas and beliefs of the “Flat Earth Society” could just accept that there is a particular group that has its beliefs and do not take their argumentation into consideration. On the other hand, some scientist may be interested in the ideas of this cultural minority and for them, a contention with that particular theory may be interesting and valuable. Consequently, we can permit the “Flat Earth Society” to meet, to discuss their theory, and to exchange ideas. To that extent, it can be claimed that tolerating such cultural minority groups as “Flat Earth Society” that have false for the majority beliefs might promote social progress and development towards the truth. This example proves the claim that we should tolerate groups with false for most of us beliefs [11, p. 14-16]. The second example considers some false for liberal citizens’ beliefs of a non-liberal group and refers to the following liberal truth: all citizens in a liberal society are equal, regardless the race, religion, ethnic etc.

Though, there are particular anti-Semitic groups that claim that all other races, different from the majority race in society, respectively their own race, shouldn’t be allowed to go to theatre. They believe that forbidding them to go to theater would be morally true. Nevertheless, this belief is against one of the main values in a liberal society: equality. Because of that, we can be sure that forbidding someone to go to the theater on basis of race is not only something morally false for liberal citizens but also illegitimate.

In order to justify toleration of non-liberal groups in such cases, it is claimed that each citizen in a liberal society, where diversity is a leading principle, has the right of autonomy of conscience and speech [12; 13]. The non-liberal groups have those rights like the liberal citizens, regardless the fact that they are non-liberal and intolerant. Moreover, in a well-structured liberal society tolerant citizens shouldn’t be afraid that non-liberal beliefs may influence them and that the intolerance and others non-liberal philosophies could spread through the process of social diffusion because citizens in a ‘mature’, well-ordered liberal society would know that non-liberal beliefs, thoughts, and practices are something morally wrong. Furthermore, as Rawls (2009) argues:

The liberties of the intolerant may persuade them to a belief in freedom. This persuasion works on the psychological principle that those whose liberties are protected by and who benefit from a just constitution will, other things equal, acquire an allegiance to it over a period of time [16, p. 192].

Consequently, the probability that the non-liberal groups adopt certain liberties such as freedom is greater than the spread of non-liberal philosophies in a liberal society. This could happen when non-liberal citizens have rights such as freedom of conscience, beliefs, and speech. However, this social change wouldn't be instantly but in the course of time. Therefore, non-liberal citizens should be tolerated over time.

Nevertheless, a critical point to that claim could be that providing non-liberal groups with freedom of conscience, beliefs, and speech doesn't mean that we tolerate them because assuring them these liberties doesn't include permitting them to exert their practices.⁴ Furthermore, if we try to imply the definition of toleration, provided by Scanlon (2003) and let non-liberal groups exert their practices without any limitations it may be dangerous for the whole society. Supposing that an anti-Semitic group decides that they must burn the houses of people of other races for particular reasons. As a result, especially that non-liberal practice would pose treat for the owners of the houses as well as for the anti-Semitic "house burners".

To reply to this defense is that in a well-structured liberal society tolerant citizens should not be afraid of similar practices because they can trust the institutions and in that particular case: the police officers who are aware of the non-liberal groups, know about their beliefs and resolutions and keep a wary eye on them. The liberal citizens would also observe the non-liberal groups but not with the purpose of stopping their practices, controlling them by means of public opinion [15, p. 581] or judging them but in order to "diagnose" problems in liberal societies. There are particular reasons, why these people are non-liberal and the majority of the liberal ones can investigate the reasons for the proliferation of this kind of thoughts. When some causes for being non-liberal and intolerant are detected by open-minded citizens, they can start act proactively and tackle those reasons.

Trying to overcome intolerance by fighting against non-liberal groups by means of intolerance would mean that only the results of the social problems are tackled but not the reasons for them. Some examples of such social problems that lead to spread of non-liberal thoughts could be social inequality, poverty, racism etc. In utilitarian point of view tackling such kind of problems, taking measures against them by implementing particular policies would maximize the utility for all parts.

Another worry about this argument could be that in this case, liberal citizens don't actually tolerate the anti-Semitic-group that decides to burn houses because they disapprove this practice and want to stop them by means of the police. Consequently, according to the definition of toleration of Scanlon (2003)⁵, this anti-Semitic group is not tolerated. At that point, I am going to address the question about some limitations of toleration. The answer to this claim is that non-liberal groups must be tolerated to extend that the liberal rules and institutions prohibit their toleration. Not only in liberal societies but also in other political regimes the security of the citizen is of first priority. As already mentioned above, Popper's suggestion of regulation of non-liberal groups by public opinion of liberal citizens is not the best option because this kind of regulation could lead to tyranny of the major opinion over the opinion of the minorities.⁶ As a result, minority groups would be suppressed. Therefore, I refer to the "self-preservation principle" of Rawls (2009), assuming particular direct danger as the only condition in which non-liberal practices should be regulated:

"... Freedom should be restricted only when the tolerant sincerely and with reason believe that their own security and that of the institutions of liberty are in danger. The tolerant should curb the intolerant only in this case" [16, p. 193].

⁴See [17].

⁵ See [17]

⁶ See [12, p. 13]

Still, the main values of liberal society such as freedom and tolerance should be preserved and some contra action to any of the liberal virtues is required in the only case when other virtues are directly treated [16].

By choosing to tolerate practices, beliefs, and thoughts of non-liberal citizens, the majority of open-minded people can contribute to the proliferation of tolerance as one of the main liberal virtues and in this way to the positive development of liberal societies. I have tried to show that toleration even of false opinions of non-liberal groups may have positive effects for the entire society because giving them the opportunity to express their beliefs, liberal citizens can come closer to the truth, which is neither one-sided nor absolute, and in this way social progress could be achieved [12; 13]. Furthermore, there is no place for fear of some dangerous non-liberal practices when liberal citizens can trust in the institutions of a well-ordered society [16, p. 192]. It would be much better when the open-minded members of the society start to observe the behaviour of non-liberal groups, investigate the reasons for them to have some non-liberal thoughts, tackle the causes for the spread of non-liberal mindsets and at the same time tolerate them. However, toleration is such a highly controversial idea that its full establishment would lead to its own destruction [15, p. 581]. Nevertheless, as we can live under better conditions and develop our society into a positive direction, it is more valuable and therefore more preferable to tolerate non-liberal groups.

REFERENCES

1. Castiglione, D., & McKinnon, C. (Eds.). (2003). *Toleration, neutrality and democracy*. Kluwer Academic Publishers.
2. Crossman, A. (2017). *Understanding Diffusion in Sociology. Definition, Theory, and Examples*. Published by: ThoughtCo. Online publication accessed 26. 12. 17: <https://www.thoughtco.com/cultural-diffusion-definition-3026256>
3. Dasgupta, R. (2009). *Cultural Practices, Political Possibilities*. Cambridge Scholars Publishing.
4. Driver, J. (2014). *The History of Utilitarianism*. The Stanford Encyclopedia of Philosophy, Edward N. Zalta (ed.). Online publication accessed 25. 12. 17: <https://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/utilitarianism-history/>
5. Forst, R. (2007). *To tolerate means to insult: Toleration, recognition, and emancipation*. *Recognition and power: Axel Honneth and the tradition of critical social theory*, 215-237.
6. Forst, R. (2013). *Toleration in conflict: past and present* (No. 103). Cambridge University Press.
7. Galeotti, A. E. (2002). *Toleration as recognition*. Cambridge University Press.
8. Heywood, A. (2017). *Liberalism, Toleration and Diversity*. Online publication accessed 18. 12. 17: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:T4ayra4IRqIJ:andrewheywood.co.uk/resources/Liberalismtolerationanddiversity.doc+&cd=1&hl=bg&ct=clnk&gl=de>
9. Horton, J. (1996). *Toleration as a Virtue*. *Toleration: An elusive virtue*, 38.
10. Kukathas, C. (1999). *Tolerating the intolerable*. *Papers on Parliament*, 33, 67-81.
11. McKinnon, C. (2007). *Should we tolerate Holocaust denial?*. *Res Publica*, 13(1), 9-28.
12. Mill, J. S. (1869). *On liberty*. Longmans, Green, Reader, and Dyer.
13. Mill, J. S. (1966). *On liberty*. In *A selection of his works* (pp. 1-147). Palgrave, London.
14. Oxford University Press. (2017). *Definition – liberal*. Online publication accessed 15. 12. 17: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/liberal>
15. Popper, K. (2012). *The open society and its enemies*. Routledge.
16. Rawls, J. (2009). *A theory of justice*. Harvard university press.
17. Scanlon, T. M. (2003). *The difficulty of tolerance: essays in political philosophy*. Cambridge University Press.
18. Voltaire (1986). *Toleration*. *Philosophical Dictionary*. Ringwood, Vic., Penguin. Edited and translated by Theodore Besterman.
19. Walzer, M. (1997). *On Toleration* (Castle lectures in ethics, politics, and economics). Yale University Press.
20. Williams, B. (1999). *Tolerating the intolerable. The politics of toleration in modern life*.

Received by the editor 01. 11. 2017.

Андреева Виктория Ивайлова

Магистрант кафедры политической философии,
Цюрихский университет
e-mail: viktoriyaandreeva55@gmail.com

Andreeva Viktoriya Ivaylova

MA Student of the Chair of Political
Philosophy, University of Zurich
e-mail: viktoriyaandreeva55@gmail.com

УДК 141.7:316.3

ПРАВОВОЙ ДИСКУРС КАК АТРИБУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© 2017. И. И. Бартагариева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье, имеющей своим объектом гражданское общество, проведен анализ признаков, функционального потенциала и ограничений правового дискурса. Анализ осуществлен с помощью концептуализации как акта схватывания и трансляции конвенциональных понятийных смыслов, с последующим конструированием согласованной автономной системы знаний. Социально-философское исследование гражданского общества (правовой дискурс – его неотчуждаемый атрибут) предлагается осуществлять в программе гипотетического реализма.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, право, правовой дискурс, гражданское общество.

Государственный переворот в Украине, именуемый его сторонниками «революцией», привел к продолжительному политическому и экономическому кризису. Его следствием явился не только военный конфликт на Донбассе, но и стремительный разрыв хозяйственных связей, разрушение социального организма за пределами зоны военных действий, его «инфицирование» деструктивными идеями. Все эти процессы сопровождались и сопровождаются делегитимацией власти и неприкрытым правовым нигилизмом.

Украинское общество оказалось восприимчивым к шовинистическим идеям, легко поддавшись пропаганде ненависти. Причины этого явления – предмет отдельного исследования. Удивительно, но до 2014 г. проблематика построения гражданского общества, в котором главенствует закон, и соблюдаются права человека, была маркером социально-философского дискурса в Украине. Сотни статей, монографий, диссертаций с глубокомысленными выводами, одами украинской демократии, дилеммами общечеловеческим ценностям, призывами к гуманизму и толерантности. Увы, все эти рассуждения оказались далекими от реальной жизни, многие сформулированные абстракции предстали как не имеющие референта в действительности.

Неужели энтелехийный потенциал этого дискурса исчерпан, и гражданское общество утратило влияние на социально-политические процессы? У сторонников положительного ответа есть серьезные аргументы. Не прекращаются военные действия, экономическая активность замерла, гражданский консенсус усложнен внешне-политической неопределенностью, имеют место когнитивные диссонансы, фрустрация в пространстве социальной психологии. В таких условиях, мол, не до философских дискуссий. Но войны всегда заканчиваются, рано или поздно начинается период стабилизации. И тогда придется вновь поставить «старые» вопросы, но уже на новом витке исторического развития: «к чему стремиться общество?», «какая интеллектуальная элита способна адекватно воплотить эти стремления?», «как сторонникам гражданского общества достичь конвенции?», «какая методологическая платформа является уместной?». В контексте ответов на эти вопросы, философские экспликации правовых оснований гражданского общества приобретают не только теоретический интерес, но и практическое, прогностическое значение.

Цель статьи – концептуальное осмысление правового дискурса, а также формулировка аргументов в пользу тезиса: данный тип дискурса – один из необходимых атрибутов гражданского общества.

Содержание понятий «концепт» и «концептуализация» – многозначное и насыщенное. В аналитической философии и неопозитивизме «концепт» либо употребляют для обозначения общих свойств, отношений и функций, либо для фиксации понятий, не имеющих денотата в реальности. Л. А. Микешина дает следующую характеристику: «В когнитивных науках «концепт» – это термин, обозначающий единицу ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающий знание и опыт человека. <...> Это представления индивида о смыслах, «кванты» знания, возникающие при построении информации, как об объективном положении дел, так и о воображаемых мирах. В целом, концепты – это «интерпретаторы смыслов», форма обработки субъективного опыта путем подведения его под определенные категории и классы, основная единица хранения и передачи информации, достаточно гибкая и изменяющаяся с ростом знания» [1, с. 436]. Концепт – это то, что прошло интересубъективную апробацию на предмет понимания, но содержит в своей структуре открытый вопрос. Концепты «имеют многоуровневую содержательную структуру (включает образные, символические, ценностные, мотивационные и другие признаки), а также значительное количество смысловых производных. Эти понятия являются неотчуждаемыми элементами концептуальной системы, они придают ей автономность и завершенность» [2, с. 6].

Концептуализация, в свою очередь, есть процесс 1) формирования концептов в сознании как переработка информации и ее передача с помощью конвенциональных смысловых «атомов»; 2) объединение понятий в когерентную систему, претендующую на статус автономной семантической единицы и репрезентирующей определенный сегмент знания. Концептуализация – это своего рода акт схватывания и трансляции смыслов с помощью минимального количества знаков.

Междисциплинарный концепт «гражданское общество» можно определить лишь контекстуально. Он фиксирует имманентно свободное начало социума, который структурируется с помощью конвенций, в том числе, – с государством. Еще у Т. Гоббса конвенция, наряду с насилием, – один из способов существования государства. Британский философ – сторонник соглашения между агентами общественной жизни. Соглашения продуцируют соответствующий тип государства, «основанного на установлении» [3, с. 235]. В современной социальной философии с помощью концепта «гражданское общество» фиксируется некоторое стабильное состояние социума. Концептуальный каркас, с помощью которого выражается это состояние, включает такие категории как «свобода», «гармония», «справедливость», «ответственность», «солидарность», «толерантность», «честь», «жизненный мир», «легальность». Все эти понятия не имеют однозначного референта, что имплицитно требует необходимости дискурсивных теоретических допущений и конвенций. Правовая нагруженность такого дискурса придает консенсусу четкости, прозрачности, открытости, точности.

Внешними (экстерналистскими) составляющими гражданского общества являются объекты общественного бытия, репрезентируемые с помощью понятий «гражданин», «общественный порядок», «государственная власть», «социальная группа», «общественная безопасность», «политическая стабильность», «материальное благополучие». Опять же, без правового дискурса «материализация» и конкретизация содержания этих понятий – проблематичны, ибо остаются исключительно в ареале идеально-типовых ориентиров и спекулятивной футурологии.

Обращаемся к понятию «дискурс». Дж. Сантаяна считает его «языком, а не зеркалом», в нем «допустима любая степень неадекватности и своеобразия» [4, с. 239]. Дискурс можно понимать буквально, – как обсуждение, переговоры и даже склоку, т. е. какой угодно акт коммуникации. В настоящее время это понятие приобрело

популярность в социально-гуманитарных науках, сохранив неоднозначный научно-философский смысл. Атрибуты дискурса: релевантность, целесообразность, систематичность, аксиологическая обусловленность, методологическая и терминологическая точность, единство объективного и субъективного. О двузначности дискурса ведет речь Х. Хаттон: «Дискурс стандартизирует знание и тем самым отталкивает альтернативные формулировки. Он поэтому ставит вопрос не только об идеях, которые представляет, но и об идеях, которые он исключает» [5, с. 273]. И. Т. Касавин определяет дискурс как открытую и незавершенную последовательность языковых знаков, «характеризуемую частичной синтаксической, семантической и прагматической когерентностью» [6, с. 89]. Согласно Касавину, дискурс (и это немаловажно) – структурированная форма знания. Консервация трансформирует дискурс в текст. Последний может стать догмой, но и базисом для новых дискурсов. У российского философа, дискурсы делятся на политико-экономические, научные, художественные, моральные. Критерий такого деления – сила и/или слабость внутреннего «текста» и внешнего «контекста». С другой стороны, дискурсы могут быть ситуационными, императивными и контекстуальными [6, с. 87–92]. Как видим, правовому дискурсу места не нашлось (наряду с религиозным и философским). На наш взгляд, правовой дискурс имеет все основания претендовать на автономию, хотя, в зависимости от ситуации, может рассматриваться как часть дискурса политико-экономического, научного или философского.

Право, с одной стороны, – идеальная конструкция, фиксирующая сегмент общечеловеческого культурного космоса на линии свобода – справедливость – равенство, с другой, – это форма общественных отношений и социальной регуляции, имеющая нравственную, деонтическую, эпистемологическую нагруженность. Выходя из вышесказанного, уместной будет дефиниция В. С. Нерсисянца: «Правовой закон – это адекватное выражение права в его официальном признании, общеобязательности, определенности и конкретности» [7, с. 36]. Отметим, что право, в отличие от его репрезентации в программе закона, является антропной универсалией и эталоном регуляции общественных отношений. Оно апеллирует к глубинным и экзистенциальным основам бытия человека и общества, преследуя цель гуманизации, оптимизации и систематизации этих типов бытия. К этому операциональному определению можно добавить: гештальты правового сознания – неотъемлемые атрибуты мировоззрения на его обыденном и теоретическом уровнях.

Правовой дискурс разворачивается на теоретическом уровне, в нем принимают участие специалисты (как здесь не вспомнить украинских законодателей и прокуроров без юридического образования!). Такой дискурс представляет собой эвристическое расширение пространства общественных коммуникаций, при котором объекты права приобретают идеальное наполнение и устойчивые внешние связи, с дальнейшим внедрением конвенциональных резюме в общественную жизнь.

Необходимо сделать предостережение. Социальная философия и философия права имеют собственные предметно-логические поля, задачи, функции, методологический арсенал. Поэтому философские экспликации семантически и прагматически могут не совпадать с пояснениями правоведов. С другой стороны, междисциплинарный синтез способствует формулировкам новых проблем, а также появлению концептуальных и методологических ареалов взаимообмена, продуцирует конкуренцию теорий.

Правовой дискурс – важный элемент гражданского общества. Данный тезис подкрепляет европейский исторический опыт. Имплементация результатов данного дискурса 1) обеспечивает соблюдение базовых свобод граждан; 2) способствует независимому судопроизводству, имплицитующему равную защиту для всех членов общества; 3) гарантирует связь публичного управления с правом и законом (при

условии «классического» раздела власти между ее тремя ветвями). Базовая составляющая правового дискурса ориентирована на социальную интеграцию, свободную коммуникацию репрезентантов гражданского общества, законодательное обеспечение политической конкуренции. Эффективный правовой дискурс закрепляет права и свободы экономических и политических субъектов, защищая их от диктата государства, обеспечивает доступ к информации (если таковая не является экстремистской). Такой дискурс гармонизирует социум на основе легитимных горизонтальных форм сотрудничества и стратификации.

Нельзя игнорировать тот факт, что любое государство стремится к диктату и имеет право на насилие, а гражданское общество – не тождественно социальной вседозволенности. Дискурсы, разрушающие государственные структуры, необходимо контролировать, сведя их к минимуму (не существует общества, где нет оппозиции). «Мягкое» государство, о чем свидетельствует опыт Украины конца 2013 – начала 2014 г., – путь к бесправию, завуалированному красивыми лозунгами. Гражданское общество является субъектом социально-политической жизни, но не как не объектом идеологических манипуляций, разрушающих правовую рациональность.

Данная рациональность – некий эталон, исторически обусловленная смысловая модель права, комплекс атрибутов сознания. Основная функция данного комплекса – минимизировать кризисные явления в экономической и социально-политической сферах. Правовая рациональность включает признание универсальности прав человека и постоянную рефлекссию над содержанием этих прав; априорное равенство перед законом, независимо от статуса и заслуг индивида; деонтологическую логичность и обоснованность, когерентность и точность; субсидиарность, прозрачные процедуры контроля над властью, ответственность; «сакрализацию» частной собственности.

Право также выступает в роли функционала, придающего осмысленность гражданским взаимоотношениям. Следует признать, что социальная практика в РФ и странах ЕС дает примеры, когда нормативные когнитивные конструкции становятся избыточными. Многочисленные «изменения», «дополнения», «инструкции», «постановления» дезориентируют человека. С помощью таких конструкций власть совершает интервенцию на территории, которые ей не принадлежат. Рациональность, базирующаяся на философии здравого смысла и рефлексии, этике и прагматике, призвана сдерживать «догматизацию» и глобализацию правовых норм. Рациональность формирует ценностно-императивную составляющую картины мира и за счет свободной коммуникации смягчает политические диссонансы, латентно контролируя органы власти. Социальная рациональность не может согласиться с наличием «клиента» государства. Однако не стоит создавать иллюзий на предмет искоренения конформизма в короткие сроки. События последних лет демонстрируют, как проповедь «свободы» и «чести» становится фикцией и стремительно деформирует правовое пространство.

Гражданское общество предполагает наличие действенных правовых оснований для реализации социальных проектов, в основе которых лежат: 1) консенсус общих и сингулярных интересов; 2) внешний контроль власти со стороны социума; 3) партнерские отношения между государством, обществом, бизнесом; 4) устойчивый социальный порядок, толерантность, политическая стабильность, материальное благополучие. Проблематичность реализации этого проекта связана с изменениями в интерпретации свобод, релятивностью общественных отношений, принципиальной невозможностью элиминировать конфликты интересов социальных групп и индивидов. Наконец, идея о греховности человека, несмотря на свою метафизичность, эмпирически является достаточно подкрепленной. Все это заставляет говорить о том, что гражданское общество – идеализированный объект, результат допущений и концептуализаций. Это своего рода

теоретический инструмент, императив-инструкция по выявлению новых подходов исследования наличного состояния социума и построения *возможного* общества благополучия, свободы, творчества, правовых гарантий. Такое общество целесообразно рассматривать как ориентир или цель, достижение которой проблематично, но необходимо. Социально-философское исследование гражданского общества всегда будет гипотетическим проектом, которому присущи противоречия, парадоксы, аномалии, ошибки.

Общество – специфическая система реальности, экзистенция которой детерминирована множеством факторов. Постигая общество, необходимо учитывать включенность субъекта познания в процесс получения, обработки и передачи знания. Познающий человек испытывает «давление» со стороны господствующей идеологии, традиций, систем воспитания и образования. Исследование общества имеет специфический понятийный и методологический арсенал. Например, понятия «общественный интерес», «социальный прогресс», «правовое сознание», «функция социального института» и т. д. не имеют логически правильных и стабильных дефиниций. Референты этих понятий содержательно и темпорально неопределенны. В тоже время, в отличие от естественнонаучных категорий, эти понятия способны активно формировать идеологические ландшафты, влиять на жизненный мир человека. В зависимости от того, какое содержание вкладывают теоретики, например, в понятие «справедливость», зависит не только дискурс, но и реальная жизнь обычного человека. Рассуждая о социальной жизни, философ берет на себя большую ответственность. Таковая возрастает, если он строит прогнозы, тем более, пытается воплотить их в жизнь.

ВЫВОДЫ: Программу построения гражданского общества есть основания квалифицировать как общую интерпретационную гипотезу. Отдаем предпочтение социально-философской версии гипотетического реализма. Это теоретико-познавательная позиция, которая базируется на следующих положениях: 1) социальная реальность имеет автономный онтологический статус; 2) этот статус определяется с помощью не замкнутых идей, объединенных в согласованную систему; 3) общество может быть познано посредством интерсубъективной науки, в том числе, – с помощью концептуализации и рефлексии над ней – метаконцептуализации; 4) познание общества имеет своим результатом допущения и предположения.

Концептуализация, с одной стороны, – это акт схватывания и трансляции конвенциональных смыслов единиц знания – понятий, с другой, – их синтез, с последующим конструированием согласованной и относительно самодостаточной системы знаний.

«Право» – не только фиксация формы общественного сознания. В этом концепте «зашифрован» важный элемент общественной жизни, в нем – глубокий экзистенциальный и, возможно, трансцендентный смысл. Правовому дискурсу в нашем недалеком прошлом явно не хватало систематичности и стандартизации, аксиологической нагруженности и рефлексии, методологической и терминологической точности. Этот дискурс страдал и страдает популизмом, в нем недопустимо много «неадекватности и своеобразия». Количественные показатели юридической деятельности, не переросли в качественные. Дискурс – это знание и если модель подготовки юристов не ориентирована на формирование масштабной эпистемологической системы в сознании индивида, дискурс трансформируется в потоки слов.

Правовой дискурс, в котором «контекст» доминирует над догматизированным «текстом», является важной составляющей гражданского общества, гарантом максимально свободной и адекватной имплементации социально-политических инноваций, контролером государственных институтов. Он придает коммуникативным практикам статус четкого, но открытого для критики, алгоритма, рационализирует в деонтическом

аспекте общественные отношения. Правовой дискурс ориентирован на публичность, социальную интеграцию на фоне конкуренции идей. Он обеспечивает обсуждение динамики осуществления базовых свобод и способен минимизировать проявления ангажированного судопроизводства.

Нужно иметь в виду, что дискурс является лишь одним из способов апробации идей. Он психологически нагружен и отличается релятивностью, его когерентность – ограничена. Сепарирование идей во время дискурса нередко отличается ситуативностью, спонтанностью, незавершенностью. В целом, иррациональную составляющую дискурса элиминировать невозможно.

Для реализации коммуникативных интенций гражданского общества важным есть концептуализация и институционализация дискурса, что достигается путем эволюционного формирования компетентного и ответственного гражданина, свободы которого гарантируются, но и ограничены законом. Переход от процедурно-правовой, формальной легитимации к легитимации нравственно-витальной видится перспективным. Расширение пространства рационально-правового мышления может стать фактором, который поможет индивиду состояться как свободному гражданину и избежать «бегства от свободы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Микешина Л. А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 560 с.
2. Волошин В. В. Епістемологія релігії: онтологічні припущення, ключові концепти, пізнавальні стратегії: Монографія. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2012. – С. 4–6, 276–337.
3. Гоббс Т. Левиафан. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 652 с.
4. Сантаяна Дж. Скептицизм и животная вера. – СПб: Владимир Даль, 2001. – 392 с.
5. Хаттон Х. П. . История как искусство памяти. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 424 с.
6. Касавин И. Т. Дискурс // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И. Т. Касавина. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 77–93.
7. Нерсесянц В. С. Философия права. – М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. – 632 с.

Поступила в редакцию 14. 11. 2017 г.

DISCOURSE OF LAW AS AN ATTRIBUTE OF CIVIL SOCIETY: THE CONCEPTUAL DIMENSION

I. I. Bartagariyeva

The present article is devoted to civil society and deals with analysis of indications, functional potential and restrictions of legal discourse. The analysis is conducted by means of conceptualization as an act of gripping and transmission of conventional and conceptual meanings with further construction of a coordinated autonomous system of knowledge. The socio-philosophical research of civil society (discourse of law being its inalienable attribute) is suggested to be performed within the program of the hypothetical realism.

Key words: concept, conceptualization, law, discourse of law, civil society.

Бартагариева Ирина Ириковна

Старший преподаватель кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
e-mail: irina-elf@bigmir. Net

Bartagariyeva Irina Irikovna

Senior Lecturer of the Chair of Philosophy,
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: irina-elf@bigmir.net

УДК 378.016:004.738.5

ВИРТУАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2018. В. И. Бугаев

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

Статья посвящена исследованию развития инновации «Виртуального идеала» в современной культуре. Техногенно-вещественная концепция «виртуальной реальности» имеет возрастающий интерес у современной молодежи. Автор статьи указывает на квазикультурные ценности становления виртуального идеала – нарушение синхронизации культуры, развитие утопического символического мировоззрения «Калифорнийской идеологии», преформации творческого порыва современной культурной элиты. Высокая культура (духовность) потерялась в лабиринтах символизаций товаров и технологий. Инновации «виртуального мира» породили «эскейпизм» – уход молодого поколения от реальности в мир фантазий и игры.

Ключевые слова: виртуальный идеал, христианский идеал, виртуальная реальность, символ, эскейпизм, калифорнийская идеология, информационное пространство, культура, искусство, индустрия медиа.

Разрушение синхронизации культуры является существенной проблемой современности. С одной стороны, сфера коммуникаций значительно расширила уровень информации, с другой стороны – нет адаптации к уровню ценностей духовности мировой культуры. Все это происходит в связи с засильем потребительского приоритета «одномерного человека».

Взаимосвязь познания всех сфер образования молодого поколения требует толерантного отношения к наследию прошлого, проявляемых в высших достижениях (идеалах) становления современной культуры.

В современной культуре мы замечаем ярко выраженную тенденцию развития «виртуального идеала». Данная тенденция наиболее распространена в символах компьютерных игр и рекламе. Техногенно-вещественная концепция идеала имеет возрастающий интерес у современной молодежи. Феномен игры влияет на психику и интеллект. Идеал виртуальной коммуникации согласно концепции западного ученого Й. Хейзинга выражает феномен игры, которая сама, в свою очередь, становится культурой [1].

Духовный аспект становления данной культуры является важной научной задачей нашего исследования.

В современном художественном образовании существует духовная основа – «христианский идеал». Выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский считал, что христианство является идеалом совершенства [2]. Альтернативную концепцию «искусства коммунистического идеала» мы замечаем в исследовании Э. В. Ильенкова [3; 4]. Русские мыслители А. Ф. Лосев [5; 6; 7], П. А. Флоренский [8; 9], М. К. Мамардашвили [10], В. Н. Лосский [11], Ю. М. Лотман [12] обогатили духовное наследие мирской культуры. Новую символику, повлиявшую на развитие виртуального идеала, мы находим в исследованиях западных ученых – Ж. Бодрийяра [13; 14], С. Лангер [15], Г. Маркузе [16], Э. Фромма [17]. Проблемам духовности культуры посвящены исследования В. П. Баранникова и Л. Ф. Матрониной [18], Л. В. Логунова [19], В. Б. Новичкова [20]. Авторские исследования посвящены

символике русской художественной культуре и искусству [21; 22], христианскому идеалу В. С. Соловьева [23].

Ранее не разрешенной проблемой является развитие виртуального идеала в современной культуре.

Целью нашего исследования является анализ развития виртуального идеала в следующих составляющих аспектах:

- 1) истоки и развитие виртуального идеала в искусстве;
- 2) инновации виртуального идеала;
- 3) идеология и сознание виртуального идеала в западной культуре;
- 4) проблемы проявления виртуального идеала в современной культуре.

Концепция «виртуальной реальности» принадлежит американскому ученому С. Лангер. По ее мнению, реальность имеет виртуальную, пространственно-временную характеристику в символах современного искусства: «жизнь людей, сосредоточенная в искусстве всегда реальна и передается в символических формах» [15, с. 215]. Истоки рождения «виртуальной реальности» мы замечаем в искусстве модернизма и постмодернизма. Пространственность данных искусств явилась константой западной культуры и образования. Она плавно перешла в современную информационную сеть. Не миновала данная тенденция и российского художественного образования и культуры в целом. Процессы инноваций «виртуальной реальности» изменили идеалы мировоззрения семьи, школы, объединений и даже простого диалогического общения. Появились новые символы протеста, которые стали камнем преткновения культурных взаимоотношений отцов-детей. Отчуждение новой символизации молодого поколения образовано «новым миром» Интернета. Инновации виртуального мира развили «эскейпизм» – уход от реальности в мир фантазий и игры.

Виртуальный художественный идеал базируется на мировоззрении концепций западных ученых: «одномерного человека» Г. Маркузе, «мега машины» Л. Мемфорда, «Homointelligence» Й. Масуды, «манекена» Ж. Бодрийера.

В концепции Э. Фромма: «Мегамашина» – это полностью организованная и унифицированная социальная система, в которой общество функционирует как машина, а люди – подобны ее частям [17]. Эту концепцию известный западный ученый дополняет символом «Homoconsumes» (человек потребления), стремлением которого является, – как можно больше иметь и больше потреблять. Ж. Бодрийер в тенденциях постмодернистских концепций определяет новый символ: «Манекен вполне сексуален, но пол у него не имеет никаких качеств. Его пол – мода» [14, с. 186]. В этой концепции мы имеем новое восприятие психоанализа, где эмансипация проявлена в качестве «силы наслаждения» или «силы моды». Й. Масуда в символе «Homointelligence» представляет концепцию «нового человека» опосредованного вида. Он считает, что новый человек не есть фантазм, а его генезис подтверждается результатами исследований современной палеоантропологии, социобиологии, информационной науки.

Онтологию идеала «Homointelligence» представляет концепция глобальной полицентричной общности в распространении информации свободных информационных сетей. В дальнейшем глобальная общность станет синергетическим обществом, что означает, согласно концепции Й. Масуды, «комбинированное взаимодействие разных функций с тем, чтобы достигнуть общего эффекта» [24, с. 357]. Синергетика предполагает радикальные изменения в понимании отношений общества и природы. Это мировоззрение предполагает взгляд на природу не как на материю или ресурсы, а как «на воплощение труда чего-то, что находится вне человеческого понимания [24, с. 359]. Но это в идеале, на самом деле информационное общество

взрастило массу проблем. Институциональная сторона западной культуры и образования стала не только онтологической функциональной базой, но и составляющей детерминантой. Эта тенденция наиболее воплотилась в культуре США, где удалось сформулировать гетерогенную ортодоксию информационного пространства – «Калифорнийскую идеологию». Этот феномен представляет собой слияние способов информационного пространства, вычислительной техники и телекоммуникаций в гипермедиа. Процесс несет инновацию символических значений. На это указывает известный американский ученый Д. Белл. В организации новых решений и изменений находится «первенство теории над эмпирией и кодификация знаний в абстрактной системе символов» [24, с. 214]. Разнообразие и интенсификация творческих сил американской художественной элиты подходит к порогу интеграции и разных технологий, что приводит к глубоким культурным изменениям. Культурный художественный идеал находится здесь в свободном самовыражении киберпространства. Но при всем самолюбании элита интеллектуалов развила утопическое мировоззрение, которое содержится в добровольной слепоте по отношению к окружающим несчастьям расизма, бедности, деградации среды. Культурный виртуальный идеал «Калифорнийской идеологии» имеет тенденцию роста своего феномена в культуре США.

Процесс роста символизации виртуального идеала перешел в расцвет символизации «виртуального класса», который представляет интенции технологического детерминизма и либертарианского индивидуализма.

Виртуальная символика интегрирует гибридную ортодоксию информационного столетия. Происходит парадокс феномена свободы – чем больше проявляется технологический бум, тем меньше возможности проявления социальной разумной гуманности. Виртуальный идеал поддерживается в глобальной культуре высокотехническими отраслями промышленности и индустрией медиа. Без элиты функционировать глобальная культура не может, потому что нужны новые технико-художественные символические эрзацы телепрограмм, игр, рекламы. Однако, новый миф замены творчества человека компьютером невозможен. Эта тенденция нового виртуального мифа архетипична в теории «мегамашины» Л. Мемфорда и «Homointelligence» Й. Масуды.

Наряду с утопическим сознанием в виртуальном мифе существует другая проблема – инфернальный символизм. Уже начиная с раннего детства, компьютер представляет и развивает данную тенденцию. «Инфернальный мир входит в непримиримую борьбу с духовностью религий и культур.

Российские исследователи В. П. Баранников и Л. Ф. Матренина рассматривают толерантность религиозности в информационном обществе не заново созидующую, а как то, «что необходимо возвращать и культивировать в духовном наследии всех предшествующих поколений человеческого рода» [18, с. 107]. Исследователь «Свободы и ценности прошлого» Л. В. Логунова указывает: «Опыт поколений, хотя не передается полностью генетически, однако учение прошлому начинается уже с рождения» [19, с. 67]. В современной художественной культуре мы имеем определенное ценностное упущение. По всей видимости, нужна консолидация познания ценностей мировой культуры в образовании, начиная со школы и заканчивая высшими учебными заведениями. Сложившийся прекрасный художественный идеал «прошедших культур» раскрывает молодому поколению богатство общечеловеческих ценностей мирового искусства. Помочь восприятию художественного идеала должна новая информационная эпоха во всем многообразии своих технических инновационных средств. Виртуальный идеал должен пройти тот же этап становления

общечеловеческих ценностей мировой культуры. Толерантность ко всем религиям и культурам должна вести к духовности. Инфернальные символы существовали и до виртуального идеала. Но, и они потерпели свое крушение в общечеловеческой ценностной системе культуры. То же должно произойти и с «новыми» инфернальными символами виртуального идеала.

В современной художественной культуре создается особое мнение об основной роли мировоззрения виртуальной реальности (виртуального идеала). На самом деле это не совсем соответствует восприятию исторического континуума мировой культуры. Исследователь В. Б. Новичков замечает, что идеал воспринимается как «смысловое ядро эпохи» [20, с. 60]. Из-за наличия многомерности символики современной культуры трудно выделить данное ядро. По всей видимости, мы должны проверить адаптацию современных виртуальных символов к наследию духовности предшествующих идеалов нашей художественной культуры.

В результате нашего исследования мы приходим к следующим выводам:

1. Истоки развития «виртуального идеала» сосредоточены в искусстве модернизма и постмодернизма.
2. Инновации виртуального идеала развили эскейпизм.
3. «Калифорнийская идеология» развила в культуре США утопическое сознание.
4. В «виртуальном идеале» проявлена инфернальная символика, которая явилась существенной проблемой развития современной культуры.

«Виртуальный идеал» как самый юный в системе современной культуры вступает во взаимодействие со всеми предшествующими художественными идеалами – античным, христианским, возрожденческим. Данное взаимодействие является перспективой наших последующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хейзинг Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.
2. Ушинский К. Д. Проблемы педагогик. – М.: УРАО, 2002. – 592 с.
3. Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. – М.: Искусство, 1984. – 349 с.
4. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. – М.: Политиздат, 1968. – 319 с.
5. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – 655 с.
6. Лосев А. Ф. Личность и абсолют. – М.: Мысль, 1999. – 719 с.
7. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
8. Флоренский П. А. Иконостас. – М.: АСТ, 2003. – 208 с.
9. Флоренский П. А. Столы и утверждение истины. – М.: АСТ, 2003. – 640 с.
10. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. – М.: Московская школа полит. исследований, 2000. – 416 с.
11. Лосский В. Н. Боговидение. – М.: АСТ, 2003. – 759 с.
12. Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – 704 с.
13. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
14. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: ADMARGNEM, 2000. – 319 с.
15. Лангер С. Философия в новом ключе: исследования символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
16. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: 49 REEL-book, 1994. – 368 с.
17. Фромм Э. Бегство от свободы. – Минск: Харвест, 2004. – 384 с.
18. Баранников В. П., Матронина Л. Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // СОЦИС. – 2004. – №9. – С. 102–107.
19. Логунова Л. В. Свобода и ценность прошлого // Вестник Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2009. – №2. – С. 65–68.
20. Новичков В. Б. Образовательный идеал в контексте социокультурного развития дореволюционной России // Педагогика. – 2012. – №4. С. 54–61.
21. Бугаев В. И. Славянские образы-символы женственности в русской художественной культуре конца 19- начала 20 вв. // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 215–221.

22. Бугаев В. И. Символы мировосприятия искусства П. Флоренского // Вестник славянских культур. – 2016. – №2 (40). – С. 219–224.
23. Бугаев В. И. Символы христианского идеала В. С. Соловьева в процессе гуманизации русского художественного образования // Самарский научный вестник. – 2016. №2 (15). – С. 146–146.
24. Современная зарубежная социальная философия. Хрестоматия / Сост. В. Лях. – К.: Лебедь, 1996. – 384 с.

Поступила в редакцию 24. 03. 2018 г.

VIRTUAL IDEAL IN MODERN CULTURE

V. I. Bugayev

The article is devoted to the analysis of the development of the «Virtual Ideal» innovation in modern culture. The technogenic-material concept of «virtual reality» has an increasing interest among modern youth. The author of the article points out the quasi-cultural values of the formation of the virtual ideal – the violation of the synchronization of culture, the development of the utopian symbolic worldview of the «California ideology», the preformation of the creative impulse of the modern cultural elite. High culture (spirituality) was lost in the labyrinths of symbolization of goods and technologies. Innovations of the «virtual world» gave rise to "escape" – the departure of the young generation from reality into a world of fantasy and play.

Key words: virtual ideal, Christian ideal, virtual reality, symbol, escape, Californian ideology, information space, culture, art, media industry.

Бугаев Василий Иванович

Кандидат философских наук, доцент,
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»
e-mail: VasilBugajov@i.ua

Bugayev Vasily Ivanovich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor,
SCE HPE “Lugansk National University named after
Taras Shevchenko”
e-mail: VasilBugajov@i.ua

УДК 165+101.1:316

ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ: АТТРИБУТЫ И СЛЕДСТВИЯ

© 2018. В. В. Волошин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Постулируется, что доминирующее в современном социуме знание, рассматриваемое в статье как абстрактная модель, формируется преимущественно на обыденном уровне. Проводится селективный анализ «архетипа» данной модели. Это позволяет описать и интерпретировать эпистемологические атрибуты и социальные импликации «прототипа». Поясняющие положения и методологический арсенал обнаруживаются в пространстве специализированного знания. Результаты анализа, как и дополняющий их массив оценочных суждений, имеют статус дескриптивно-объяснительной гипотезы.

Ключевые слова: обыденное знание, научное знание, объективное знание, субъективное знание.

С XVII в. натурфилософия – в классической форме механико-математического естествознания – утвердилась в качестве эталонного познавательного процесса. Впоследствии в англоязычном мире она получила имя «science» (от лат. *scientia* – знание), приобрела «родственников» в лице социально-гуманитарных дисциплин, а в XIX веке стала предметом систематической рефлексии, что положило начало философии науки и эпистемологии (У. Уэвелл, О. Конт, Дж. С. Милль, Г. Спенсер, Дж. Ферье, А. Пуанкаре, П. Дюгем). Трудно отрицать, что наука – образец интеллектуальной деятельности и один из «локомотивов» общественного прогресса. Эпистемологические проблемы занимают лидирующие позиции в современном философском дискурсе, сциентизм – подкрепленная и апробированная мировоззренческая позиция, а история и философия науки – неотъемлемая составляющая образовательных программ. Однако научную картину мира нет оснований считать доминирующей. Ее носители не являются главными арбитрами на арене познания. «Расширяющуюся вселенную» знаний проблематично квалифицировать как гармоничную и предсказуемую в своей эволюции. В качестве «провайдеров» информационных услуг выступают СМИ и социальные сети, а законодателей *scientia*-моды – политики, блогеры, «аналитики», «эксперты», в большинстве своем, далекие от науки.

Элитарная и массовая культура имплицитно специализированное («эзотерическое») и обыденное (популярное, традиционное, «эксотерическое») знание. По объему и количеству носителей последнее намного превосходит первое. Агенты специализированного знания отчасти находятся в эпистемологической «резервации», их влияние и возможности ограничены малочисленностью и давлением общества массовой культуры. Более того, они тоже продуцируют, транслируют, используют обыденное знание, являющееся господствующим, пожалуй, в любую историческую эпоху. Тем не менее, наука имеет существенное преимущество: обыденное знание, как идеальный тип, легитимно и эффективно исследуется носителями знания «эзотерического». Но, не наоборот, ибо концептуализация, типология, идеализация, моделирование, системный анализ – органы исключительно научного и философского исследования.

Цель статьи – фиксация и селективная интерпретация атрибуций и импликаций знания, доминирующего в современном обществе.

Статья является продолжением ранее опубликованной работы [1] и по форме представляет собой синтез дескриптивной и объяснительной гипотез. Основные ме-

тоды – анализ, абдукция, аналогия, типология. Экспланандумом – объектом, который необходимо описать – является обобщенный идеализированный «архетип» наличного знания, а также некоторые процессы формирования и функционирования «прототипа» (референта) данного «архетипа». Экспланас – массив поясняющих положений и логико-методологических рекомендаций – обнаруживается на территории 1) социальной эпистемологии (Э. Голдман, И. Т. Касавин, Ю. С. Моркина), 2) постпозитивистской философии науки (К. Поппер, П. Фейерабенд). Представители последней демонстрируют примеры эффективных аналогий и экстраполяций – эволюция органической природы и эволюция науки, анализ социальной традиции и научной теории, «открытое» общество и наука в свободном обществе и т. д. Кроме того, агенты этих двух направлений симпатизируют экстернализму – подходу, согласно которому развитие науки детерминировано внешними факторами, прежде всего – социальными.

Концепт «знание» не имеет четко фиксируемого объема и конвенционально определенного содержания. Типологии знания весьма разнообразны, причем, таксономические группы неизбежно пересекаются. Фиксируют «знание-как» и «знание-что»; знание-знакомство и знание-умение; перцептивное и рецептурное знание; знание «о ...» и «свидетельств о ...»; знание о Боге, мире, человеке; знание априорное и эмпирическое; практическое, духовно-практическое и теоретическое; откровенное и ординарное; знание достоверное, проблематичное, вероятностное, аксиоматическое, виртуальное, ложное, бессмысленное; знание символически-образное, традиционно-обыденное, догматическое, концептуальное, номологическое; знание научное, ненаучное, вненаучное, псевдонаучное и т. п.

Знание существует (да простят нас теологи за такую метафору) неслиянно и нераздельно, не смешиваясь и не обособляясь в двух качествах – ментальном (субъективном) и объективном («третий мир» К. Поппера). Субъективное «знать» – индексикальное, ситуативное и зависимое от артикуляции. Это значит, пишет И. Т. Касавин, что «знать» в сложных лексических конструкциях, в свою очередь, влияет на их семантический контекст, в том числе и на семантический контекст эпистемических атрибуций (высказываний, приписывающих знания чему-либо)» [2, с. 21]. Следовательно, варьируются эпистемические стандарты, в т. ч. критерии истинности, что приводит к гносеологическому сепаратизму и релятивизму. «Я знаю», в отличие от «есть знание» – не стабильно.

Человек может 1) знать нечто (знание первого порядка), 2) знать, что он знает нечто (знание второго порядка), 3) знать, что он не знает нечто (незнание первого порядка), 4) не знать того, что он не знает нечто (незнание второго порядка), 5) знать, что он не знает нечто, но утверждать, что он знает нечто (незнание первого порядка, мимикрирующее под знание второго порядка).

Субъективное знание – неотчуждаемый атрибут «второго мира», который, наряду с внешней ему физической реальностью («первым миром»), является источником и основой «третьего мира» объективного знания. Последнее, в свою очередь, коррелирует и придает эпистемологическую легитимность миру сознания, взаимодействующему с обоими мирами. «Третий мир» влияет на физическую реальность посредством ментального «второго мира». Знание в объективном смысле автономно и реально, оно состоит из проблем, интерпретируемых фактов, рассуждений, аргументов, гипотез, теорий. Это знание не зависит от чьего-либо требования или желания нечто знать; не зависит от личной веры, ориентаций и мотиваций, диспозиции соглашаться или действовать. Такое знание не может быть «неявным», оно всегда незамкнуто, претендует на общезначимость, но может быть поставлено под сомнение. Причем,

объективное знание не обязательно истинно. Это может быть аргументированное предположение, которое подвергается критике и проходит испытания.

Объективное специализированное знание представляет собой селективный, когерентный, стандартизированный, конвенционально адаптированный информационно-смысловой ресурс, имеющий долговременную социальную значимость. Наука – тип объективного специализированного знания. Ее маркер – перманентный поиск новых, все более глубоких и общих проблем, движение к «повторным, все более строгим проверкам наших всегда временных, пробных решений» [3, с. 350]. Наука избегает закрытых вопросов, делая ставку на скептицизм, вероятность, фальсифицируемость, высокоинформативное содержание. Она «позволяет узнать, в силу наших собственных критических исследований, что мир совсем не таков, каким мы его воображали до тех пор, пока наше воображение не было подстегнуто опровержением прежних наших теорий» [3, с. 530]. Научные проблемы, допущения, гипотезы и теории, «являются инструментами, посредством которых мы пытаемся внести некоторый порядок в тот хаос, в котором живем, чтобы сделать его рационально предсказуемым» [4, с. 224]. Ненаучное знание тоже вносит свою лепту в порядок и предсказуемость социума, бытие которого причудливо преломляется в общественном сознании. Научные проекты и исследовательские программы теряют смысл «в пустом социальном мире, в социальном вакууме» [4, с. 226]. Будучи отчужденными от других форм духовной жизни, институтов и традиций они утрачивают свой потенциал.

Обыденное знание, занимает значительную территорию «третьего мира», не только формируя витальные ориентиры и цели (с различным аксиологическим статусом), но и способствуя их реализации. Такое знание не отличается однозначной предметностью, системностью, полнотой, точностью, общезначимостью. Оно не нуждается в концептуальных каркасах, номологии, логико-методологической рефлексии, специальном языке, алгоритмах верификации и потенциальных фальсификаторах. В формате обыденного знания – наивно оптимистического и прагматичного по своей природе – мир отражается таким, каким его воспринимает субъект с помощью органов чувств и сквозь призму финитного «экономного» здравого смысла. Для такого отражения достаточно тривиальной и/или тавтологичной информации.

Современная повседневная ментальность, формирующая общественные настроения, имеет своим следствием антропоцентризм. Человек – не просто мера всех вещей и венец Творения. Он – *главный субъект* и «повелитель» всех других вещей (анализ такого греха как гордыня пока выходит за рамки эпистемологии). Благодаря социальным сетям, *главного субъекта* можно с восторгом выставить напоказ, разобрав до последнего кварка и лептона. Подобное препарирование сопровождается продуцированием коммуникативно-информационных ноу-хау, например, – интернет-мемов. Последние заменяют концепты и из единиц культурной информации (такой смысл мемам приписывал Р. Докинз), не без помощи СМИ, трансформируются в орудие манипуляции, дезориентации, дезинтеграции общества, вплоть до оправдания человеконенавистнических идеологий. Инфлирующая и «ветвящаяся» цивилизация знаний минимизирует конкретность, точность, лимитативность и когерентность информации. Стираются границы между реальным и вымышленным, antecedentami и консеквентами условных суждений (вплоть до наивного, а иногда и агрессивного, игнорирования принципа причинности). Нередко объектом дискурса выступают темы, не имеющие пресуппозиции, либо медиавирусы и PR-трюки, не регистрируемые по объему и не определенные по содержанию. Рядовой эпистемологический агент оперирует, преимущественно, предметно аморфным и не надежным (по причине релятивности), рецептурным, контекстуальным, диспозициональным, символически-образным, «неявным» зна-

нием, с доминированием пересечения таких типов как практическое знание о человеке, ординарное и виртуальное «знание-как», непроверенное знание «свидетельств о ...».

Чрезмерная персонализация и виртуализация эпистем нивелирует ценность эйдетического, сакрального знания и аргументированного знания естественнонаучного, порождая самоуверенных, эгоистичных, циничных и, увы, отнюдь не виртуальных «шариковых». Такая, перефразируем С. Н. Булгакова, «эпистемология человекобожия» – разновидность ложного антропоцентризма. Последний сужает мировоззренческий горизонт, создают благоприятную среду для распространения информационных «инфекций», упрощает, используя термин С. Жижека, процесс «пристегивания» к текстам избыточных значений и латентных смыслов. И *главный субъект* незаметно становится объектом-жертвой. И не только психологического насилия. «Большинство несчастий нашего мира, войны, уничтожение мыслей и тел, бесконечные убийства вызваны не злыми людьми, а теми, кто объективизирует свои личные желания и склонности и тем самым лишает их человечности» [5, с. 413], – пишет П. Фейерабенд.

Кроме того, такая «объективизация» деформирует лингвистическое пространство, снижает коммуникативный потенциал языка. Архаичные функции языка – экспрессивная, сигнализирующая, стимулирующая – подавляют другие – описательную и объяснительную. Об опасности лингвистических злоупотреблений и пропаганды, нивелирующих критическое мышление и ясную речь, предупреждали многие мыслители сциентистского лагеря. Уничтожить «традицию разума», констатировал К. Поппер, можно «разрушая и извращая аргументативную и даже дескриптивную функцию человеческого языка посредством романтического возвращения к его эмотивным функциям – экспрессивной (слишком много говорят о «самовыражении») и побудительной» [4, с. 232]. Постмодернистская «интоксикация» интеллектуальной элиты, интернет-революция и бесконтрольность СМИ только ускоряют эти процессы.

Вытеснение «традиции разума» также приводит к распространению ненаучных предположений *ad hoc*, наделяемых атрибутами глобальной значимости. Назовем такое состояние «ситуативной псевдоактуализацией» эпистем. Параллельно сжимается рефлексивное пространство отношения человека к действительности, агенты познания привыкают к имитации новизны, конвенции и обоснованности. Огромная «гора» исходной информации рождает «мышь» социально полезного и эффективного знания. Как следствие, элиминируется важнейшая – прогностическая – функция познавательной деятельности. «Когда о нашем природном или социальном окружении мы знаем так мало, что не можем предсказать, что произойдет в том или ином случае, мы становимся озабоченными и испуганными. Если нельзя предвидеть, что произойдет в нашем окружении, например, как поведут себя люди, то теряется возможность рациональной реакции» [4, с. 224].

И тогда возникает иллюзия, что диссонансы и неопределенности можно снять апелляциями к прошлому. В зависимости от целей, – к «золотому» или трагическому, как в современной Украине. Согласно И. Т. Касавину, знание – не только схема деятельности и коммуникации, результат осмысления объекта, но и форма индивидуальной и социальной памяти. Память, имеет неограниченное количество степеней свободы и огромную потенциальную энергию. Она может быть как энтелехийной, созидающей, так и деструктивной. Если разрушается интерсубъективная мнемоническая матрица, знания в модусах настоящего и будущего также искажаются. Актуально звучит риторический вопрос П. Фейерабенда: «Как я могу серьезно относиться к человеку, который оплакивает далекие от него преступления, но восхваляет преступников в своем собственном окружении?» [5, с. 416]. Когда этот человек – ученый, гносеологические конструкции начинают отбрасывать зловещие тени.

Уместно поставить вопрос: «Всегда ли ученые «излучают» свет истины, действуют формированию адекватных витальных ориентиров и общественных идеалов, блокируют правовой и этический релятивизм?». Мы не получим прямого, краткого, определенного ответа в форме категорического суждения. И дело не только в диалектике человеческого существования, естественном конформизме ученого, как впрочем, и любого другого члена социума. Проблема в готовности общества задуматься о собственном, перефразируем Э. Фромма, «бегстве от информационной свободы», поставить под сомнение адекватность (об истинности речь не идет) господствующих идеологем, попытаться преломить в своем сознании социальное бытие скептически и аналитически. Разумеется, общественное мнение – институционализированное и неинституционализированное – отличается от критической аргументированной научной дискуссии, которая включает обсуждение социальных проблем. Но научный дискурс вокруг таких проблем ничего не гарантирует, ибо, согласимся с К. Поппером, «дискуссии такого рода оказывают влияние на общественное мнение, но они не формируют и не контролируют его» [4, с. 586].

С другой стороны, получая от общества материальные и статусные дивиденды, ученый обязан задуматься о компенсации. Как минимум, в форме интеллектуальной честности и следования здравому смыслу (мораль оставляем за скобками). Научное знание может быть достоверным, проблемным, вероятностным, аксиоматическим, постулативным и даже догматическим. Но оно не может быть бессмысленным, не утратив научного статуса. Научное утверждение, не имеющее пресуппозиции, – нонсенс. Фаллибилизм – принцип, декларирующий принципиальное несовершенство знания, его подверженность ошибкам и заблуждениям – положение, успешно подкрепленное историей научного познания. Но заблуждение не тождественно лжи. Завуалированной ложью является подача гипотетической, политически выгодной информации в качестве достоверного и даже аксиоматически-нормативного знания. Опасно и недопустимо, подчеркивал П. Фейерабенд, «агрессивно навязывать идеи, обладающие незначительным подтверждением» [5, с. 235]. Как и прикрываться «либерализмом» и «рационализмом», вовсе таковым не следуя. Такие псевдорационалисты считают собственную «научность» не одной из многих возможных точек зрения, а непререкаемым авторитетом, «свобода, которую они защищают, гарантирована только при условиях, которые не обсуждаются» [6, с. 112].

В заключении рассмотрим некоторые интересующие нас темы в новом контексте, обратившись к Э. Голдману – автору «веритистского» (от лат. *veritas* – истина) проекта в социальной эпистемологии. Данный проект имеет следующие признаки: холизм, нормативизм, релайабилитизм (теория надежности знания), метафизический реализм, прагматизм, индивидуализм. Не отрицая эффективность либерального принципа «истины в очевидности» [7, с. 145], Голдман отстаивает тезис об абсолютной надисторической и надкультурной ценности истины [7, с. 33]. Причем, обоснованность и очевидность не тождественны истинности. Хотя убеждение внешне обусловлено, роль «второго мира» оценивается Голдманом очень высоко. Раскрытие социально значимой реальности (к понятию физической реальности «дескриптивно-успешная» веритистская теория индифферентна) осуществляется через объективную видимость. Это создает условия для формирования надежного фактуально-смыслового континуума, хотя теория корреспонденции Голдмана и не обременена апелляциями к факту как форме научного познания. «Единицей знания для Голдмана является внутреннее состояние индивида, означающее его уверенность в утверждении, являющемся истинным (то есть имеющим «соответствия» в реальности)» [8, с. 670]. В повседневной жизни доминирует два источника тяги к информации – любопытство и ожидание практической пользы [7,

с. 3]. Критикуется тезис о языковой детерминации знания. Ценность «лингвистического поворота», особенно в его постмодернистском варианте, Голдманом не принимается. Он отстаивает в эпистемологии общее, абсолютное, неизменное (вневременное), а понятие знания является «менталистским понятием» [8, с. 670].

Указывается на два достижимых типа знания – сильный и слабый [7, с. 24–25]. Расширенный вариант будет включать знание сверхсильное и сверхслабое. Сверхсильное – максимально обоснованное знание, не допускающее альтернатив. То есть «субъект не может знать утверждение Р без того, чтобы Р не было истинно, и субъект не верил в него на основании очевидности, исключаяющей (логически) все альтернативные возможности» [8, с. 656]. Вероятнее всего, такое знание – недостижимо. Сильное знание – логически (эмпирически) обоснованное – не предполагает элиминации всех возможных альтернатив, а только некоторых. Такой тип знания доминирует в естественных науках. Слабое знание – знание проблемное в системе координат позитивистской верификации, но квалифицируемое как достоверное надежное убеждение, подкрепленное объективированной верой. Это может быть и тривиальное утверждение, не нуждающееся в логическом подкреплении. Дискуссионным является тезис о том, что «слабый» подход «не приложим к научным гипотезам, имеющим сложную структуру и обладающим объяснительной функцией» [8, с. 656]. На наш взгляд, и фоновое, и выводное знание многих теорий в социально-гуманитарных науках – слабое, допускающее конечное (в рамках господствующей парадигмы, разумеется) множество альтернатив. Только «слабый» подход уместен, например, для интерпретации учеными религии. Открытым остается вопрос о релевантности «сильного» подхода для наук, имеющих своим предметом искусство и политику, а также для философии, с ее концептуальным моделированием действительного и возможных миров, а также нагруженностью мировоззренческими проблемами. Сверхслабое знание представляет собой субъективное, неподкрепленное и ненадежное убеждение и/или мнение. Оно не может не допускать бесконечное множество альтернатив и не приемлемо для науки. Никакие «рациональные» аргументы и апелляции к «прогрессивным» идеологиям не в состоянии оправдать адекватность сверхслабого знания. Таковое уместно лишь в мире повседневности. Отрицание альтернатив данного знания и блокирование их трансляции – признак эпистемологической диктатуры, при которой вести речь о духовной свободе и науке в свободном обществе – проблематично.

ВЫВОДЫ. Концепция Э. Голдмана подкрепляет тезис о диалектичности предметно-проблемных полей эпистемологии, наличии множества «скрытых параметров» и несоизмеримых методологий. Субъективизм, ангажированность, локальный эпистемологический фундаментализм, «ситуативная псевдоактуализация» дискредитируют веритизм, как признание безусловного онтологического статуса надисторической истины, которая не имеет национального адреса и политического индекса. Ее невозможно, без потери трансцендентности, вписать в интересубъективно сконструированные и ограниченные во времени телеологические и прагматические контексты.

Релайабиллизм предполагает, что более вероятное и релевантное знание формируется посредством надежных, апробированных когнитивных процессов. Память – один из них. Разрушение и/или деформация социальной памяти, наряду с заменой трансфинитного откровенного знания упрощенной политической мифологией, ведут к деструкции общественного сознания.

Тревогу вызывает возвращение к реликтовой лингвистической программе. Современный агент обыденного знания – добровольная жертва постмодернистского «дионисийского» любопытства, эмотивного «лингвистического» давления и мнимого антропоцентризма. «Третий мир» теряет функцию медиатора, ибо мир физической

реальности уходит на периферию, а ментальный мир – виртуализируется и гипертрофируется. Эпистемологическая парадигма современных СМИ не способствует максимизации истинных убеждений. Наоборот, дискредитирует само понятие достоверного и обоснованного знания, ускоряя и упрощая процесс манипуляции сознанием. В результате, информации все больше, осмысленных и адаптированных специализированных эпистем – базиса знания первого порядка – все меньше. Знание второго порядка оказывается не подкрепленным, незнание первого порядка – игнорируемым либо минимальным по объему (в силу эпистемологической гордыни). Образовавшийся вакуум заполняет незнание первого порядка, мимикрирующее под знание второго порядка. Носители и потребители социально значимой информации нередко даже не знают о том, как много они не знают и пытаются компенсировать объективное незнание абсолютизацией субъективного «знания-знакомства», наделяемого атрибутами «третьего мира».

Имитация сильного знания и насильственно имплементируемая безальтернативность знания сверхслабого, имеют печальные следствия. У общества ослабевает иммунитет перед ложью и бессмыслицей, снижается скорость «рациональных реакций» на идеологемы и симулякры, когнитивный диссонанс утверждается как норма. Все это – путь к эпистемологическому тоталитаризму и потере интеллектуальной свободы, которая, с молчаливого согласия большинства, оказывается под контролем группы агентов, насаждающих некую «рационалистскую» идеологию. Носителям социально-гуманитарного знания стоит напомнить, что либерализм и демократия – это, прежде всего, функционирующие институты и учреждения, а не сотни диссертаций и статей им посвященных; гражданское общество нельзя создать в блогах и на телешоу; социальная рациональность, ограниченная исключительно пространством научных монографий и «Фейсбука» – знаковая система, не имеющая референта.

Вытеснение на периферию современного эпистемологического пространства специализированного знания не должно вызывать интеллектуальной истерики. Аберрация близости (миру интернета, например, немногим больше двадцати лет) не позволяет исчерпывающе объяснить состояние современной цивилизации знаний, тем более, сформулировать прогнозы, обладающие даже минимальной полнотой. Научное знание – не более чем один из эпистемических типов, не исчерпывающий характеристики знания как такового. Именно обыденное знание, осваивает огромную территорию «экзотерического» жизненного мира, который, увы, сложно назвать симфоничным и гуманным. Семантические контексты доминирующей повседневности чрезвычайно подвижны. Они объективно приводят к размыванию эпистемических стандартов. Однако независимый арбитр, владеющий гносеологической деонтологией, – необходим. Научное знание выступает в роли цензора, не позволяя трансформировать «третий мир» в хаотичную и упрощающуюся информационную «вселенную», утратившую человеческое измерение. И это заставляет вновь и вновь апеллировать к вечной теме социальной ответственности ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошин В. В. От анализа ключевого эпистемологического концепта к типологии доминирующего знания // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 88–94.
2. Касавин И. Т. Контекстуализм // Социальная эпистемология / Под ред. И. Т. Касавина] – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 15–35.
3. Поппер К. Р. Логика научного исследования / К. Р. Поппер; [пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского]. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 565 с.

4. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Р. Поппер; [пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 638 с.
5. Фейерабенд П. Прощай, разум / Пол Фейерабенд; [пер. с англ. А. Л. Никифорова]. – М.: АСТ: Астрель, – 2010. – 480 с.
6. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / Пол Фейерабенд; [пер. с англ. А. Л. Никифорова]. – М.: АСТ: АСТМОСКВА, – 2010. – 378 с.
7. Goldman A. I. Knowledge in a Social World / A. I. Goldman. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 424 p.
8. Моркина Ю. С. «Веритизм» Э. Голдмана как нормативистское направление в социальной эпистемологии / Ю. С. Моркина // Социальная эпистемология / [под ред. И. Т. Касавина]. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. –С. 641–670.

Поступила в редакцию 24. 04. 2018 г.

KNOWLEDGE WITHIN THE MODERN SOCIETY: ATTRIBUTES AND IMPLICATIONS

V. V. Voloshin

The present article claims that the knowledge dominating in the modern society – it is treated in the article as an abstract model – is formed mainly on the ordinary level. There is conducted a selective analysis of an «archetype» of the model in question. That allows describing and interpreting the epistemological attributes and social implications of the «prototype». The explanatory propositions and the methodological arsenal are detected within the space of the specialized knowledge. The results of the analysis as well as the bulk of value judgements have a status of a descriptive and explanatory hypothesis.

Key words: ordinary knowledge, scientific knowledge, objective knowledge, subjective knowledge.

Волошин Владимир Викторович

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: v. v. don7ff@gmail.com

Voloshin Vladimir Victorovich

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Chair of Philosophy
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: v. v. don7ff@gmail.com

УДК 165.191

ВОЗРОЖДЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОМ ДОНБАССЕ

© 2017. А. Н. Гришанов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена социально-философскому исследованию роли современного искусства в культурной сфере Донбасса. Проведён анализ таких феноменов как «культура» и «ментальность». В статье рассмотрены особенности ментальности донбасского человека. На примере анализа искусства китайского художника Цяя Гоцяна и его проектов на платформе культурных инициатив «Изоляция», показана возможность появления феномена актуального искусства в культурной среде Донбасса. Проведена аналогия между социальными катаклизмами и появлением новых видов искусства.

Ключевые слова: искусство, культура, менталитет, социальный катаклизм, культурный ландшафт.

Современное искусство и Донецк, искусство действия и «донбасский характер», актуальное искусство и эпоха перемен, – все это можно соотнести с Донечком, и одновременно, это есть бытие ускользающее. Искусство есть производная ментальности и культуры, и в этом своем аспекте «позволяет судить о том, почему и как формировался тот или иной менталитет, каким путем, с помощью каких технологий содержательные основания менталитета переходят в соответствующие параметры мировоззрения и ожидаемого поведения людей» [3].

В первую очередь, следует рассмотреть понятия культуры, ментальности и взаимоотношения этих категорий. Понятие «культура» входит в понятие «ментальность», но существует и обратная связь, в которой ментальность отражает культуру. Предпримем попытку проанализировать культуру и ментальность как некое целое явление.

Реализуясь как цель развития общества, культура выбирает самое высокоценное из разнообразия культурных ценностей, видов деятельности и форм общения и далеко не все из этого списка представляет значимый для последующей истории культуры и последующих поколений опыт. Но означает ли сие, что культура вмещает в себя все полезное, позитивное, сложившиеся в предшествующем опыте, а ментальность содержит в себе все негативное и незначимое и таким образом находится далеко на периферии культуры? И да, и нет. Здесь полезна идея наложения нового на старое, так называемая идея слоёного пирога. Как ментальность, так и культура рождаются внутри себя и не в коем разе не сменяют друг друга, а со временем образуют новый слой. Об этом феномене так говорит Т.В. Иванова: «Можно предположить, что пока он «новый», его называют «ментальностью», не осмеливаясь сразу все новое возводить в ранг «новой культуры». Когда же этот новый слой зарекомендует себя как действительно что-то важное для исторического процесса, он постепенно вращается в «старую культуру», образуя «новую культуру» новой эпохи. Таким образом, ментальность меняется во времени быстрее, чем культура. Культура более инерционна, фундаментальна. В ментальности, как во всяком новом, много мишуры, пены, лишнего, что в итоге не войдёт в культуру в общепринятом её понимании. Упрощенно говоря, в ментальности есть и «бескультурие», отсутствие культуры или «антикультура»» [4, с. 172]. Таким образом, мы можем констатировать, что ментальность – это сырая, еще не сформировавшаяся культура, некая стадия, формирующая новый культурный слой. И

лишь когда эти определенные части ментальности обретут социальную значимость и историческую обоснованность, тогда эти части ментальности станут культурой. И в свою очередь искусство связывается с понятием культуры через ментальность. Искусство является частью культуры и как культура это все самое исторически обоснованное и социально значимое, что сложилось в ментальности, то и искусство есть, то главное и совершенное что определяет конкретную культуру. Человек, творящий искусство, разбирающийся в нем является истинно культурным человеком. Если искусство является элементом общественного сознания, которое в свою очередь является уровнем ментальности, то искусство есть элемент, от элемента соответствующей ментальности. Искусство – это сообщения, творимые одной личности для другой личности, и не просто личности, а творение души для другой души.

Именно истинный художник имеет способность замечать вокруг себя все новое, необычное, испытывать эмоции ранее на доступные остальным индивидуумам, человечеству. А именно новизна, необычность, противоречивость, абсурдность структурируются в ментальности в первую очередь. Потому именно искусство первым выявляет из ментальности то, что со временем может стать достоянием будущей культуры. Так называемое «псевдоискусство», различные эксперименты, «модернизм» «акционизм» и т. п. более принадлежат ментальности эпохи, чем культуре как таковой.

Таким образом, как отмечает Т.В. Иванова, «Ментальность – это сырая, не сформировавшаяся культура, определенная промежуточная стадия формирования культуры» [4, с. 173] и, в то же самое время, «искусство часто первым «выдергивает» из ментальности то, что может стать (а может и не стать) достоянием культуры» [4, с. 175], и в этом контексте нам следует более конкретно рассмотреть ментальность донбасского человека, а чтоб через те грани, которые откроются нашему мысленному взору, мы смогли увидеть то зерно культурной самобытности, которое присуще Донбассу. Как и везде на формирование ментальности человека в первую очередь оказывает влияние окружающий природный и городской ландшафт. Человек Донбасса, окружённый с самого детства видами дымящих заводских труб и шахтных копров, отнюдь не расположен к высокой эстетике, он в своей большей части трудящийся завода, либо шахтёр, спускающийся в недра земли и монотонно творящий рукотворные горы терриконов. Таким образом, тяжелый труд, дымящие трубы, символы горы сопровождают жителя региона, и, казалось бы, все это должно рождать высокие идеи, но нет, ему не до высоких идей, и он скорее настроен на материальное преобразование бытия. Г. Коржов так осмысливает человека Донбасса в исторической перспективе: «В 30-е гг. XX в. окончательно сформировался внутренний типаж жителя края – образ человека, озабоченного лишь заработком, не имеющего собственной истории и традиций, устойчивых гуманистических ценностей, настроенного на приоритет материальных ценностей над идеальными и духовными» [5, с. 44]. Однако вопреки этой пессимистической точке зрения, есть и более оптимистическая и социологически правдивая точка зрения, так Е. Андриенко вполне справедливо выделяет деятельно волевою характеристику донецкого человека «Распространённая среди жителей Донбасса поговорка «пацан сказал – пацан сделал» – вовсе не шутка и не мем. Она отражает реально существующую высокую исполнительскую культуру жителей региона. Так же как и выражение «Донбасс порожняк не гонит». На Донбассе, особенно среди шахтеров, слово всегда ценилось высоко, и было неразрывно связано с делом» [1, с. 9]. Таким образом, мы констатируем утверждение о том, что донецкий человек в своей ментальности является человеком действия, высоких волевых способностей и материально ориентированным индивидом.

Размышляя о степени вплетенности донецкого менталитета в общекультурную среду, следует отметить, возросший потенциал, за время существования Украины, культурной мобильности донецкого человека. И здесь следует подметить большое количество площадок для реализации культурного потенциала человека Донбасса. Говоря об искусстве, отображающем культуру и ментальность Донбасса, следует разграничить искусство модерна в его обильном посткоммунистическом наследии с его миметическими тенденциями. Здесь мы говорим о большом количестве настенных мозаик, дворцов культуры и прочих заведений, и различных живописных полотен, изображающих в той или иной степени точности донецкую реальность в её постоянной символической ипостаси, с ее терриконами, шахтными копрами, заводскими трубами и длинными облаками промышленных горизонтов. Таких произведений искусства в культурном универсуме Донецка, как и других постсоветских городов, очень много. И это вполне отвечает косности и утилитарно практической характеристике донецкого человека, «озабоченного лишь заработком, не имеющего собственной истории и традиций, устойчивых гуманистических ценностей, настроенного на приоритет материальных ценностей над идеальными и духовными. Такой человек с весьма искажёнными установками создаёт вокруг себя определённую маргинальную культуру, которая» [5, с. 42] о чем говорит в своих исследованиях Г. Коржов. Но, вопреки этим оценкам, есть и другая сторона культурного универсума Донбасса, о которой не часто вспоминают здесь, мы говорим о постмодернистскую направленность, которая вполне отражается в искусстве. И здесь следует вспомнить о такой площадке как платформа культурных инициатив «Изоляция». Ее особенность в глубоком вплетении в культурный и материальный ландшафт Донбасса. Изоляция в свою бытность являлась неприбыльным негосударственным фондом, открытым в 2010 году и расположенным на территории закрывшегося завода по производству изоляционных материалов в Донецке. За неполные два года своего существования «Изоляция» реализовала несколько культурных проектов, отображающих специфику региона. Среди них, наиболее знаковыми были, программа резиденций, в которой приняли участие молодые украинские художники – «Изоляция 2. 0», аудиовизуальный проект «ЗвукоИзоляция», объединяющий музыку в стиле академического авангарда и возможности современных визуальных техник и самый значимы арт-проект «Цай Гоцян – 1040 метров под землей» – первый проект художника в Украине, созданный с учетом местного контекста.

Стремясь дать импульс социальному и культурному развитию, фонд также проводил различные образовательные события, включающие лекции, дискуссии, мастер-классы, посвященные современному искусству и культуре, архитектуре, дизайну, литературе, политике и философии. «Изоляция» поддерживала инновативные инициативы, ориентированные на активизацию жизни сообществ и выступала за сохранение культуры, ее обновление и возрождение.

Фонд «Изоляция», в свою бытность, как нельзя лучше отображал суть культурного ландшафта Донбасса, находясь географически возле террикона «кладбище модернистского прорыва», завода и стоящего рядом с терриконом он отображал сущность прорывного и решительного донецкого характера и потому притягивал в свою сферу таких же художников действия, художников футурологов и новаторов – коим является Цай Гоцян о проекте которого мы поговорим отдельно.

Цай Гоцян родился в 1957 г. в Цюаньчжоу, провинция Фуцзянь, Китай. Изучал сценический дизайн в Шанхайской театральной академии. С тех пор диапазон его деятельности в искусстве значительно расширился, включив фотографию, инсталляцию, видео и перформанс. Во время пребывания в Японии в 1986–1995 гг. он

начинает изучать свойства пороха для своих рисунков, что в конечном итоге приводит его к экспериментам со взрывами в широком масштабе и к разработке его знаковых взрыв-событий.

Проект «Цай Гоцянь – 1040 м под землей» представлял две инсталляции китайского художника Цая Гоцяня, включая новую серию пороховых рисунков, созданных на территории «Изоляция»

Мастер работал в сотрудничестве с местными художниками, шахтёрами и волонтерами, создавая пороховые рисунки на холсте. Процесс подготовки был открытым для всех желающих, а также сопровождался прямой трансляцией на сайте проекта. Посетители имели возможность увидеть художника во время творческого процесса и стали свидетелями поджога пороха при создании картин.

Выставка отражала диалог Цая с местным сообществом, его историей и культурой. В своей работе художник стремится выразить судьбу людей, в частности, некогда прославленных чернорабочих, в быстро изменяющемся времени. Выставка также выявляет новые возможности, открываемые современным искусством: преобразовывая хлам в сокровища, мы наследуем и внедряем «социалистический идеал» искусства для людей и искусства, встроенного в жизнь.

Выставка «Цай Гоцянь – 1040 метров под землей» родилась из опыта художника, полученного им в угольных и соляных шахтах индустриального Донбасса в мае этого года. Во время своего визита Цай Гоцянь спускался на 1040-метровый уровень под землю и прошёл более 1000 метров по подземному тоннелю, повторив тот же маршрут, которым шахтёры движутся каждый день. После «путешествия к центру земли» экскурсия на вершину террикона (разговорное название «кучи шлака») ИЗОЛЯЦИИ – открыла ему захватывающий дух вид города: белый дым фабричных труб, ярко-оранжевый водопад расплавленной стали, блестящей в лучах заката, и статуи героев угледобычи, возвышающиеся по всему городу.

«Памятники на плечах» – работа, поражающая мгновенно, действует синестетически, поскольку зритель полностью погружается в среду и контекст. Пространство галереи условно разделено пополам, одна часть засыпана солью, другая углем – природными минералами, которые служат негласными символами Донбасса. Из соли и угля Цай сделал символические горы, на которых расположились пороховые картины – портреты шахтеров соляных и угольных шахт. Взбираясь на эти горы, чтобы осмотреть картины, зритель с каждым шагом, который дается непросто из-за сыпучих веществ под ногами, ощущает своим телом и тяжелый труд шахтера, и неценность этого труда. Звук, возникающий при ходьбе, – также важный элемент экспозиции как постоянное напоминание о взаимодействии зрителя с пространством.

Портреты шахтеров установлены на деревянных опорах, которые сам художник называет «плечами». Эти портреты отсылают к традиции времен коммунизма – носить портреты политических лидеров на праздничных парадах. Только на полотнах Цая Гоцяня изображены не идеализированные диктаторы, а герои повседневности, каждый день совершающие подвиги ценой своей жизни.

В своей инсталляции Цай поджигает портреты порохом и то что выгорело становится элементами и изображением новой картины. Он безупречно подмечает основные символические стержни Донбасса, уголь на котором стоят картины словно тяжелое основание жизни шахтера, некий инфернал подземелья вышедший благодаря тяжелому труду наружу, но и не только инфернал, но и созидательная энергия огня, покоренная тяжелым отбойным молотом шахтера. Картины являются результатом сжигания пороха на холстине, словно деятельный огонь, изменяющий характер и внутренний и внешний мир нашего человека. Выставка Цая является примером

прогностической и провиденческой функции искусства, он словно сторонний наблюдатель еще за несколько лет до событий 2014–2017 гг., увидел потенциал неумолимой решимости к действию, сокрытой в основании тяжелого труда и сложной монолитной реальности донецкого человека, которому не удастся остаться в стороне, соврать себе, искать ложные и сложные смыслы, а наоборот встать решительно и проложить путь справедливости, пусть и путем огня, крови и выгоревшего родного дома. Китайский художник в своей творческой интуиции предвидел события предстоящей войны, он будто бы смотрел через пороховые взрывы на формирующегося огнем войны нового человека Донбасса. Через сажу и пепел оставшихся на холстах, облик это человека, прошедшего мимо сгоревших от взрывов, домов его друзей и соседей. И, тем не менее, в портретах, ставших от огня черными, он предположил нового человека Донбасса, свободного от двусмысленностей и четко дифференцирующего грани добра и зла. Таким образом, мы можем вполне констатировать что донецкий ландшафт и культурная реальность не только является отрицательно конституирующей реальностью, но и притягивает к себе людей действия, новаторов, таких как Цай Гоцян.

В нынешнее переломное время для Донбасса с его социально политическими изменениями, произошедшей в Украине так называемой «Революции достоинства» с пришедшей в результате ее нового режима, не нашедшего понимания на Донбассе и возникшей вследствие этого новой юной Донецкой республикой. Это явление вполне можно охарактеризовать как реакционную революцию свободной воли и деятельной справедливости в культурно-политической сфере Донбасса. Но не будем углубляться в политические нюансы новых реалий. Отметим только то что произошло в социально политическом универсуме Украины, является таким же революционным феноменом как и любая другая революция и следующая за ней контрреволюция известные истории. И для более глубокого понимания феномена возникновения нового в искусстве во время и поле революции следует обратиться к октябрьской революции 1917 г., и возникшими вследствие этого новым инновационным для XX в. культурных реалий. Марущенко так осмысливает это явление «Искусство XX в. всецело отразило кризис эстетического, ставший результатом социальных потрясений нового века. Ярким примером этого является возникновение новых течений, таких как авангард, и рождение нового вида искусства – кино: «...появлению нового вида искусства всегда предшествует формирование некоей социальной потребности, которая не может быть удовлетворена в условиях существующей художественной культуры» [9, с. 243]. И в этом же плане опираясь на культурологические закономерности мы отметим что, в любую переломную эпоху первый кто освещает горящим сердцем в руках вехи новой реальности – художник, мыслитель, поэт. Он в своей творческой интуиции результирует влияние на общество аскетов новой реальности «Искусство как подсистема культуры занимает в ней ключевое положение, являясь результирующей, которая фиксирует совокупное влияние на человека всех прочих сторон и аспектов его жизнедеятельности. Художественная культура – связующее звено искусства и культуры, их посредник [3, с. 3]» отражает социальные катаклизмы и творит новое «Живопись XX века в полной мере отразила социальные потрясения. Художники ответили творческим бунтом, который воплотился в абсолютно новых художественных методах. Также наблюдалось явление синтеза разных видов искусств. Так, многие футуристы были и поэтами, и художниками (В. Маяковский, Д. Бурлюк), и на своих выставках совмещали чтение стихов, демонстрацию картин и даже искусство перформанса» [9, с. 244]. В революционный период, как уже отметил Марущенко, художник творит новое, указывая интуитивно дальнейшее развитие культуры и

раскрывая новые горизонты ментальности. Во время социального катаклизма, а именно революции, как замечает Луначарский «Революция приносит с собою идеи замечательной широты и глубины. Она зажигает вокруг себя чувства напряженные, героические и сложные» [7]. Таким образом, искусство рождается революцией и искусство указывает новые горизонты к преобразованию реальности. И творцом новой реальности является именно актуальное современное искусство, которое вполне осуществлялось на платформе «Центра культурных инициатив – Изоляция». И именно донецкая атмосфера, донецкая ментальность в своей культурной самобытности привлекала в довоенное время художников актуальных и современных. И в наше военное время, донбасский характер еще отрефлексирует новыми произведениями, а возможно новыми течениями в искусстве. Однако в данный момент наблюдается определенная проблема, сейчас в культурном пространстве царит искусство модерна, с его миметическим повторением окружающий реальности, его погруженности в созерцание прошлого.

В целом, исходя из обновленческих процессов в искусстве после социальных катаклизмов мы можем предположить, что и в культурном пространстве Донбасса должно появиться нечто новое в искусстве, однако на данный момент ничего не происходит в сфере искусства Донбасса и здесь возможны следующие несколько процессов в искусстве: либо оно идет в тупик «усталого модерна» с его картинами и терриконами, либо новое бурлит чтоб прорваться в «позитивное сумасшествие» постмодернистского акционизма, но все же мы будем надеяться на то, что искусство еще вымолвит свое слово, и здесь мы скажем словами Луначарского «если революция может дать искусству душу, то искусство может дать революции ее уста» [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко Е. В. Полиэтничность как функциональная детерминанта Донбасса в рецепции философской мысли: монография / [Т. А. Андреева и др.]; под ред. Е. В. Андриенко, Т. А. Андреевой. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 234 с.
2. Васин С. HomoDonbassus, или Что изменила война / С. Васин // ZN, UA. Зеркало недели. Украина. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazeta.zn.ua/internal/homo-donbassus-ili-cto-izmenila-voyna-.html> (Дата обращения: 10.03.2017.).
3. Ветрова О. А Особенности влияния искусства на менталитет русского человека. / Ветрова О. // <http://cheloveknauka.com>. Человек и наука. – 2004. – [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-vliyaniya-iskusstva-na-mentalitet-russkogo-cheloveka> (Дата обращения: 10.03.2017.).
4. Иванова Т. В. Ментальность, культура, искусство. 2002 №6 / ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ
5. Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г. Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – №4. – С. 38–51.
6. Лебедев С. В. Донбасс: этническая история / С. В. Лебедев // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2014/03/14/donbass_etnicheskaya_istoriya/ (Дата обращения: 20.01.2017).
7. Луначарский А. В. Искусство и революция. / Луначарский А. В. // Наследие А. В. Луначарского. Революция и искусство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/revolucia-i-iskusstvo> (Дата обращения: 31.05.2017).
8. Мельников Д. Донбасский характер / Д. Мельников // Русская правда. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruspravda.info/Donbasskiy-harakter-9108.html> (Дата обращения: 10.03.2017).
9. Марущенко А. А. Трансформация этических смыслов в искусстве переломных эпох. // Журнал наука искусства и культура. 2015. – №2(6) – С. 242-247.
10. Попович М. Майдан хотел «свободы для», а Донецк – «свободы от», это и раскалывает Украину (Интервью) / М. Попович // Новое время. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nv.ua/publications/miroslav-popovich-maydan-hotel-svobody-dlya-a-doneck-svobody-ot-eto-i-raskalyvaet-ukrainu-2930.html> (Дата обращения: 20.01.2017).

11. Сантаяна Дж. Характер и мировоззрение американцев / Дж. Сантаяна. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 176 с.
12. Сидорова К. Л. Витоки та розвиток донецького регіонального міфу / К. Л. Сидорова // Філософія і політологія в контексті сучасної культури. – 2012. – Вип. 4(2). – С. 222–229.
13. Тараненко Е. В. Донецкая мифология: смена концептов, или Уголь, Розы и Футбол / Е. В. Тараненко // Метафізика Донецька. Філософські есе. – Донецьк: Донецьке відділення Наукового товариства ім. Шевченка, ТОВ «Східний видавничий дім», 2012. – С. 86–110.

Поступила в редакцію 02. 12. 2017 г.

REVIVAL OF CONTEMPORARY ART IN THE MODERN DONBASS

A. N. Grishanov

The article is devoted to the socio-philosophical study of the role of contemporary art in the cultural sphere of Donbass. The analysis of such phenomena as "culture" and "mentality" is carried out. In this article, the peculiarities of Donbasian mentality are examined. On the example of the analysis of the art of the Chinese artist Tsai Guoqiang and his projects on the platform of cultural initiatives "Isolation", the possibility of emergence of the phenomenon of contemporary art in the cultural environment of Donbass is shown. An analogy has been drawn between social cataclysms and the emergence of new types of art.

Key words: art, culture, mentality, social cataclysm, cultural landscape.

Гришанов Александр Николаевич
Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: alexandrdesign1983@gmail.com

Grishanov Alexander Nikolayevich
Graduate Student of the Chair of Philosophy,
SCE HPE "Donetsk National University"
e-mail: alexandrdesign1983@gmail.com

УДК 171.311:152.18

САМОБЫТНОСТЬ СМЕХОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2017. Е. В. Гришанова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена философскому анализу самобытности смехового пространства в социокультурном измерении различных эпох – от Античности до современности. Выделены подходы различных мыслителей к проблеме комического. Проанализированы историко-философские варианты интерпретации смеха, а также показана сущность понятия комического в молодой республике. Сделан вывод о том, что явление комического является специфическим выражением понимания, которое в свою очередь обусловлено набором общественно значимых элементов культуры, включающих нормы, традиции, ценностные ориентации.

Ключевые слова: комическое, самобытность, смех, юмор, культура.

Анализ комического позволяет исследовать смешное как часть культуры. Актуальность вопроса о самобытности понятия комического давно является предметом научного интереса различных ученых (А. Бергсона, М. Бахтина, В. Белинского, а также В. Проппа, А. Сычева, Л. Карасева). Осмысление русской народной культуры в контексте ее развития и бытования в качестве самодостаточного явления национальной культуры актуализируется в период затянувшегося глубокого кризиса, поразившего важнейшие сферы духовной жизни современного российского общества. Смех является специфическим выражением понимания, которое в свою очередь обусловлено набором общественно значимых элементов культуры, включающих нормы, традиции, ценностные ориентации, убеждения. Хотя юмор и является универсальным феноменом, существующим в любом обществе и на любом уровне его структуры, его самобытность невозможно понять без «предпонимания» социокультурных подтекстов.

Целью нашей работы является философский анализ исторического и современного развития самобытности смехового пространства в социокультурном контексте.

Потребность в смехе проявляется в жизни первобытного общества: смех исполняет здесь роль противовеса страху и серьезности ежедневной борьбы за выживание: неслучайно празднествам, где смех занимал ведущее место, отводилось до трети календарного года. В истории древнерусской культуры вплоть до середины XVII в. можно назвать эпохой скоморохов, так как именно они были яркими новаторами музыкальных, театральных, литературных и других жанров. Их искусство было обращено к народу и отличалось подлинным демократизмом. Первым о скоморохах высказался историк И. Д. Беляев, который затронул проблемы происхождения русских скоморохов. Скоморошество могло возникнуть только в связи с внутренней потребностью общества. Ученый утверждал, что деятельность скоморохов не ограничивается участием в обрядах, они «предлагали свои услуги повсюду, где открывалась, какая бы то ни была потребность в музыке и играх» [3, с. 76–77]. Скоморошество являлось обязательным составным элементом социокультурной практики. Оно связано было с архаическими ритуалами и обрядово-ритуальной практикой. Сами же скоморохи участвовали активно в социокультурной жизни русского общества на протяжении нескольких веков.

Феномен комического является одним из древнейших в истории культуры. Некоторые ученые считают, что при помощи смеха общество указывает на косность характера, ума, тела, то есть на те случаи, где человек неспособен оперативно переключиться с одной социальной роли на другую или приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Аристотель пишет: «... те, кто в смешном преступает меру, считаются шутами и грубыми людьми, ибо они добиваются смешного любой ценой... А кто, не сказавши сам ничего смешного, отвергает тех, кто такое говорит, считается неотесанным и скучным. Те же, кто развлекается пристойно, прозываются остроумными ...» [1, с. 141]. Применяя этическое правило золотой середины, автор вычленил из единого целого ту часть смеха, которая является наиболее ценной для его учения о нравственности и запросов эпохи, а именно: рациональный его аспект, тщательно освобожденный от груботелесного и агрессивного. Рассматривая именно такой смех, он создал знаменитую формулу философии, гласящую, что из всех живых существ только человек способен смеяться.

Во все эпохи в жизни любого народа праздникам отводилась огромная роль. В периоды кризиса смех направлен на сохранение здравого смысла, социального оптимизма и ценностей свободы – факторов, без которых духовное здоровье общества невозможно. М. М. Бахтин считал, что в эпоху перемен вся жизнь принимает карнавальное характер. Чтобы принять эти перемены, необходимо их карнавальное осознание и соответствующее карнавальное (праздничное) оформление. Ю. В. Манн, О. М. Дьяченко, Н. Е. Веракс считают сегодняшнюю карнавализацию проявлением двойственности, сигналом кризиса и в то же время способом выхода из него, а также неким неструктурированным «карнавальным чувством». Ученые придерживаются мнения, что «карнавальное чувство» (особое чувство жизни и истории) присуще российской ментальности, а карнавальная культура (система идей-образов) не сформирована. Карнавализация является ядром комического искусства. Именно карнавальная культура «окультуривает карнавализацию», как «инстинктивное чувство» направляя ее в русло эстетической деятельности, в частности примером могут служить карнавальные виды современного искусства (уличный театр, клоунада). В карнавале наиболее полно проявляет себя и отрицающая, и утверждающая сила смеха. М. М. Бахтин писал: «... карнавал не созерцают – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной» [2, с. 10].

Нельзя не обратиться и к основателям марксизма – К. Марксу и Ф. Энгельсу. Эти мыслители видят комическое не только в процессе субъективной рефлексии, но и в объективном ходе человеческой истории. Согласно ученым, смех глубоко историчен. «Что значат крохи нашего остроумия, по сравнению с потрясающим юмором, который прокладывает себе путь в историческом развитии!», – пишет Ф. Энгельс [6, с. 338]. Следует отметить тезис о признании огромной разрушительной роли смеха: комическое вскрывает социальные противоречия и наглядно показывает общественному сознанию нежизнеспособность идеалов. Неслучайно гибель социально-экономической формации сопровождается всплеском смеха. Можно сказать, что этот смех является своеобразным механизмом погребения отживших социальных форм.

Надо отметить, что смехоможетиметь и агрессивные проявления. При этом иногда даже агрессивные аспекты смеха играют определенную роль в снятии нервно-психического напряжения. Многие из угроз, с которыми сталкиваются люди, исходят от других людей. Р. Мартин пишет: «Высмеивая глупость, некомпетентность, лень или другие недостатки людей, которые фрустрируют, возмущают и раздражают их и мешают продвижению к цели, люди способны минимизировать страдания, которые

могут вызывать другие, и получать некоторое удовольствие в ущерб им. Это использование агрессивного юмора при совладании может быть направлено на конкретных людей, которые создают трудности, или на неопределенных представителей более широких социальных групп, которые воспринимаются как источники раздражения» [7, с. 328].

Также об отрицательной силе смеха пишет в своей работе «Философия смеха» [4] Л. В. Карасев. Он говорит, что объект смешного содержит определенную меру зла, которая не является критической, а, значит, может быть преодолена. Он пишет, что именно смех указывает на возможность преодоления этого зла. Тесная внешняя связь смеха со злом представляется очевидной, менее заметно их внутреннее противостояние: «Смех отражает зло в своем зеркале, и поэтому сам невольно делается чем-то на него похожим, – вот в чем дело. Заключение же из этого, что смех перестает быть собой и превращается в зло, значит просто не понять истинного смысла ни того, ни другого» [4, с. 39]. Автор считает, что насмешка рождает обиду, гнев, одним словом, – страдание, но это страдание является неизбежным, в нем есть надежда на изменение мира и себя в этом мире, т. е. есть надежда на лучшее будущее.

Важным аспектом смеховой культуры в Древней Руси являлась работа Д. С. Лихачева и А. М. Панченко «Смеховой мир Древней Руси» [5]. Саму эту культуру они рассматривали как определенный антимир, в который переносилось все неблагополучное и неправильное. Авторы считали, что смех является разрушительным феноменом настоящего мира, имеющий и некое созидательное начало, в создании мира свободного и неупорядоченного. Сам смех в Древней Руси был сопряжен с театрализацией, приводил к созданию грандиозных смеховых действий – не к простому карнавалу, а к тематическому действию, в котором, естественно, постепенно утрачивалось само смеховое начало. Дело в том, что смеховой мир всегда балансирует на грани своего исчезновения. Он не может оставаться неподвижным. Он весь в движении. Смеховой мир существует только в смеховой работе. Тот или иной смеховой мир, становясь действительностью, неизбежно перестает быть смешным. Поэтому смеховой мир, чтобы сохраниться, имеет тенденцию делиться надвое. Именно это раздвоение смехового мира связано с самой сутью средневековой поэтики. Ученые отмечают, что стихотворная рифма внесла определенную роль в смеховую стихию. Ученые писали: «Лирическая поэзия включала в себя рифму с большой осторожностью, стремясь избежать любых смеховых сочетаний» [5, с. 56]. Д. С. Лихачев отмечает, что только в Древней Руси стихи и стихотворные послания сохраняли элемент шуточности.

Говоря о самобытности смехового пространства, нельзя не сказать о современных его корнях в молодой республике. На Донбассе юмор является неотъемлемой частью культуры. И он, стоит отметить, здесь специфический, с одной стороны кто-то скажет, что в нем ничего хорошего нет, а кому-то он как бальзам на душу. Только в определенных условиях юмор понятен людям, но понятен им, потому что они так живут. Никто не говорит здесь, как нужно шутить, все смешные истории рождаются сами по себе на шахтах, а где еще, ведь Донбасс является городом шахтеров. Шахтер – самая опасная «мирная» профессия. Только смех помогает шахтеру сохранять самообладание в непростых ситуациях. Многие певцы являются авторами известного шахтерского фольклора. В своих песнях они воспевают тяжелый шахтерский труд.

С. Мишецкий описывает жизнь шахтеров с давних времен. Он пишет: «...ежели кто не будет пить, то бранять ругательно; и хотя его и не знают, какой бы онъ человекъ ни былъ, однако его подчиваютъ; въ какомъ своемъ веселіи и гуляніи чрезъ немногіе дни, удивленія достойно, какъ они прогуливаютъ великую сумму денегъ; и не

только что полученную добычу, но и старое что имѣють, въ забытомъ своемъ пьянствѣ, пропивають, и входятъ отъ того въ великіе долги» [8]. Автор пишет, что такое громкое празднование побед, растрата всего, что было приобретенной как результат необходимость снова «совершать подвиг» – спускаться в шахту, все эти моменты отражаются в рабочей среде в виде мифопоэтических текстов, фиксирующих определенный уже устойчивый концепт: отражено в следующей песне:

«Шахтер голый, шахтер босый,
Шахтер курит папиросы.
Шахтер пашенки не пашет,
Косы в руки не берет,
Только кайлушком помашет,
Зато денежки гребет....
Получил получку я
Ровно двадцать два рубля,
Два рубля отдал домой,
Ну а двадцать – на пропой».

Фольклорные параллели ощутимы в произведениях народного искусства. Многогранное, мудрое и глубоко поэтическое творчество народа, его гуманистический пафос стали основой художественной литературы Донбасса.

Таким образом, феномен комического является одним из древнейших в истории культуры. Само общество является специфическим феноменом, поскольку оно обладает теми качествами и характеристиками, которые не наблюдаются у отдельно взятого человека. Именно общество имеет динамическую обусловленность, оно может постоянно изменяться в своих существующих состояниях. В обширной научной литературе, посвященной обряду, мифу, лирическому и эпическому народному творчеству, смеховому моменту уделяется лишь самое скромное место. Поэтому можно без преувеличения сказать, что глубокое своеобразие народной смеховой культуры прошлого до сих пор еще остается вовсе не раскрытым. Во все эпохи в жизни любого народа праздникам отводилась огромная роль. Потребность в праздниках присуща человечеству с самых ранних времен. Праздник одновременно ориентирован на прошлое и устремлен в будущее. Праздник исконно связан с традицией и всегда стремится к возрождению и актуализации традиционного. Однако, по природе своей нацеленный на обновление, на будущее, он всегда находится в оппозиции к той же традиции, способствуя ее развитию и обогащению. Поэтому праздник в значительной степени ритуализирован, обряден, но никогда не сводится к ритуалу или обряду, оставляя место новому, непредусмотренному, свободе проявления и сознательному выбору. Комическое и вызываемый им смех в обществе во многом способствуют изменению структуры и характера социума, соответственно, расширяя степень его духовных свобод. Юмор и смех, даже когда их «внешнее» содержание может казаться чрезмерно критическим, стремятся сохранять структуры «серьезной жизни» и поведения людей, в обществе которых они используются. И в этой связи справедливо утверждение, что чем глубже комическое включено в соответствующие социальные структуры, тем больше оно поддерживает эти структуры. Пристальное внимание к актуальным проблемам дня позволяет комическому постоянно расширять границы исследования бытия, запечатлевая все новые явления, которые рождает действительность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения / Аристотель. Соч. в 4 т. – Т. 4. – М.: АСТ, 1983. – 830 с.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1979. – 341 с.
3. Беляев И. Д. Скоморохах / И. Д. Беляев // Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. – кн. 20. – М.: Азбука, 1854. – С. 76–77.
4. Карасев Л. В. Философия смеха / Л. В. Карасев. – М.: РГГУ, 1996. – 224 с.
5. Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко М.: «Наука». – 1976. – 204 с. (Сер. «Из истории мировой культуры».)
6. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс // Энциклопедия философских наук: в 38 т. – Т. 38. – 2-е изд. – М.: Наука, 1965. – 680 с.
7. Мартин Р. Психология юмора / Р. Мартин; [пер. с англ. под ред. Л. В. Куликова]. – СПб.: Питер, 2009. – 480 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии».)
8. Мишецкий С. Історія про козаків запорозьких, як вони з давніх часів почалися, і звідки своє походження ведуть, і в якому стані тепер знаходяться / С. Мишецький // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/index.html> (Дата обращения 20.02.2018 г.).

Поступила в редакцію 04. 12. 2017 г.

THE ORIGINALITY OF THE COMIC SPACE IN A SOCIOCULTURAL CONTEXT: PAST AND PRESENT

Ye. V. Grishanova

The article is devoted to the philosophical analysis of the identity of the laugh space in the socio – cultural dimension of different eras-from Antiquity to the present. The approaches of different thinkers to the problem of the comic are highlighted. The historical and philosophical variants of the interpretation of laughter are analyzed, and the essence of the concept of comic in the young Republic is shown. It is concluded that the phenomenon of comic is a specific expression of understanding, which in turn is due to a set of socially significant elements of culture, including norms, traditions, value orientations.

Key words: comic, originality, laughter, humor, culture.

Гришанова Екатерина Валерьевна
Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: katyushka.0312@mail.ru

Grishanova Yekaterina Valeriyevna
Graduate Student of the Chair of Philosophy,
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: katyushka.0312@mail.ru

УДК 82.0

МОДЕЛЬ ИНИЦИАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

© 2018. В. Ю. Даренский

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

В статье обосновывается необходимость анализа многих литературных произведений в особом аспекте, связанном с их глубинной экзистенциальной функцией – как инициационных текстов, то есть порождающих духовную инициацию в читателе за счет предельно концентрированной передачи опыта жизни на грани смерти, как символического «прохождения через смерть» и «второго рождения».

Ключевые слова: литературное произведение, инициация, структура, экзистенция, мотивы.

Познав себя, никто уже не останется тем, кто он есть.

Т. Манн [Цит. по: 11, с. 8].

Источником художественного содержания произведения искусства, в том числе литературного произведения, являются не только и даже не столько отдельные выразительно-изобразительные средства, сколько особый «эффект целого», в рамках которого они «работают» и без которого утрачивают смысл. Этот «эффект целого» – действие произведения в целом на реципиента как целостную личность, а не просто «читателя» – традиционно обозначается понятием катарсиса. Но катарсис как особое сложное переживание, «сжигающее» негативные чувства и сублимирующее позитивные, – может быть двунаправленным по своему действию. «Нормальной» и наиболее распространенной формой катарсиса является возвращение субъекта к самому себе – т. е. реципиент, получив сильное художественное переживание, тем самым, лишь утверждает в своей субъективной самоидентичности, «остается самим собой», никаких принципиальных изменений с ним не происходит. Наоборот, все пережитое благодаря произведению лишь отбросило от него чуждые ему мысли и чувства и утвердило его в своей субъективной правоте. Тем самым, здесь произведение сыграло роль своего рода культа того человеческого «Я», которое с ним встретилось и благодаря этой встрече стало еще более непроницаемым для посторонних влияний, самоуверенным и самоидентичным. Именно этот эффект, по-видимому, и ожидают большинство читателей литературных произведений: с одной стороны, цена переживания от его чтения как нечто самоценное, с другой – в конечном итоге ожидают «подтверждения своей правоты». И наоборот, произведения, оставляющее чувство «утраты почвы под ногами», ставящие под вопрос само мировоззрение читателя, внутренние опоры его субъективности, у большинства читателей вызывают отторжение, неприятие и даже страх. Именно эта реакция чаще всего вызывает негативную оценку произведения, а не его художественные качества как таковые.

Но существует и другой тип произведений, и другой тип читателей, которые ожидают от произведения последнего эффекта. Эти читатели находятся в мировоззренческом и духовном поиске, в состоянии экзистенциальной тревоги и спонтанной трансформации собственной субъективности. Соответственно, их поиск направлен на такие произведения, которые соответствуют именно такому внутреннему состоянию. Они ищут произведения, которые бы могли удовлетворить именно эту их внутреннюю жажду саморазвития и самотрансформации. Эти произведения могут, во-

первых, ускорить и интенсифицировать этот процесс, а во-вторых, придать ему определенную конкретную направленность. При восприятии таких произведений катарсис «работает» в ином направлении: он не «отбрасывает» как *пере-житое* все чуждое субъекту, укрепляя его в самоидентификации; но наоборот, заставляет меняться и трансформироваться сам субъект посредством усвоения ранее чуждых ему смыслов и жизненных содержаний, и отбрасывания как отжитого того, что ранее было для него «своим» и привычным. Этот второй тип катарсиса – катарсис самотрансформации субъекта – встречается реже, чем первый тип, но является намного более ценным с экзистенциальной и культурной точки зрения, поскольку изначально соответствует базовой структуре культуротворческого усилия, которое состоит в самопреодолении субъекта в его движении к бытийному Идеалу и открытости Другому.

Соответственно, тип произведений, в которых художественными средствами «закодирован» *трансформативный катарсис*, также требует своей особой теоретической спецификации. То, что происходит с читателем при адекватном содержательном восприятии и переживании таких произведений, является аналогом обряда «инициации», имевшего место во всех архаических обществах (от лат. *initiatio* – посвящение). Как известно, в этих обрядах человек в юношеском возрасте проходил ряд тяжелых испытаний, к которым готовился заранее, после которых официально принимался в число взрослых членов сообщества. В процессе обряда инициации происходила трансформация сознания человека не только посредством сильных переживаний, но и путем сообщения ему тайных эзотерических знаний. Все это приводило к трансформации личности во взрослое состояние. В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе, и художественная литература.

Как общекультурный символ «инициация» обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Символическое прохождение через смерть, духовная инициация, символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность. *Целью* данной статьи является анализ форм воплощения модели «второго рождения» (инициации) в литературном произведении.

Основная часть. Хотя присутствие модели «инициации» в произведениях иногда отмечается разными авторами при анализе отдельных произведений, однако теоретически этот факт до сих пор не концептуализирован. Подходы к такой концептуализации были у К. -Г. Юнга и М. Элиаде. А по отношению к сказке В. Я. Пропп писал: «цикл инициации – древнейшая основа сказки... Другим циклом... является цикл представлений о смерти» [10, с. 308]. На самом деле это один и тот же цикл, поскольку инициация и является символическим «прохождением через смерть». А поскольку сказка – это древнейший вид литературного творчества, то все более поздние виды в «снятом» виде сохраняют в себе ее смысловую структуру, в том числе и модель инициации в ее «превращенной форме».

Художественными средствами передаются особые состояния героев произведения (в том числе, и авторского «Я»), соответствующие различным стадиям инициации, и эти состояния могут при условии соответствующей личностной открытости сопереживания передаваться и читателю. Например, стихотворение «2-го ноября» В. Ходасевича о событиях вооруженного захвата власти большевиками в Москве заканчивается строчками:

*... сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыганы»
В тот день моей не утолили жажды.*

Это «впервые в жизни» по отношению к произведениям Пушкина как символам полноты миропереживания как раз и означает полный слом того бытийного состояния, которое было у автора до этого. Революция, происходя вонне, стала пусковым механизмом внутреннего экзистенциального «слома» в человеке. Причем поэта впечатлили не сами бои и взятие Кремля (единственный раз в его истории), но другой, сопутствующий этому образ, который и произвел смысловой «взрыв». Поэт увидел на улице:

*Лет четырех бутуз, в ушастой шапке,
Присел на камень, растопырил руки,
И вверх смотрел, и тихо улыбался.
Но, заглянув ему в глаза, я понял,
Что улыбается он самому себе,
Той непостижной мысли, что родится
Под выпуклым, еще безбровым лбом,
И слушает в себе биенье сердца,
Движенья соков, рост... Среди Москвы,
Страдающей, растерзанной и падшей, -
Как идол маленький, сидел он, равнодушный,
С бессмысленной, священной улыбкой.
И мальчику я поклонился тоже.*

На самом деле именно этот образ (а вовсе не революционная катастрофа) и является в данном случае центральным образом инициации – архетип «божественного младенца» как символ пра-человека явлен здесь в самом ярком и непосредственном образе. Внешние исторические катастрофы лишь обнажают это первичное состояние Человека-на-Земле, а оно уже и «запускает» процесс трансформации сознания и мировосприятия. В. Тернер назвал общность людей, проходящий инициацию (символическую смерть) *коммунитас* (communitas): этот термин обозначает «качество полного непосредственного общения... которое возникает спонтанно во всех типах групп, ситуаций и обстоятельств... Чувство единства (sharing) и интимности, которое развивается в группе лиц, совместно испытывающих лиминальность» [14]. («Лиминальность» – это «пограничное» состояние между жизнью и смертью). В данном случае и образ малыша с «бессмысленной, священной улыбкой» обозначает общечеловеческое бытие в состоянии «лиминальности», чем и обусловлен поклон ему как открывшейся вдруг правде самого лирического героя.

Иногда образ прохождения через смерть и почти мгновенная трансформация сознания героя даются в самом ярком и непосредственном виде. Константин Воробьев в повести «Убиты под Москвой» описывает его (явно на личном опыте) так: «То оцепенение, с которым он встретил смерть Рюмина, оказывается, не было ошеломленностью или растерянностью. То было неожиданное и незнакомое явление ему мира, в котором не стало ничего малого, далекого и непонятного. Теперь все, что когда-то уже было и могло еще быть, приобрело в его глазах новую, громадную значимость, близость и сокровенность, и все это – бывшее, настоящее и грядущее – требовало к себе предельно бережного внимания и отношения. Он почти физически

ощутил, как растаяла в нем тень страха перед собственной смертью. Теперь она стояла перед ним, как дальняя и безразличная ему родня-нищенка, но рядом с нею и ближе к нему встало его детство» [1, с. 78].

И почти сразу же после этого обряд инициации героя повторяется в еще более жестоком и непосредственном виде. Он поджигает немецкий танк, который по инерции еще едет и вдавливая его в могилу, вырытую для других, просто хороня заживо. И в могиле «он продолжал захлебно сосать из шинелей воздух, пропахший потом, ружейным маслом и керосином. А затем пришло все сразу – память, ощущение неподатливой тяжести, взрыв испуга, и он с такой силой рванулся из завала, что услышал, как надломленно хрумкнул позвоночник... Алексей по-прежнему утробно выл – иначе он не мог, боялся дышать. Он повторил рывок и очутился поверх комьев земли и глины. Привалась к обвалившейся стене могилы, он долго сидел обессиленный и обмякший, следя за тем, как из носа на подол гимнастерки размеренно стекали веские капли крови» [1, с. 81]. Если сравнить этот эпизод с описаниями архаических обрядов инициации, которые проходили люди в первобытном обществе, то они полностью совпадают по своей структуре и даже во многих деталях.

Есть классические произведения, которые представляют собой акцентированную образную систему прохождения инициации, «второго рождения» человека. «Божественная комедия» Данте – это своего рода *энциклопедическая инициация*, в которой человек проходит все миры и знакомится в символических образах с судьбой всего человечества, а также горних и inferнальных сил. «Преступление и наказание» – это тот же путь души, что и у Данте, но сжатый до краткой психологически крайне детализированной истории. Реакция людей на прочтение произведений, фактически переживаемая как инициация, наблюдается и в быту. Автору данной статьи дважды приходилось слышать от разных людей одно и то же выражение – «мне казалось, что с меня сдирают кожу», а также «со мной что-то стало происходить», «я стал меняться», «опрокинулся мир» и т. п. – по поводу чтения ими литературных произведений (в данном случае это были «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери и «Игра в классики» Х. Кортасара).

Но что происходит в произведении, чтобы возникал такой особый эффект, какими художественными средствами это достигается? Общую семантическую структуру текста, которая создает художественное содержание, Ю. М. Лотман формально определяет следующим образом: «Противоречие между текстом и функцией его во внетекстовой структуре искусства делает структуру художественного языка носительницей информации. Одновременная включенность художественного текста во многие взаимно пересекающиеся внетекстовые структуры, одновременное вхождение каждого элемента текста во многие сегменты внутритекстовой структуры – все это делает художественное произведение носителем многих чрезвычайно сложно соотносящихся между собой значений» [8, с. 284]. Н. Д. Тмарченко в новейшей «Теории литературы» развивает это определение и определяет исток художественного содержания в особом событии «перехода персонажа через границу, разделяющую “семантические поля” в тексте» [12, с. 184]. Таким образом, можно сказать, что модель «инициации» в литературном произведении возникает в том случае, когда этот переход оказывается предельным, то есть «семантическими полями» оказываются Жизнь и Смерть, и сама личность героя и читателя «умирает» и рождается снова уже новой, другой.

Инициацию в литературном произведении можно понимать как его «порождающую модель» (А. Ф. Лосев) [7, с. 65], организующую вокруг себя определенную совокупность художественных средств и «надстраивающуюся» над

моделями более частного порядка. На уровне же психо-эмоционального коррелята художественного содержания инициация является предельной формой проявления общего закона катарсиса. Л. С. Выготский в «Психологии искусства» определял его так: «закон эстетической реакции один: она заключает в себе аффект, развивающийся, в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение» [2, с. 269]. Соответственно, инициация переживается одновременно и как чувство ужаса конечности и бессмысленности индивидуального бытия (экзистенциальный «ужас», в отличие от частных «страхов»), и как острое чувство приобщения к Вечности и бесконечному смыслу бытия, «второго рождения» личности как духовного существа.

Если исходить из концепции эстетика В. П. Крутоуса о типах художественного детерминизма, то «инициация» относится к высшему, идейно-концептуальному уровню и типу детерминации, к «мотивировке всех мотивировок» [6, с. 60-61]. Этот тип и уровень вообще не обязательно присутствует в произведении. Однако уровень мотивировки – не единственный. Можно выделить следующие художественные уровни «инициации».

Первый – уровень мотива. Это простая *устремленность* героев произведения и той картины мира, которая в нем дана – к преображению и радикальному изменению в свете Идеала. Так, например, Т. Манн в своей статье о Лессинге вспоминает «слова, сказанные Гердером о безвременно почившем поэте: он неизменно, даже в своих заблуждениях, жаждал цельности, неустанного и все более стремительного духовного возвышения» [9, с. 13]. Эта устремленность может оставаться трагически не осуществленной, что, например, характерно для художественного мира Чехова (важным исключением является лишь его повесть «Три года» [5]). Этот мотив ярко явлен, например, в стихотворении Ю. Мориц «Не для печати» (2016) как стремление к «рождению свыше» в животрепещущем опыте души:

*... Не забывай, что ты отбрасываешь тень
Всего, что сквозь тебя идёт потоком,
Где в мире, столь прекрасном и жестоком,
Преображенье – высшая ступень,
Преображенье световым путём
Несовместимых с жизнью унижений!*

Второй – уровень конкретного образа. Это может быть как образ героя (яркий пример – Родион Раскольников), так и образ определенной жизненной ситуации, которая погружает героев в состояние «лиминальности» и резко трансформирует их. Ближайшие примеры – «Записки из мертвого дома», «На дне», «Одиннадцать минут» Пауло Коэльо.

Третий – уровень сюжета. Это центральный и главный уровень. Произведения, которые создают «эффект инициации», как правило, создают его не отдельными мотивами образами, а целостным сюжетом. Можно сделать предположение о том, что классическими со временем признаются только произведения, имеющие «инициационный» сюжет.

Четвертый – уровень художественной системы отдельного автора, либо целого направления в литературе. Характеристика одной из таких систем дана в статье Е. А. Гаричевой «Ф. М. Достоевский о преображении личности в романе “Бесы”»: «романы Достоевского объединяет такая базисная структура русской литературы и православной культуры, как категория преображения личности... Конфликт добра и зла

в героях Достоевского ведет их к поискам нравственного идеала – Христа. Ведущими мотивами произведений Достоевского являются покаяние, смирение и страдание» [3, с. 150].

Отметим также, что концептуализация модели «инициации» является определенным развитием идей Донецкой филологической школы. Например, в концепции литературного произведения как «художественной целостности» М. М. Гиршмана художественное произведение понимается как «приобщение образного единства эстетического бытия к единственности событийного свершения реальной личности, ее живого и живущего сознания... Событийность литературного произведения открывает динамическую перспективу сотворческого созидания на основе приобщенности к этим глубинам первоначал бытия и первоосновам словесного творчества» [4, с. 47]. Но «приобщенность к глубинам первоначал бытия» – это и есть определение инициации как «второго рождения».

В свою очередь, концепция «поэтического мира» В. В. Федорова, в которой как «органон» художественной реальности полагается ситуация пушкинского Пророка, вовсе не предполагает завершенность произведения как «гармоническую удовлетворенность», а скорее наоборот. Поэтому «художественные произведения будут до тех пор появляться, пока будет мир находиться в этой драматической или даже трагической, кризисной ситуации. И это не только реакция на это драматическое состояние мира, а это именно в пределах созданного, творимого самим художником мира поиск... аналога того движения, того события, которое должно завершить и мир – не созданный автором, а реально существующий... И художественное произведение актуализирует эту потребность, но вместе с тем – и ее неосуществленность» [13, с. 49-50]. Соответственно, то, что входит в понятие «инициации», полностью охватывается данным определением.

В качестве общего краткого вывода можно сказать о необходимости анализа многих литературных произведений в особом аспекте, связанном с их глубинной экзистенциальной функцией – как *инициационных* текстов, то есть порождающих духовную инициацию в читателе за счет предельно концентрированной передачи опыта жизни на грани смерти, как символического «прохождения через смерть» и «второго рождения». Это требует особых концептуальных средств, некоторые из которых были обозначены выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев К. Убиты под Москвой // Воробьев К. Д. Сборник повестей и рассказов / К. Д. Воробьев. – М.: ИД «Синергия», 2007. – С. 22–82.
2. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Искусство, 1986. 573 с.
3. Гаричева Е. А. Ф. М. Достоевский о преобразении личности в романе «Бесы» / Е. А. Гаричева // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 150–155
4. Гиршман М. М. Литературное произведение как художественная целостность. Истоки и основное содержание понятия / М. М. Гиршман // Донецкая филологическая школа: Опыт полифонического осмысления [сост. А. А. Кораблев]. – Донецк: Лебедь, 1997. – С. 39–47.
5. Даренский В. Ю. Идея смирения в повести А. П. Чехова «Три года» / В. Ю. Даренский // Вопросы исторической поэтики. – Петрозаводск, 2014. – №1. – С. 416–431.
6. Крутоус В. П. О художественном детерминизме / В. П. Крутоус. – М.: Знание, 1981. – 64 с.
7. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М.: «Искусство», 1976. 367 с.
8. Логман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве / Ю. М. Логман. – СПб.: Искусство–СПб, 1998. – С. 14–287.
9. Манн Т. Памяти Лессинга / Т. Манн // Манн Т. Собр. соч. Т. 10. – М.: Худ. лит., 1961. – С. 7–13.

10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2004. – 332 с.
11. Сучков Б. Томас Манн / Б. Сучков // Манн Т. Собр. соч. Т. 1. – М.: Худ. лит., 1959. – С. 3–50.
12. Тамарченко Н. Д. Структура произведения / Н. Д. Тамарченко // Теория литературы: Учеб. пос. в 2-х томах. Т. 1. – М.: ИЦ «Академия», 2010. – С. 172–263.
13. Федоров В. В. Адекватно ли понятие целостности по отношению к поэтическому миру? / Федоров В. В. // Донецкая филологическая школа: Опыт полифонического осмысления [сост. А. А. Кораблев]. – Донецк: Лебедь, 1997. – С. 48–50.
14. Turner E. Communitas, Rites of / E. Turner // Encyclopedia of Religious Rites, Rituals, and Festivals / Ed. Frank A. Salamone. – N. Y.: Routledge, 2004. – P. 103–109.

Поступила в редакцию 24. 05. 2018 г.

THE MODEL OF INITIATION IN STRUCTURE OF LITERARY WORK

V. Y. Darenskiy

The article substantiates a necessity of analysis of many literary works in a particular aspect associated with their deep existential function – as a texts, that is, generating spiritual initiation in the reader by very concentrated transmission of the experience of living on the brink of death as a symbolic “passing through death” and “rebirth”. It requires specific conceptual tools, some of which have been designated in the article.

Key words: literary work, initiation, structure, existence, motives.

Даренский Виталий Юрьевич
Доктор философских наук, доцент,
ГОУ ЛНР «Луганский национальный
аграрный университет»
e-mail: darenskiy1972@mail. ru

Darenskiy Vitaliy Yuryevich
Doctor of Philosophical Sciences,
SCE LPR “Lugansk National Agrarian
University”
e-mail: darenskiy1972@mail. ru

УДК 130.12:172.15

ПРОБЛЕМА МЕНТАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ДОНБАССА

© 2018. Н. Н. Емельянова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы понятия ментальности и менталитета, исследованы основы ментальности Донбасса, обусловленные его полиэтничностью. Доказано, что переплетение национальных традиций в культурном пространстве Донбасса породило единые ментальные модели его жизнедеятельности, в результате чего процессы дифференциации и интеграции протекают в рамках целостности всей социальной системы.

Ключевые слова: Донбасс, ментальность, менталитет, история, целостность, полиэтничность.

Подлинное возрождение новейшей отечественной философии немислимо без обращения к важнейшим мировоззренческим проблемам, как в глобальном, так и в региональном масштабе. Не будет преувеличением сказать, что в славянском ментальном фонде донецкий край занял свое особое, достаточно прочное место. Понять ментальность Донбасса можно только в том случае, если осмыслить ее в едином, целостном аспекте. Для этого необходимо опираться на историческую память, связанную с жизнью многих поколений на территории нашего региона. Осознать природу донбасской ментальности означает исследовать ее как в общеисторическом ракурсе, так и в конкретных проявлениях прошлого и настоящего. Ментальность Донбасса является универсальным и одновременно самобытным явлением в духовном пространстве нашей культуры. Объединяющая ценностные предпочтения разных национальностей, она сохраняет при этом глубокую мировоззренческую целостность.

Проблема ментальности полиэтничного Донбасса так или иначе поднималась многими исследователями донецкого края – историками, археологами, политологами, юристами, философами. В последнее десятилетие такие авторы, как В. Бортников, В. Гончаров, В. Даренский, А. Евглевский, В. Койнаш, Н. Кудокоцев, С. Лебедев, В. Ляшенко, И. Оносова, О. Проскура, Е. Тараненко, Д. Титаренко, В. Ткаченко, И. Чуприна, Ю. Яковлева и др. обращались к этническим, политико-культурным, духовным, ценностным основам донбасской идентичности. Философские аспекты этой проблемы были актуализированы коллективом авторов монографии «Полиэтничность как функциональная детерминанта Донбасса в рецепции философской мысли» (Т. Андреева, Е. Андриенко, В. Волошин, Н. Емельянова, А. Клименко, Е. Комисова, А. Коновалов, Т. Целик и др.) [1]. Несомненно, проблема ментальной целостности органично вписывается в данную философскую тематику.

Целью работы является выявление ментальной целостности полиэтничного Донбасса, обусловившей единство и многообразие культурного пространства нашего региона. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать понятия ментальности и менталитета, показать особенности западного, восточного и отечественного типов ментальности, проследить путь формирования ментального фонда Донбасса как позитивной основы для развития нашего края.

Отметим, что в философской литературе зачастую наблюдается отождествление понятий ментальности и менталитета. Думается, что при всей близости этих однопорядковых категорий, они содержат в себе некоторые смысловые особенности. Если ментальность означает общность уникального мироощущения, то менталитет выявляет последнее на уровне коллективного сознания. В категориальном плане ментальность претендует на место сущности, а менталитет выступает как явление. Гегелевское «сущность является, явление существенно» в данном случае достаточно точно выражает суть взаимоотношений ментальности и менталитета. Будучи интегративной характеристикой культуры, ментальность как категория может наполняться различными вариациями смыслового содержания. Ее можно определять как диалогичность отношений между индивидом и средой (Ж. Дюби), как конкретное историческое сочетание способов мышления и восприятия (П. Динцельбахер), как общий тонус долговременных форм поведения в пределах больших социальных групп (Ф. Граус) и так далее [2].

Ментальность включает в себя социализованные представления о допустимом и недопустимом, своем и чужом, приоритетном и бесполезном. Все эти представления, пропущенные через индивидуальный опыт, вырабатывают определенные стереотипы сознания и поведения. Более того, погружаясь посредством рефлексии в глубинные пласты человеческой психики, ментальность укореняется на уровне бессознательного. Не случайно К. Юнг придавал ментальности значимость сущностных архетипов бессознательного. В этом смысле можно говорить об экзистенциальной подоплеке феномена ментальности как проявления самобытности переживания мира человеком. В то же время, существуют такие типы мировосприятия, в которых экзистенциальная доминанта является четко проявленной и определяющей парадигмальные приоритеты. Именно такой предстает ментальность отечественного мироотношения. Основываясь на постоянном внутреннем диалоге, экзистенциальная установка занимает прочное место в ментальном фонде Донбасса. Это обусловлено всем ходом исторического развития нашего региона, органично впитавшего в свое культурное пространство элементы разных форм идентичности, прежде всего – идентичности, обусловленной русским типом ментальности.

Известно, что ментальность славянского (в частности, русского) человека имеет свои особенности, отличающие ее от западной и восточной ментальности. Традиционно признаваемая экстравертированность европейского сознания, обусловившая стремление к активному овладению миром, как правило, противопоставляется мировоззренческой пассивности Востока. Основатель философской антропологии М. Шелер подчеркивал различие между западным идеалом героя, активность которого направлена вовне, и азиатским идеалом мудреца, который встречает страдания искусством терпения. Западная (позитивная) политика охотника противостоит восточной (негативной) политике жертвы; однако охотника можно заманить в хаотические просторы, в результате чего он теряет силовые центры. Примечательно, что для обоснования своей позиции М. Шелер привлекает исторический опыт Наполеона (охотника), оказавшегося перед подожженной самими русскими Москвой (жертвой). Данную ситуацию автор расценивает как пример конфликта между позитивной властной политикой европейских государств и азиатскими державами с их методом негативной политики [3, с. 118].

Как видим, Россия отнесена М. Шелером в разряд азиатских государств с их хитроумной тактикой заманивания и обезвреживания сильного противника. При всей полемичности подобного расклада эти рассуждения весьма злободневны, ибо проблемы ментальности не только не теряют своей значимости, но и актуализируются

в наши дни. Действительно, в западную формулу жизненной активности закономерно вписывается волевое начало, знаменующее переход к решительным действиям. Но это начало нередко демонстрирует свою оборотную сторону – непомерную жажду власти в ущерб принципам толерантности и братства. Результатом является утрата житнетворческой природы ментальности, выражающаяся в отрефлексированной стандартизации унифицированных норм и утверждении монологизма как удобной системы усвоения ценностей. К. Юнг квалифицировал подобную болезнь Запада как недостаток интровертированных тенденций в обыденном облике коллективного бессознательного. Однако он считал, что восполнить этот пробел в западном самосознании должен собственный духовный опыт Европы, в то время как ориентация на восточное мышление является искусственной и потому бесплодной. Следует не устраивать маскарад, писал он, а шить самим свою одежду [4, с. 106]. Диаметрально противоположную позицию в этом вопросе занимал М. Шелер. Характеризуя современную эпоху как эпоху всеобщего уравнивания, он настаивал на ментальном взаимодействии западного и восточного типов культур: Европа, передавая Азии свои научно-технические методы производства, должна принимать в свое духовное тело древнюю мудрость Востока [3, с. 115].

Думается, в данном вопросе наиболее адекватной будет взвешенная позиция, не допускающая как слепого копирования чужеземных способов жизнедеятельности, так и замыкания в собственных культурных амбициях. В условиях интегративных процессов нового тысячелетия укрепление духовности Европы за счет многовековой мудрости Востока действительно могло бы сыграть позитивную роль в обогащении западной ментальности. Что касается России, то в ее ментальном фонде нашла свое выражение своеобразная двойственность русского национального характера. Ставшее хрестоматийным (а иногда и пародийным) упоминание о загадочности русской души в действительности отражает сложный процесс формирования данного ментального типа. Соединение в русском характере свойств, олицетворяющих разнополюсные типы мироотношения, не позволяет применить к нему какие-либо однозначные характеристики. Разумеется, это не означает, что к русской ментальности неприменимы общезначимые критерии и методы исследования. Понятно, что любой ментальный тип в рамках человечества проходит длительный и непростой путь становления. Речь идет лишь о том своеобразии национального характера, которое породило уникальный опыт российской истории.

Исторический путь, пройденный Россией, свидетельствует о наличии в ее развитии постоянно действующих противоречивых тенденций. Жажда нового всегда соседствовала с оглядкой на старое, лихость мысли и бесшабашность действия уживались с желанием покаяния, а пренебрежение церковной обрядностью – с эсхатологическим страхом, переходящим в религиозную экзальтацию. Стремясь к центристским моделям государственного образования, Россия, в то же время, постоянно сталкивалась с центростремительными тенденциями внутри собственных социально-культурных механизмов. Немаловажную роль в этом процессе играла оппозиция европейского и азиатского начал, обеспечивающая двойственность русского национального характера.

На это своеобразное евразийство обращали внимание многие российские ученые, видевшие в России громадный Востоко-Запад. В частности, В. Ключевский, будучи исследователем русской истории, указывал на природные и географические факторы – такие, как речная сеть и равнинность: если первая приучала к общей деятельности, то вторая способствовала разобщенности, а угроза постоянных набегов кочевников вынуждала строить примитивные жилища, что способствовало выработке чувства

неукорененности в мире. В результате, отмечал В. Ключевский, Россия, оказавшаяся в арьергарде Европы, с антипатией относилась ко всему, что шло с Запада; даже реформы Петра не смогли преодолеть российского деспотизма, который в итоге вызвал восстание декабристов [5, Т. 2, с. 373; Т. 3, с. 265; Т. 4, с. 203; Т. 5, с. 227]. В свою очередь Г. Плеханов, выделявший политический аспект проблемы, связывал с евразийством пропасть, существующую в России между низшими и высшими классами: если западное начало привело к европеизации просвещенного слоя общества, то развитие азиатского способа производства имело результатом эффект восточной деспотии по отношению к народу [6, с. 87-94]. Таким образом, феномен русского евразийства вырабатывал своеобразное ментальное поле, в котором могли сосуществовать европейский и азиатский способы мироотношения, обуславливающие двойственность самосознания. Подобная двойственность не только требовала интенсивной работы интеллекта, но и взывала к целостности самосознания. Поэтому русская интеллигенция соединяла в себе критическое переосмысление европейских идей с уникальной ментальностью собственного национального характера.

По мнению луганского ученого В. Даренского, русский человеческий тип с его уникальными нравственно-психологическими чертами в течение многих веков формировался суровой русской историей и Православием. Главной основой самого бытия России в истории автор считает способность русских к нравственному подвигу и самопожертвованию: «Русский человек, независимо от своего этнического происхождения, везде сразу заметен благодаря своему принципиально *непрагматическому* поведению и стилю жизни. Даже утрачивая порой ценностные ориентиры своего сознания, он все равно, тем не менее, никогда не станет так называемым «прагматиком», озабоченным лишь личной выгодой. Соответственно, столь же ложными, с русской точки зрения, оказываются и другие понятия европейской идеологии» [7].

Что касается украинской ментальности, то она формировалась в условиях так называемого «пограничного» бытия, обусловленного известными историческими и геополитическими факторами. Украинские исследователи (А. Бычко, В. Горский, О. Киричук, Н. Хамитов и др.) подчеркивают такие системообразующие признаки украинской ментальности, как интроверсивность высших психических функций, сосредоточенность на проблемах внутреннего мира, сентиментализм и чувствительность, анархический индивидуализм и перевес морального бытия над интеллектуальным, комплекс неполноценности, персонализм [8]. По мнению М. Шлемкевича, для украинцев характерны дух скептической рефлексии и осознание своей принадлежности к Европе [9, с. 100-103]. По-видимому, эта тяга к европейскому, замешенная на неутоляемом веками национальном голоде, предопределила и милитаризацию Украины, и ее радикальный патриотизм, переросший в национализм как государственную идеологию. Донбасс, который исторически впитал в себя элементы и русских, и украинских традиций, но при этом избежал их деструктивного апофеоза, выработал собственный ментальный генотип, основывавшийся на феномене полиэтничности.

Проблема ментальной целостности Донбасса включает в себя такие аспекты, как соотношение культурных универсалий и национально-этнических особенностей, диалектика коммуникативных связей и свободы личности, проблема ее идентичности и ценностного самоопределения. Известно, что громадную роль в развитии социума играют культурные особенности, обусловленные спецификой формирования данного общества, в первую очередь – ментальными предпочтениями людей. По сути, ментальные особенности можно рассматривать как результаты общественного бытия,

которое, в свою очередь, является реальным процессом жизни людей, впитавшим в себя любые формы проявления общественного сознания. Все это прямым образом относится к культурным процессам в жизни Донбасса, где проживают разные этносы и народности. Полиэтничность выступает здесь функциональной детерминантой общественной жизни, поэтому процессы дифференциации и интеграции протекают в рамках целостности всей социальной системы. Осознание необходимости национального и социального единства уживается с пониманием такой же необходимости разнообразных позиций, продуктивных дискуссий, консенсуса, умения услышать инакомыслящего и попытаться переубедить его, не прибегая к насилию.

Идентичность жителей Донбасса определяется теми социокультурными связями, которые органично вошли в жизнедеятельность региона на основе особенностей его становления и развития. Естественно-исторические условия формирования народонаселения обусловили его многонациональный состав, преобладание городского населения, традиционные занятия и народные промыслы. Все это сформировало самобытную культуру, гармонично впитавшую в себя специфические черты многих этносов. В результате переплетение национальных традиций в общем полиэтническом пространстве Донетчины породило единые ментальные модели жизнедеятельности. Важно, что прочность культурных связей Донбасса обусловлена их формированием не на основе насильственного единообразия, а на основе этнического многоголосия. Подлинная ментальная гармония любого социального организма возможна только при условии полноценного функционирования всех его составляющих. Как справедливо подчеркивает П. Рикер, идея института как структуры совместной жизни исторического сообщества (народа, нации, региона и т. д.), не сводимой к межличностным отношениям, и, однако, соотносящейся с ними, характеризуется именно общими нравами, а не принуждающими правилами: «На самом деле, по большей части идентичность личности или сообщества устанавливается по *идентификациям-по* ценностям, нормам, идеалам, моделям, героям, в которых узнают себя личность и сообщество... Идентификация по героическим фигурам ясно показывает принимаемую на себя инаковость; но эта инаковость уже скрыто присутствует в идентификации по ценностям...» [10, с. 151].

Такая идентификация по ценностям, основанная на полиэтничности Донбасса, обеспечивает целостность той ментальной мелодии, которая вбирает в себя множество национальных голосов. Общество, построенное на подобных принципах, свободно принимает полифонию языков, а также – внутриполитических и религиозных убеждений. Именно это всегда было характерно для жизнедеятельности нашего региона. В том случае, когда на смену взаимопониманию и мирным дискуссиям приходят насилие и геноцид, искусственно создается противоречие между частью и целым, региональным и государственным. Демонтаж коллективных рамок обретения индивидуальности порождает сознание собственной исключительности, а отказ от сотрудничества перерастает в стремление к подавлению тех, кто отстаивает универсальное право на собственную идентичность. В этом случае реализация узкогрупповых, в том числе националистических интересов вместо интеграции приводит к десоциализации и распаду необходимых общественных связей.

Исторически сложившаяся ментальная целостность Донбасса обусловила щедрость и многообразие культурного пространства нашего региона. Культурные универсалии, дающие возможность плодотворного межнационального общения, обеспечили прочность социальных связей. Закономерно возникший в совместной трудовой практике симбиоз культур определил гуманистические ментальные ценности – многоязычие, взаимопонимание, дружелюбие, терпимое отношение к различным

национальным и религиозным особенностям. Не только самоотверженный труд шахтеров и металлургов, но и труд интеллигенции Донбасса требует дисциплинированности, взаимовыручки и терпения. Горняков особенно отличает мужество, трудолюбие, любовь к свету и ясному небу. Донецкий характер включает в себя «остро развитое чувство справедливости, открытость, умение объединять людей, брать на себя ответственность и добиваться результатов там, где другие сдаются и опускают руки» [11, с. 268].

Полиэтнический фактор естественным образом обеспечил здесь принятие русского языка в качестве общеупотребляемого. Исследователь этнической истории Донбасса С. Лебедев особо подчеркивает, что под влиянием ряда факторов (природная среда, условия труда и т. д.) население Донбасса преобразовалось в устойчивую региональную общность с единой ценностной базой, мировоззрением, культурой, бытом, причем особенно важную роль в этом процессе играл и продолжает играть языковой фактор. Его характерные черты, отмечает автор, формировались в период динамичных качественных и количественных изменений населения Донбасса последних веков, результатом чего стало доминирование русского языка [12]. Громадное значение в формировании ментальной целостности Донбасса имело то, что принятие русского языка как регионального никогда не означало исчезновения или ущемления других языков. Свободное функционирование украинского, греческого, татарского и других языков, сохранение разнообразных национальных традиций свидетельствуют о том, что в коммуникативном поле Донбасса мощно утвердилась толерантность как его ценностная основа. Этот факт признают и украинские комментаторы. Так, на сайте ВВС Украина от 04.07.2016 г. отмечалось, что из 134 этнических групп, имеющих в Украине, 133 представлены на Донбассе, и есть основания делать выводы о большей этнической терпимости и толерантности, чем в других регионах Украины [13].

Ментальность предполагает мыслительный процесс в определенном культурном поле. Мышление – это, по сути, внутренний разговор человека с самим собой. Любые попытки запретить «неудобный» язык обречены на провал, потому что нельзя заставить человека думать на языке, который навязывается теми или иными властными структурами. Никакое принуждение в сфере ментальности не может быть оправдано политическими целями. Менталитет Донбасса основывается на культурных традициях, сформировавшихся не одно столетие. Можно сколько угодно переименовывать улицы и площади, но невозможно изменить ментальность многомиллионного народа, если она складывалась веками. Исследуя особенности формирования и развития демографических и этнокультурных процессов нашего региона, Ю. Яковлева и И. Оносова отмечают, что трудовые миграции, осуществляемые под руководством царского, а позднее и советского правительств не просто способствовали развитию промышленности Донбасса, но и сформировали этническую и культурную основу регионального социума. В результате за небольшой по меркам человеческой истории период на территории Луганщины и Донетчины сформировалась особая общность людей, на менталитет и генетическую память которых повлияло единение с Русским миром и Русским началом: «Стремление этого народа к единению с Русским миром продиктовано не приграничным соседством с Россией или наличием смешанных браков, а мощной генетической связью, подкрепленной общими с русским народом историей и культурой» [14, с. 168].

Целостная ментальность нашего региона сложилась исторически и представляет собой иллюстрацию законов социального детерминизма. Гармонично объединяя индивидуальное и коллективное, общенародное и национальное, она показывает

подлинное единство, которое всегда строится на многообразии. Такая целостная ментальность обладает внутренней силой, способной усвоить исторический опыт и экстраполировать его в настоящее. Стабильность и прочность общества гарантируется не политическим центризмом, утверждающим приоритет провластных идеологических структур, а плюралистическим волеизъявлением. Только сочетание индивидуальной свободы и социальной ответственности способствует созданию подлинной, а не искусственно формируемой гражданской сплоченности. Там, где разрушаются коллективные рамки обретения индивидуальности, неизбежно распадаются и социальные связи.

Стремление игнорировать ментальные различия с исторической точки зрения абсолютно непродуктивно. Охватывающий собственную полиэтничность одновременно с далекого и близкого расстояния, целостный донбасский менталитет не нуждается в оправданиях и демонстрирует стойкую способность к выживанию. Отвергая искаженные толкования прошлого, Донбасс отстаивает святое право говорить и защищать свои мировоззренческие ценности. Нацеливая на диалогический выход к продуктивной коммуникации, он настаивает на пластическом взаимопроникновении существующих в его полиэтничном поле культур и идентичностей. «Путь к возможному консенсусу, – справедливо подчеркивает П. Рикер, – может начинаться лишь с взаимного признания, принятия, то есть признания возможной истины и поначалу чуждых для нас смыслов» [10, с. 339]. Таким образом, ментальная целостность Донбасса, впитавшая в себя уроки прошлого и настоящего, является мощной основой для преодоления всевозможных антагонистических конфронтаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полиэтничность как функциональная детерминанта Донбасса в рецепции философской мысли. [монография] / под ред. Е. В. Андриенко, Т. А. Андреевой. – Донецк: ДонНУ, 2017. – 159 с.
2. См.: Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. 1991. – М.: Наука, 1991. – С. 48–59; История ментальностей, историческая антропология // Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – Москва: РГГУ, 1996. – 254с.
3. Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // М. Шелер. Избранные произведения: Пер. с нем. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филиппова А. Ф. / Под ред. Денежкина А. В. – Москва: Гнозис, 1994. – С. 98–128.
4. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // К. Г. Юнг. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А. М. Ругкевича. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 95–128.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории. / В. О. Ключевский // Соч.: В 9 т. – Москва: Мысль, 1988–1989. – Т. 2 (1988); Т. 3(1988); Т. 4 (1989); Т. 5 (1989).
- 6 Чернокозов А. И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 476 с.
7. Даренский В. Ю. Народный аристократизм как основа русской мобилизации. / Виталий Даренский. [http://ruskline.ru/analitika/2018/04/10/narodnyj_aristokratizm_kak_osnova_russkoj_mobilizacii/](http://ruskline.ru/editions/r/russkaya_liniya/Русская народная линия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <a href=) (Дата последнего обращения – 21.05.2018.)
8. См.: Бичко А. К. Риси характерології української нації // Етнонаціональний розвиток України. Терміни, визначення, персоналії / Відп. редактори Ю. І. Римаренко, І. Ф. Курас. – Київ.: Б. м., 1993. – С. 273–274; Киричук О. В. Ментальність: сутність, функції, генеза // Ментальність. Духовність. Саморозвиток особистості. Тези доповідей та матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – Ч. 1. – Київ–Луцьк, 1994. – С. 7–20; Хамітов Н. В. Самотність як феномен людського буття. Дис... д. ф. н. – 09. 00. 04. – Київ, 1998. – 392 с.
9. Шлемкевич М. Душа и пісня // Українська душа: Збірка ориг. досліджень укр. ментальності / Відп. ред. В. Храмова. – Київ: Фенікс, 1992. – С. 97–112.
10. Рикер П. Я-сам как другой. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. (Французская философия XX века). – 416 с.
11. Ляшенко В. Г. Ментальность жителей Донбасса: современные вызовы // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности. Материалы 1 международной научной конференции 16-

- 18 мая 2016 г., Донецк. Т. 8. Юридические науки. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 266–268.
12. Лебедев С. Донбасс: этническая история. / Сергей Лебедев. <http://ruskline.ru/editions/r/russkaya liniya/Русская народная линия>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2014/03/14/donbass_etnicheskaya_istoriya/. – (Дата последнего обращения – 21.05.2018.).
13. Дорош С. «Донбасский узел»: как заселяли шахтерский край// BBC Украина. 4 июля 2016. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/07/160704_ru_s_donbass_migration_ussr. – (Дата последнего обращения – 21.05.2018.).
14. Яковлева Ю. К., Оносова И. А. Особенности формирования и развития демографических и этнокультурных процессов в Донбассе //Вестник Оренбургского государственного университета. Специальность «История. Исторические науки». 2015. № 8 (183). – С. 164–169.

Поступила в редакцию 24. 05. 2018 г.

THE PROBLEM OF MENTAL UNITY OF MULTI-ETHNICAL DONBASS

N. N. Yemelyanova

In the article the notions of mentality and mindset have been analyzed. The specific features of Donbass mentality determined by its multi-ethnic culture have been investigated. It has been proved that synthesis of national traditions in the cultural space of Donbass gave rise to the united mental models of its livelihoods. As the result, the processes of differentiation and integration proceed in the context of unity of the whole social system.

Key words: Donbass, Mentality, Mindset, History, Unity, Multi-ethnicity.

Емельянова Наталия Николаевна
Доктор философских наук, профессор кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: fianu48@mail.ru

Yemelyanova Natalia Nikolaevna
Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Philosophy
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: fianu48@mail.ru

УДК 101.9

СУБЪЕКТИФИКАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ТИПОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

©2018. Ю. М. Лустин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье актуализируется проблема влияния социальной среды на развитие субъективной индивидуальности в предметном поле типологического познания личности. Расширено антропологическое понимание субъектификации, углублен ее онтологический статус, обосновано антропо-культурное значение в межличностной коммуникации.

Ключевые слова: философская антропология, культура, типология личности, субъект, субъектификация, индивидуальность.

«Так связан, съединен от века,
Союзом к ровного родста
Разумный гений человека
С творящей силой естества».
Ф. И. Тютчев «Колумб».

Проблема субъективного и индивидуального в структуре личности – перманентна в предикации социально-типологической взаимосвязи. Она носит субстанциональный характер, субстратность которого отражена всеобщим процессом антропосоциотипогенеза [1, с. 7]. Его имплицативное значение состоит в природно-антропологической фундации эволюционной закономерности возникновения и развития человека, как потенциально развивающейся мыслящей особи нового вида. Благодаря социализированным процессам субъективации, *homo sapiens* (человек разумный) не только выделился из природы через универсальный механизм схождения и различия, но и индивидуально обособился в общности себе подобных. Созидательными усилиями субъекта практики создано общество и, соответственно, типология человека, по принципу антропо-онтологической симметрии, выражена в человеческом бытии и отражена в основах социального устройства. Диалектика типологии личности и социальной среды, в содержательном фокусе своего проявления, направлена на индивидуализацию качеств субъекта социально-культурной деятельности. Во многом этому способствует субъектификация (С. Д. Дерябо, М. Н. Очиров, Л. Х. Цыбикова), понимаемая как процедура наделения объектов и явлений мира способностью осуществлять специфические субъектные функции, а именно – умение обеспечивать воспринимающему переживание собственной личностной динамики, выступать опосредствующим элементом при построении им системы своих отношений с миром, открываясь при этом как субъект совместной деятельности и общения [2, с. 142]. По мнению автора, лексическое значение данного термина (от лат. *subjecti facio* – делаю, создаю), в антропологической интерпретации, означает – «создаю субъекта», «очеловечивание субъекта деятельности», «субъект потенциального действия». Говоря другими словами, это результат развивающейся («двигательной» – автор) субъективности, когда «субъективная личностность» наделена функциональными свойствами активного действия и корреспондирует их «Другому» или группе иных

Лустин Ю. М. 97

социальных объектов. Процесс субъектификации редуцирован в поле значений понятий «самость», «личность», «субъектность», «интерсубъективность», а также – сопряжен с антропологической практикой взаимодействия субъектов социальности, основанной на веберовской теории о социальном конструировании реальности (Э. Дюркгейм, М. Вебер, У. Джемс, А. Шюц, Л. Витгенштейн, Т. Кун, П. Фейерабенд, Г. Гарфинкель, М. Фуко).

Развивающийся антропо-конструктивный формат культуры самости и субъективности (С. В. Дмитриев), способствует разрешению противоречий современного кризиса личности, которые коренятся прежде всего в самом человеке и субъективных проблемах его бытия: десакрализация базовых культурных ценностей, утрата идентичности, девальвация личности как общественного существа, подавление философского начала в человеке и другие (С. Э. Крапеченский, Э. Фельдман).

Социальная субъектификация в аспекте субъектогенеза (С. Рубинштейн, Л. Божович, А. Огнев, В. Селиванов, Л. Худорошко), может быть реализована в интенциональности социально – культурного бытия личности, типологические особенности которого определены соотношением моментов объективного и субъективного, сущего и существенного, устойчивого и изменчивого, видимого и невидимого, актуального и потенциального. В данных дихотомиях существенно редуцируется уникальность самовыражения многосторонности свойств человека, отражается и создается конвергентность условий для передачи социальных качеств от одного актора другому, полноценно субъективируется порядок возможностей для индивидуализации человеческого потенциала. Как утверждает опытом антропологического познания, – «индивидуальность не достигается, она творится субъектом» (В. Татенко).

Социальная среда есть превращенное бытие человеческой природы в качестве опредмеченной системы его индивидуально проявившихся свойств и «с точки зрения антропосоциального подхода, реальная жизнь общества есть движение сущности человека к универсальному самовыражению и воплощению ее в разнообразных формах духовно-практической жизнедеятельности» [3, с. 18]. Как следствие, субъективность и индивидуальность человека отражаются в эволюционных формах их родственного взаимодействия и проявляются в различных типах социально-культурной коммуникации, типоданности любого сообщества. Примат общественного над индивидуальным постулирован фактором невозможности существования человеческого субъективного без соотношения с объективным и социальным, личностным и типологическим. На протяжении всей жизни индивид, качественно определенный типом своей антропологической данности, обнаруживает свой антропо-типологический статус в жизнедеятельных рамках онтологической и гносеологической субъектности, целеопределенной субъективации своего общественного самоутверждения. Антропологическое величие собственного «Я» гласит: «отношение к самому себе – позиция субъекта, как знающей себя социальности» (С. Гончаров). Доминантная роль в этом, безусловно, принадлежит обществу и его институциям.

В рамках антропологического подхода проблемы типологии человека представлены в работах как отечественных авторов Г. П. Выжлецов, А. Г. Давыденкова, Р. А. Зобов, А. А. Ивин, А. Я. Кожурин, В. Л. Обухов, О. А. Павловская, В. А. Панченко, Э. А. Орлова, Ю. М. Резник, В. Ю. Черникова, А. С. Филиппова, так и зарубежных исследователей – А. Арчер, Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Моос, Р. Соджи, М. Херсковец. Значительный интерес представляют работы, отражающие аспекты общественного влияния на развитие индивидуально-типологических качеств личности: теория деятельности как принцип объяснения

человеческого бытия (Г. Батищев, О. Дробницкий, Л. Дятченко); теория личности на уровне индивида (Б. Скиннер, З. Фрейд, Ж. Пиаже); социализация экзистенциальных типов человека (В. Янков) оптимизации отношений субъектов социального пространства (Н. Крысина, Е. Пашинцева); тип социально-виртуального сообщества (А. Жигарева); интерсубъективное пространство сознания личности (И. Волков). Особое значение имеют исследования по типологической проблематике, в которых антропологическим вопросам уделяется определенное внимание: структурная типология (Б. А. Успенский), морфологический тип (И. И. Канаев), количественная типология (Дж. Гринберги), антропология субъекта (А. Н. Ильин) [4], культурная типология (И. Н. Грибанов) [5], характерологическая типология (В. Скаличка) и другие.

Влияние антропо-социальной реальности на индивидуализацию личности нашло свое отражение в таких аспектах, как: общее конструирование взаимосвязей, в том числе типологических (Э. Дюркгейм, А. Шюц, Т. Лукман; «социальная ткань» (Г. Зиммель); «социальное поле» (П. Бурдьё, И. Осиновская, П. Штомпка); «социальный континуум» (В. Кайтуков, И. Ключанов); «социально-индивидуализированные практики» (В. Волков, Э. Гидденс); «жизненная среда» (М. Вебер, Р. Парк, П. Сорокин); «жизненный мир» (Э. Гуссерль). Данные подходы, в аспекте авторской новации, интегрируют перспективность такого направления научного знания, как разработка антропомерного контекста «сравнительных форм» мышления личности в типологическом формате ее индивидуализированного бытия.

К основным системным компонентам социальной среды, классифицированных по антропо-культурным формам своего динамического проявления, можно отнести: а) социально-культурную реальность; б) социально-культурный объект; в) социально-культурный субъект; г) антропо-социальное взаимодействие. Общество, как объект типологического познания человека, есть результирующая совокупность этих содержательных компонентов, которые влияют на развитие субъективной индивидуальности в предметном поле сознательной жизнедеятельности личности.

Личность, благодаря сравнительному познанию, во-первых, эксплицирует из содержания общественного бытия, прежде всего: а) *всеобщий* типологический характер социально-культурной реальности; б) *общие* типопределенные тенденции взаимодействия объектов и субъектов социально-культурного пространства; в) *специфические* типовые связи и отношения между социально-культурными объектами и социально-культурными субъектами; г) уникальность и неповторимость типоданной *единственности* социальных объектов и субъектов. Во-вторых, благодаря социально-онтологической составляющей деятельности, субъективность личности разворачивается в диалектическом диапазоне ее особой функциональности, выраженной субъектификацией индивидуального. «Субъект – это человек для себя», говорил Г. В. Гегель, тем самым концептуализируя установление его явленности в предметности субстанционального обнаружения.

В современном понимании вопрос субъектификации индивидуального актуализирована понятиями: «субъективное», «субъективность», «самосубъект», «субъектность», «субъективация», «субъективирование», «субъектарность», «бессубъектность», «субъектологическое», «индивидуализация», «индивидуальное». Социально - онтологический модус данных понятий проявляется не только в диапазоне их различия, но и констатирован фундаментальностью сходства, что позволяет отразить реляционный синтез их единства в проекции на субъектологическую проблематику персонального. В своей социализированной интерпретации она наиболее полно выражена формой субъектификации, которая наделяет объект субъектными функциями совместной деятельности и общения, что указывает на «открытие» объекта

как субъекта. Развивая эту мысль, Л. Цыбикова отмечает: «когда объект открывается как субъект, то взаимодействие воспринимающего с объектом становится субъект-субъектным – объект становится значимым для воспринимающего, «значимым другим» [6, с. 164].

Проблема субъект-субъектных отношений в предметном поле совершенствования человеческой индивидуальности сложна, многогранна, противоречива. В развитии содержательности субъектификации индивидуального, в социально-типологической парадигме бытия личности, следует учитывать несколько моментов. Во-первых, субъектификация, в субстанциональности своей явленности, может рассматриваться в рамках объективной и субъективной взаимосоотнесенности, которая детерминирована процессом опредмечивания и распредемечивания. Поэтому индивидуальность как атрибутивное свойство личности, тесно связано с общественным самосознанием, примат которого неоспорим. Его приоритетность определена смысловой референцией того, что «под общественным самосознанием мы понимаем многоуровневое образование, рождающееся и функционирующее в системе институциональных общественных отношений, что позволяет обществу осознавать самого себя и относиться к самому себе как субъекту во всём многообразии бытия» [7, с. 76]. Именно осознанная индивидуальность типизирует человеческую сущность в реалиях социальных отношений, продуцирует многообразие его субъектификационных контактов с «Другим» во всех видах человеческой жизнедеятельности. Так, онтологизируя индивидуальность в контексте трехвидовой совокупности человеческой реальности (объективной, субъективной и трансцендентной), В. И. Филатов делает методологически важный вывод: «Подлинное бытие человека – это бытие его индивидуальности, которая преобразует мир, в котором живет человек, по своей собственной мере творя тем самым действительное многообразие [8, с. 160].

Во-вторых, антропо-коммуникативная тенденция проявления субъектификации – в реализации *принципа антропомерности субъективного*. Субъектификация может рассматриваться как точка пересечения многоаспектности социально-типовых влияний различных структур общества. При их непосредственном воздействии происходит общественно-типологическая трансформация индивидуального. Параллельно с изменением социумных реалий субъекта практики происходят разнонаправленные «антропологические трансформации» в содержании человеческой деятельности, которые многовариантно форматируют отношения в системе «Я – Другой – группа – сообщество». Эти взаимозависимости реализуются в аспекте множественных взаимодействий в рамках социально-онтологических, логико-психологических, социологических, педагогических, социетальных, аксеологических, когнитивных, праксеологических, эвентуальных схем.

Одновременно с этим обогащается содержательность субъективной реальности, возрастает ее динамичность, многомерность, биполярность, способность к самоорганизации (Д. Дубровский). Многомерная субъективированность индивидуального тесным образом связана как с социальной реальностью, так и индивидуализированными аспектами субъективной данности. По утверждению Н. Переверзева: «субъективная реальность, в той или иной мере, определяет проявления творческого потенциала в социальной реальности, однако, с другой стороны, социальная реальность определяет субъективную реальность, и в этом заключается их взаимодействие и взаимообусловленность» [9, с. 130]. Это положение приводит к мысли об эффективности специфического процесса субъектификации индивидуального в антропологическом ракурсе типопределенной деятельности человека, который конкретизирован событийным контекстом бытия личности. Этим

подтверждается вывод, что индивидуальное – это особенное в индивиде (К. Платонов). Субъективированные особенности внутреннего мира создающей личности имманентны человеческой индивидуальности, определены предметностью фактологических моментов субъектификации в модальности межличностных отношений, специфицированы развитием персонализированных свойств человека в процессе его антропо-типологического познания.

Во-третьих, индивидуализированные результаты субъектификации сопряжены с проявлением *принципа субъектности*. Он раскрывает иные горизонты индивидуальности человека, актуализирует качественную интегративность проблемы целостности человека и жизненной динамике социального индивида. «Принцип субъекта, отмечает К. Альбуханова, – интеграции различных методологических проблем с целью выявления их возможностей обнаруживать качества и механизмы активности субъекта» [10, с. 10].

Социум, личность, индивид и субъект имеют пересекающиеся стенические пространства, приводящие к возникновению, развитию и координации их устойчивых связей. В контексте антропологической рефлексии, типологичность бытия личности субъективирована и инкорпорирована как в социально-культурное пространство человека, так и общества. В данном отношении субъектификация индивидуального представлена на уровне конотативных значений социального, типологического и индивидуального. Принцип субъектности способствует индивидуализированному закреплению направленности личности на ее самоопределение через отношение к поступкам и поведению других членов социума. Эта способность – важная персонализированная черта субъективности человека, необходимая предпосылка индивидуального и коллективного освоения мира, антропологическое условие для проявления субъектной самонаправленности в активном постижении социального, своеобразная «точка действия для другого» (В. Библер).

Стратегический формат развития субъектификационной составляющей человека видится в трансцендентальном выходе личности за пределы собственной бытийности, достижении высокого уровня полноценного индивидуального функционирования собственного «Я». Такое процессуальное понимание атрибуции субъектности означает «обнаружение субъекта» за пределами уже реализованных потенций и возможностей, появление новых системных смыслов его отношений с миром и «Другим». Данным тезисом подтверждается то, что «феномен субъектификации (атрибуции субъектности)» является одним из механизмов такого фундаментального явления, как сотворение человеком своего субъектного инобытия во всем сущем, в процессе которого осуществляется его существование как субъекта [11].

Индивидуальная составляющая субъектификации репрезентована лингвокультурологическим опытом межличностного общения, апперцептивными и рефлексивными процедурами познания человека, его феноменологической природой и экзистенциальными модусами явленности как собственного «Я», так и в широком диапазоне отношений «Я – Другой», «Я – коллектив». [12]. Этим обосновываются возможности выхода за пределы известного и достигнутого, реальности многообразия и вариативности процессов «воспроизводства субъективного потенциала человека» на индивидуальном уровне его бытия [13]. В процессе субъект-субъектного взаимодействия в социальной среде неизбежно происходят изменения «параметров» субъектности, корректирование содержания деятельности индивида, совершенствование типологического потенциала человека на основе «различий и меры признаков личности» [14, с. 783].

Таким образом, важность проблемы социальной субъектификации, в рамках целостной системы типологического познания личности, определяется новым пониманием природы данного феномена, смещением исследовательских акцентов в сторону философско-антропологического подхода к анализу отношений «системно-субъектного», «субъектно-субъектного», «антропо-субъектного», субъектно-индивидуального» характера. Категория субъекта при этом понимается как более широкая по сравнению с понятием «личность», в виду углубления познавательного уровня индивидуализации, персонализации, идентичности человека.

В предметном поле взаимодействия субъективного и индивидуального особую роль играет взаимодействие личности и общества. Типологический контекст их явленности представляет органическое единство: тип общества возникает на основе проявления совокупности типологий субъектов социально-культурной деятельности, а субъективно-персонализированная целеопределенность типологического потенциала общественных индивидов делает возможным реальность социума.

Субъективированная индивидуальность личности не есть некое статичное образование, но всегда результат развития в процессе взаимодействия с структурными элементами как общества, так и личности. Диалектика объектно-субъектных, субъектно-объектных отношений эксплицирована форматом субъектологической референции содержательных компонентов личности и выявляет многосложную индивидуальность человека.

Субъектификация выступает как динамическая составляющая процесса субъективации, представляя собой индивидуальный процесс развивающейся субъективности, чем углубляет типологическую уникальность и неповторимость человека. Индивидуализация – это персонологический формат схождения таких качеств субъекта как целостность, идентичность, духовно-нравственная комплементарность, социальная самоорганизованность, психологическая уверенность, фрактальность, креативность, вариативность. Следовательно, субъектификация индивидуального представляет собой антропо-интеллектуальный потенциал личности, конкретизированный единством ее персонализированных свойств, типологическая определенность которых выражена в словах Ф. Тютчева «счастлив тот, кто точку Архимеда, сумел найти в себе самом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лустин Ю. М. Тип личности в социально-философском дискурсе антропосоциотипогенеза // Научный потенциал. – 2016. – №2. – С. 3–10.
2. Очиров М. Н. Концептуальные основы субъектификации природных объектов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №15. – С. 140–144.
3. Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. / Под общей ред. Н. В. Попковой. – Брянск: БГТУ, 2012. – Вып. 10. – 140 с.
4. Ильин, А. Н. Антропология субъекта [Электронный ресурс] / А. Н. Ильин // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2010. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin> (дата последнего обращения: 12.04.2015.).
5. Грибанов И. Н. Культурная типология сквозь призму философско-антропологических концепций: дис. ... к. филос. наук: спец. 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология и философия культуры» / Иван Николаевич Грибанов. – Ростов-на-Дону, 2008. – 152 с.
6. Цыбикова Л. Х. Субъектификация природных объектов как основа единства человека и природы // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №15. – С. 163–166.
7. Ларкина Э. И. Сущность индивидуального и общественного самосознания: социально-философский анализ // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 3. – С. 73–76.
8. Филатов В. И. Социально-онтологические основания целостности человека: монография / М.: МГУК; Омск: Омский гос. ун-т, 2001. – 309с.

9. Переверзев Н. Ю. Субъективная реальность и принятие решений в социальной реальности // Теория и практика общественного развития, 2007. – № 2. – С. 128–130.
10. Альбуханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 3–21.
11. Дерябо С. Д. Феномен субъективизации природных объектов: автореф. дис... докт. психол. наук: 09.00.11 / С. Д. Дерябо. – Москва, 2002. – 39 с.
12. Герт В. А. Субъектность индивидуального бытия человека: монография. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2012. – 172 с.
13. Phares E. J.; Chaplin, W. F. Introduction to personality. – N. Y.: Longman, 2008. – 384 p.
14. Pittenger D. J. The limitations of extracting typologies from trait measures of personality // Personality and Individual Differences. – 2004. – No. 37. – P. 779–787.

Поступила в редакцию 05. 12. 2017 г.

SUBJECTIFICATION OF THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO TYPOLOGY OF A PERSONALITY

Yu. M. Lustin

The problem of the influence of the social environment on the development of subjective individuality in the subject field of typological cognition of the individual was actualized in the article. The anthropological understanding of subjectification is expanded, its ontological status is deepened, the anthropo-cultural significance in interpersonal communication is grounded.

Key words: philosophical anthropology, culture, typology of personality, subject, subjectification, individuality.

Лустин Юрий Михайлович
Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: lustin56@mail. Ru

Lustin Yurii Mikhailovich
Graduate Student of the Chair of
Philosophy,
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: lustin56@mail. ru

УДК 101.3:316.722

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕКУЛЯРНОГО И ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЙ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

© 2017. М. Т. Марюхнич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Специфика процесса секуляризации проанализирована в контексте зарождения данного явления в Европе, позже актуализированного в России. Исследованы современные тенденции религиозности – снижение влияния христианской церкви на социум, замещение христианской традиции эзотерическими веяниями, смещение чувства трансцендентного в бытовую плоскость, проанализированы возможности возрождения христианства. Сделан вывод о цикличном характере доминирования секулярного и традиционного в истории русского общества.

Ключевые слова: секуляризация, традиция, атеизм, сакральность, сопротивление.

Исследованию секуляризации в научной среде уделяется достаточное внимание. Это связано с тем, что наука в современном виде базируется на парадигме материализма, атеизма, в последние годы обретшего в нашей стране более демократические формы, в сравнении с предыдущим периодом, изучение же наличествующей научной парадигмы является важной частью научного процесса, необходимого для понимания его сути, целей и происходящих процессов. Упомянутый период торжества атеизма, секуляризации сфер жизни, и связанный с этим опыт построения атеистического государства не может кануть в небытие, и на данном поприще, которое является альтернативным вариантом развития западного мира, а, следовательно, и относится к западному миру в широком понимании, формируется всё та же западная материалистическая модель мира. В то же время в обществе растёт интерес к теории и практике традиции, которая манит тенью священных рощ, или привлекает «передачей огня», по выражению австрийского композитора Густава Малера. Наличие двух антагонистических мировоззренческих векторов в бытии социума актуализирует исследование перспектив развития русской цивилизации.

Необходимо исследовать истоки данного явления, выявить характер протекания процессов секуляризации и реакции традиции, а также выявить специфику данных процессов, характерную для русской цивилизации.

Сопротивление как мировоззренческое явление в контексте веры и секуляризации исследовали Д. Бонхеффер [1] и Г. Башляр [2]. Проблемы абстрагирования религиозности социума от системных религиозных организаций в сторону индивидуальной религиозности изучались Т. Лукманом [3] и Р. Беллой [4]. Советские социологи, исследователи проблем секуляризации опирались на теорию марксизма-ленинизма, среди них можно отметить Ю. А. Леваду [5], Р. А. Лопаткина [6], Д. М. Угриновича [7], И. Н. Яблокова [8]. Среди современных отечественных исследователей проблем секуляризации можно отметить В. И. Гараджу и Е. Д. Руткевич [9], Ю. Ю. Синелину [10].

Статичному состоянию секуляризованного общества всегда предшествует борьба и исторические потрясения, данный процесс столь колоритен и насыщен событиями, переворачивающими уклад общества, что не может не обращать на себя

внимания исследователей. Традиция, доселе безраздельно владевшая умами граждан, сходит с пьедестала, силой тысяч сопротивляющихся ей субъектов. И здесь важно проследить, чем вызвано сопротивление. Какова природа и движущие мотивы этой борьбы индивида, сливающейся в совокупную волю целых социальных классов.

Процесс секуляризации берет своё начало в эпохе Возрождения [11, с. 4], продолжается и усиливает свои позиции в наши дни, что оценивается религиозными философами в негативном ключе. И. А. Ильин негативное воздействие данных процессов находит в 1) материалистической науке, изменяющей человеческие отношения и строй, 2) светской государственности 3) потребительском мировоззрении 4) современном десакрализованном искусстве [11, с. 6 – 8].

Важной вехой процессов секуляризации в Европе была Реформация, начатая Мартином Лютером. Его выступление в Вормсе в 1551 году гласило: «я не верю ни папе, ни соборам, ибо очевидно, что они часто ошибались и сами себе противоречили» [12, с. 172]. Этой отповеди средневековой традиции католицизма предшествовали 95 тезисов, и дискуссионные работы 1515-1519 годов. Деятельность Лютера скорее выражала потребность эпохи, потому и приобрела горячую поддержку немецкого бюргерства, стремящегося освободиться от папской власти, прежде всего в духовной сфере. В реформации ярко обнаружилась борьба наций за духовную независимость. Ей предшествовало восстание Яна Гуса, наполненное религиозным смыслом, и являвшимся формой национальной борьбы. Чисто идеологическое противостояние Мартина Лютера католической церкви положило начало социальным переворотам, логически последовавшими за переворотом мысли, от которых он призывал воздержаться, призывая подчиняться светской власти, не подчиняясь духовной.

Следует заметить, что силы, призывающие к подчинению традиционному порядку, не исчезают, а как правило, оказывают сопротивление. Таким образом, развитие культуры заключается не только в сохранении и передаче традиций, но и в генерации новых смыслов. Данное противоборство создает необходимые условия трансформации социума. Как отмечает французский философ Гастон Башляр, «подавление является деятельностью нормальной, полезной, более того, доставляющей радость. Научная мысль невозможна без подавления. Оно дает начало сосредоточенному, взвешенному абстрактному мышлению. Любая связная мысль строится на системе нерушимых и ясных запретов. Культура несет радость, которая, по сути, есть радость сопротивления» [2, с. 151].

Нарастающие тенденции секуляризма не смогли обойти и православную Россию. В работе И. В. Налетовой указывается на то, что в последних исследованиях российские социологи стали употреблять термин «новые православные». Под этим понятием понимается неортодоксальный набор верований, религиозный эклектизм, недостаточная посещаемость церкви. Сама постановка вопроса, по её словам, указывает на то, что исследователи внесением данного понятия создают новую реальность, в действительности же воля к сопротивлению новым тенденциям тех, кто позиционирует себя православными, достаточно велика [13, с. 135]. Апологетическое отношение к возможностям русской православной церкви действительно может считаться корректным, если учитывать чёткую установку православия на неизменность своей традиции. Поэтому говорить о реформаторстве русской православной церкви на данный момент не приходится, ведь верующими данные уступки современности воспринимаются инфернальными событиями.

В данном случае речь идёт о перенесении исторического опыта Европы в реалии российской действительности, подразумевая раскол католической церкви, инициированный протестантским движением [13, с. 132], в результате чего и возникли

термины «новое» и «старое», содержащие в себе понятийный аппарат Просвещения со свойственным ему восхвалением прогресса и критикой всего старого. На самом же деле метаморфозы в большей степени касаются образа православного верующего человека, его восприятие обществом.

Пафос просветительской борьбы с традицией угас, традиция ушла в резервации, активные прихожане православной церкви, всё еще остающейся национальной, немногочисленны. В связи с этим возникают взаимосвязанные вопросы: «где реализует себя сопротивление современного человека, и какое место занимают проблемы религиозности в его уме?». Согласно теории приватизации религии Т. Лукмана, чувство трансцендентного сместилось из области церковного учения в практические сферы жизни, такие как наука и политика, а также к убеждениям, касающимся личностной независимости, индивидуальности. Следуя данным тенденциям, трансформируется и религиозность. Данные тенденции, по мнению социологов, присущи и современному католичеству. [3, с. 127].

В то время, как обостренное чувство индивидуализма на Западе запускает творческий процесс создания личной религиозности, что в общей картине характеризуется социологами, как «кипящий котел», «коллаг», «лоскутное одеяло», православная религиозность данной тенденции создаёт препятствие, так как «в православной системе ценностей терпение выше индивидуального счастья; а смирение и милосердие выше требования социальной справедливости». Положительный цивилизационный аспект заключается и в том, что «для воцерковлённого православного ценность включённости в человеческие отношения важнее саморазвития личности, а религиозный авторитет важнее личного религиозного творчества» [13, с. 133]. Таким образом, путь западного человека является торжеством индивидуализма, нескончаемым протестом, по словам Бергера, западный мир сделал «гигантский шаг от судьбы к выбору», отныне принадлежность к религии не является признаком человека, данным ему с рождения. [14, с. 150]. Данные установки проникают во все традиционные сообщества, слабеющие под воздействием нового образа жизни, развития информационных технологий.

Признаком транзитивного общества также является популярность оккультизма и астрологии, что относится к странам СНГ. Эзотерические концепции вплетаются в мировоззрение верующих христиан, порождая еретический синкретизм, с чем издревле боролась церковь, что недопустимо для принципов авраамических религий. Совместимость подобного мировоззренческого соседства конфликтна, если учитывать запрет авраамических религий на «ночные стороны бытия», концентрированное бытие в Боге и пренебрежение материальным миром, и небытием, что является следствием креационистской модели мира, и выражается в запретах магии, языческих действий и непрокреативных форм сексуального поведения. [15, с. 157].

Ю. Ю. Синелина также находит увлечение мистицизмом, наряду с увлечением европейскими философскими идеями просвещения признаком активно секуляризирующегося общества, уходящего от традиции. «Как правило, различные идеи свободомыслия сосуществуют с проявлениями мистицизма и религиозного синкретизма. Критика исторической религии часто сопровождается возвращением различных дохристианских суеверий и языческих доктрин» [10, с. 88].

Дух времени вызывает социальный протест и забвение традиции, изменяет расстановку акцентов социальной проблематики, он же через некоторое время находит в себе новые пути к переосмыслению религиозной традиции, и побуждает социум её возродить. В такие периоды пафос борьбы за традицию подчас заглушает гром побед секуляризации.

Ю. Ю. Синелина в работе, посвященной исследованию процесса утраты православной традицией своих позиций, утверждает, что процесс секуляризации происходил поэтапно и поочередно, начинаясь в высших сословиях, и достиг кульминации, затронув крестьянские массы и пролетариат [10, с. 85]. Примечательно, что инициатором первой волны секуляризации был глава государства Петр I, осознававший необходимость перемен традиционной России, находившейся на уровне средневековья с угрожающим военно-техническим и культурным отставанием. Ю. Ю. Синелина утверждает, что «на определенном этапе какая-то часть того слоя общества, который проходил секуляризацию, возвращалась к православию через европейские философские идеи». И подытоживает, что «это была уже не средневековая религиозность, а церковное религиозное мировоззрение, приспособленное к новым условиям жизни» [10, с. 86].

М. Н. Эпштейн данный процесс возврата религиозности в новых символах модерна сравнивает с верой, которая отринувши формальную сущность, подобно огню, сжигает второй том «Мертвых душ». По его словам – «Это модернистское средневековье, средневековье Нового времени, когда вера уже не господствует над сознанием общества, а заново утверждает себя в сознании личности вопреки религиозно-индиффернтному состоянию секулярного общества» [16, с.479]. Однако автор полагает, что свойственные русской культуре шатания в крайности, происходят по причине отсутствия третьего, оценочного уровня бытия, коим наделена культура европейская, и на котором ныне, в частности, произрастает политкорректность и мультикультурализм. В противоположность этому подходу, поборник традиции Ильин, ратует за освобождение энергии национализма, не приветствуемого церковью [11, с. 9], однако полагает, что «подлинная и глубокая, искренняя и цельная христианская религиозность не возродится так легко и скоро, от одной растерянности и страха; она возродится только от искренней тоски по Божьему лону, через любовь, обновленное созерцание и мудрость» [11, с. 8]. Вместе с тем, проблема освящения сакральной традицией светских, бытовых вопросов не чужда Ильину, и русской философии. «Как возможна христианская культура, когда христианство не нашло доселе верного творческого примирения и сочетания с великими светскими силами, увлекающими людей: с наукой, искусством, хозяйством, политикой?» – сокрушается философ [11, с. 9].

В данной парадигме желания примирить сакральное с секулярным, мыслили многие русские философы. Это, по словам Эпштейна, - «соловьевская идея всеединства и всемирной теократии, сращения церкви и государства; «Третий Завет» и «религиозная общественность» Мережковского; «святая плоть» Розанова; федоровская идея рукотворного воскрешения мертвых и обретения неба на земле, бердяевская идея всеобъемлющего акта творчества и создания новой земли и нового неба относятся к числу таких проектов Третьего как всеобъемлющего синтеза, разрешающего все культурные противоречия» [16, с. 496].

Таким образом, начавшийся в Европе процесс секуляризации, связанный с техническим прогрессом, обнаружил как силы, активизирующие его, так и силы традиции сохранять свое воздействие на социум

Важной характеристикой процесса секуляризации, является его воздействие на религию, которая принимает все более утилитарные, материалистические формы. Требование примирить светскую плоскость с сакральной исходят даже из традиционалистического лагеря. Периодически в ходе данных процессов традиция входит в фазу аномии, однако спустя некоторое время социум, проходя фазы абстрагирования от нее, находит новые подходы к ее переосмыслению. Данную роль в XIX веке берет на себя русская литература, причем часть общества продолжает

оставаться секулярной. Возможность возрождения традиции в XXI веке на постсоветском пространстве дает также и новые возможности секулярной мысли. Секулярное сопротивление традиции в посттоталитарное время приобретает демократический характер, и, не переходя черту богоборчества, изучает смысловые оттенки, заимствует современные новомодные идеи западного атеизма, а лидер нынешней Компартии запросто посещает церковь. Время характеризуется разнообразием религиозных поисков, что вызывает массу сектоборческой литературы со стороны православной церкви, и ответную критику прочих религиозных деноминаций, что также, безусловно, является сопротивлением и отличительной чертой секуляризованного общества.

Напряжение, возникающее на границах секулярного и традиционного, характеризует Русский мир, всегда отличавшийся радикальностью, в силу отсутствия нейтрального пространства между «да» и «нет». Традиционная религия, в лице православной церкви, испытывающая в настоящее время кризис, нацелена на сохранение вероучения. Инструментами, связующими, примиряющими религию со светской, бытовой плоскостью, являлись литература и философия, способствовавшие преодолению отставания церкви в светской сфере. Характер секуляризации проявляется в популярности индивидуальной религиозности, росте популярности эзотерических учений, смещении чувства трансцендентного в материальную сторону бытия. Не сбывшееся в ожиданиях апологетов рационализма и просвещения «расколдовывание мира», позволяет говорить о постсекуляризме.

Таким образом, начавшийся в Европе процесс секуляризации, связанный с техническим прогрессом, обнаружил как силы, активизирующие его, так и силы традиции сохранять свое воздействие на социум. В связи с этим можно утверждать, что протекающие процессы секуляризации и реванша традиции, имеют циклический характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: Прогресс, 1994. – 344 с.
2. Башляр Г. Психоанализ огня. – М.: Издательская группа Прогресс, 1993. – 176 с.
3. Luckmann T. Shrinking transcendence, expanding religion? The Paul Hanly Furfeylecture // Sociological Analysis. –Vol. 50, No. 2. – 1990. – P. 127–138.
4. Белла Р. Н. Социология религии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – 1972. – Выпуск 1. – С. 265–282.
5. Левада Ю. А. Социальная природа религии. – М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. – 382 с.
6. Лопаткин Р. А. Конфессиональное пространство России: глазами социолога // Религия и право. – 2001. – №4. – С. 10–14.
7. Угринович Д. М. Философские проблемы критики религии. О специфике религии и ее месте в общественном сознании / Д. М. Угринович. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1965. – 349 с.
8. Яблоков И. Н. Социология религии: теоретические аспекты. – М.: Макс Пресс, 2014. – 260 с.
9. Гараджа В. И., Руткевич Е. Д. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 775 с.
10. Синелина Ю. Ю. Секуляризация в социальной истории России // Мониторинг. – 2004. – №1(69). – С. 85–90.
11. Ильин И. А. Основы христианской культуры. – Мюнхен.: Издание Братства Иоанна Почаевского, 1990. – 51 с.
12. Брендлер Г. Мартин Лютер. Теология и революция. – СПб.: Университетская книга, 2000. – 368 с.
13. Налетова И. В. «Новые православные» в России как тип или стереотип религиозности// Социс. – 2004. – №5. – С. 130–136.
14. Berger P. L. The desecularization of the world: / P. L. Berger. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. – P. 143.

15. Марюхнич М. Т. Метафизические основания авраамических религий как предпосылки стилей социального поведения / М. Т. Марюхнич // *Innovativesolutionsinmodernscience*. – 2016. – № 8. – С. 154–161.
16. Эпштейн М. Н. Слово и молчание. Метафизика русской литературы / М. Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 2006. – 559 с.

Поступила в редакцию 10. 12. 2017 г.

TRANSFORMATION OF THE SECULAR AND TRADITIONAL WORLDVIEWS OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHY OF RESISTANCE

M. T. Maryukhnich

The specifics of the secularization process are analyzed in the context of the emergence of this phenomenon in Europe, later actualized in Russia. The modern tendencies of religiosity have been studied - the decrease of the influence of the Christian church on society, the replacement of the Christian tradition with esoteric trends, the shift of the transcendental feeling to the domestic plane, the possibilities of the revival of Christianity are analyzed. The conclusion is made about the cyclical nature of the dominance of secular and traditional in the history of Russian society.

Key words: secularization, tradition, atheism, sacredness, resistance.

Марюхнич Михаил Тарасович

Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: m-patriot@mail.ru

Maryukhnich Mikhail Tarasovich

Graduate Student of the Chair of
Philosophy,
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: m-patriot@mail.ru

УДК 168.522. 23/28.001.1.

МИФОТВОРЧЕСТВО И МИРОУСТРОЙСТВО ДРЕВНИХ СЛАВЯН

© 2017. А. Е. Отина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

© 2017. А. А. Мезенцева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье производится анализ неразрывной взаимосвязи мифотворчества древних славян с их представлениями о мироустройстве и практикой мироустройства. Проанализированы их взаимосвязи и различия.

Ключевые слова: мифотворчество, мироустройство, миф, древние славяне.

Мир и миф для древнего человека неделимы, так как миф является для него безусловной верой, неотъемлемой составляющей жизни. Он объясняет мир, организует его, примеряя нашего предка с суровыми силами природы, неизбежностью болезней и ухода из жизни, иногда утешает, обещая ее продолжение в ином, эмпирически неосвоенном заупокойном пространстве.

Миф рождает первые табу, зачатки морали, используя и направляя страх, вызванный суровыми и непостижимыми законами природы для создания первых социальных законов. В лице культурных героев и антигероев миф преподносит первые понятия о добре и зле, хорошем и плохом, рациональном и деструктивном. Не зря культурные герои всегда имеют парного антипода: Осирис Сета, Прометей, Эпиметей.

В славянском варианте это пара Перун–Велес: «К высшему уровню славянской мифологии относились два праславянских божества, чьи имена достоверно реконструируются как Perun (Перун) и Veles (Велес), а также увязываемый с ними женский персонаж, праславянское имя которого остается неясным. Эти божества воплощают военную и хозяйственно-природную функции. Они связаны между собой как участники грозового мифа: бог грозы Перун, обитающий на небе, на вершине горы, преследует своего змеевидного врага, живущего внизу, на земле. Причина их распри – похищение Велесом скота, людей, а в некоторых вариантах – жены громовержца. Преследуемый Велес прячется последовательно под деревом, камнем, обращается в человека, коня, корову. Во время поединка с Велесом Перун расщепляет дерево, раскалывает камень, мечет стрелы. Победа завершается дождем, приносящим плодородие» [1, с. 450].

Таким образом, Велес не только имеет традиционно неприятное для восточной культуры змеиное обличье, но и отличается змеиными повадками, коварством, ненасытностью и изворотливостью. Кроме разорения хозяйства (кража скота), покушений на людей Велес вторгается в столь значительный для славян институт семьи, похитив жену Перуна. Наказание Велеса Перуном сопровождается символическим плодородным дождем, посланным людям, что означает торжество порядка над хаосом.

Кроме культурных героев и антигероев божественного ранга у славян с времен мифологического эпоса возникают так называемые генеалогические герои. Для западных славян это Чех, Лях и Крак, для восточных – Кий, Щек и Хорив. Согласно легенде, заключенной в «Повести временных лет», Кий вместе со своими младшими

братьями Щеком и Хоривом каждый основали поселения на одном из трех холмов Киева, которые затем объединились в «Матерь городов русских».

Исследователи считают вполне вероятным, что название города Киев происходит от праславянского «*kiu*», что было наименованием некоего божественного кузнеца, который вместе с Перуном победил змея, обложившего людей поборами, затем впряг гада в плуг и вспахал землю. Из глубоких борозд образовались великий Днепр, его пороги и Змеевы валы (пороги вдоль реки).

Противниками генеалогических героев древних славян (антигероями) являлись различные чудовища змеевидного воплощения. Позже они развились в образы ярких мифологических и фольклорных персонажей: Соловья-Разбойника, Рарога-Рарашека, Идолища Поганого и др.

Непосредственно взаимодействуя с природой, являясь результатом соприкосновения с ней человеческого сознания, миф одновременно преображает природу, претворяет мир, создавая особую реальность, настолько же фантастическую, насколько и реальную.

Мифология – результат коллективного творчества. Однако она всегда содержит в себе таинственный, непостижимый, скрытый для исследователя, да и просто для наивного читателя, зрителя и т. п. момент – ту секунду, когда что-то индивидуальное сознание в порыве познать тайны бытия впервые породило то, что затем закрепится в мифологической традиции, будет воспроизводиться в фольклорных перепевах и в индивидуальном художественном творчестве, т. е. в мире национальной и общечеловеческой культур. К сожалению, этот момент недоступен для фиксации и недостижим при всех возможных исторических реконструкциях. При всех серьезных работах о природе мифа и особенностях производства мифологического сознания, написанных К. Г. Гюнгом, И. Хейзингой, Х. Ортегой-и-Гассетом этот вопрос навсегда останется в гипотетическом поле.

Мир культуры представляет собой сложное символическое пространство, в котором разворачивается история общечеловеческого духа, национальная история, время, проживаемое отдельной личностью. Символы взаимодействуют или обособляются, фетишизируются, обретают харизматические свойства, или, наоборот, девальвируются, становятся средоточием представлений о добре, или демонизируются.

Ожившие в мифологическом сознании наших предков знаки мифологической реальности представляют собой мифологию – огромный пласт национальной культуры и абсолютную реальность для тех, кто творил мифы и жил в мифе, в мифологической действительности.

Мифология – форма общественного сознания, способ понимания мира и природы на ранних стадиях общественного развития. Мифология также – особая специфическая область творческого претворения мира, или особый мир со своими неизбежными законами и специфическим мистическим объяснением механизмов и законов реальности. Явившись результатом коллективного творчества, миф коренным образом отличается от художественного творчества, поскольку последнее воспринимается как результат вымысла, слепок реальности, изображение реальности, а миф для человека в мифологическом пространстве сам рождает реальность.

Согласно мифологическому сознанию культурные достижения – дар богов или подарок культурных героев (Осириса, Прометея и т. д.). Мифологические существа испытывают к людям разнообразный и прямой интерес. Так, к примеру, антропоморфные греческие боги встречаются с людьми, обижаются на них, интересуются их мнением (суд Париса), мстят им (Артемиде Арахне, Посейдону Одиссею), имеют сыновей и дочерей от смертных женщин.

Славянские божества, в отличие от античных, не все антропоморфны, особенно если речь идет о низших мифологических существах, составляющих так называемый демонологический пласт. Однако, отношения между персонажами славянской мифологии и людьми, а также этих персонажей друг с другом не менее неоднозначны и зачастую запутаны.

И. Лисаковский, автор словаря «Художественная культура. Термины, Понятия. Значения» дает развернутое определение понятия «миф». В контексте нашей проблемы значительным представляется следующее определение: «Миф – архетипический сюжет о сущностных проявлениях жизни, о сопутствующих истории событиях, образно-типичное (обычно символическое) обозначение «вечных», переходящих из поколения в поколение характеров, отношений, конфликтов» [2, с. 103]

Миф закрепляет, таким образом, специфическое, уникальное, неповторимое, обнаруживая корни национальной культуры и общечеловеческий опыт осознания сущности и законов бытия (отсюда «бродячие сюжеты» в мифах разных стран, повторяющийся тип героя – миф о культурном герое и т. д.).

Мифологическая картина мира, которая создается конкретным народом, является результатом множественных влияний, в том числе пейзажных и климатических: «Зависимость от «стихии природы русской равнины», неустойчивость климата порождали в народных представлениях страх и ощущение постоянной зависимости от господствующих и неподвластных сил. У жителей русской равнины формировалось пассивно-созерцательное отношение к окружающему пространству, но в то же время удивление, восхищение гармонией и красотой природы, уважение к космическим стихиям.» [3, с. 39-40]. Л. Г. Березовая и Н. П. Берлякова, авторы учебника «История русской культуры», очень точно назвали языческую картину мира древних славян природным космосом. В отличие от античного абсолюта космос древних славян «приземлен», максимально приближен к человеку.

Исследователь Б. А. Рыбаков, опираясь на «Слово святого Григория (Богословца)...» (XIIв.), оно же «Слово об идолах» выделяет следующие стадии развития древнеславянской мифологии: 1) поклонение упырям и берегиням (злым и добрым духам природы) – архаическая стадия язычества; 2) поклонение Роду и Рожаницам (божествам плодородия) – вторая стадия; 3) культ Перуна (бога грозы и войны, покровителя князей и их дружин) – третья стадия.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров, авторы статей о славянской мифологии, помещенных в энциклопедии «Мифы народов мира», (Москва, 1992) рассматривают уровни мифологии древних славян, которые складывались вместе с развитием мифологического сознания и отражали особенности мировосприятия наших предков в разные периоды формирования и развития славянских народов.

По мнению исследователей «высший уровень характеризуется наиболее обобщенным типом функций богов (ритуально-юридическая, военная, хозяйственно-природная), их связью с официальным культом (вплоть до раннегосударственных пантеонов)» [1, с. 450]. К нему относились, как уже говорилось, Перун, Велес и связанный с ними до конца не реконструированный женский персонаж. Кстати, и в знаменитом пантеоне Владимира среди воздвигнутых им идолов только одно женское божество – Мокошь. Возможно, это связано с патриархальностью мира древних славян.

Хозяйственный цикл породил следующий, более низший уровень божеств, которые несли ответственность за сезонные обрядовые действия. Также на этой же ступени находились божества, воплощающие социальное единство, коллективную целостность. Это Род, которому предписывается роль первотворца – творческая мужская сила. Являясь воплощением древней богини плодородия, Род представляет ее

ярко выраженную мужскую ипостась. Это не просто фаллическое божество, а абсолютное мужское начало. Бог Вселенной, живущий на земле, не творит землю, подобно другим богам-демиургам, но он дает жизнь всему живому, что только на ней обитает. Теплым и симпатичным божеством, родственным домашнему очагу и симпатизирующим людям является Чур: «Чур (Цур – древний бог очага, оберегающий границы земельных владений. Очаг и теплая изба – место обитания Чура. («Чур меня!»). Чур освящает право собственности («Чур мое!»). Он же определяет количество и качество необходимой работы («Через Чур!»). Чурка – деревянное изображение Чура.» [4, с. 206]. Вполне вероятно, что к этому же уровню относились и женские божества, воплощающие собой связи с коллективом (Мокошь и др.).

Третий уровень иерархии восточнославянских и западнославянских божеств наиболее абстрагирован. Он представлен бинарными оппозициями персонажей Доля – Лихо, Правда – Кривда, Жива – Смерть и божеством судьбы, сословной иерархии и порядка: Судом со своими сестрами суденицами (аналог греческих мойр). Доля покровительствует людям, давая им достаток и удачу. Предстает Доля перед людьми в облике молодости (либо красивого юноши, либо красной девицы) и «хотя поначалу дружбу заводит с каждым – потом разберется и от плохого, злого человека уйдет» [4, с. 60]. Лихо – прямой антипод Доли, воплощение зла, одноглазая баба-великанша (аналог античных циклопов), спящая на кровати из человеческих костей и пожирающая людей. Жива («дающая жизнь») – богиня жизни у балтийских славян, противостоящая смерти. Являлась нашим предкам по мифологической традиции Жива в образе кукушки, поэтому, обращаясь к птице с традиционным вопросом о продолжительности жизни, человек обращается к Живе. Смерть – врагиня Живы и всех людей – представляет собой персонаж, блуждающий по мифологическим системам всего мира, так как и бродит она в пространстве реальности. Суд или Усуд в мифологии славян – не только божество судьбы. Он также занимается разделением труда и распределением благ, организует сословное неравенство: если Суд рассыпал золото, то рождаются богатые, а ежели черепки, – то бедняки.

Таким образом, высший и средний уровень (включает также вышеупомянутых генеалогических героев-родоначальников племени) славянской мифологии обнаруживают коллективность как основную характеристику культуры наших предков, а также патриархальный уклад жизни у восточных славян (женской ипостаси Жизни Живе у балтийских славян соответствует восточнославянский Род; количественно мужских божеств высшего и среднего уровня больше).

Низший уровень славянской мифологии наполнен различными видами разнообразной нечисти, как правило неантропоморфной. Это животные, духи, фетишизированные демоны, заполняющие мифологическое пространство от дома и до леса, болота, речки и далее: домовые, лешие, водяные, русалки, мавки, вии, лихорадки, мары, моры, кикиморы. Из животных мифологизируются нечисть в образах ночного демона Шерстнатого, духа полей Полевого, песиголовцев (циклопы с телом человека и головой собаки), веселой нечисти Шиша, которого люди изображают, складывая фигуру из трех пальцев, и родственной ему смехотворно-пугающей Шишички (разновидность русалок).

Таким образом, особое место в восприятии нашими предками действительности играют персонажи низшего уровня, демонологического круга: упыри, русалки, берегини, мавки (души младенцев, умерших некрещеными), домовые, вий и т. д. Человек их боится, угождает им, но и зачастую панибратствует с ними, высмеивает их, что блестяще изображено Н. Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в «Вие».

И сегодня мы порой ощущаем в себе молодой задор наших предков и молодость нашей культуры, когда с большой радостью прыгаем через костер в ночь на Ивана Купала или готовим пасхальные столы.

Мироустройство для древних славян, как уже говорилось, – «природный космос». Непосредственно связанные между собой земля и небо мыслились ими как женское и мужское начала, мать и отец. С землей непосредственно был связан культ Рода, небесного существа, носителя мужского начала. Отсюда толкование слова «природа» как рождающая. Культ земли – один из древнейших славянских культов.

Реконструируя значения праславянских и общеславянских слов, исследователи обнаруживают утраченные, но чрезвычайно важные для отношения к миру и восприятия мироустройства нашими предками оттенки этих значений. Это касается и слова бог (общеславянское): «С обозначением доли, удали, счастья, вероятно, было связано и общеславянское бог: сл. богатый (имеющий бога, долю) – убогий (не имеющий доли, бога), укр. небог, небога – несчастливый, нищий. Слово «бог» входило в имена различных божеств – Дажьбог, Чернобог и др.» [1, с. 451]. В традиции подобной трактовки значения слова бог, Дажьбог, таким образом, – божество, богатое и жертвующее. Так и есть, ведь Дажьбог (Даждьбог) – бог солнца, жатвы, плодородия, богатый силой, здоровьем, мудростью и мастерством. Чернобог тоже обладает многими силами, только это черные силы. Он не знает меры в своем гневе, так как злого в нем слишком много. Это олицетворение ночи (Белобог персонифицирует день) и, если так можно сказать, Чернобог чрезвычайно богат злом, чрезмерно им наделен. Необычайно динамичный Стрибог – бог воздушных стихий – находится в постоянном движении, преодолевая воздушные преграды. Возможно украинское слово «стрибаты» (прыгать) связано с именем Стрибога. Более поздние выражения «как у бога за пазухой» и «поймать бога за бороду», таким образом, тоже связаны с со значением основного значения слова «бог», образуя смысловую пару бог-богатый. «Жить как у бога за пазухой» означает пребывать в полном достатке, спокойствии и комфорте, «поймать бога за бороду» – мгновенно обрести удачу и богатство.

Имя бога Род (др. - рус. Родъ, Родъ из общеслав. rodz, индоевроп. «*hord*»), - родственно хетт. *hardu*, «потомок», иероглифическ. лувийск. *hartu*, «потомок») напрямую связано с понятиями древних славян о роде и племени (последнее часто соотносилось со словом плод) как о единственно приемлемой по тем временам форме социального взаимодействия, где все члены коллектива – родственники, сородичи, свои, а чужаки – иноплеменники, изыщи, иноземцы, тьземуи (жители той земли). Как отмечает В. В. Колесов: «Родъ еще до XIV в. получает также значение родина...» За всем этим стоит нечто такое, что в представлении древних славян объединяло слова рождение, родина и родъ. Происходит неуклонное дробление смысла древней синкреты-корня в новых социальных условиях. Род постепенно приобретает значение «родина» – конкретность родного гнезда и «рождение» – непрекращающееся воспроизведение потомства. Кроме того, в древнем отглагольном имени существительном заключается и сакральное значение божества, которое отвечает за неукоснительную смену поколений в границах племени: Родъ в отличие от множественности родовъ» [5, с. 26]. Кроме того «родина» понимается как место, откуда берет начало жизнь не только отдельного человека, но и всего рода, к которому он принадлежит. Поэтому выражения «Иван-безродный» или «Иван, не помнящий родства» в равной степени относятся к человеку, не только не знающему или не желающему знать своих родственников, но и к человеку без родины. Как в дохристианский период, так и в христианский (особенно тогда) сознание субъекта восточнославянской цивилизации осуждало безродность, либо воспринимало ее как трагедию личности. Вне рода, вне

коллектива, где жизнь отдельных людей напрямую связана с жизнью других – сородичей, соратников человеческое существование не мыслилось.

Для древнего человека мифотворчество и миротворчество едины. Формируя правила взаимодействия с соплеменниками внутри рода, он канонизирует их в мифе, закрепляя коллективный опыт труда и познания реальности.

Значительную часть мифологического пространства, воплощенного в практику, составляют различные магические ритуалы, которые сопровождали важнейшие вехи жизни человека (рождение, вступление в брак, рождение потомства, смерть), а также те, что были связаны с трудовой и хозяйственной деятельностью: клятвы, колядования, ворожба и т. д. К примеру, «ритуал клятвы (присяги) предполагал произнесение при свидетелях словесной формулы, сопровождаемой рядом действий (прикосновение к культовому предмету или его целование, осенение крестным знаменем, рукопожатие)» [6, с. 512].

Таким образом, мифологическое мировосприятие наших предков организует их совместную жизнь, способствует усвоению норм и правил, запрещает и разрешает, заставляет думать и развлекает и, что очень важно, является мощнейшим творческим рычагом преобразования мира, т. е. тем, что отличает homo sapiens от всех остальных родовых и видовых обитателей Земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология// Мифы народов мира. Энциклопедия. – В 2-х томах. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1992 – 719 с.
2. Лисаковский И. Художественная культура. Термины, Понятия. Значения. – М.: РАС, 2002. – 240с.
3. Березовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры. Часть I. – М.: ВЛАДОС, 2002. – 400с.
4. Персонажи славянской мифологии / Сост. А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. – К.: Фирма «Корсар», 1993. – 224с.
5. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси /В. В. Колесов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 311с.
6. Славянские древности. Этнический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т2. – М.: Международные отношения. – 692 с.

Поступила в редакцию 04. 11. 2017 г.

MYTHOGENESIS AND WORLD ORDER OF EARLY SLAVES

A. E. Otina, A. A. Mezentseva

The article analyzes interconnection between early Slaves mythogenesis, their world order perceptions and the way it was fulfilled in social life. It analyses their correlation and difference between those.

Key words: mythogenesis, word order, myth, early Slaves.

Отина Анна Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии и политологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»
e-mail: otina.anna@mail.ru

Otina Anna Evgenyevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Sociology and Political Science
Donetsk National Technical University
e-mail: otina.anna@mail.ru

Мезенцева Анна Алексеевна

Ассистент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»
e-mail: mezentseva. a00@mail.ru

Mezentseva Anna Alekseevna

Assistant
SCE HPE “Donetsk National Technical University”
e-mail: mezentseva. a00@mail.ru

УДК 111.7+17.037

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

© 2018. И. С. Половинкина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется взаимосвязь концепций виртуальной реальности и сверхчеловека Ф. Ницше. Их корреляция обеспечивается смежными положениями и наличием взаимообусловленности. Определено, что посредством модели постчеловека упрощается понимание явления виртуального бытия, как одной из новых и актуальных форм человеческого существования.

Ключевые слова: реальность, виртуальная реальность, личность, сверхчеловек.

Конец XX – начало XXI вв. – период прогрессирующего развития информационных технологий и, как следствие, стремительной «компьютеризации» общественного сознания. Результатом создания Всемирной сети и освоения людьми обезличенной формы передачи информации стало появление уникального сегмента социальной жизни – виртуальной реальности (далее – ВР). В результате и понятие «виртуальная реальность», имеющее долгую и сложную историю, приобрело совершенно новое, чрезвычайно насыщенное содержание; изменился онтологический статус его референта.

Актуальность исследования ВР заключается в ее тотальном распространении и фактическом признании обществом как «Реальности № 2» («Реальность № 1» – объективный физический мир). Фиксируемые признаки ВР, на наш взгляд, коррелируют с положениями учения Ф. Ницше о сверх- или постчеловеке. Многие тезисы и аргументы его концепции вполне вписываются в парадигму интерпретации нового антропо-информационного сущего и способны облегчить его исследование. Основываясь на прогнозах социологов, компьютеризация и выбор каждого отдельного субъекта в пользу ВР с каждым годом будет только расти. Поэтому на современном этапе развития общества, характеризующегося переходом от традиционного гуманизма к «оцифровыванию» человеческого бытия как такового, крайне важно определить отношение научного сообщества к этому процессу.

Об актуальности тем и рубрик ВР свидетельствуют работы зарубежных и отечественных философов. Среди них выделяются – Н. А. Носов, Е. Е. Таратута, Д. А. Беляев, В. В. Бычкова, Н. Б. Маньковская, а также И. Гроссман, М. Ломбард, Т. Диттон, Ф. Фукуяма. Однако предметно-проблемное поле отличается новизной, будучи столь обширным, что наличие исследовательских лакун – неизбежно. Одна из них обнаруживается на пересечении онтологии, социальной философии и философской антропологии. Не менее эвристическим и многовекторным является философское наследие Ф. Ницше, как и его интерпретация в формате русской философской мысли.

Цель статьи – атрибутивный анализ виртуальной реальности, а также выявление ее взаимосвязи с положениями концепции сверхчеловека.

В ходе исследования используются преимущественно контекстуальный и аналитический методы научного познания.

Со второй половины прошлого века западная культура и наука, как ее составляющая, вступили в эпоху постмодернизма. Для последнего характерны завуалированный (а порой, и открытый) антисциентизм, деконструкция традиционной нормативистской методологии,

наделение объектов исследования многомерными свойствами, а также их рассмотрение с нескольких позиций. Одним из основных вопросов постмодернистской философии культуры является отношение между человеком и машиной, шире – компьютеризированной действительностью. Такой комплекс отношений нередко именуют «виртуалистикой». Она содержит в себе как философские интенции и естественнонаучную проблематику, так и выход в плоскость практического интереса в формате «жизненного мира» и темы «культура и цивилизация».

Многие темы постмодерна имеют своим источником идеи Ф. Ницше. Его концепция сверхчеловека может стать вполне адекватной гносеологической площадкой, на которой целесообразно рассматривать феномен ВР. Анализ абстрактной модели сверхчеловека способен быть тем контекстом, в рамках которого феномен ВР, надеемся, предстанет в новом свете.

Отношение к учению Ф. Ницше о сверхчеловеке остается неоднозначным. Так, В. С. Соловьев предостерегает: «Если вы думали, что сверхчеловек есть некое высшее существо, то откажитесь от такого заблуждения. Сверхчеловек есть лишь предмет университетского преподавания, учреждаемая кафедра филологического факультета» [1, с. 295]. С. П. Знаменский пишет: «У Ницше встречается так много противоречий и непоследовательностей в мыслях, что они бросаются в глаза даже при поверхностном чтении его сочинений. <...> Наиболее крупные противоречия сосредоточены в учении о сверхчеловеке» [1, с. 952–953]. Лауреат Нобелевской Премии, гениальный поэт и мыслитель Б. Л. Пастернак, высказывался об учении о сверхчеловеке следующим образом: «... Я счел, что смогу по достоинству оценить Ницше и круг его идей. Но я вновь наткнулся на старое недоразумение. Его отрицание христианства само взято из Евангелия. Разве он не видит, из чего творит своего сверхчеловека? Таким слепым может быть только полный дилетант, дилетант во всем. Как удалось все это понять бедному, менее начитанному и образованному Серену Кьеркегору?» [2, с. 282].

Приведенные критичные мнения больше концентрируются на внутренней противоречивости концепции сверхчеловека, а также на ее лингвистической, а не философской подоплеке. Однако чем глубже будет рассмотрена ВР сквозь призму постчеловека, тем, надеемся, меньшее количество противоречий в нем обнаружится. Допускаем, что концепции ВР и сверхчеловека являются взаимообусловленными и дополнительными, а их взаимосвязь отчасти нивелирует противоречия и парадоксы.

В пространстве ВР, с помощью анализа признаков постчеловека, объясняется внутренний конфликт «стандартного» агента новой информационной реальности, а также решаются проблемные аспекты взаимоотношений человека и общества. Это, например, происходит путем культивации ментального одиночества, как высшей формы существования индивида. «О, одиночество! Ты, *отчизна моя*, одиночество!» [3, с. 131]. Нахождение в ВР предоставляет возможность создания благоприятной среды для одиночного net-существования. Помимо этого, ВР идет дальше, обеспечивая субъекта возможностью расширить круг общения посредством Интернета. То есть, пользователь может расширить коммуникативное поле до желаемых пределов, оставляя за собой право в любой момент уничтожить конкретную площадку сетевой действительности. Таким образом, в ВР себя проявляет один из признаков сверхчеловека – его способность к максимальному самостоятельному контролю собственной жизни.

Потенциальный сверхчеловек способен актуализироваться на просторах ВР. Именно ВР является ареной реализации многих атрибутов и, исходя из положений Ф. Ницше, целей постчеловека. Подразумевается, что каждый отдельный пользователь может наделяться определенными параметрами, необходимыми для создания в конкретном сегменте сети образа сверхчеловека.

Связь между сверхчеловеком в современном его понимании, и ВР обнаруживается не только путем феноменологического анализа, но уже на этапах рассмотрения самих понятий в областях этимологии и семантики. В «Тускуланских беседах» Цицерон писал: «*Marius rusticanus vir, sed plane vir, cum secaretur, vetuit se alligari...*», что значит: «Мариус – деревенский человек (*vir*), подлинный муж (*vir*), когда ему резали ногу, он запретил привязывать себя...» [4, с. 19]. В использовании слова «*vir*», а не «*homo*» заложено разное видение содержания понятий. Так, в слово «*vir*» Цицерон вкладывает наличие воли у человека, выносливости, терпения и принятия. В то время как «*homo*» понимается как биологический вид человека (но не более!), как звено внутри природной, лишенной философии, но наделенной инстинктами, цепи. Смысловой оттенок слова «*vir*», можно предположить, является семантическим началом или прообразом сверхчеловека. У Цицерона «*vir*» олицетворяет предельный, концентрирующий в себе все силы субъекта порыв, максимальные усилия и волю человека, предоставляющие ему возможность возвыситься над «*homo*».

«*Vir*» также можно перевести как «доблестный муж», то есть, человек наделенный храбростью, смелостью, волей к творческой мысли. Так называли античных юношей, когда они, после обряда инициации, проводили некоторое время в «мужских домах». Такой дом представлял собой нечто, подобное коммуне или общежитию, где юноши учились военному делу. Считалось, что энергия молодого человека, еще не нашедшая выхода в виде главы семьи и война, разрушительна, а потому юноша должен провести некоторое время в подобном месте, чтобы стать доблестным мужем (*vir*) [4, с. 13].

Согласно Ф. Ницше, «человек есть нечто, что должно преодолеть, что человек есть мост, а не цель» [3, с. 142]. Человек физического мира есть тот самый «мост», перейдя который можно стать «*vir*» и предстать в образе сверхчеловека. То есть, человек, каким мы привыкли его видеть, является незавершенным, переходным состоянием.

ВР предоставляет возможность субъекту обладать качествами сверхчеловека, но в виртуальном пространстве сети. Данная связь обуславливает возможность понять диалектику взаимосвязи. Для этого проанализируем признаки ВР и такого онтологического допущения как сверхчеловек.

В соответствии с трактовкой Н. А. Носова [5, с. 5–6], к признакам ВР относятся:

1. Порожденность. Предполагается, что ВР является продуктом внешнего импульса. Она не появляется сама по себе, но может существовать отдельно от субъекта, появившись из «точки сингулярности». Так, создателем ВР (или какой-то ее части) выступает как непосредственно один человек (конкретный пользователь), так и группа людей, обеспечивающие сетевое пространство определенными качествами. Речь может идти о создателях компьютерных игр, сайтов, симуляций, личных блогов и т. д.

2. Актуальность. Предполагается, что ВР существует в режиме «онлайн». Однако при отсутствии контакта с конкретной частью ВР, она не исчезает. Фактически это проявляется в пустых сетевых площадках (например, закрытые сайты, которые не посещаются пользователями). При этом создатель может, как уничтожить данное сетевое пространство, так и ничего с ним не делать. Помимо этого в большинстве случаев «смерть» в ВР является лишь трансформацией физических состояний – от состояния сетевой или виртуальной личности (*vir*) в состояние «константной» личности, так называемого «*homo*». То есть, «смерть» представляет собой перезагрузку сети, выход в «оффлайн» на некоторое время.

3. Автономность. Предполагается возможность пользователей создавать личные пространственно-временные координаты, наделять персонаж (фактически, себя, свою виртуальную личность) различными свойствами, включая атрибуты, которые не имеют

онтологического статуса в «Реальности № 1», функциями и прочим. То есть, ВР представляет собой максимально гибкую структуру, способную поддаваться модификациям в соответствии с желаниями пользователя, при наличии у последнего необходимых навыков.

4. Интерактивность. Способность взаимодействовать с другими реальностями, в т. ч. поддаваться влиянию внешних факторов и оказывать воздействие на факторы, существующие вне ВР. Это выражается в зависимости ВР от создателя на этапе непосредственного программирования, а в дальнейшем – приводит к появлению определенного рода уже детерминированности пользователя некоторыми атрибутами ВР. Она, не без помощи запрашиваемой человеком информации, формирует новые привязанности субъекта, его вкусы и взгляды, мотивации и ориентации.

В то же время, среди атрибутов сверхчеловека существенными являются:

1. Способность личности управлять течением событий, а по сути, своей жизнью. Субъект наделяется чувством собственной уникальности, четко отграничивается от остальной массы, существуя автономно. Фактически, роль общества в жизни конкретного индивидуума становится вспомогательной, обеспечивающей базовые его потребности, но никак не влияющей на самосознание и картину мира.

2. Состояние сверхчеловека предполагает способность к самоопределению, включая вопросы морали, а также отношение к вечным истинам (понятию добра и зла, пониманию Бога или любого другого трансцендентного и/или духовного начала). Ф. Ницше констатировал, что человеческая жизнь протекает в постоянной борьбе, а суть сверхчеловека в преодолении страха перед смертью. «И вот какую тайну поведала мне сама жизнь: «Смотри, я всегда должна преодолевать самое себя. <...> Мне надо быть борьбою, и становлением, и целью, и противоречием целей» [3, с. 82–83].

3. Основная жизненная цель, исходя из концепции Ницше о сверхчеловеке, – безостановочный поиск истинного знания, творческое преодоление себя. «Здесь в каждом мгновении преодолевается человек, понятие «сверхчеловека» становится высшей реальностью, – в бесконечной дали лежит здесь все, что до сих пор называлось великим в человеке лежит ниже его» [6, с. 750].

Взаимосвязь рассмотренных выше наборов атрибутивных характеристик можно описать следующим образом:

1. ВР предоставляет субъекту возможность контроля своего net-бытия, тем самым реализуя заложенные в концепции сверхчеловека характеристики. Идеал, созданный Ф. Ницше в форме идеи о постчеловеке, способен контролировать появление у личности различных желаний и стремлений, вплоть до полной их ликвидации в случае необходимости. Регулярное (практически во всех случаях ежедневное) использование ресурсов ВР приводит к возникновению у субъекта новых знаний, интересов, мотивации и целей. Это, в свою очередь, стимулирует дальнейшее становление ВР, как одной из существенных частей фактической, по словам Е. Е. Таратуты, «константной» жизни людей.

2. Понимание ВР несколько упрощается, если рассматривать ее аспекты через способность сверхчеловека к самоопределению. В контексте ВР существует возможность полностью переформатировать виртуальное бытие, уничтожать одни площадки существования, переходя на другие. Также сюда можно отнести определенный вид рефлексии, посредством которой выражается способность к творческой мысли. Так как субъект способен заново «создать» для себя понятие морали и духовного начала, внутренние противоречия внутри его сознания постепенно вытесняются единым решением, по факту которого и создается область ВР. Это можно наблюдать в проектировке любой компьютерной игры или симуляции, когда создатель или

пользователь наделяет события или персонажи личной историей, качествами характера, конкретным отношением к спорным положениям. Например, в большинстве виртуальных аркад, такие аспекты человеческой экзистенции, как смерть, месть, забота, жалость теряют свою онтологическую актуальность. Они становятся поверхностными, не требующими духовных усилий для их принятия и/или отвержения.

3. Теоретически ВР может стать составной частью жизненной цели сверхчеловека. Это предположение подкрепляется тем, что ВР в данный момент является одним из наиболее сложных и актуальных бытийных сфер. Углубленное изучение ВР фактически является попыткой познать неизведанное, что-то принципиально новое и усовершенствованное по сравнению с обыденным бытием человека, как «*homo*». Посредством безостановочного поиска истинного знания и творческого преодоления своего «*homo*», как производной Реальности № 1, появляется «*vir*», как продукт Реальности № 2.

В труде «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше однозначно призывает человечество избавиться от «слабых» субъектов (не обладающих волей, наделенных априорным стремлением к саморазрушению). Философ говорит: «Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение *нашей* любви к человеку. Что вреднее любого порока? – Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым» [7, с. 663]. Подразумевается, что постепенное избавление от «слабых и неудачников» приведет к повышению духовной потенции индивида, а в перспективе – появлению сверхчеловека как данности. ВР является, во многом благодаря неограниченному пространству и его автономности, возможностью для редукции общей массы людей к одним оценочным рамкам и экзистенциальным матрицам. Подразумевается, что частичное существование в ВР, а также признаки виртуальной личности – это выбор субъекта, который может включать в себя абсолютно любые характеристики.

Фактически, ВР решает проблему неравенства внутри самого сетевого пространства (не затрагивая проблемные аспекты Реальности № 1). В соответствии с учением Ф. Ницше, сверхчеловек является вектором исторического развития. Если локализовать понятие «историческое развитие», то каждый отдельный субъект, создающий ВР или определенную ее часть, является этим самым вектором «в миниатюре». ВР предполагает возможность испытывать личность в наиболее экстремальных и неожиданных проявлениях, бесконечно тренировать волю и дух. При этом «бесконечно» в данном контексте предполагает отсутствие бесповоротной смерти в виртуальном пространстве. Как отмечалось ранее, «смерть» в ВР представляет собой трансформацию физических состояний. То есть, пользователь имеет возможность неоднократно возвращаться к одной и той же ситуации, используя различные способы ее решения.

ВЫВОДЫ. Концепция сверхчеловека «перекликается» с концепцией ВР. Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что учение о сверхчеловеке способно помочь в определении места ВР в современном информационно-витальном пространстве. Эта тема является сравнительно новой, ее актуализация – следствие сложных процессов социальной вовлеченности и интеграции. Взгляд на ВР сквозь призму модели сверхчеловека является только одним из возможных вариантов систематизации и интерпретации сетевых процессов. Причем, погружение человека в эти виртуальные процессы, как это ни парадоксально звучит, становится все более реальным.

Проведя анализ признаков двух смысловых массивов, можно резюмировать, что сверхчеловеческое в разрезе ВР – это не только продукт сознательного усилия субъекта – образ, виртуальная личность, создаваемая человеком, а также пространственно-временной отрезок в сети, обеспечиваемый необходимыми, желаемыми характе-

ристиками. Это и сам фактический субъект, который сосредотачивает свою волю и творческую мысль на процессе создания сетевого продукта.

ВР и концепция сверхчеловека могут интерпретироваться, как деструктивные, ибо они оказывают негативное влияние на бытие человека в обычном выделенном мире действительности. Однако в соответствии с постмодернистской тенденцией наделять объекты многомерными свойствами, наличие отрицательного воздействия предполагает, помимо прочего, присутствие и положительных моментов. Частичная деструкция «Реальности № 1» восполняется концентрированностью и подконтрольностью «Реальности № 2», утрата определенных атрибутов значимости в физическом мире заменяется теми же элементами и/или их симулякрами в сетевом пространстве. Так, например, создаются электронные библиотеки и формируются онлайн-галереи с объектами искусства мирового масштаба. Отрицательное воздействие (обесценение традиционной морали и «вечных истин», упрощение танатологии) концепции сверхчеловека на субъект виртуального пространства (*vir*) также отчасти снимается расширением способностей индивида, формированием у него новых взглядов (конструированием идеологии, преодоление страха смерти и т. д.).

ВР, в контексте учения о сверхчеловеке, позволяет преодолеть человеческие несовершенства, но пока в ситуативном плане и масштабах конкретного пользователя. Такой процесс может рассматриваться не только в программе реформатирования фактического человеческого «я» в виртуальную личность, но и как возможность усовершенствования «привычной» человеческой природы, которая есть «мост» к сверхчеловеку, надо признать, – гипотетическому.

Обнаруженное пересечение между атрибутами ВР и рубриками учения о сверхчеловеке призвано облегчить понимание антропологических и социальных аспектов ВР. Кроме того, наше пропедевтическое исследование нацелено на создание теоретического базиса, который в перспективе может способствовать предотвращению и устранению проблемных, в т. ч. негативных импликаций ВР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ницше: Pro et contra (антология). – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. – 1076 с.
2. Пастернак Б. Л. Что такое человек // Полное собрание сочинений с приложениями в 11 томах / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернак. – Т. 5. – М.: Слово / Slovo, 2004. – С. 279–282.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения в 2 т. – Т. 2 / Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян; Пер. с нем. – М.: Мысль, 1996. – С. 5–237.
4. Таратуга Е. Е. Философия виртуальной реальности / Е. Е. Таратуга – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 147 с.
5. Носов Н. А. Манифест виртуалистики / Н. А. Носов. – М.: Путь, 2001. – 17 с.
6. Ницше Ф. Эссе Homo (Как становятся сами собой) // Сочинения в 2 т. – Т. 2 / Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян; Пер. с нем. – М.: Мысль, 1996. – С. 693–769.

Поступила в редакцию 18. 04. 2018 г.

VIRTUAL REALITY IN THE CONTEXT OF THE ÜBERMENSCH

I. S. Polovinkina

The article analyzes the relationship between the concepts of virtual reality and Friedrich Nietzsche's idea of the Übermensch ("overman"). The correlation between these two is ensured by adjacent propositions and the presence of interdependence. It is determined that by means of the posthuman model there takes place simplification of the understanding of the phenomenon of virtual being which is treated as one of the new and actual forms of human existence.

Key words: reality, virtual reality, personality, Übermensch.

Половинкина И. С.

121

Половинкина Ирина Сергеевна

Магистр учетно-финансового факультета,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: polovinkina. irra@yandex. Ru

Polovinkina Irina Sergeyevna

Master of Arts, the Faculty of Accounting
and Finance,
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: polovinkina. irra@yandex. ru

УДК 130.2:304(477.6)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ «ДОНБАССКОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА» КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

© 2018. *Е. В. Рочняк*

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка

В статье на основе краткого анализа истории Донбасса с позиции социальной философии делается предположение о существовании донбасского культурного типа как феномена региональной ментальности. Доказывается, что современная сложная социально-политическая ситуация в регионе во многом обусловлена открытым нежеланием украинских властей учитывать историю становления и развития края.

Ключевые слова: Донбасс, культурный тип, культурное наследие, культурная самоидентификация, социально-философский анализ, историческая регионалистика.

Философские проблемы исторической регионалистики занимают видное место в структуре современной философских исследований, ведь именно региональными особенностями обусловлен сложный процесс становления национального сознания и культурной самоидентификации, которые сложились на различных территориях, в частности, в Донецком крае.

Среди ученых, занимавшихся вопросами истории, экономического, геополитического и этнического своеобразия Донбасса, следует выделить М. Антоненко (кандидатская диссертация «Заселение Донбасса: социально-экономические и этнонациональные аспекты (середина XIX – начало XX столетия)», 1994), И. Кононова (докторская диссертация «Донбасс в этнокультурных координатах Украины (социологический анализ)», 2005), А. Михненко (докторская диссертация «История Донецкого бассейна второй половины XIX – первой половины XX вв. », 2001), О. Сучкову (кандидатская диссертация «Евреи в Донбассе (20-30-е годы XX в.), 2005»). Однако следует отметить, что данные работы выполнялись в рамках исторических специальностей, в то время как философского осмысления проблемы этнокультурной самоидентификации и становления региональной ментальности жителей Донбасса не было.

Понимание истории как науки о человеке с позиции социальной философии позволяет увидеть в ней не только перечень дат, событий и фактов, но и осознать зависимость между своеобразием народов и конкретных обществ, а также их исторической судьбой. Анализ «духа», ментальности той или иной группы населения естественно базируется на описании их социокультурной и экономико-политической истории. Однако помимо этого требует поиска их смысла, влияния на судьбу конкретного общества, предполагает осмысление внутренних, не лежащих на поверхности причинно-следственных связей.

Говоря о культурном типе, необходимо отметить, что достаточно часто данный термин ассоциируется с понятием национального, народного характера. Действительно, между ними достаточно много общего. Однако национальный характер в большинстве работ ассоциируется с проявлением национальной психологии, которая зачастую базируется на генетической памяти. Иначе говоря, для становления национального характера требуется достаточно продолжительный отрезок исторического времени. В то время как понятие культурного типа презентуется как социокультурный феномен, непосредственно связанный с «набором» представлений о

Рочняк Е. В.

мире, определенных символов, традиций, стереотипов мышления и образцов поведения, позволяющих людям отрефлексировать свое представление о данном социуме в конкретный культурно-исторический период, уточнить свои ролевые функции, соотнести и удостоверить собственную культурную идентичность. Культурный тип во многом базируется на культурном наследии.

Культурное наследие первоначально имело смыслом выживание и продолжение жизни предков в истории потомков. Его основанием выступает стремление к не ограниченному во времени существованию, осуществляемому через передачу генетической, энергетической и духовной информации. Ценность наследия тем самым выражает устремленность к «укоренению» во времени, в социальной истории. В этом отношении роль наследия предельно высока. Включение в процесс наследования наполняет смыслом и значимостью индивидуальное бытие личности. Человек начинает осознавать себя частью более значительного по сравнению с ним в отдельности целым, что неизбежно способствует повышению и его самооценки.

Культурное наследие как унаследованная информация о прошлом выступает важнейшим ценностным основанием бытия (как личного, так и социального), реализуя связь времен и формируя историю. Однако оно является хрупким, как и само бытие, может быть легко утрачено, потеряно, забыто. Культурное наследие воплощается в различных материальных и духовных артефактах. Следовательно, их сохранение (сознательное или бессознательное) играет важнейшую смысложизненную, духовную и практическую роль для функционирования общества как единого организма. Именно с такой точки зрения понятие «культурное наследие» рассматривается современными философами, социологами и историками, например, Е. Селезневой [2]. Поэтому неудивительно, что культурное наследие самым тесным образом связано с историей того или иного региона.

Рассматривая историю заселения нашего края, следует отметить, что древняя история с точки зрения прямого демографического наследования для Донецкого региона имеет малую значимость, ведь это время характеризуется длительными периодами фактического запустения. Народы древности (киммерийцы, скифы, сарматы) использовали донецкий регион преимущественно в качестве временной остановки на миграционных путях в сторону северо-запада. Хотя по мнению В. Заблоцкого именно период Дикого поля заложил психологическую базу регионального самопозиционирования: «Донбасс по сей день воплощает черты Дикого Поля – свободолюбие, воинственность, даже жесткость, независимость. Политическая история Донбасса определялась этими чертами даже после того, как в Дикое Поле пришла “современность”» [1, с. 33]. При этом основа современного населения Донбасса складывается предположительно на территории современной Беларуси. Формирующиеся на севере этнические общности постепенно, через развитие своих технологических возможностей, отодвигали все ближе к югу черту оседлости.

Турки и крымские татары использовали степной буфер в качестве стратегического плацдарма для грабительских набегов на русские приграничные поселения в районах центрального Черноземья и, в меньшей степени, земли Речи Посполитой. Большую роль в обороне русских земель и от набегов турок и татар сыграло казачество, использовавшее территорию нашего региона в своих тактико-стратегических целях.

В XVIII в. быстрому заселению края способствовала победа России над Турцией и поощрение Российским государством переселения южнославянских народов. Южнославянские поселения оказали существенное влияние на культуру Донбасса, а также на некоторые антропологические особенности населения. Также в это время

здесь расселили несколько тысяч молдаван и волохов, сдавшихся в плен во время очередной русско-турецкой войны, а на юге Донбасса – выведенных из Крыма греков.

Со второй половины XIX в. начинается бурное развитие Донецкого края в связи с его быстрой промышленной колонизацией. Развитие капиталистической промышленности подняло спрос на рабочую силу и сюда все ускоряющимся потоком ринулись безземельные крестьяне из других районов Украины и России. К концу XIX в. среднегодовой прирост населения здесь превышал средний показатель по империи примерно в 5 раз и составлял ежегодно 100–150 тыс. чел. На тот момент обычной практикой была сезонная миграция рабочей силы, в частности, из центральных районов России, следствием чего было формирование на территории Донбасса неоднородного по своему составу населения, сильно различавшееся по соотношению численности мужчин и женщин, а также по возрастным группам. Особенно существенны эти различия между городской и сельской местностями.

В период формирования раннеиндустриального уклада Российская империя на Донбассе столкнулась с недостаточностью капитала для разработок местных ресурсов и вынуждена была прибегнуть к масштабным иностранным финансовым и демографическим интервенциям. Среди последних стоит выделить сербов, греков, молдаван, немецких колонистов. Украинское население занимает нишу степного земледелия, выходцы из центральной России – нишу городских жителей. Таким образом, формируется характерная картина этнического распределения между городским и сельским населением.

К концу XIX в. Донбасс стал основным производителем угля и черных металлов в Российской Империи. В ходе Первой мировой войны уголь становится «хлебом промышленности», его добыча – стратегической отраслью, необходимая для развития и выживания любого независимого государства. Именно поэтому силы, не заинтересованные в усилении России (Германское руководство, государства Антанты, стоявшие за спиной Добровольческой армии Деникина), направляли свои усилия на препятствование развитию Донбасса.

В 1920-х гг. недостаток рабочей силы замедлял темпы индустриализации, поэтому в ряды донецких рабочих вливается масса новых пополнений, но уже преимущественно путем организованного набора из Украины, России, а также из Беларуси, Татарской АССР, Кавказских регионов.

Особая эпоха в истории Донбасса – первые сталинские пятилетки, когда страна начала целенаправленную индустриализацию и ликвидацию любого отставания от стран Запада в технологическом плане. Для осуществления этого плана происходила мобилизация ресурсов, причем угольной промышленности было отдано особое место. На протяжении 1930-х гг. увеличивается приток украинцев из Сумской, Черниговской, Киевской, Винницкой и Полтавской областей, русских из Воронежской, Курской и Белгородской областей. Данные процессы происходили в рамках комсомольской мобилизации на шахты Донбасса и так называемых оргнаборов местного сельского.

В планах европейских государств во главе с гитлеровской Германией Донбасс занимал особое место не только как ресурсный центр, но и как район, наиболее ассоциированный с советской ментальностью. Был развернут планомерный масштабный физический и культурный террор с одновременным подпитыванием двух сил, которые должны были послужить подавлению консолидированного сопротивления советского народа – это украинское националистическое движение и сепаратное движение донского казачества. Оба движения активно протекционировались военно-политическим руководством Рейха.

Восстановление региона в 1943 г. вновь проведено через наращивание трудоресурсного потенциала за счет активной миграции. Среди средств такого привлечения стоит выделить использование особого режима в рамках осуществления уголовного преследования, что давало возможность лицам, совершившим различные преступления более успешно социализироваться на территории Донбасса, чем в районах своего постоянного проживания.

После ВОВ огромные капитальные затраты на восстановление региона и необходимость в социальном обеспечении шахтеров снизили привлекательность угля, и постепенно в индустрии угольная эпоха сменяется нефтяной. Меняются и приоритеты советской государственности, на смену ориентации на внутреннее производство приходит сотрудничество в рамках СЭВ, где СССР часто играет роль поставщика сырья и промышленных полуфабрикатов.

1950-е гг. – последний и наибольший за всю историю Донбасса этап интенсивного роста населения за счет переселения рабочих на строительство шахт Донбасса. К концу 1950-х гг. промышленное строительство в регионе замедляется, в СССР поднимают другие регионы: в Средней Азии, Сибири, на Дальнем Востоке, куда направляются отряды молодежи из Донбасса, что отражается и на темпах естественного увеличения численности населения.

Крушение советской государственности для всех районов промышленного развития СССР было особенно драматично. Еще во время позднего этапа Перестройки была внедрена программа деиндустриализации, а в дальнейшем – десоветизации и дерусификации цивилизационного пространства, установление единой мировой цивилизации с евроатлантическим центром, в котором территориям бывшего СССР отведена роль ресурсного придатка. Однако для общественного сознания на Донбассе продолжительный период остается характерной особая стойкость советской архетипов. Данный факт обусловлен тем, что они сложились здесь фактически с самого начала освоения территории, потому как классовые факторы на порядок превосходили этнический и культурный.

С начала XXI в. идеи глобализированной либеральной цивилизации постепенно утрачивают свою абсолютно привлекательность. Постиндустриальный уклад, основанный на виртуальных инструментах наращивания капитала, как модель, с 2001 г. вступает в полосу затяжного кризиса. На фоне этого в целом ряде стран разворачиваются цветные революции, основная задача которых – укрепление финансовых позиций евроатлантического центра за счет дополнительной накачки зависимых экономик псевдокредитами. Для Донбасса ситуация является временем серьёзных испытаний, цивилизационным вызовом, требующим выработки адекватного идеологического обеспечения.

Таким образом, за небольшой по меркам человеческой истории период на территории Луганщины и Донетчины возникла особая общность людей, на формирование менталитета которой оказала влияние история становления региона. В своём большинстве, не будучи коренным населением для данных территорий, этот народ приумножался, развивался вместе с регионом благодаря непосредственному участию и содействию сначала царского, а затем советского правительств.

В результате сложных исторических процессов на свет появился так называемый «донбасский культурный тип», который, по сути, и является главным культурным наследием (в широком, философском смысле этого слова) нашего региона. Для него характерна подчеркнутая эгалитарность, близость к трудящимся массам, нешумность, несклонность к дешевой показушности, учет и уважение коллективных интересов, сплоченность и взаимовыручка, упорность в достижении цели, отсутствие выраженной

национальной розни. Люди, рожденные на Донбассе, не привыкли идти к кому-то за помощью, они полагаются только на свои силы и на помощь родных и близких, но не власти. В отличие от других территорий, на Донбассе никогда не ценилось слово само по себе, главный акцент всегда делался на работе, на результате. Отсюда, кстати, и распространенный еще в 1940–1950-е гг. мем «Донбасс порожняк не гонит», который воспринимается двояко.

Современный военный конфликт на территории нашего края – это следствие естественной реакции народа Донбасса на попытку отнять историю и право выбора собственного пути развития. Сложившаяся ситуация лишней раз доказывает, что государственная внутренняя и внешняя политика не могут быть эффективными и успешными без учёта и глубокого понимания исторического прошлого.

Подводя итоги, можно утверждать, что такое направление как социально-философское осмысление региональной истории является не только обоснованным и возможным, но и чрезвычайно актуальным и плодотворным, ценным как для сохранения культурного наследия предков, так и для формирования мировоззрения современников, которые сами являются частью истории, закладывают фундамент своего будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заблоцкий В. Декілька слів про донбаський менталітет / В. Заблоцкий // Схід. – 2004. – Спецвипуск. Вересень. – С. 123–136.
2. Селезнева Е. Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов: автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Е. Н. Селезнева; Гос. акад. славян. культуры. – М., 2004. – 40 с.

Поступила в редакцию 18. 04. 2018 г.

HISTORY OF THE «DONBASS CULTURAL TYPE» FORMATION AS A PROBLEM OF SOCIAL PHILOSOPHY

E. V. Rochnyak

The article is dedicated to the hypothesis of the existence of the Donbass cultural type as a regional mentality phenomenon based on the brief history of Donbass. The current difficult sociopolitical situation in the region is proven to be driven largely by the evident unwillingness of Ukrainian authorities to consider the region's formation and development history.

Key words: Donbass, cultural type, cultural heritage, cultural self-identification, socio-philosophical analysis, historical region studies.

Рочняк Елена Владимировна

Кандидат философских наук,
Доцент кафедры философии и истории
ООВПО «Горловский институт
иностранных языков»,
г. Горловка
e-mail: lero1981@yandex. ru

Rochniak Elena Vladimirovna

Candidate of Philosophy,
associate professor of the Department
of Philosophy and History of
Educational Establishment of Higher
Professional Education
«Gorlovka Institute for Foreign Languages»
e-mail: lero1981@yandex. ru

УДК 140.8:321.7

ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН МИРА: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2017. В. А. Чернышов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена исследованию феномена «мягкой силы» как мировоззренческого фактора, формирующего внешнюю политику ведущих государств мира. Автор делает вывод о том, что необходимо понимать важность влияния информации в современном мире. Это связано с тем фактом, что ядре «цветных революций» всегда находится группа политтехнологов, финансируемая извне. Коммуникация (прежде всего, через Интернет) является одним из главных и эффективных орудий организаторов «управляемого хаоса».

Ключевые слова: информация, информационно-психологическое воздействие, культурные ценности, «мягкая сила», «умная сила», теория «управляемого хаоса», цветные революции.

В современном обществе многие способы построения отношений на мировой арене, апробированные в прошлом, практически полностью уходят на второй план. В XXI в. инструменты непрямого вмешательства, к которым можно отнести и политику «мягкой силы», с каждым днем приобретают большую популярность, и уже доказали свою эффективность. Информационное общество продолжает развиваться, так как в мире существенно возросла роль информации, которая играет основную роль в концепции «мягкой силы». Во-первых, информация является достижением прогресса человечества, она открывает перед каждым человеком огромное количество возможностей, например, получение доступа к всевозможным областям жизнедеятельности. Во-вторых, с внедрением новых технологий информационно-психологического воздействия, информацию можно рассматривать как мощное геополитическое оружие, она может оказать негативные последствия на то государство, которое подверглось «информационным ударам» и «информационным атакам».

Целью данной работы выступает философское исследование феномена «мягкой силы» как фактора, формирующего современную внешнюю политику ведущих государств мира.

«Мягкая сила» (англ. *“soft power”*) представляет собой форму политического влияния, основанного на симпатии, добровольном участии и привлекательности. «Мягкая сила» является понятием, противоположным «жесткой силе» (англ. *“hard power”*) как принуждению, основанному на милитаристских и санкционных механизмах. В своей основе «мягкая сила» включает язык и культуру страны, которые проявляются в широком спектре форм и гуманитарных технологий, таких как наука, образование, благотворительность и т. д.

Концепция «мягкой силы» была впервые выдвинута представителями американской школы нелиберализма (Дж. Най) в полемике с представителями неореализма (К. Уолтс). Проблема, возникающая при использовании инструментов «жесткой силы» (прежде всего, военных), заключается в их исчерпаемости. Военных и экономических ресурсов в распоряжении любого государства всегда ограниченное количество. Более того, использование этих ресурсов ведет к их отвлечению от «нормальной» социально-экономической деятельности и, потому, в долгосрочной перспективе, уменьшает социально-экономические возможности государства.

Эта проблема стала острой для США уже во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг., когда стало очевидным постепенное исчезновение относительного экономического доминирования Америки в капиталистическом мире. США все больше уступали под напором своих западноевропейских и японских конкурентов. Еще больше данная проблема обострилась в связи с острым глобальным нефтяным кризисом, показавшим огромную уязвимость американской экономики. Соответственно, возник вопрос о том, смогут ли США в долгосрочной перспективе только за счет своих экономических и военных ресурсов удерживать претензии на глобальное лидерство.

Ряд работ известных историков, размышлявших над этой проблемой в 1970–1980-е гг., показал, что все мировые империи, которые использовали инструменты «жесткой силы», столкнулись с серьезными ограничениями возможностей и, в конце концов, пали. Ни одно государство просто не в состоянии поддерживать свое господство на мировой арене, опираясь на «исчерпаемую» грубую силу. В этой ситуации у ряда представителей американского неолиберализма и возникла идея найти «неисчерпаемый» источник могущества государства на мировой арене.

Для неолибералов военная и даже экономическая сила не является ни единственно возможным, ни наиболее эффективным инструментом обеспечения безопасности государств. В этом плане классическая теория «мягкой силы» не предполагает даже использования экономических инструментов. Согласно наработкам представителей этой школы мысли, «мягкая сила» государства основана на привлекательности его культуры, ценностей, политических и социальных программ. «Мягкая сила» является противоположностью «жесткой силы». «Жесткая сила» является набором инструментов давления (военно-политического, экономического, дипломатического), которые заставляют другие страны действовать так, как «надо Америке». «Мягкая сила» основана на культивировании чувства симпатии, притягательности идеала и позитивного примера. «Мягкая сила» и «жесткая сила», как считается, связаны в рамках экономической модели уменьшения издержек. Значительная «мягкая сила» государства делает применение им «жесткой силы» более приемлемым для объектов его воздействия, снижая, таким образом, издержки.

Концепция «мягкой силы» нашла широкое применение в американской политике по окончании «холодной войны», в период администрации У. Клинтона. Затем, в период администрации Дж. Буша-младшего, эта концепция на время утратила свою значимость.

С началом нового тысячелетия начался активный поиск новых аспектов применения «мягкой силы». Возник целый ряд ее производных концепций. В Европе получила распространение идея «нормативной силы». ЕС официально позиционирует себя как сила, которая придерживается норм международного права и распространяет их по всему миру. В США в период администрации Б. Обамы возникла и получила широкое применение на практике концепция «умной силы» (*smart power*), также выдвинутая Дж. Наем. Это – эффективное сочетание военных, экономических и «мягко силовых» инструментов. В настоящее время также развивается концепция «сетевой силы», связанной с использованием технических и социальных сетей в эпоху глобализации и их ролью в революциях нового поколения.

Концепция «мягкой силы» получила распространение в незападных странах. Новое видение внешнеполитических стратегий в рамках «мягкой силы», разновидности которых определяют национальное своеобразие, представляют разные страны. Так, наряду с «умной силой» США, применяются «привлекательная сила» ЕС (*attractivepower*), «мудрая сила» Китая (*wisepowerofChina*), утонченная сила Индии (*sophisticatedpowerofIndia*).

В выстраивании стратегий *attractivepower* западноевропейская политика опирается на идеи толерантности, демократии, открытости, популярности западноевропейских языков и образования.

Реализуя модель *wisepower*, Пекин использует, прежде всего, принципы «мудрой экспансии», «мудрого сотрудничества», «сдержанности» и «последовательности».

Концептуальной основой *sophisticated power* Индии как разновидности «мягкой силы» являются идеи мирного развития, основанные на важнейшей философской идее – ахимсе. Идея гуманизации международных отношений нашла свое отражение в принципах мирного сосуществования («панча шила»), идее неприсоединения, в идеалах моральной политики. Способность «мягкой силы» гуманизировать международные отношения, ограничивая применение реальной, жесткой силы, имеет огромное значение для индийской политики, побуждая ее все более активно искать и применять новые формы ее реализации.

Эффективная политика «мягкой силы» дает возможность государству активизировать ресурсы внешнего влияния и усиливать свои позиции в политическом пространстве. Не уделяя в должной мере внимания разработке технологиям «мягкой силы», Россия сегодня сталкивается с негативными последствиями сформировавшихся стереотипов как о стране, реализующей свои внешнеполитические интересы преимущественно методами и ресурсами «жесткой силы». В настоящее время усилия российского государства в области выстраивания новых стратегий «мягкой силы» довольно фрагментарны, что значительно снижает возможности влияния РФ на современную мировую политику. Важно уделить внимание формированию новых проектов «мягкой силы» России, включению новых акторов и новых методов расширения внешнего влияния в соответствии с текущими реалиями.

Основными источниками «мягкой силы» могут быть названы культура (позитивный статус державы как внутри страны, так и за ее границами), политические ценности (действие государства по единым принципам, то есть как у себя дома, так и на мировой арене) и внешняя политика (некий моральный авторитет и легитимность, который принимают геоконкуренты). Однако, рассматривают и другой подход, из которого следует, что «мягкую силу» можно подразделить на следующие составляющие: экономическое, политическое и культурное влияние [1, с. 114]. Под экономическим влиянием следует понимать саму экономическую модель, инвестиционную деятельность и гуманитарные программы. Под политическим влиянием – характер взаимоотношений с другими государствами, участие в различных международных организациях, а также международный имидж того или иного государства, исходя из его внешней политики. Под культурным влиянием – привлекательность самой культуры как таковой и ее ценностей.

В настоящее время набирает популярность новая теория Дж. Ная под названием «умная сила», представляющая динамичную комбинацию «мягкой» и «жесткой» силы, соотношение которых во внешнеполитической деятельности необходимо менять исходя от контекста и самого объекта геополитического влияния. Количество упоминаний термина «умная сила» на сайте Госдепартамента США стало существенно опережать количество упоминаний «мягкой силы» (350 против 15). Причина заключается, по-видимому, в том, что «мягкая сила» редко употреблялась без упоминания «жесткой силы», а «умная сила» объединяет сразу два понятия [2, с. 24]. Применение политики «умной силы» подразумевает использование военной мощи совместно со всеми приемами дипломатии.

Инструменты «мягкой силы» неотъемлемы от инструментов дипломатии, так как каждое государство представляет своих граждан, свою культуру и себя на

международной арене. Таким образом, в теории и практике, значительное место занимает «публичная дипломатия». По Дж. Наю, публичная дипломатия обладает следующими параметрами: повседневной коммуникацией, целью которой является объяснение политико-управленческих решений в области внутренней и внешней политики государства, причем акцент делается на иностранную прессу с целью формирования международного имиджа страны; стратегической коммуникацией, которая занимается планированием символических акций и коммуникацией на протяжении года для предания некоего бренда центральным темам; разработкой долгосрочных взаимоотношений с индивидами других стран в течение многих лет через систему различных конференций, семинаров, обменов и доступа к СМИ. Необходимо понимать, что публичная дипломатия – это вид деятельности, а «мягкая сила» – это ресурс, для приобретения которого может использоваться данный вид деятельности. Иными словами, публичная дипломатия - это вид деятельности, который используется, прежде всего, для развития и концентрации потенциала «мягкой силы».

Феномен «мягкой силы» заключается в том, что эта сила может, как и помочь, так и навредить тому, кто ее использует. Поэтому, целесообразно делать отличия использование прямых или официальных инструментов «мягкой силы» от непрямых или неофициальных. Под официальным механизмом реализации «мягкой силы» следует понимать государственное регулирование сферы внешней политики публичной дипломатии, под неофициальным – неформальные каналы решения внешнеполитических задач в гуманитарной сфере [3, с. 73]. Сегодня на вооружении стоят новые, особые приемы использования «мягкой силы», которые имеют различия по способу применяемых ресурсов, целей и результатов. В итоге, «мягкую силу» стоит рассматривать как возможность управлять и воздействовать на массовое сознание, на систему ценностей общества и человека, мировоззрение целого народа и культурно-цивилизационные коды, тем самым убеждая в необходимости «добровольного» подчинения того или иного общества.

На сегодняшний день самой эффективной технологией влияния на общественные сознания является теория «управляемого хаоса», которая была апробирована в создании очагов управляемого хаоса в республиках бывшего СССР. Стивен Манн-автор и разработчик этой теории лично принимал участие и имеет прямое отношение к «цветным революциям» в странах СНГ. Согласно этой теории, существуют сложные открытые системы (те, которые взаимодействуют с внешней средой). Такие системы могут находиться не только в состояниях порядка и хаоса, они могут находиться также в состоянии «неравновесного порядка» (который при слабых воздействиях способен обрушиваться в хаос) и в состоянии «детерминированного хаоса» (который при слабых воздействиях может само организоваться в относительно устойчивый порядок). Но оба эти процесса возможны лишь при условии, что в системе существуют специфические «зародыши» хаоса или порядка, которые он называет «аттракторами» [4]. Иным образом, сама идея хаоса опирается на реально существующее недовольство в обществе, в стране из-за отсутствия эффективных способов взаимодействия между властью и обществом. Отрицательные эмоции у населения начинают вызывать полу осознанный социальный кризис - в этих условиях власть не сможет функционировать в прежнем режиме. В своих работах С. Манн открыто пишет о событиях, в которых национальные интересы США являются приоритетнее стабильности во всем мире, в общем. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем СМИ через частный сектор» [4]. Данные ключевые положения применяются в настоящее время во многих странах, в том числе и на постсоветском пространстве,

именуемые как «цветные революции». Вытеснение существующей идеологии, появление идейного плюрализма, сбрасывание «балласта» ценностей, резкое повышение материальных запросов, прежде всего в элите, потеря управляемости экономикой, беспредел «демократических», якобы самостоятельных движений – все это лишь сознательно внедряемые технологии теории «управляемого хаоса», главная цель которой – разрушение существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций. На их место должно прийти нечто совершенно новое, а именно — общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что, в свою очередь, достигается при помощи особых технологий, относящихся в основном к сфере СМИ и образования) [5, с. 71]. Таким образом, доктрина теории «управляемого хаоса» в политике страны предполагает: в первую очередь, возможность объединения в требуемый период разрозненных политических сил, проявляющих открытое недовольство в отношении власти; Во вторую очередь, возможность подрыва уверенности самой элиты страны в своих силах и способностях, в лояльности всех силовых структур; В третью очередь, возможность прямой дестабилизации обстановки в государстве, поддержка протестных настроений с привлечением иностранных агентов, которые сумеют посеять в обществе панику и недоверие к легитимной власти; В четвертую очередь, возможность организации свержения власти посредством «демократических» выборов, вооруженных провокаций или другими способами.

Таким образом, необходимо понимать важность влияния информации в современном мире, потому что в ядре «цветных революций» постоянно находится «цветная группа политтехнологов», финансируемая извне. Именно коммуникация (прежде всего, в виде социальных сетей) является одним из главных и эффективных орудий организаторов «управляемого хаоса». Это войны нового типа – информационные или даже информационно-психологические. Поэтому, необходимо целенаправленно выявлять особенности войн нового типа и оперативно вырабатывать приемы по их противодействию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радиков И. В., Лексютина, Я. В. «Мягкая сила» как атрибут великой державы // МЭиМО. – 2012. – №2. – С. 27–32.
2. Харкевич М. В. Мягкая сила: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО. – 2014. – Том №2 (35). – С. 128–137.
3. Филимонов Г. Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. – 2014. – №1. – С. 204–208.
4. Манн С. Реакция на хаос [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html (дата последнего обращения: 02.02.2015).
5. Лепский В. Е. Рефлексивный анализ технологий управляемого хаоса как оружия субъектности развития // Информационные войны. – 2010. – №4(16). – С. 214–219.

Поступила в редакцию 23. 12. 2017 г.

THE FACTOR OF “SOFT POWER” IN THE FOREIGN POLICY OF COUNTRIES OF THE WORLD: THE WORLDVIEW ASPECT

V. A. Chernyshov

The article is devoted to the study of the phenomenon of “soft power” as a worldview factor shaping the foreign policy of the leading states of the world. The author concludes that it is necessary to understand the importance of the influence of information in the modern world. This is due to the fact that the nucleus of “color

revolutions” is always a group of political technologists, funded from outside. Communication (primarily through the Internet) is one of the main and effective tools of the organizers of “managed chaos”.

Key words: information, information-psychological impact, cultural values, “soft power”, “smart power”, theory of “controlled chaos”, color revolutions.

Чернышов Владимир Анатольевич

аспирант кафедры философии,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: black270@mail. Ru

Chernyshov Vladimir Anatolyevich

graduate student of the Chair of Philosophy,

SCE HPE “Donetsk National University”

e-mail: black270@mail. ru

УДК 821.111(73)

ОДИНОЧЕСТВО В СИСТЕМЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ ЛИЧНОСТИ

© 2017. Е. А. Шелехов

ГОУ ВПО «Донецкий институт железнодорожного транспорта»

Статья посвящена философскому исследованию одиночества в контексте экзистенциальных страхов личности – страхов смерти, свободы, потери смысла. Делается акцент на связи одиночества и самости. Сделан вывод о том, что одиночество не следует полностью отождествлять с уединением или изолированностью. Оно является неотъемлемой частью бытия личности, но при этом состояние одиночества нельзя назвать психологической нормой.

Ключевые слова: одиночество, экзистенциализм, личность, страх, развитие.

Экзистенциализм как философская система, возник в позапрошлом веке, но его идеи до сих пор сохраняют свою высокую актуальность. Эта доктрина делит мир на «неподлинный», отчужденный, в который человек уходит, чтобы убежать от самого себя и мир «подлинный», в котором он сам себя выбирает – мир индивидуального внутреннего «Я». Экзистенциализм призывает человека бунтовать, находить в себе силы для борьбы с абсурдностью социального мира. Жить – значит бороться. В этом заключается призвание человека. В процессе обретения своего истинного «Я» человек неизбежно сталкивается с базовыми экзистенциальными страхами – страхом смерти, свободы, потери смысла и одиночества.

Философскому и психологическому исследованию экзистенциальных страхов, в том числе – страха одиночества, посвятили свои работы многие авторы. Среди них – Р. Немов [1], А. Лентьев [2], Е. Мулярчук [3], О. Туренко [4], С. Бакалдин [5], С. Куртиян [6], Е. Заворотнюк [7], Д. Перлман и Л. Пепло [8], В. Франкл [9] и др. При этом данная проблематика очень обширна и глубока, поскольку затрагивает глубинные основания бытия личности. В связи с этим вопрос об экзистенциальном смысле одиночества остается весьма перспективным для философского исследования.

Прежде, чем анализировать психологическую основу страха одиночества, необходимо определить понятие страха как такового. Широкая вариативность трактовки страха породила множество определений данного явления. Страх является предметом изучения как психологии, так и философии, психиатрии, физиологии, социологии и других наук.

В известном словаре В. Даля страх определяется как «внутреннее состояние, обусловленное реальной или гипотетической угрозой» [10, с. 537]. С точки зрения психологии страх относится к эмоциям. По определению Р. Немова, эмоции – это «особый класс субъективных психологических состояний, которые отображают в форме непосредственных переживаний, ощущений приятного и неприятного, отношение человека к миру и другим людям, процесс и результаты его практической деятельности» [1, с. 436]. Невозможно представить деятельность человека без эмоциональных переживаний, одним из которых является страх. Способы выражения эмоций, в основном, являются культурно-обусловленными, регламентируются особенностями социализации, а именно, образованием, ближайшим окружением и даже условиями природной среды. Важным является то, что страх и другие эмоции являются личностными образованиями и характеризуют человека в социально-психологическом аспекте. Но не следует забывать, что эмоциональные переживания закрепились в процессе эволюции как биологические механизмы поддержки жизненного процесса.

Они предупреждали индивида о разрушительном характере недостатка или переизбытка определенных факторов. Поэтому вполне справедливой является мысль А. Леонтьева, согласно которой страх – это «негативно окрашенный эмоциональный процесс» [2, с. 205]. В философии и психологии страх стал предметом изучения еще во времена Античности (работы Крития, Демокрита, Эпикура, Лукреция Кара). В эпоху Средневековья страх (особенно «страх перед Богом») рассматривался, прежде всего, в связи с теологией (Фома Аквинский, Св. Августин). При этом страх выступал как полезная эмоция, которая помогает человеку вести чистый образ жизни (ведь каждый помнил о страхе перед карой Божьей). В эпоху Ренессанса, когда целью жизни человека было провозглашено достижение счастья, страх стал интерпретироваться в основном, в негативном контексте. Свободный ренессансный человек-творец должен был со страхами через непрерывное познание мира и себя. Эта тенденция частично сохранилась в эпоху Нового времени (Юм, Гольбах, Фейербах). Современная психология стремится найти наиболее полное понимание страха, основываясь на накопленном опыте изучения данного феномена.

Согласно с определением Е. Мулярчука, страх – это эмоция, которая возникает вследствие реальной или воображаемой опасности, которая угрожает жизни существа, личности или ценностям, которые отстаивает личность [3]. Страх – это одно из основных понятий экзистенциализма. С. Кьеркегор различал боязнь живого существа перед определенной внешней опасностью и присущий только человеку беспредметный страх как действительность его свободы. По Ж. -П. Сартру, экзистенциальный страх – это состояние человека, который осознал зыбкость собственного бытия и необходимость выбора. В экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера страх понимается как фундаментальная настроенность жизни, которая понимает смерть как свою самую реальную возможность. В раннем психоанализе различается рациональный страх как результат угнетенных желаний личности и способ существования ее «сверх-Я». В неопрейдизме страх – это состояние личности в обществе, которое функционирует иррациональным образом. Украинский специалист по проблеме страха О. Туренко предложил при определении страха различать две парадигмы: эмпирическую и трансцендентную [4, с. 15].

С позиции эмпирической парадигмы страх отображается в «Я-сознании» как система биофизиологических механизмов, на основе которых формируются методы защиты от первоощущения страха. Это первоощущение выступает в архетипах коллективного бессознательного как сакрализованный экзистенциальный ужас рождения и собственной «заброшенности» в мире.

С позиции трансцендентной парадигмы страх выступает следствием амбивалентного восприятия человеком борьбы противоположностей, например, добра и зла, света и тьмы и т. д. Трансцендентный страх объективируется во время различных социальных потрясений, войн и революций в своеобразных символах. Часто эта объективация направляется извне, с помощью разнообразных технологий манипуляции массовым сознанием. В целом, можно определить страх следующим образом: Страх – это социобиологический феномен, естественным образом присущий человеку, который интенсифицируется вследствие реальной или гипотетической угрозы. Страх – это комплексное явление, которое имеет свою структуру: 1) субъект страха (тот, кто является его носителем) и его объект (то, что вызывает страх). Характерно, что иногда субъект и объект страха могут совпадать. Это происходит тогда, когда корень страха находится в самом человеке. Также можно выделить причину страха, собственно сам эмоциональный процесс испуга и его практические следствия в сфере поведения.

При исследовании страхов принято классифицировать их по группам [5, с. 52]. Первая группа – нормальные или инстинктивные страхи, которые связаны с непосредственной опасностью для существования. Вторая группа – страхи, связанные с социальным окружением. Третья группа – это экзистенциальные страхи, которые связаны с внутренним, индивидуальным миром человека, с его способностью жить не только настоящим моментом, а переживать прошлое и прогнозировать будущее. Экзистенциальные страхи коренятся, произрастают из прошлого, проявляются в настоящем, а направлены в будущее.

Именно экзистенциальные страхи – наиболее сложная и глубинная группа страхов: страх смерти, свободы, изоляции и бессмысленности. Религиозный человек, верующий в Спасителя (в какую-либо обожествляемую сущность), легче переживает экзистенциальные страхи, потому что верит в защиту и помощь своего покровителя. Сложнее бороться со страхами не верующим людям.

Осознавать сущность смерти человек начинает в детстве с 7–8-летнего возраста, часто сталкиваясь непосредственно со смертью близких людей. Исследования показали, что пациенты с неврозами чаще теряли родителей в раннем возрасте, чем здоровые люди. Если же умирают не родители, а другие родственники, то, как ребенок справится со страхом смерти, во многом зависит от поддержки родителей, а также от того, как сами родители переносят утрату.

Следующий страх относится к проблеме баланса свободы и ответственности или к свободе выбора и определения с решением. В постсоветских странах несколько поколений чувствовали активное вмешательство государства, что во многом снимало проблему выбора. Сейчас маятник двинулся в другую сторону, и критерием для выбора является личное благосостояние любой ценой.

Страх вынуждает искать точку равновесия между своими желаниями и ответственностью перед другими людьми, а найти ее без сформированных морально-нравственных принципов непросто.

Роль страха изоляции усиливается с развитием компьютеризации и заменой живого общения на общение в социальных сетях. Но потребность человека в принадлежности к группе, так же как потребность в межличностных отношениях не удовлетворить техническими средствами. Причиной страха одиночества является неуверенность в себе, непринятие себя как уникальной, яркой индивидуальности и, как следствие, излишняя зависимость от мнений окружающих.

Страх бессмысленности жизни особо опасен. При усугублении другими жизненными трудностями он приводит к глубокой депрессии и суициду. Трудно смириться с мгновенностью человеческой жизни, понять и принять, что нужно активно участвовать в своей жизни, в радостях и огорчениях находить свой неповторимый смысл.

Одиночество предстает как экзистенциал, концентрирующий смысл жизни в проблематику в едином топосе – в «точке» Я, окруженной личностными границами, содержащий в качестве условия своего проявления дистанцирование личности – свободное (уединение) или вынужденное (изоляция), закрепление и утверждение автономности личности [6, с. 44]. Этот экзистенциал предполагает (и позволяет) в регистре интимного (интенцированного на самого себя) переживания, внутреннего состояния организовать смыслодержательную само-данность и произвести идентификацию с «аутентичным» Я.

В аспекте феноменологической топики одиночество предполагает равновозможность всего спектра интерпретаций – от самоидентификации Я со смысловым центром, исторгающим интенциальные упорядочивающие потоки, до

внешнего (навязанного) отождествления Я с неким «пустым местом», топосом негации, в котором Я теряет смысложизненные характеристики, ценностные ориентации. Онтологическое значение и необходимость одиночества как экзистенциала человеческого бытия – в «расчистке» феноменологической топки от неприемлемых явлений и предметов повседневности, и в фокусировке внимания на вещах, явлениях, процессах, приобретающих в ситуации одиночества иной, символический, конкретно-онтологически значимый и – главное – личностно-созидательный, творческий смысл.

Одиночество есть способ выявления сущностных характеристик Я, самости. В творческих деяниях одиночество необходимо как этап центростремительного движения, как средство самопознания, способ душевной и духовной конденсации сил, этап постоянной самооценки поступков и интенций, непрерывного ценностного поиска, балансирования на грани «перемены участи». Одиночество в границах феноменологической топки выступает как проблема существования-разворачивания Я. Одиночество Я – фундаментальный глубинный экзистенциал – проявляется через внутреннюю установку на обнаружение центра (центризм). Существует определенная специфика внутренних связей между одиночеством, смертью и страхом. Осмысление смерти может происходить только в одиночестве, и пребывание в одиночестве неизбежно рождает мысли о смерти. Страх выступает конституирующим фактором одиночества, страх смерти лежит в основании постижения собственной человеческой конечности.

Одиночество как субъективное переживание может присутствовать всегда и у всех людей. Уникальность данного феномена заключается в том, что проявляется оно у каждого человека с разной силой и отличается эмоциональной окраской. Наименьшее проявление одиночества обычно не замечается, фиксируются только сильные его проявления, исходя из чего бытует мнение, что одиночество либо есть, либо его нет. Наиболее приближенным к привычному пониманию «отсутствия одиночества» является его присутствие у человека в оптимальном для него виде.

Как справедливо отмечает Е. Заворотных, одиночество следует отличать от родственных ему понятий, таких как изоляция, уединение, отчуждение, аномия и депрессия [7, с. 116]. Изоляция и уединение представляют собой временную пространственную невключенность личности в социум (вынужденную либо добровольную); отчуждение, аномия и депрессия относятся к психическим состояниям, имеющим нормальное или патологическое содержание. В то же самое время одиночество — это субъективное переживание, позиционирование личностью себя на шкале «я один – я не один», которое относительно независимо от объема межличностных контактов, состояния психического здоровья, преобладающего эмоционального тона и определяется личностными особенностями человека.

Поскольку страх одиночества активно разрабатывался в экзистенциализме как один из базовых страхов, наряду со страхом смерти, свободы и потери смысла жизни, то логично обратиться более подробно к взглядам экзистенциалистов на данную проблему.

В статье Д. Перлман и Л. Пепло «Теоретические подходы к одиночеству» говорится следующее: «Экзистенциалисты принимают в качестве точки отсчета тот «факт», что люди изначально одиноки. Никто другой не может разделить с нами чувства и мысли, разъединенность есть сущностное состояние наших переживаний. Сторонники данной точки зрения зачастую сосредоточиваются на вопросе о том, как люди могут жить, будучи одинокими» [8, с. 45].

Возможно, Л. Пепло подразумевает экзистенциальное рассуждение типа: «Мы рождаемся одинокими в эту жизнь и поодиночке умираем, никто не способен родиться

или умереть коллективно...», но, во-первых, следует отметить, что речь здесь идет об изолированности человеческого существа, а отнюдь не об одиночестве. Во-вторых, из того, что человек рождается и умирает одиноким, не следует, что он должен оставаться одиноким всю жизнь.

Следует подчеркнуть, что в задачи экзистенциальной психотерапии не входит адаптировать человека к состоянию одиночества и сделать это состояние нормой его жизни, скорее совсем наоборот.

Проблема возникает вследствие смешения понятий «одиночество» и «изолированность» (или «уединенность»). Экзистенциальная психология, как отмечает Л. Пепло и другие авторы, тесно связана с экзистенциальной философией. Первые попытки непосредственно перенести идеи философии экзистенциализма в психологическую и психотерапевтическую практику (Л. Бинсвангер и М. Босс) дали весьма ограниченные результаты. Ряд экзистенциально мыслящих философов (М. Бубер, П. Тиллих, М. Бахтин и другие) оказали на психологов большое и непосредственное влияние, но вершинами экзистенциальной психологии на сегодняшний день являются общепсихологические теории и методологические основы психологической практики, разработанные на основе философии экзистенциализма такими авторами как В. Франкл, Р. Мэй, Д. Бьюдженталь [9, с. 38].

В экзистенциальной философии выделяют базовый конфликт, обусловленный конфронтацией индивидуума с данностями существования. Под данностями существования здесь понимают определенные конечные факторы, являющиеся неотъемлемой, неизбежной составляющей бытия человека в мире. Одиночество относится к таким данностям.

В целом, в отличие от психоанализа, экзистенциалисты, во-первых, не считают чувство одиночества патологическим, и, во-вторых, видят его причины в условиях человеческого бытия.

Действительно, изолированность отдельного индивидуума от общества есть данность, и причины этой изолированности лежат в условиях его бытия. Эта данность не может рассматриваться как патология, ибо только через изолированность можно определять понятие «отдельный» и отчасти понятие «индивид». Не будь «изолированности» не было бы и «отдельных индивидов». Но отсюда не следует, что экзистенциалисты рассматривают чувство одиночества как норму.

Таким образом, страх одиночества является одним из базовых экзистенциальных страхов. Страх можно определить социобиологический феномен, естественным образом присущий человеку, который интенсифицируется вследствие реальной или гипотетической угрозы. Экзистенциальные страхи – это наиболее сложная и глубинная группа страхов, которая, помимо страха одиночества включает страх смерти, свободы и бессмысленности. Страх одиночества особенно тесно связан со страхом смерти. Осмысление смерти может происходить только в одиночестве, и пребывание в одиночестве интенсифицирует страх смерти. Страх выступает конституирующим фактором одиночества. Страх смерти лежит в основании постижения собственной человеческой конечности. Одиночество не следует полностью отождествлять с уединением или изолированностью, хотя ситуативно эти понятия могут совпадать. Несмотря на причисление страха одиночества к системе базовых страхов в экзистенциальной философии и психотерапии, нельзя говорить о том, что состояние одиночества является нормой жизни личности, скорее речь идет о конструктивном совладании человека с проблемой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Немов Р. С. Психология: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений: В 3-х кн. / Р. С. Немов. – М.: ВЛАДОС, 2000. – Кн. 1.: Общие основы психологии. – 688 с.
2. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1971. – 347 с.
3. Мулярчук Є. Страх / Є. Мулярчук // Філософський енциклопедичний словник. – К.: Абрис, 2002. – С. 610.
4. Туренко О. С. Страх як соціально-філософський феномен: генеза та функції: автореф. дис. на здобуття ступеня кандидата філос. наук: спец. 09.00.03 «Соціальна філософія та філософія історії» / О. С. Туренко. – Донецьк, 2004. – 19 с.
5. Бакалдин С. В. Одиночество и его связь с функциями «Я»: дис... канд. психол. наук: 19.00.01 / Сергей Витальевич Бакалдин. – Краснодар, 2008. – 170 с.
6. Куртиян С. В. Одиночество как социальное явление: дис ... к. социол. наук: 19.00.01 / Светлана Владимировна Куртиян. – М., 1995. – 306 с.
7. Заворотных Е. Н. Социально-психологические основы одиночества как субъективного переживания: дис... канд. психол. наук: 19.00.05 / Евгения Николаевна Заворотных. – СПб., 2009. – 254 с.
8. Перлман Д., Пепло Л. Теоретические подходы к одиночеству / Д. Перлман, Л. Пепло // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 14–70.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл; [пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана]. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М.: Наука, 1998. – 608 с.

Поступила в редакцию 20. 11. 2017 г.

LONELINESS IN THE SYSTEM OF THE EXISTENTIAL FEARS OF A PERSONALITY

Ye. A. Shelekhov

The article is devoted to the philosophical inquiry of loneliness in the context of existential fears of a personality. The accent has been made on the connection between loneliness and Self. It has been concluded that loneliness is an essential part of personal being. But the state of loneliness cannot be named a psychological norm.

Key words: Loneliness, Existentialism, Personality, Fear, Development.

Шелехов Евгений Александрович

Кандидат философских наук,
ГОУ ВПО «Донецкий институт железнодорожного
транспорта»
e-mail: jenjaistorik@mail.ru

Shelekhov Yevgeniy Alexandrovich

Candidate of Philosophical Sciences,
SCE HPE “Donetsk Institute of Railway
Transport”
e-mail: jenjaistorik@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 613.955:797.2

ПРОФИЛАКТИКА СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ УЧАЩИХСЯ ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПЛАВАНИЕМ В ШКОЛАХ СПОРТИВНОГО ПРОФИЛЯ

© 2018. А. П. Андросова

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой возникающих специфических заболеваний школьников, занимающихся плаванием в школах спортивного профиля под воздействием, как нагрузочного фактора, так и некоторого влияния окружающей среды. Раскрываются причины возникновения данных заболеваний у учащихся-пловцов и пути предупреждения некоторых из них, для чего был проведен анализ научных исследований в области спортивного плавания, а также общей, детской и спортивной медицины.

Ключевые слова: спортивное плавание, школа спортивного профиля, специфические заболевания, профилактика.

Модернизация школьной системы образования обусловлена предоставлением широкого выбора каждому учащемуся программы в рамках непрерывного образования в течение всей жизни, которое позволяет приобретать начальные профессиональные знания, умения и навыки, начиная со школы. Для этого активно внедряются в различных типах образовательных учреждений среднего общего образования различные профили подготовки по областям знаний. В таких условиях спортивный профиль не является исключением и предлагает учащимся не только повышать уровень знаний в области физической культуры, физического воспитания и спорта, а также углубленно заниматься по одному из спортивных направлений по виду спорта. Занятия по избранному виду спорта являются обязательными для данной категории учащихся и реализуются в специализированных школах спортивного профиля. Такие занятия организуются по типу учебно-тренировочных и требуют от учащихся хорошего уровня физической подготовленности и достижения ими высоких спортивных результатов. Это в свою очередь требует от тренера по виду спорта, который организует и проводит данные занятия, четко выстроенной системы подготовки учащихся с учетом цикличности учебно-тренировочного процесса, уровнем их физического развития, подготовленности и индивидуальных особенностей каждого учащегося. Одним из спортивных направлений по видам спорта является «Плавание», которое входит в программу по физической культуре для школ спортивного профиля как один из её разделов, так и является факультативом для тех учащихся, которые выберут его в качестве своей основной спортивной специализации.

Следует отметить, что в современном обществе наивысшей ценностью человеческой жизни является здоровье. Для поддержания его на достаточно высоком уровне к жизнедеятельности человека предъявляются некоторые требования. Одно из условий это ведение здорового образа жизни, неотъемлемой частью которого есть двигательная активность, а, следовательно, занятия физическими упражнениями и спортом. Однако, не смотря на положительное влияние спорта на организм человека в профессиональном спорте и высших достижениях можно выделить специфические заболевания, которые в большей степени характерны для конкретного вида спорта.

Зная такие заболевания, их патогенез и меры профилактики, тренер сможет в будущем избежать нежелательных последствий в состоянии здоровья своих спортсменов, продлить их спортивную карьеру, добиться наивысших результатов и сохранить здоровье. Поэтому изучение данного вопроса имеет большое значение и актуальность для практики тренерской работы по спортивному направлению «Плавание» в школах спортивного профиля.

Цель статьи – дать характеристику наиболее распространенным заболеваниям, возникающим в процессе занятий спортивным плаванием с целью выявления профилактических мероприятий, которые можно рекомендовать тренеру по плаванию, работающему в школах спортивного профиля.

Задачи статьи: определить специфические заболевания в спортивном плавании и мероприятия по их профилактике, а также полученные результаты представить схематически.

Основная часть. Спортивное плавание, являясь массовым и популярным видом спорта, имеет определенное воздействие на организм человека за счет среды, в которой происходит спортивная деятельность. Нахождение человека в состоянии некоей невесомости, которое дает вода, позволяет разгрузить опорно-двигательный аппарат. Также вода оказывает закаливающий эффект на организм.

Однако, в учебно-тренировочном процессе под воздействием нагрузочного фактора учащиеся-пловцы подвержены определенному риску заболеваемости.

Так, считается, что у пловцов в основе заболеваемости лежат изменения иммунологической реактивности (И. Д. Суркина, Н.А. Усакова, Ю.В. Бородин, Г.С. Орлова). Предупредить данные нарушения и снизить порог заболеваемости у спортсменов можно с помощью рационального планирования тренировочного процесса в годичном макроцикле, адекватном функциональным возможностям пловца с учетом индивидуального подхода [9].

Так, к заболеваниям, ограничивающим процесс подготовки пловцов и их работоспособность, в первую очередь, относят заболевания верхних дыхательных путей и органов слуха. Среди которых наиболее острые это заболевания носоглотки и придаточных пазух носа (острый ринит, ринофарингит). Из-за наличия в воде хлора в некоторых случаях возможны незначительные изменения барьерных свойств кожи, что может приводить к ее воспалительным заболеваниям (фурункулы, карбункулы, панариции, ячмени и др.). Также среди глазных болезней, помимо воспалительных процессов глаз (конъюнктивит), имеются данные о встречающейся такой патологии зрения как миопия (близорукость) слабой и средней степени, которая не требует ограничения тренировочного процесса (Т. М. Абсалямов, Т.С. Тимакова). На фоне физических перенапряжений могут развиваться такие патологии сердечно-сосудистой системы как артериальная гипертония и дистрофия миокарда. Учитывая гендерные отличия, тренеру следует иметь в виду, что у девушек, занимающихся плаванием, могут быть воспалительные процессы придатков [5].

Опорно-двигательный аппарат пловцов, также подвергаясь перегрузкам, вследствие чего происходят микротравматизации капсульно-связочного аппарата, приводит к заболеваниям плечевых и коленных суставов. Исследования спортсменов-пловцов в спортивных клубах Канады показали, что распространенной травмой спортсменов, специализирующихся в плавании способом кроль на груди и спине, являются болевые ограничения подвижности в плечевых суставах, что вызвано нарушениями мышечных сухожилий и суставных связок. Касательно брассистов, задержка в прогрессе результатов может быть связана с болями в коленных суставах, что с возрастом и увеличением тренировочных нагрузок может приводить к частым его

травмам. Причина подобных травм, как правило, связана с форсированием нагрузок особенно у слабоподготовленных спортсменов, когда недостаточно предварительного укрепления и гибкости в суставах. В таких случаях необходимо ограничивать плавание кролем при травмах плеча и брассом при травмах колена [7].

Для лечения и профилактики заболеваний носоглотки в спортивной медицине применяют ирригационную терапию, антибактериальные средства, иммуномодуляторы и иммуностимуляторы. Также считается действенной терапия, давно всем известная, с применением фитопрепаратов. Фитотерапия на сегодняшний день это не только привычные отвары и настои трав, а и группы растительных препаратов как средства «мягкого», но эффективного действия на слизистые носоглотки [2].

Ирригационная терапия позволяет путем простого механического вымывания из носа патогенной флоры активизировать деятельность локальной иммунной защиты. Вымывание из полости носа болезнетворных вирусов и бактерий (особенно, во время эпидемии гриппа) снижает антигенную нагрузку на иммунокомпетентные клетки слизистой оболочки полости носа, тем самым, повышая резистентность ткани против инфекции, поэтому обладает хорошим профилактическим свойством [3].

При первых признаках заболеваний носоглотки и хронических течений с целью лечения назначают антибактериальные средства, а также иммуномодуляторы и иммуностимуляторы с целью быстрее выздоровления и профилактики. Так, по назначению врача, могут применяться антибактериальные средства при синуситах: амоксициллин, левофлоксацин, имипенем, хлорамфеникол и др.; при стрептококковых тонзиллитах: феноксиметилпенициллин, цефалексин, спирамицин и др.; при эпиглоттите: цефуроксим, цефепим и др. [6]

Профилактика заболеваний среднего уха заключается в мероприятиях, направленных на повышение сопротивляемости организма и предупреждение острых воспалительных заболеваний верхних дыхательных путей. При появлении очагов инфекции – своевременная санация для восстановления нормального носового дыхания [4].

По данным Всероссийского научного общества кардиологов в практике работы со спортсменами, у которых наблюдается повышение артериального давления (АД), следует придерживаться следующих рекомендаций (Садыкова Д. И., Лутфуллин И. Я.):

1. Оценка АД до начала занятий спортом. Если наблюдается высокое «нормальное» АД рекомендуют нормализацию образа жизни (показаний к отмене занятий спортом нет). При имеющейся артериальной гипотензии (АГ) проводят эхокардиоскопию. В случае обнаружения гипертрофии миокарда левого желудочка, выходящей за рамки «физиологического спортивного сердца», рекомендуют приостановить занятия спортом вплоть до нормализации состояния.

2. При выявлении АГ I степени без гипертрофии миокарда и сопутствующих заболеваний сердца участие в спортивных соревнованиях не ограничивают, но необходимо отслеживание динамики АД.

3. Спортсменам с АГ II степени даже без гипертрофии миокарда или сопутствующих заболеваний сердца должны быть запрещены интенсивные статические нагрузки до нормализации АД.

При необходимости медикаментозного лечения гипотензии следует учитывать такие аспекта как: исключение из терапии препаратов, входящих в список допингов; необходимость учёта влияния терапии на спортивную производительность; учёт приёма пациентом других препаратов, снижающих эффект гипотензивной терапии [8].

Касательно дистрофии миокарда (ДМ), различают два метода лечения и профилактики: 1) врачебно-педагогическое, 2) медикаментозное. К первому относится

регулярные врачебно-педагогические наблюдения и обследования с целью в случае необходимости устранить факторы риска нарушающие адаптацию сердца к нагрузкам. Применение медикаментозных средств зависит от патогенетических механизмов развития ДМ. Патогенетическая цепь задействованных в ней механизмов имеет «звенья»: эмоциональные и физические стрессы (используют средства для нормализации психоэмоционального статуса); гиперadrenergический тип ДМ (используют β -адреноблокаторы для защиты кардиомиоцитов от повреждающего действия липидов, и прежде всего перекисного окисления липидов); нарушение ионного равновесия (используют препараты калия (хлорид калия, панангин), а также блокаторы кальция (верапамил). Следует отметить, что важной задачей лечения ДМ является стимуляция восстановительных процессов и синтеза нуклеиновых кислот [1].

Таким образом, анализ научной литературы по спортивному плаванию и медицине дает возможность схематически представить специфические заболевания, которым в большей степени подвержены учащиеся-пловцы (рис. 1), что дает возможность в наглядной форме в целом представить механизмы, оказывающие негативное влияние на иммунитет во время занятий, а также меры их профилактики.

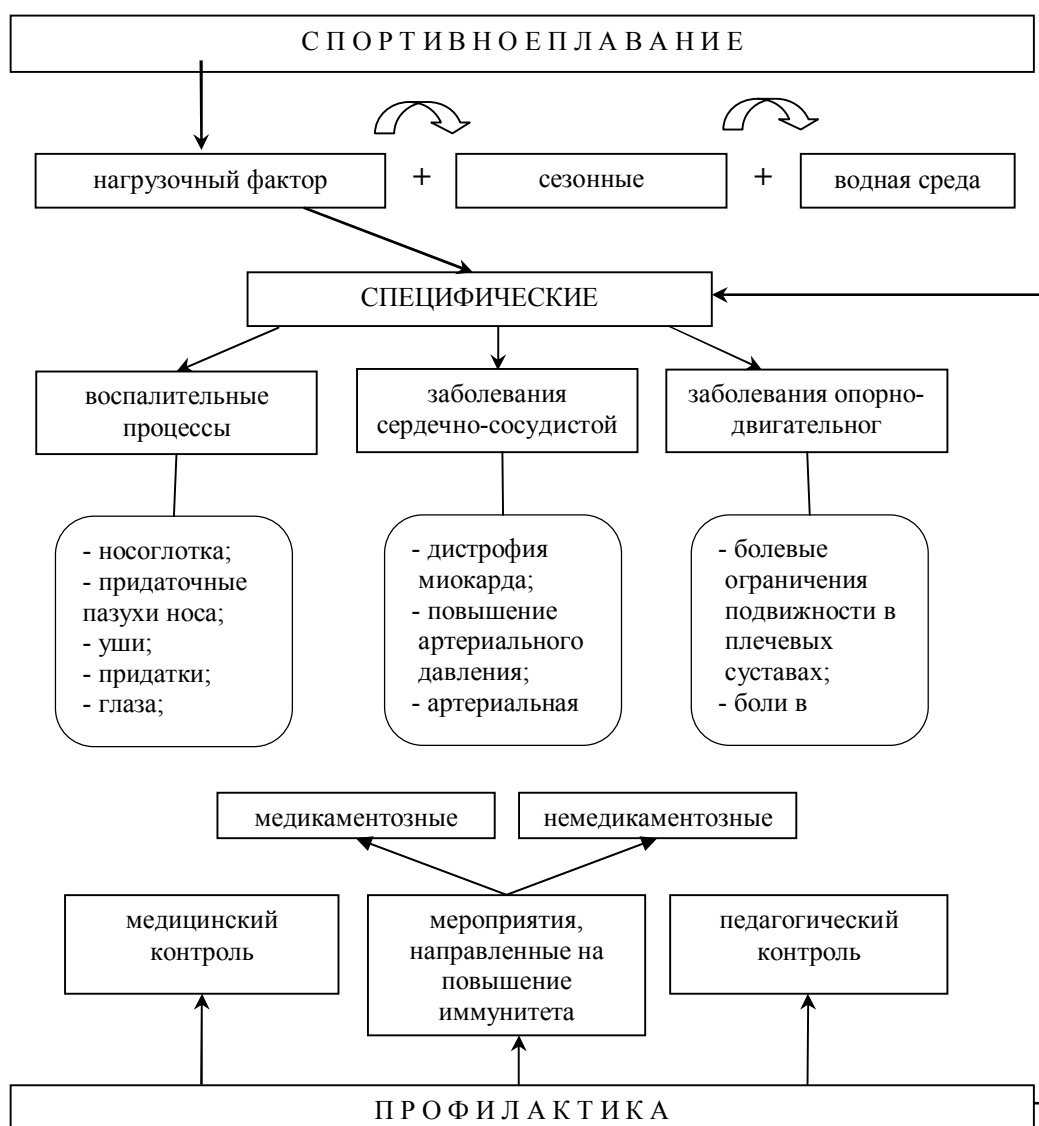

Рис. 1 – Схема специфических заболеваний учащихся-пловцов

Так, на схеме видим, что в процессе учебно-тренировочных занятий по спортивному плаванию организм учащихся сталкивается с нагрузочным фактором, который оказывает определенное влияние на функциональное состояние организма. А именно, большие физические нагрузки оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на показатели сердечно-сосудистой (пульс, артериальное давление) и дыхательной системы (частота и глубина дыхания, жизненная емкость легких). Положительное влияние связано с планомерным понижением функциональных показателей учащегося в состоянии покоя, что говорит о хороших адаптационных способностях его организма и возможностью выполнять, постепенно, все больший тренировочный объем заданий, как по количественным показателям, так и по показателям интенсивности работы. Отрицательное влияние на функциональную составляющую организма может проявляться заболеваниями сердечно-сосудистой системы разной степени тяжести. Это дистрофия миокарда, повышение артериального давления, артериальная гипотензия. Негативное влияние нагрузочного фактора будет в целом влиять на иммунную систему, что может усугубляться проявлением сезонных заболеваний, а также условиями водной среды, в которой проходят учебно-тренировочные занятия. Совокупность этих факторов помимо проявления заболеваний сердечно-сосудистой системы, может приводить к различного рода воспалительным процессам, среди которых распространенными являются заболевания лорорганов, а также заболевания опорно-двигательного аппарата, где в большей степени проявляются заболевания суставов. Однако, на схеме видим, что избежать подобных негативных влияний на организм позволят своевременный медицинский контроль, который необходимо осуществлять минимум дважды в год, педагогический контроль, который осуществляется постоянно в течение учебного года и тренером вносятся соответствующие коррективы по изменению нагрузочного фактора в процессе проведения учебно-тренировочных занятий. Также мы видим, что не стоит исключать мероприятия, направленные на повышение иммунитета как медикаментозными препаратами, в первую очередь обеспечивающих витаминизацию организма, а также немедикаментозных средств, которые обеспечивают закаливание организма учащегося и восстановительные процедуры при высоких нагрузках в ударных микроциклах, что позволит повысить работоспособность организма за счет более быстрого его восстановления.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать выводы, что спортивное плавание, являясь средством оздоровления и закаливания организма, под воздействием нагрузочного фактора может вызывать некоторые отклонения в состоянии здоровья учащихся занимающихся по спортивному направлению «Плавание» в школах спортивного профиля. К распространенным относятся: воспалительные процессы, нарушения в работе сердечно-сосудистой системы, заболевания суставов. Действенным средством в предотвращении серьезных нарушений здоровья являются своевременный медицинский и педагогический контроль, профилактические мероприятия, особенно в ударных мезоциклах и в периоды сезонных инфекционных заболеваний, когда организм учащегося наиболее восприимчив к неблагоприятным факторам окружающей среды. Перспективой дальнейших исследований в данном направлении является углубленное изучение реакций организма учащихся, в школах спортивного профиля, где культивируется спортивное плавание, на применение средств, повышающих защитные силы организма, и выявления на этой основе более эффективных для конкретной возрастной группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцовский Э. В. Спортивная кардиология. – СПб: Гиппократ, 1995. – 448 с.
2. Корнеева И. Т. Профилактика заболеваний верхних дыхательных путей у юных спортсменов препаратами растительного происхождения / И. Т. Корнеева, С. Д. Поляков, Л. К. Катосова, С. Г. Губанова // Педиатрическая фармакология, №5, том 9. – М.: «Педиатр», 2012. – С. 92-96
3. Мальцева Г. С. Роль ирригационной терапии в профилактике и лечении заболеваний верхних дыхательных путей // Consilium medicum, №3, том 13. – М.: МедиаМедика, 2011. – С. 66–69.
4. Пальчун В. Т., Магомедов М. М., Лучихин Л. А. Оториноларингология: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 656 с.
5. Педагогические и медико-биологические исследования / Под общей редакцией Т. М. Абсалямова и Т. С. Тимаковой. – М.: Знание, 1983. – С. 12–13.
6. Практическое руководство по антиинфекционной химиотерапии / Под ред. Л. С. Страчунского, Ю. Б. Белоусова, С. Н. Козлова. – М.: НИИАХ СГМА, 2007. – С. 331–342.
7. Пятый конгресс Медицинского комитета ФИНА // Плавание. – М., 1983. – Вып. 2. – С. 70 – 71.
8. Садыкова Д. И. Эссенциальная артериальная гипертензия у спортсменов / Д. И. Садыкова, И. Я. Лутфуллин // Казанский медицинский журнал, №6, том 93. – Казань: Татмедиа, 2012. – С. 927–930.
9. Суркина И. Д. Иммуитет у пловцов в условиях современной тренировки / И. Д. Суркина, Н. А. Усакова, Ю. В. Бородин, Г. С. Орлова // ВНИИФК Плавание: Сб. Вып. 2-й / сост. З. П. Фирсов. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – С. 26–31.

Поступила в редакцию 25. 04. 2018 г.

PREVENTION OF SPECIFIC DISEASES IN PUPILS WHO LEARN TO SWIMMING SPORTS IN SCHOOLS OF SPORTS PROFILE

A. P. Androsova

The article deals with the problems associated with the problem of emerging specific diseases of schoolchildren engaged in swimming in schools of a sports profile under the influence of both the load factor and some environmental influence. The reasons for the occurrence of these diseases among swimmers and ways to prevent some of them are revealed, for which an analysis of scientific research in the field of sport swimming, as well as general, children's and sports medicine was carried out.

Key words: sports swimming, school of sports profile, specific diseases, prevention.

Андросова Алёна Павловна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и методики физического
воспитания Института физического воспитания и
спорта

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»

e-mail: baterflu@ukr. Net

Androsova Alyona Pavlovna

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Chair of Theory
and Methods of Physical Education
Department Institute of Physical Education
and Sports

SCE HPE “Lugansk National University
named after Taras Shevchenko”

e-mail: baterflu@ukr. net

УДК 378.011.3:796–051

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕМ ФИЗКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

© 2018. Ю. В. Драгнев

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В работе показано, что в высшем физкультурном образовании электронное обучение, выступая в качестве полной замены или как дополнение к традиционному обучению, является наиболее быстро развивающимся сегментом системы высшего образования в нашем государстве. Быстрое развитие принципиально нового направления в образовательной сфере неминуемо привело к появлению большого количества проблем. Система образования нашего государства должна не просто перенимать созданные технологии на Западе, а развивать свои на уже предложенной основе; идти параллельным и партнерским путем, а не только быть в качестве реализатора и транслятора идей электронного обучения других государств. В настоящее время электронное обучение является неотъемлемой частью образовательного процесса и в высшем физкультурном образовании. К его содержанию можно отнести электронные курсы, электронную библиотеку, новую программу и систему обучения будущих учителей физической культуры.

Ключевые слова: преимущества, недостатки, электронное обучение, высшее образование.

В высшем физкультурном образовании электронное обучение, выступая в качестве полной замены или как дополнение к традиционному обучению, является наиболее быстро развивающимся сегментом системы высшего образования в нашем государстве. В Луганской Народной Республике достаточно актуально ставить вопрос об электронном обучении студентов направления подготовки «Физическая культура» в высшем физкультурном образовании с учетом реального обучения.

Целью данной работы выступает исследование сильных и слабых сторон электронного обучения в высшем физкультурном образовании.

Быстрое развитие принципиально нового направления в образовательной сфере неминуемо привело к появлению большого количества проблем. Скорость последующего развития технологий электронного обучения во многом зависит от того, насколько успешно будут решены существующие на сегодня проблемы. Можно выделить следующие основные проблемы [8] в сфере технологий электронного обучения:

1. Проблема определения эквивалентности дистанционных курсов и признание дистанционного образования наряду с традиционным. ...
2. Языковая проблема при импорте (экспорте) образования. Дистанционные курсы разработаны на одном языке и требуют значительных инвестиций для их перевода на другой язык, включая необходимость учета социальной, культурологической и других особенностей региона, где будет проводиться обучение с использованием технологий дистанционного обучения.
3. Неравномерное развитие информационных технологий, особенно, в части каналов передачи данных. Недостаточная пропускная способность каналов передачи данных серьезно ограничивает возможность применения средств электронного обучения.

4. Отсутствие достаточного количества специалистов в сфере технологий электронного обучения, которые владеют необходимым уровнем развития компетенций.
5. Высокая стоимость разработки и поддержки в актуальном состоянии дистанционных курсов.
6. Разница во времени в случае проведения дистанционного обучения на большой территории. Особенно актуальным это становится при использовании средств электронного обучения, которые функционируют в режиме реального времени.
7. Большое количество обманов, которые сопровождают обучение с использованием технологий электронного обучения [8].

По материалам сайта «Информатизация и образование: высшее образование – техническая и информационная поддержка: электронное обучение, библиотека, программное обеспечение и борьба с плагиатом» [4] электронное обучение (e-learning) – это передача знаний и управление процессом обучения с помощью новых информационных и телекоммуникационных технологий. В процессе электронного обучения используются интерактивные электронные средства доставки информации, преимущественно Интернет и корпоративная сеть компании, но не исключены и другие способы, как, например, компакт-диски. Система электронного обучения включает в себя программное и аппаратное решение. Она предусматривает наличие специальной базы данных, где содержится учебный контент и система мониторинга обучения. Полномасштабная система электронного обучения складывается из трех стандартных модулей: система управления обучением (LMS – learning management system); учебный контент (электронные курсы); авторские средства (authoring tools) [4].

Следует указать, что в последнее время все большее распространение получает термин «Электронное обучение 2. 0». Термин «Электронное обучения 2. 0» отображает тенденцию в сфере организации электронного обучения, которая связана с использованием технологии Веб 2. 0. В отличие от электронного обучения, которое допускает использование дистанционных курсов, что предлагаются студентам с целью проведения процесса обучения, электронное обучение 2. 0 допускает использование средств Веб 2. 0: блоги, вики, социальные сети и т. д. [8].

В. Быков, В. Кухаренко, Н. Сиротынюк, О. Рыбалко, Ю. Богачков [1], опираясь на отмеченную характерную черту и принципы построения электронного обучения, указывают на такие его специфические качественные свойства:

- гибкость и адаптивность учебного процесса к потребностям и возможностям студентов, которые, в основном, не посещают регулярных занятий, а работают в удобное (как для преподавателя, так и для студента) для такой работы время в удобном месте и удобном темпе;
- модульность построения учебной программы;
- новая роль преподавателя: преподаватель координирует учебно-познавательный процесс, корректирует курс, который выкладывает, руководит учебными проектами, проверяет текущие задания, консультирует при составлении индивидуального учебного плана, управляет учебной группой взаимоподдержки;
- специализированная форма контроля качества учебных достижений;
- использование специализированных средств обучения.

Так как наше исследование носит национально-ориентированную направленность, то для сравнения приведем некоторые факты оформления электронного обучения в других странах.

По нашему мнению, система образования нашего государства должна не просто перенимать созданные технологии на Западе, а развивать свои на уже предложенной основе; идти параллельным и партнерским путем, а не только быть в качестве реализатора и транслятора идей электронного обучения других государств. В настоящее время электронное обучение является неотъемлемой частью образовательного процесса и в высшем физкультурном образовании. К его содержанию можно отнести электронные курсы, электронную библиотеку, новую программу и систему обучения будущих учителей физической культуры.

Также это имеет место для рассмотрения в компьютерных системах контроля знаний в дистанционном образовании [6].

К *преимуществам обучения*, которое проводится с использованием технологий электронного обучения относится [8]: персонификация (слушатель обучения, который обучается с использованием технологий электронного обучения, может самостоятельно: определить скорость изучения учебного материала, определить, когда он хочет проходить обучение, определить какие именно разделы учебного материала и в какой последовательности ему необходимо выучить); возможность прохождения обучения без отрыва от производства; возможность комбинирования учебного контента для формирования разнообразной учебной программы, адаптированной под конкретного ученика; возможность получить намного больше информации необходимой для оценки знаний, навыков и умений, полученных в результате проведенного обучения. В результате это обучение, которое проводится с использованием технологий электронного обучения, является чаще всего эффективнее в сравнении с традиционным наглядным обучением; возможность его использования для проведения обучения лиц, которые имеют ограниченные образовательные возможности; предоставление доступа к качественному обучению лицам, которые не имеют возможности учиться в традиционной форме.

К *недостаткам обучения*, которое проводится с использованием технологий электронного обучения, следуют отнести [8]: сложность внесения оперативных изменений, в случае если обучение уже началось; необходимость формирования дополнительной мотивации у слушателей в процессе электронного обучения по сравнению с другой формой обучения; необходимость больших инвестиций при построении среды электронного обучения; высокая зависимость от технической инфраструктуры. Сбой в инфраструктуре может привести к снижению эффективности или вообще срыву обучения; отсутствие достаточного количества специалистов в сфере технологий электронного обучения.

О. Донецкая [3] указывает, что основные преимущества применения электронного обучения можно разделить на три группы.

Организационные:

- выгода, связанная с возможностью работать над учебным материалом в удобное время и в любом месте, где можно выйти в сеть Интернет;
- возможность синхронной и асинхронной коммуникации с преподавателем и с теми, кто учится;
- простота использования.

Психолого-педагогические:

- возможность реализации нелинейной, гибкой концепции обучения;
- индивидуализация процесса обучения (индивидуальный темп, задание с выбором, учет индивидуальных интересов и склонностей);
- интерактивность процесса обучения;

- мультимедийность процесса обучения (использование не только текстовых, гипертекстовых, графических материалов, но и аудио-, видео-файлов, анимации);
- активность всех каналов восприятия информации благодаря мультимедийности;
- возможность совмещать индивидуальные и групповые задания;
- возможность организации групповой работы в асинхронном режиме.

Социальные:

- обеспечение более широкого доступа к образовательным услугам;
- открытость процесса обучения;
- значительное удешевление образовательных услуг.

К преимуществам применения Интернет-технологий в традиционном обучении иностранным языкам О. Донецкая [3] относит следующие:

- наличие огромного выбора дидактических Интернет-предложений по иностранным языкам, что позволяет значительно разнообразить занятия и домашние задания, сделать их эффективнее, а также повысить мотивацию учеников;
- возможность по-новому организовать самостоятельную работу учеников;
- обеспечение более быстрого темпа выполнения многих видов традиционных заданий (например, перевод текстов с помощью интернет-словарей и поисковой системы осуществляется быстрее, в среднем, в три раза).

Как отмечает И. Карпова, быстрое развитие принципиально нового направления в образовательной сфере неминуемо привело к появлению большого количества проблем [5]; Т. Браже указывает, что профессиональная компетентность специалиста выступает многофакторным явлением [2]; скорость последующего развития технологии e-Learning, по мнению Д. Осипова и А. Крюкова [7], во многом зависит от того, насколько успешно будут решены существующие на сегодня проблемы. Далее представим основные проблемы в сфере технологий e-Learning, которые выделяют Д. Осипов и А. Крюков [7]:

1. *Сложность внедрения технологий электронного обучения.* Большинство разработчиков решений для электронного обучения поставляют продукты, которые не полностью отвечают пожеланиям пользователей, а качество программного обеспечения не всегда отвечает стандартам данной отрасли. Вследствие этого часто придется привлекать к доработке курсов дополнительных сотрудников, например, дизайнеров электронных учебников и других специалистов, которые могли бы привести курсы к необходимому виду.
2. *Организационная трудность при планировании, реализации и поддержке технологий электронного обучения.* Подобная трудность возникает и варьируется в зависимости от таких факторов, как тип и назначение учебной программы, потребности предприятия и необходимая скорость усвоения программы.
3. *Техническая сложность, которая возникает при внедрении технологий электронного обучения.* Чаще всего при использовании технологий электронного обучения может создаваться значительная нагрузка на корпоративную сеть. В некоторых случаях соединение с сетью Интернет может оказаться недостаточно быстрым. Необходимость в значительных финансовых вложениях в аппаратуру для проведения конференций. Поэтому необходимо стремиться к достижению оптимального соотношения расходов и получаемого результата.

4. *Сложное планирование.* В ряде случаев программа электронного обучения может требовать более сложного планирования, чем традиционные аудиторные занятия. Сложность планирования зависит от сочетания применяемых средств предоставления информации, количества учеников в виртуальной аудитории и объема учебного материала. Например, в синхронном режиме электронного обучения недостаточно продуманное планирование и проектирование могут доставить разного рода сложности как студентам, так и преподавателям.
5. *Проблема, связанная с самостоятельным характером обучения.* Некоторым студентам кажется сложным обучение без непосредственного контакта с преподавателем и другими учениками. В этом случае применение технологий электронного обучения может затруднить усвоение материала или увеличить срок обучения.
6. *Ряд учеников нуждается в управлении.* Очевидным преимуществом электронного обучения является отсутствие необходимости ходить на занятие. Поэтому тем студентам, которым необходима жесткая система контроля и определенные стимулы к обучению, подходят варианты электронных курсов, которые требуют выполнения конкретных заданий в конкретные сроки.
7. *Сложность точной, всесторонней и объективной оценки эффективности технологий электронного обучения.* Оценка эффективности технологий электронного обучения часто бывает затрудненной. Существуют как субъективные способы оценки, например, субъективная удовлетворенность учеников учебным курсом, так и более объективные, к которым можно отнести практические навыки, уже приобретенные учениками, и ряд других факторов.

Представленные основные проблемы в сфере технологии e-Learning учеными Д. Осиповым и А. Крюковым дают возможность осознать актуальность такого вида обучения и в высшем физкультурном образовании.

Обобщая результаты теоретического анализа преимуществ и недостатков электронного обучения мы пришли к таким выводам: существует несколько видов электронного обучения: самообучение; управляемое обучение; обучение, направленное инструктором; встроенное обучение; теленаставничество и дистанционная подготовка; в высшем физкультурном образовании электронное обучение может полноценно развиваться при наличии: нормативно-правовой базы нашего государства; готовности учебных заведений к электронному обучению; учебного контента для студентов; квалифицированных преподавателей; электронных учебных программ и курсов; соответствующей материально-технической базы; финансовой поддержки и т. д.; к преимуществам мы отнесли следующие: персонификация; возможность комбинирования учебного контента; возможность получить намного больше информации, необходимой для оценки знаний, навыков и умений; стоимость; возможность его использования для проведения обучения лиц, которые имеют ограниченные возможности; предоставление доступа к качественному обучению лицам, которые не имеют возможности учиться в традиционной форме. К недостаткам мы отнесли следующие: сложность внесения оперативных изменений, в случае если обучение уже началось; необходимость больших инвестиций при построении среды электронного обучения; высокая зависимость от технической инфраструктуры; основные проблемы в сфере технологий e-Learning – сложность внедрения технологий электронного обучения; организационная трудность при планировании, реализации и поддержке технологий электронного обучения; техническая сложность, которая возникает при внедрении технологий электронного обучения; проблема, связанная с

самостоятельным характером обучения; сложность точной, всесторонней и объективной оценки эффективности технологий электронного обучения; проблема определения эквивалентности электронных курсов и признания электронного образования наряду с традиционным образованием; языковая и т. д.

Однако не следует забывать, что никакое электронное образование не заменит реального преподавания, а симуляторы – преподавателя как носителя не только информации, но и культуры конкретного народа. Реальное общение всегда должно стоять в образовательном приоритете, а не искусственное и электронное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биков В. Ю., Кухаренко В. М., Сиротинко Н. Г., Рибалко О. В., Богачков Ю. М. Технология разработки дистанционного курса: Навчальний посібник / За ред. В. Ю. Бикова та В. М. Кухаренка. – К.: Міленіум, 2008. – 324 с.
2. Браже Т. Г. Профессиональная компетентность специалиста как многофакторное явление / Т. Г. Браже // Тез. к семинару 25–29 июля 1990 / Под ред. В. Г. Онушкина Л.: НИИООВ, 1990. С. 39–62. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kompetentnostno-orientirovannoe-povyshenie-kvalifikatsii-spetsialistov-po-sozdaniyu-inklyuzii#ixzz3McQdGTDI> (Дата последнего обращения – 23.03.18.).
3. Донецкая О. Интернет – технологии в обучении иностранным языкам: обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.znate.ru/docs/index-65285.html> (Дата последнего обращения – 23.03.18.).
4. Інформатизація та освіта: вища освіта – технічна та інформаційна підтримка: електронне навчання, бібліотеки, фіс еді, програмне забезпечення і боротьба з плагіатом [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://hotuser.ru/index.php> (Дата последнего обращения – 23.03.18.).
5. Карпова И. П. Исследование и разработка подсистемы контроля знаний в распределенных автоматизированных обучающих системах // Дисс. на соискание учен. степ. канд. тех. наук по специальности 05.13.13 – М.: МГИЭМ, – 2002. – 204 с.
6. Комп'ютерні системи контролю знань у дистанційному навчанні // Вісн. Акад. дистанц. освіти. – 2004. – № 2. – С. 68–71.
7. Осипов Д. А., Крюков А. А. О сильных и слабых сторонах электронного обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4345-2012-10-24-04-35-44> (Дата последнего обращения – 23.03.18.).
8. e-Learning / Е-Софт Девелопмент [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.web-learn.ru/> (Дата последнего обращения – 23.03.18.).

Поступила в редакцию 25. 02. 18 г.

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES E-LEARNING IN A GRADUATE PHYSICAL EDUCATION

Y. V. Dragnev

The paper shows that in higher sports education e-learning, acting as a complete substitute for or as a Supplement to traditional learning, is the fastest growing segment of the higher education system in our country. The rapid development of a fundamentally new direction in the educational sphere inevitably led to the emergence of a large number of problems. The system of education of our state should not just adopt the technologies created in the West, but develop them on the basis already proposed; go parallel and partner way, and not only be as a realizer and translator of the ideas of e-learning of other States. Currently, e-learning is an integral part of the educational process and in higher sports education. Its content includes electronic courses, an electronic library, a new program and a system of training for future teachers of physical education.

Key words: advantages, disadvantages, e-learning, higher education.

Драгнев Юрий Владимирович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
e-mail: dragnev@bk. Ru

Dragnev Yuriy Vladimirovich

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of Physical Education
SCE HPE “Lugansk National University named after Taras Shevchenko”
e-mail: dragnev@bk. ru

УДК 796:378.147+378.046.4

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2018. Т. А. Нескреба

ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени
Максима Горького»

© 2018. Д. А. Чернышев

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье выделены сущность и структура профессиональной компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования. Проведенный анализ психолого-педагогической литературы позволил уточнить отличия определения компетентность и компетенции, профессиональная компетентность учителя физической культуры. В процессе исследования определены основные компоненты, на которых строится профессиональная компетентность учителя физической культуры. Данная статья раскрывает модель профессиональной компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования.

Ключевые слова: компетентность, профессиональная компетентность, учитель физической культуры.

Повышение роли физической культуры, ее общественного значения, общая его интенсификация на базе научно-технических достижений привели к усилению требований к учителям физической культуры в системе дополнительного педагогического образования. Современная система дополнительного педагогического образования в ДНР направляет подготовительный процесс на качественное повышение профессиональной подготовки учителя физической культуры. При этом особую актуальность приобретает проблема методики повышения уровня профессиональной компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования.

Развитие профессиональной компетентности учителя физической культуры рассматривают с позиции методологического и теоретического аспекта (В. П. Беспалько, К. Я. Вазина, В. И. Загвязинский, В. В. Краевский, Н. В. Кузмина, А. К. Марков, М. И. Махмутов, Н. М. Таланчук и др.), а также психологическая структура и особенности развития профессиональной деятельности педагога (Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, А. И. Мищенко, И. М. Стариков и др.).

Рассматривая Закон ДНР об Образовании Принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 19 июня 2015 года (Постановление №I-233П-НС), мы видим, что Закон рассматривает основные принципы дополнительного педагогического образования, программы дополнительного педагогического образования и что к ним относятся, типы организаций, которые осуществляют данную деятельность.

Согласно ПРИКАЗА 27. 08. 2015г., г. Донецк № 437 Зарегистрирован в Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики 10 сентября 2015 г. Регистрационный № 479 Об утверждении Типового временного положения об осуществлении дополнительного профессионального образования научных, научно-педагогических работников. В соответствии с Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 27 февраля 2015 г. № 2-16 «Об утверждении Положения о порядке осуществления дополнительного профессионального

образования работников образовательных организаций и научных учреждений», с пунктом 2 части 4 статьи 4, частями 3, 14, статьи 57, статьей 73, пунктом 16 части 2 статьи 105 Закона Донецкой Народной Республики «Об образовании» с целью обеспечения непрерывности, персонифицированного подхода к дополнительному профессиональному образованию педагогических работников [9].

Делая заключение из выше сказанного, согласно Закона об образовании ДНР специалист должен владеть фундаментальными знаниями, профессиональными умениями и навыками деятельности своего профиля, опытом творческой и исследовательской деятельности решения новых проблем, опытом социально-оценочной деятельности, то есть он должен быть компетентным и конкурентоспособным [10].

Сегодня стандартами ДПО являются образовательно-квалификационные характеристики, которые требуют высокого уровня знаний в области биологических и психологических процессов, которые происходят в период активного роста и развития занимающихся, владение средствами, методами и формами педагогического и учебного воздействия, высокой физической и технической подготовленности, развитости педагогических способностей, сформированности определенных черт и качеств личности, в совокупности составляет его профессиональную компетентность.

Рассмотренная законодательная база дает нам возможность оценки, понимания о том, что входит в систему дополнительного педагогического образования, какими положениями руководствуется ДПО, что рассматривается в основных компетенциях учителя физической культуры.

Поскольку в настоящее время вопрос о сущности компетентности вообще и, в частности, педагогической компетентности не решен в науке однозначно, представляется необходимым рассмотреть это понятие в соотношении с другими категориями психолого-педагогической науки, а также выявить различие между «компетенцией» и «компетентностью».

Практически все составители словарей проводят разграничение категорий «компетентность» и «компетенция». Определения компетентности сходны и дублируют друг друга, в то время как определению «компетенции» нет единого толкования. Это понятие трактуется как «совокупность полномочий (прав и обязанностей) какого-либо органа или должностного лица, установленная законом, уставом данного органа или другими положениями», «обладание (владение) знаниями, позволяющими судить о чем-либо», «область вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен» [1].

Рассмотрим теперь, как трактуются эти понятия в некоторых словарях. Авторы «Толкового словаря» под редакцией Д. И. Ушакова впервые пытались доказать различие между этими понятиями: «компетентность» — осведомленность, авторитетность; «компетенция» — круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом, кругом полномочий.

«Словарь иностранных слов» раскрывает понятия «компетентный» как обладающих компетенцией, знающий, сведущий в определенной области. А компетентность есть «обладание знаниями, помогающими судить о чем-либо».

В «Большом экономическом словаре»:

Компетентность — а) знание позволяющее судить о чем-либо; б) способность к обладанию компетенцией;

Компетенция — а) способность, совокупность свойств; б) совокупность полномочий, которыми располагает какой-либо орган или должностное лицо,

определенные Конституцией, Законом, Уставом, и изданными на основе их актами государственного управления.

Таким образом, можно сказать, что компетентность — это понятие, относящиеся к человеку. Оно описывает аспекты восприятия, понимания, целеполагания и поведения, стоящее за осмысленным выполнением работ (основанные на мировоззрении и связанных с ним профессиональных знаниях, умениях, навыках).

По мнению В. В. Бормота, компетенция — понятие, относящиеся к работе (должности). Оно раскрывает сферу профессиональной деятельности, в которой человек компетентен, и отражает его статус в организации, полномочиях, область ответственности. Компетенция определяет социально — экономические условия профессиональной деятельности и инфраструктуру рабочего места.

И так, компетенции — это то, что работники, занимающие конкретные должности, должны уметь делать в соответствии с установленными стандартами. Поэтому важно различать и, соответственно, управлять компетенциями и компетентностями [6].

Бормот В. В. Профессиональная компетентность и профессиональные компетенции учителя [11].

В Толковом словаре русского языка находим следующие определения: «Компетентный – знающий, осведомлённый, авторитетный в какой-либо области; а также второе значение – обладающий компетенцией [5].

В «Большом энциклопедическом словаре» под компетенцией понимается: 1) круг полномочий, предоставленный законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу; 2) знания и опыт в той или иной области» [2, с. 557].

Исходя из всех выше представленных определений, компетентность проявляется и может быть оценена только в ходе практической деятельности, а ее уровень может повышаться непрерывно на протяжении всей профессиональной жизнедеятельности. Ключевые же профессиональные компетенции - это способности личности решать задачи, которые возникают перед ней в процессе профессиональной карьеры и не зависят от профессии или специальности (инвариантны по отношению к ним).

Итак, компетентность учителя является одним из составляющих компонентов государственных образовательных стандартов, а компетентностный подход в образовании ДНР вводится как обязательный на государственном уровне.

Сегодня одной из основных задач дополнительного педагогического образования, вместе с улучшением качества образования в общеобразовательных организациях является задача разработка методики повышения профессиональной компетентности учителя физической культуры. Поэтому, нам необходимо определиться с определением профессиональной компетентности и что в нее входит.

А. К. Маркова определяет профессиональную компетентность как «сочетание психических качеств, определенное психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно, как обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции» [7].

Профессиональная компетентность выражается с позиции ряда направлений:

В основу *первого направления* легли подходы ряда авторов (Е. В. Бондаревская, А. И. Пискунов, М. В. Розов), которые связывают исследуемую категорию с феноменом культуры, когда компетентность является результатом развития личности, ее образования и воспитания. В связи с этим усвоение культуры является развитием самого человека и становлением его как творческой личности.

Определение профессиональной компетентности с позиции деятельностного подхода создает *второе направление* в ее исследованиях (Н. В. Кузьмина,

А. К. Маркова, Е. М. Павлютенков, О. М. Шиян). Авторы выделяют и берут как основание базовые характеристики профессиональной компетентности с точки зрения педагогической деятельности. В понимании этой группы ученых профессиональная компетентность представляет собой совокупность пяти сторон трудовой деятельности педагога: педагогическая деятельность, педагогическое общение, личность педагога, образованность и воспитанность. Каждый блок содержит объективно необходимые педагогические знания, умения, профессиональные позиции, личностные качества, педагогическое мышление, рефлексию, самооценку, наблюдательность. Рассмотрение профессиональной компетентности в контексте деятельностного подхода предполагает ее моделирование, что найдет свое продолжение в наших последующих работах.

Представители *третьего направления* (Е. В. Арцишевская, И. А. Зимняя, М. К. Кабардов, Б. Рей) рассматривают профессиональную компетентность с психологической точки зрения - как характеристику личности педагога, добавляют результативный компонент в ее содержание и считают ее формой активности личности.

Четвертое направление (Н. В. Блауберг, Е. Г. Юдин, Н. В. Кузьмина, В. Х. Шакуров) профессиональную компетентность рассматривает как личностные возможности преподавателя, которые разрешают ему самостоятельно и эффективно реализовать цели педагогического процесса. При формировании профессиональной компетентности этот подход настойчиво требует признания уникальности личности как представителя определенной культуры, ее интеллектуальной и моральной свободы, права на уважение.

Пятое направление в исследовании проблемы связано с толкованием профессиональной компетентности как уровня образованности специалиста, опыта и индивидуальных способностей человека, его стремления к непрерывному самообразованию, самосовершенствованию, творческому отношению к работе. Профессиональная компетентность представляет собой уровень, качественный и результативный показатель сформированности профессиональных знаний, навыков владения предметом и умение их реализации в деятельности.

Шестое направление в исследовании профессиональной компетентности педагога (Н. И. Запрудский, О. Е. Ломакина) рассматривает эту категорию с точки зрения системного подхода. Ученые определяют профессиональную компетентность как систему, которая включает в себя аспекты философского, психологического, социологического, культурологического, личностного плана. Они считают, что профессиональная компетентность педагогов определяется не только базовыми знаниями и умениями, но и ценностными ориентациями специалиста, мотивами его деятельности, стилем взаимоотношений, общей культурой, способностью к развитию своего творческого потенциала. Отсутствие хотя бы одного из компонентов разрушает всю систему и уменьшает эффективность деятельности педагога. Под профессиональной компетентностью М. И. Запрудский понимает „систему знаний, умений и навыков, профессионально значащих качеств личности, которая обеспечивает возможность выполнения профессиональных обязанностей определенного уровня" [6].

Проблема повышения уровня компетентности учителя физической культуры, способного свободно и активно мыслить, моделировать учебно-воспитательный процесс, самостоятельно генерировать, воплощать новые идеи и технологии обучения и воспитания является актуальной в современных социально-экономических условиях [5, с. 31].

Различные аспекты методики повышения компетентности учителя физической культуры в отечественной науке исследовали Л. Волков, А. Деминский, С. Дмитренко, Ю. Железняк, Г. Карпюк, Т. Круцевич, Т. Ротерс, Л. Сущенко, С. Филь, Б. Шиян и др.

Архиважной задачей современной педагогической теории и практики является овладение ключевыми профессиональными компетенциями в системе дополнительного педагогического образования. Анализ имеющихся и проектируемых ключевых компетенций позволяет определить индивидуальные образовательные стратегии, выбрать адекватные технологии обучения, определить механизмы внутреннего и внешнего оценивания преподавателя.

Г. Коджаспирова отмечает, характеризует профессиональную компетентность специалиста и является необходимой суммой знаний, умений и навыков, представляющих основу формирования профессиональной деятельности, общения и личности специалиста - носителя определенных ценностей, идеалов, сознания [4].

В большинстве современных исследований используются элементы профессиональной компетентности учителя, выделенные Н. В. Кузьминой по таким содержательным направлениям:

- специальная компетентность в области преподаваемой дисциплины (включает знания, квалификацию, опыт);
- методическая компетентность (включает владение различными методами обучения, знание дидактических приемов и умение применять их в процессе обучения);
- социально-педагогическая компетентность (включает владение технологией построения процесса общения с обучаемыми);
- дифференциально-психологическая компетентность (включает умение выделять область мотивов, способностей и направленности учащихся);
- аутопедагогическая компетентность (умение осознавать уровень собственной деятельности, знания о способах профессионального самосовершенствования).

Рассмотрев структурные компоненты компетентности учителя физической культуры различных авторов, нами предложена следующая структурная модель компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования. В ее состав входят:

1. Общепрофессиональные компетенции: (общенаучные и исследовательские компетенции), профессионально ориентирована на все основные группы направлений подготовки и связана с решением познавательных задач, поиском нестандартных решений; определяет фундаментальность образование.

2. Общеотраслевые компетентности - (образовательные и физкультурные компетенции), относящаяся к подготовке специалистов по физической культуре, интегрирующей образовательную (психолого-педагогическую) и физкультурно научно-практическую сферы; относится к ориентации в общих теоретических, социально-экономических и организационно-управленческих вопросах сферы физической культуры и образовательной области, к планированию и организации работы коллектива, ресурсному обеспечению деятельности, системе менеджмента качества труда и т. д.; обеспечивает полипрофессионализм, готовность к решению общепрофессиональных задач;

3. Общекультурная компетенция - круг вопросов, в которых учитель физической культуры должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности. Эти особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере.

4. Учебно-познавательная компетенция - Это совокупность компетенций учителя в сфере самостоятельной познавательной деятельности, включающей элементы

логической, методологической, общеучебной деятельности, соотнесенной с реальными узнаваемыми объектами. Сюда входят знания и умения целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки учебно-познавательной деятельности.

5. Информационная компетенция - объем знаний и способность к их приобретению по следующим направлениям: о себе, об учащихся и их родителях, об опыте работы других педагогов, в научно-методической плоскости, а также общемировоззренческие;

6. Компетенция личностного самосовершенствования - направлена на то, чтобы осваивать способы физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональную саморегуляцию и самоподдержку.

Проведенный теоретический анализ исследований сущности и структуры профессиональной компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования позволил сделать следующие заключения.

Под компетенцией мы понимаем совокупность взаимосвязанных качеств личности (знания, умения, навыки, способы деятельности), необходимых для качественной продуктивной деятельности. Компетенции – это сложные профессионально-индивидуальные новообразования, на основе интеграции социального, профессионального и личного опыта, приобретенных знаний, сформированных умений и навыков, личностных качеств, обуславливающих готовность и способность специалиста к успешному выполнению профессиональной деятельности.

Впервые были рассмотрены компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования, в ходе исследования было выявлено, какими компетенциями он должен обладать на выходе в процессе профессиональной деятельности.

Рассматривая профессиональную компетентность учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования, мы уточнили основные компетенции: общепрофессиональные компетенции, общетраслевые компетентности, общекультурная компетенция, учебно-познавательная компетенция, информационная компетенция и личностного самосовершенствования.

Данный перечень позволяет в полной мере раскрыть сущность и структуру профессиональной компетентности в системе дополнительного педагогического образования, рассмотренный перечень компетенции затрагивают уже сложившегося педагога и дают нам возможность понять, чем должен обладать учитель физической культуры, что он должен сформировать, что совершенствовать, а где искать пути новых открытий на пути к самосовершенствованию и саморазвитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безрукова В. С. Педагогика. Проективная педагогика: Учебное пособие для инженерно-педагогических институтов и индустриально-педагогических техникумов. – Екатеринбург: Деловая книга, 1996. – 334 с.
2. Большой энциклопедический словарь. – М., 1997. – 1456 с.
3. Зеер Э. Ф. Ключевые компетенции, определяющие качество образования. // Образование в Уральском регионе: научные основы развития: Тез. докл. II науч. -практ. конф. – С. 102–105.
4. Большой энциклопедический словарь. – Т. 2. – М.: Энциклопедия, 1991. - 823 с.
5. Коджаспирова Г. М. Педагогика: Учебник / Г. М. Коджаспирова. – М.: Гардарики, 2004.
6. Кузьминський Б. І. Наукові засади методичної підготовки майбутнього вчителя фізичної культури та спорту / Б. І. Кузьминський – К.: Науковий світ, 2009. – 320 с.
7. Кузьмина Н. В. Предмет акмеологии. – СПб.: Политехника, 2002. – 188 с.
8. Маркова А. К. Психология труда учителя. – М.: Педагогика, 1993. – 274 с.

9. Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 10 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-09.htm>. Толковый словарь русского языка // <http://www.vedu.ru/ExpDic/12640> (Дата последнего обращения - 20.03.2018.).
10. Сыченко И. А. Педагогика высшей школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ua/view/304728698/?* 13.01.2018 (Дата последнего обращения – 20.03.2018.).
11. Иванченко З. И. Методические проблемы и вызовы современности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-obrazovanii/> (Дата последнего обращения – 20.03.2018.).
12. Стрижнев Г. Ю. Педагогика и культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sch1948.ru/metodobedinenie/301-bormot.html> (Дата последнего обращения – 20.03.2018.).

Поступила в редакцию 27. 03. 2018 г.

THE ESSENCE AND STRUCTURE OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER OF PHYSICAL CULTURE IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL PEDAGOGICAL EDUCATION

T. A. Neskreba

D. A. Chernyshev

The essence and structure of professional competence of the teacher of physical culture in the system of additional pedagogical education are highlighted in the article. The analysis of psychological and pedagogical literature made it possible to clarify the differences in the definition of competence and competence, the professional competence of the teacher of physical culture. In the process of research, the main components on which the professional competence of the teacher of physical culture is built are defined. This article reveals the model of the professional competence of the teacher of physical culture in the system of additional pedagogical education.

Key words: competence, professional competence, teacher of physical culture.

Нескреба Тарас Анатольевич

Преподаватель кафедры
физического воспитания
ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский
университет имени Максима Горького»
e-mail: neskreba.taras@mail.ru

Neskreba Taras Anatolievich

Senior lecturer of the Chair of Physical Education
SCE HPE “Donetsk National Medical University
named after Maxim Gorky”
e-mail: neskreba.taras@mail.ru

Чернышев Дмитрий Алексеевич,

Доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: chernishevdmity@gmail.com

Chernishev Dmitry Alekseevich,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Professor of the Chair of Pedagogy
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: chernishevdmity@gmail.com

УДК 378.011.3-051:35.08

СУЩНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ СПЕЦИАЛИСТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

© 2017. Э. В. Сердюков

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье рассмотрена сущность профессиональной деятельности государственных служащих, а также требования, предъявляемые к личности этих специалистов. Опираясь на подходы ученых, автором определена сущность профессионально значимых качеств государственных служащих, а также комплекс необходимых для осуществления эффективной профессиональной деятельности устойчивых личностных характеристик.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, деятельность в сфере государственного управления, качества личности, профессионально значимые качества государственного служащего.

Характерной особенностью развития Луганской Народной Республики являются кардинальные изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни. Они активизируют процесс пересмотра и переосмысления деятельности существующих институций, в частности – системы государственного управления. Государственная служба как социально-правовой институт и вид управленческой деятельности занимает особое место в достижении общенациональных целей и играет важную роль в механизме управления государством. Процесс формирования нового государства, декларирующего принципы социального равенства и единства, требует поиска новых направлений деятельности государственной службы, качественного обновления кадрового состава.

Одним из подходов к совершенствованию государственного аппарата служит организация эффективно действующей системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих [1, с. 103–104]. Высокие требования, которые предъявляет профессия к подготовленности специалистов государственной службы, социальная важность их труда, делают особенно актуальной организацию качественной подготовки в вузе.

Необходимо отметить, что в исследованиях по психологии труда и акмеологии управленческая деятельность исследована достаточно подробно. Однако деятельность государственных служащих, работа которых связана с разными сферами жизнедеятельности общества, пока изучена недостаточно и требует постоянного уточнения, пересмотра, что обусловлено кардинальными изменениям в самом обществе и теми задачами, которые возникают перед государственными служащими в связи с этим.

Особенно остро стоит проблема формирования и развития профессионально значимых качеств личности государственного служащего, поскольку их профессиональная подготовка в системе высшего профессионального образования все еще находится в стадии своего становления. Для системы высшего образования Луганской Народной Республики, которая переживает не только процесс становления, но и интеграции в российское образовательное пространство, вопросы профессиональной подготовки государственных служащих особенно актуальны, поскольку ранее решались только на уровне магистратуры, на основе ранее полученной работниками государственного управления квалификации. Все это выдвигает на первый план, как в России, так и в ЛНР, проблемы содержания образования,

формирования государственных образовательных и профессиональных стандартов, образовательных программ и учебных планов, подбора эффективных методов, средств, технологий обучения.

Если говорить о выявлении необходимых для эффективной работы государственного служащего качеств, то данный вопрос нашел свое отражение в научной литературе, в частности в работах Г. В. Атаманчука, А. А. Деркача, В. Д. Зазыкина, В. Г. Игнатова, С. Г. Киселева, В. А. Мальцева, И. Б. Новосельской, А. В. Понеделкова и др. Однако эти исследования посвящены содержанию отдельных профессионально значимых качеств государственных служащих, рассмотрению данного вопроса в контексте конкретного вида деятельности государственного служащего (преимущественно не гражданского), или проводятся в сфере психологии труда. Комплексного решения проблемы, определения условий формирования и развития профессионально значимых качеств государственных служащих в условиях высшей школы не проводилось.

Целью данной статьи является определение профессионально значимых качеств государственных служащих на основе изучения специфики профессиональной деятельности в сфере государственной службы и требований, предъявляемым к этим специалистам.

В словаре по педагогике определяется, что качества личности – это сложные социально и биологически обусловленные компоненты личности, вбирающие в себя психические процессы, свойства, образования, устойчивые состояния и предопределяющие устойчивое поведение личности в социальной и природной среде [2, с. 119].

В соответствии с этим, качества личности государственного служащего – это обобщенные, наиболее устойчивые характеристики, которые оказывают решающее влияние на деятельность в сфере государственного управления. Это сложные образования, включающие в себя социальные, социально-психологические и психологические свойства. Для определения сущности профессионально значимых качеств личности государственного служащего необходимо определить базовые дефиниции, в частности понятие «профессионально значимые качества».

В научной литературе параллельно используются два термина: «профессионально важные качества» и «профессионально значимые качества», причем последний применяется наиболее часто при рассмотрении проблем профессиональной подготовки специалистов в сфере экономики, управления, техники и технологий.

Термин «профессионально важные качества» возник в отечественной литературе как следствие изучения взаимного влияния личности и деятельности. Значительный вклад в определение сущности и структуры профессионально важных качеств внесли Е. А. Климов, А. К. Маркова, Н. С. Пряжников, В. А. Толочек, В. Д. Шадриков и другие ученые.

Необходимо отметить, что исследователи довольно широко трактуют данное понятие. Так, В. А. Бодров под профессионально важными качествами понимает «всю совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые определяют успешность обучения и реальной деятельности». [3, с. 73]. Л. Ю. Субботина определяет профессионально важные качества как «систему профессиональных способностей, то есть свойств личности, сформированных в процессе профессиональной подготовки, которые обеспечивают успешное выполнение деятельности» [4, с. 31].

Для нашего исследования принципиальным является отличие профессионально важных и профессионально значимых качеств личности. Так, в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова приведены следующие определения:

1. Важный – имеющий большое, особое значение, значительный [5, с. 61];
2. Значимый – выражающий что-нибудь, имеющий какое-то значение, смысл; то, что данный предмет обозначает [там же, с. 190];
3. Значительный – очень выразительный, наполненный каким-то значением [там же, с. 190].

Таким образом, профессионально значимые качества – это не просто важные для осуществления конкретной деятельности качества личности, но те качества, которые отражают ее смысл. С точки зрения профессиональной деятельности государственных служащих использование термина «профессионально значимые качества» будет наиболее обоснованным.

Специфика деятельности государственных служащих рассматривается в работах Л. С. Аникина, Г. В. Атаманчука, В. Э. Бойкова, Н. И. Глазуновой, А. В. Коростеня, В. П. Жуковского, В. Г. Игнатова, С. Г. Киселева, Е. А. Лихачевой, С. Ю. Наумова, В. Л. Романова, Ю. Н. Старикова и др. Деятельность государственных служащих имеет непрямой характер, однако затрагивает экономическую и социальную жизнь общества, организацию и деятельность трудовых коллективов, отдельных граждан, влияет на сознание людей.

Обобщенная структура деятельности государственного служащего характеризуется следующими составляющими:

Цель – практическое осуществление функций государства, решение его задач, обеспечение благосостояния общества, удовлетворение публичных интересов;

Предмет деятельности – потребности, интересы, права и свободы людей и их объединений;

Объект деятельности – население страны, региона, области, города, села, отдельный человек и объединения людей;

Средства деятельности – опыт, знания, умения, навыки, нормы поведения, морально-этические ценности, информация, компьютерная техника;

Функции деятельности – аналитические, информационные, организационно-управленческие, планово-экономические, проектные, коммуникативные, контрольные;

Условия деятельности – материально-технические, информационно-технологические, санитарно-гигиенические, социально-психологические;

Результат деятельности – повышение качества жизни людей, сохранения социальной стабильности в обществе [6, с. 6].

Как свидетельствует анализ научных и нормативных источников, а также собственный опыт профессиональной деятельности, к особенностям деятельности государственных служащих следует отнести:

1. Социальную направленность;
2. Творческий характер труда;
3. Широкий диапазон должностных обязанностей;
4. Обширную сферу профессиональной коммуникации;
5. Высокую степень моральной ответственности;
6. Ненормированный рабочий день;
7. Повышенную эмоциональную и психологическую напряженность;
8. Необходимость постоянного повышения профессионального и культурного уровня.

В связи со сложностью, многовекторностью и ответственностью работы государственного служащего, его деятельность регламентируется государственными нормативными актами. Так, в ст. 8 Закона ЛНР «О государственной гражданской службе Луганской Народной Республики» указано, что квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, устанавливаются нормативным актом государственного органа Луганской Народной Республики с учётом его задач и функций и включаются в должностной регламент (должностная инструкция) гражданского служащего [7].

Статья 13 этого Закона устанавливает требования к служебному поведению гражданского служащего, выполнение которых возможно только при наличии у данного специалиста высокого уровня профессиональной компетентности и сформированных профессионально значимых качеств. Однако конкретизация собственно этих качеств в Законе отсутствует, что усложняет и кадровый отбор персонала и системы высшего профессионального образования, которая должна обеспечить полноценное формирование профессиональной компетентности государственного служащего, в том числе и развитие у него профессионально значимых качеств.

Анализ содержания главы 13 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8] так же выявил, что квалификационные требования к лицам, замещающим государственные должности государственной службы, носят весьма общий характер. Данным законом определены следующие основные квалификационные требования к должностям гражданской службы: к уровню профессионального образования; к стажу гражданской службы; к стажу (опыту) работы по специальности; к профессиональным знаниям и навыкам.

В целом, требования, предъявляемые к государственным служащим, зависят от места, занимаемого государственным органом, в котором они работают в общей системе государственного аппарата, а также от характера выполняемой ими по должности работы и не предусматривают неких обобщенных требований к профессионально значимым качествам. Специальные требования, предъявляемые к поступающим на государственную службу, относятся исключительно к области квалификации претендента и не отражают каких-либо специально оговоренных профессионально значимых качеств специалистов государственной службы.

Именно по этой причине формирование профессионально значимых качеств государственных служащих в процессе профессиональной подготовки не имеет системного и структурированного характера. Вместе с тем, имея высокие полномочия, данные специалисты обязаны эффективно решать входящие в круг их компетенций задачи государственного управления, как в интересах самого государства, так и общества, и его отдельных граждан.

Профессионально значимые качества определяют уровень профессиональной компетентности государственных служащих и качество выполнения ими функциональных обязанностей [9]. В то же время, исследователи отмечают, что отсутствие необходимых качеств, в том числе и коммуникативных, является причиной неготовности к работе в структурах государственного управления. Поэтому развитие профессионально значимых качеств требует особого педагогического руководства [10].

Как указывают И. Б. Новосельская [11] и Р. И. Сторожев [12], существует четкая взаимосвязь между профессионально значимыми качествами государственного служащего, особенностью его профессиональной деятельности, и, что особенно важно с точки зрения общества, имиджем конкретного органа государственного управления и государства в целом. В связи с этим предъявляются повышенные требования к

сформированности у государственных служащих этических навыков межличностного взаимодействия: уважение к личности, тактичность; четкий самоконтроль, внимательное отношение к своим личным качествам; обоснованность поступков с точки зрения норм морали и этики, корректности, такта.

Так же И. Б. Новосельская к профессионально значимым качествам государственного служащего относит организованность, выдержку, профессиональную этику, терпимость, авторитарность; а также внутренние мотивы, такие как самореализация, удовлетворенность от работы, стремление приносить пользу людям [11].

По мнению В. Я. Малиновского, современные государственные служащие должны иметь качества, необходимые для осуществления аналитических, организационно-распорядительных, консультативно-совещательных и контрольных функций, а так же быть способными внедрять ценности демократического, правового, социального государства и гражданского общества, неуклонно отстаивать права и свободы человека и гражданина; обладать профессиональными умениями и навыками, основывающимися на современных специальных знаниях, аналитических способностях, мастерстве применения способов и методов управленческой науки, стратегическом мышлении и личностных качествах, необходимых для принятия и успешной реализации управленческих решений [13].

Как указывает А. М. Харитонов, обязательными для государственного служащего являются следующие личностные качества: саморазвитие и умение постоянно повышать свой образовательный уровень; творческий подход; трудолюбие; умение адаптироваться к изменяющимся условиям и конструктивно взаимодействовать с другими людьми; уважение к труду и другим людям; личностная культура; толерантность; законопослушность; умение организовать свою деятельность; эрудированность; аналитичность и интегрированность мышления; инициативность; честность; аккуратность и вежливость; коммуникабельность; эмоциональная устойчивость; самоорганизация и самоконтроль; решительность и уверенность в себе [14].

Интересно, что в зарубежной практике при отборе специалистов для работы в органах государственного управления акцент делают на личностных качествах претендентов. Среди таких качеств называются человечность, доброжелательность; приветливость; искреннее внимание; эмпатия; решительность; вежливость; тактичность; дисциплинированность; толерантность, а также качества значимые для управления: способность владеть собой; способность для профессионального и личностного развития: креативность, умение обучать подчинённых и руководить ими [14].

Отечественными учеными (В. Г. Игнатов, С. О. Майборода, А. В. Понделков, А. М. Старостин) выделяются такие профессионально значимые качества как: честность, справедливость, ответственность, добросовестность, решительность, смелость, инициативность, самокритичность, корректность, трудолюбие, доброжелательность [15].

Исследования, проведенные представителями Южно-Российского института управления, позволили выделить следующий состав наиболее значимых качеств личности госслужащего, а именно: честность; умение анализировать, внимание; коммуникабельность, умение работать в команде; культура, эрудиция; корректность, терпеливость; дисциплинированность; смелость, решительность; справедливость; целеустремленность, настойчивость; организаторские способности, лидерство [16, с. 197].

Опираясь на подходы ученых, собственный опыт профессиональной деятельности в сфере государственной службы, мы рассматриваем *профессионально значимые качества государственного служащего как обобщенные, устойчивые характеристики и способности личности, которые актуализируются на уровне выполнения профессиональных задач и определяют успешность профессиональной деятельности в сфере государственного управления.*

Считаем, что комплекс профессионально значимых качеств государственных служащих включает: способность к самоорганизации, дисциплинированность, ответственность, трудолюбие, способность к планированию деятельности, настойчивость, этичность, коммуникабельность, нервно-психическую устойчивость, стрессоустойчивость, самоконтроль, аналитическое мышление, интуиция, креативность, вежливость, тактичность, добросовестность, стремление к саморазвитию и профессиональному совершенствованию, самокритичность.

Формирование указанных профессионально значимых качеств у будущих специалистов государственной службы будет способствовать повышению уровня их профессиональной компетентности, обеспечит высокую эффективность выполнения ими своих функциональных обязанностей, а также реализацию собственного личностного потенциала. Считаем, что для обеспечения успешности этого процесса профессиональная подготовка должна опираться на основные положения личностно-ориентированного и практико-ориентированного подходов, благодаря чему индивидуальные особенности, личностные характеристики студентов будут реализовываться в ситуациях максимально приближенных к реальной практической деятельности. Это позволит будущим специалистам в сфере государственного управления еще в период обучения сформировать или развить в себе качества, отвечающие смыслу выбранной профессиональной деятельности. Подбор условий и механизмов организации такой подготовки является направлением наших дальнейших исследований.

Таким образом, построение и развитие государственности, осуществление инновационных преобразований в обществе для решения социально значимых проблем, ключевых для обеспечения устойчивого развития государства, невозможно без комплекса сформированных устойчивых характеристик личности государственного служащего – профессионально значимых качеств.

Анализ действующей нормативно-правовой базы осуществления государственной гражданской службы в ЛНР и Российской Федерации, изучение подходов ученых, собственный опыт позволил конкретизировать сущность профессионально значимых качеств государственных служащих и выявил необходимость совершенствования процесса их профессиональной подготовки с целью формирования и развития этих качеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нельсон О. В. Повышение квалификации государственных гражданских служащих РФ// Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы международной научно-практической конференции. Донецк, 2017. Секция 2. – С. 103–106.
2. Коджаспирова Г. М. Словарь по педагогике. – М.: ИКЦ „МарТ”, 2005. - 448 с.
3. Бодров В. А., Спиркин Л. Д. Диагностика и прогнозирование профессиональной мотивации в процессе психологического отбора/ В. А. Бодров, Л. Д. Спиркин. // Психологический журнал. 2003. - №1. - С. 73.
4. Субботина Л. Ю. Личность в системе профессиональной подготовки. – Ярославль: Ин-т «Открытое общество», 2003. – 101 с.

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.
6. Організація діяльності державного службовця: Навчальний посібник. – Харків: Вид. ХНЕУ, 2011. – 320 с.
7. Закон ЛНР «О государственной гражданской службе Луганской Народной Республики»[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakonoproekty/724/> (Дата последнего обращения – 11.11.2017.).
8. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/33ac701a0ac2af6af7a1eff56d338aa37d087c68/(Дата последнего обращения – 11.11.2017.).
9. Елагина В. С. Развитие профессионально важных качеств государственных служащих в условиях непрерывного профессионального образования: автореф. дис. канд. пед. наук. – Тамбов, 2008. – 24 с.
10. Дудаев Г. С-Х. Формирование управленческой компетентности будущих специалистов государственного управления: дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2016. – 212 с.
11. Новосельская И. Б. Взаимосвязь особенностей профессиональной деятельности государственных служащих и их профессионально важных качеств: дис. ... канд. психол. наук. – М.: 2000. – 136 с.
12. Сторожев Р. І. Кадровий механізм формування позитивного іміджу держави: дис. ... канд. наук з державного управління. – Київ, 2016. – 282 с.
13. Малиновський В. Я. Державне управління. – Луцьк.: Вежа, 2000. – 558 с.
14. Харитоновна А. М. Государственная служба: перспективы кадрового развития // Экономика, государство, общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ego.uara.ru/ru/issue/2013/04/6/>(Дата последнего обращения – 11.11.2017.).
15. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. – М.: Дело, 1991. – 320 с.
16. Игнатов В. Г. Государственный служащий современной России: социально-политический анализ деятельности и ценностных ориентаций: региональный уровень/ В. Г. Игнатов, С. О. Майборода, А. В. Понделков, А. М. Старостин. - Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 1997. – 308 с.
17. Айвазова Е. С., Дорофеева Е. Н. Нравственно-волевая сфера как компонент системы профессионально-значимых качеств личности госслужащих // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. –№4. – С. 194–198.

Поступила в редакцию 25. 12. 2017 г.

ESSENCE OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF STATE SERVICE PROFESSIONALS

Serdiukov E. V.

In the article the essence of professional activity of civil servants and the requirements to the personality of these specialists are considered. Relying on the approaches of scientists, the author defines the essence of professionally significant qualities of civil servants, as well as the complex of stable personal characteristics necessary for the implementation of effective professional activity.

Key words: public service, civil servant, activity in the sphere of public administration, personal qualities, professionally significant qualities of a civil servant.

Сердюков Эдуард Витальевич

старший преподаватель кафедры государственного управления и таможенного дела
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
e-mail: serdiukov62@mail. Ru

Serdiukov Eduard Vitalyevich

Senior Lecturer of the Department of Public Administration and Customs SCE
HPE “Lugansk National University named after Taras Shevchenko”
e-mail: serdiukov62@mail. ru

УДК 61-057.875:159.923:615.851

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ
СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕДИКОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
С УЧЕТОМ ПОВЫШЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ИХ
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИМ ВОЗМОЖНОСТЯМ И ЛИЧНОСТНЫМ
КАЧЕСТВАМ**

© 2018. **О. В. Ульянкина**

ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. Максима Горького»

© 2018. **Д. А. Чернышев**

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В данной статье были рассмотрены теоретические аспекты формирования стрессоустойчивости путем анализа научной литературы о подготовке студентов-медиков к профессиональной деятельности. Ведь известно, что профессия врача считается одной из самых стрессогенных, благодаря повышенным требованиям к их психофизиологическим возможностям и личностным качествам. Но, недостаточное развитие коммуникативных способностей и навыков саморегуляции приводит к тому, что значительная часть студентов-медиков страдает расстройствами психики, спровоцированные стрессовыми ситуациями. Поэтому, на сегодняшний день формирование стрессоустойчивости приобретает все возрастающую научную и практическую актуальность.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, стресс, учебно-воспитательный процесс, студенты-медики.

Современные студенты-медики все чаще страдают от психических и соматических расстройств, что отражается на уровне их здоровья. Происходит это потому, что их учебно-воспитательный процесс относится к числу напряженных в эмоциональном плане видов труда. На наш взгляд, для того чтобы профессиональная подготовка будущего специалиста – врача стала более эффективной требуется детальный анализ современной системы высшего медицинского образования, выявления и определения ее проблем и противоречий в контексте системно-ценностного подхода учебно-воспитательного процесса. Особую актуальность в современной системе высшего медицинского образования приобретает проблема повышения стрессоустойчивости студентов в связи с социальной, экономической, политической и практической значимостью обеспечения должного уровня стрессоустойчивости в общественно необходимых видах их будущей профессии. Причина пристального внимания к проблеме стрессоустойчивости связана с особенностями перехода к информационному обществу, ростом научно-технического прогресса, наличием качественной конкуренции и повышенных требований к профессиональной деятельности медиков.

Цель работы – провести теоретический анализ и выявить теоретические аспекты подготовки будущих специалистов-медиков к профессиональной деятельности с учетом повышенных требований к их психофизиологическим возможностям и личностным качествам.

Современные реформы всей системы медицинского образования идут повсеместно в медицинских вузах ДНР, что определяется объективными причинами: глобализация рынка образовательных услуг, в том числе – за счет внедрения новых информационных технологий; реформы всей системы здравоохранения, от которого напрямую зависит и высшая медицинская школа, и здоровье обучающихся. Учебные

заведения медицинского профиля ДНР в ходе длительного обсуждения определили основные направления Болонского процесса, которые они считают приемлемыми и целесообразными для прогресса высшей медицинской школы. Это признание выпускных квалификаций, развитие академической мобильности, введение системы кредитов и системы управления качеством образования. Все это предъявляет дополнительные требования, как к профессорско-преподавательскому составу, так и к современным студентам.

Законом ДНР об образовании применяются такие понятия как государственный образовательный стандарт - совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки, утвержденных органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования.

Как указано в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки 32.00.00. науки о здоровье и профилактической медицины, специальности 32.05.01 «медико-профилактическое дело» ст. 5. п. 1.: выпускник должен овладеть следующими общекультурными компетенциями: готовностью к самостоятельной, индивидуальной работе, способностью к самосовершенствованию, саморегулированию, самореализации. А, как известно формирование стрессоустойчивости предполагает овладение навыками саморегуляции, техниками к самостоятельному регулированию собственных поведенческих реакций на стресс. Поэтому, мы можем сделать вывод, что проблема стрессоустойчивости обусловлена государственным заказом. Государственные образовательные стандарты и государственные требования обеспечивают: вариативность содержания образовательных программ соответствующего уровня образования, возможность формирования образовательных программ различных уровня сложности и направленности с учетом образовательных потребностей и способностей обучающихся; ст. 9 п. 1.3.

Так же из закона ДНР об образовании мы хотим выделить статью 18. п. 1, которая связана с научной деятельностью. Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования осуществляется в целях обеспечения модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития и реализации приоритетных направлений государственной политики Донецкой Народной Республики в сфере образования.

Проанализированная нами научная литература показала, что проблемы воспитания являются предметом специального научного анализа в трудах ученых-педагогов, философов и социальных психологов. Определённый научный и практический интерес в плане осмысления места и роли воспитания в образовательном процессе представляют философские и культурологические идеи, изложенные в работах В. П. Андриющенко, В. С. Барулина, Н. Н. Горлача, Н. Б. Крылова, Ричарда Д. Льюса и других учёных.

Как известно студенты являются особой социальной группой, которая наиболее подвержена воздействию таких факторов, как нервно-эмоциональное напряжение и социальная незащищенность, а успешная подготовка будущих специалистов-медиков к профессиональной деятельности предъявляет повышенные требования к их психофизиологическим возможностям и личностным качествам. И далеко не всегда эти нагрузки соответствуют уровню психоэмоциональной готовности студентов, учитывают их уровень здоровья и функциональные резервы. Напряженность выпускных экзаменов по окончании школы, вступительные экзамены в вуз, смена

привычного образа жизни отрицательно отражаются на их здоровье и качестве жизни. Мы считаем, что описанные проблемы являются причиной того, что в последние время наблюдается стойкое ухудшение состояния здоровья студенческой молодежи.

Современная жизнедеятельность предъявляет особые требования не только к знаниям умениям и навыкам, полученным в вузах, но и к их социально-психологической и личностной состоятельности, во многом определяемой сохранностью психического здоровья. Вот почему происходящие изменения в системе образования затрагивают как структуру содержания, так и его субъектов – преподавателей и студентов. Особенно это касается современных студентов-медиков, так как не только их будущая профессия считается одна из самых стрессогенных, а также и обучение этой профессии.

Деятельность студента-медика относится к числу напряженных в эмоциональном плане видов труда, это отражается на уровне их психического и соматического здоровья. Высокая интенсивность интеллектуальных нагрузок, частые стрессовые ситуации от зачетов и экзаменов, с одной стороны, а с другой – низкий уровень психологической культуры, личностные девиации, недостаточное развитие коммуникативных способностей, навыков саморегуляции приводит к тому, что значительная часть студентов-медиков страдает расстройствами психики, спровоцированные стрессовыми ситуациями.

Рассматриваемая в профессиональном образовательном процессе медицинской школы, социокультурная толерантность - это важное моральное качество личности врача, характеризующееся терпимым отношением к пациентам, независимо от их социального статуса, этнической, национальной либо культурной принадлежности, терпимости к другому рода взглядам, нравам, привычкам. Развитие у студентов-медиков социокультурной толерантности является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком эффективного роста образования специалистов медицинского профиля, характеризующегося комплексом профессиональных умений, милосердия, сочувствия, сострадания, доверия и т. д. [1].

Также М. А. Тарарышкина считает, что сегодняшний студент будет выполнять в обществе множество социальных ролей, интегрировать в различные сферы общественной жизни. Поэтому необходимо формирование мировоззренческих, гражданских основ личности, учитывая также традиционно активную роль медиков в общественной жизни. В медицинском вузе организации воспитательной работы придают особое значение, что обусловлено спецификой деятельности выпускников в системе «человек – человек», объектом которой является здоровье и жизнь людей, и, как следствие, повышенными требованиями к личностным качествам будущих врачей, уровню их социокультурной и коммуникативной компетентности.

Мы считаем, что воспитание является определяющим фактором для формирования морального и профессионального облика. Ведь для работников медицины важны такие качества личности как нравственное начало, доброта, отзывчивость, сочувствие, чувство эмпатии и ответственности за жизнь и здоровье людей больше чем в других профессиях. Из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что для медиков не только профессиональные навыки и углубленные знания своей отрасли имеют принципиальное значение.

Мы считаем, что высшей медицинской школе ДНР предстоит повысить уровень образования при подготовке высококвалифицированных специалистов-медиков, а именно врачей общей практики, которые работают в непосредственном контакте с населением республики. Для того чтобы профессиональная подготовка будущего специалиста – врача стала более эффективная требуется детальный анализ современной

системы высшего медицинского образования, выявления и определения ее проблем и противоречий в контексте системно-ценностного подхода учебно-воспитательного процесса.

Однако следует помнить, что учебно-профессиональная деятельность студентов вузов характеризуется наличием большого количества различных стресс - факторов. В их числе особое место занимают информационные нагрузки, сложность изучаемого материала, умственное утомление, экзаменационный стресс, бытовые проблемы, трудности адаптации в учебном коллективе и во взаимоотношениях с преподавателями.

Неспособность студентов к преодолению трудностей новой системы обучения, проблемы с материальным положением зачастую сопровождаются нервным напряжением, излишней раздражительностью, вялостью, снижением волевой активности, беспокойством и т. д. Особенно в затруднительном положении оказываются студенты младших курсов. С одной стороны, они должны сразу включаться в напряженную работу, требующую применения всех сил и способностей, с другой – само по себе преодоление новизны условий учебной работы требует значительной затраты сил организма. Однако, как считает А. Эллис, и У. Драйден все многообразие потенциальных источников стресса может быть сведено к трем переменным: сам человек, другие люди и окружающий мир в целом [2].

С каждым годом профессия медицинского работника привлекает к себе все больше молодежи, несмотря на то, что все знают, что подготовка к ней труднее и длительнее по сравнению с другими специальностями, требует от студентов-медиков гораздо больше настойчивости и самоотречения, чем от студентов других учебных заведений. Сама профессиональная деятельность медицинских работников предполагает эмоциональную насыщенность, психофизическое напряжение и высокий процент факторов, вызывающих стресс. Стрессовые ситуации, возникающие во время учебы и на практике - это обычное и часто возникающее явление.

По мере обучения в вузе у будущих врачей меняется эмоциональное состояние: от беспечности, расслабленности, безмятежности у первокурсников наблюдается сдвиг в сторону тревожности, напряженности и большей душевной мягкости у третьекурсников. Очевидно, это обусловлено тем, что с третьего курса студенты-медики начинают общаться с больными. Так, сопоставление эмпатичности будущих врачей - студентов медицинского вуза и отношения к больным, с которыми студенты имели контакт в течение двух недель, показало, что у высокоэмпатичных студентов положительное отношение к больным возрастало по сравнению с первым впечатлением. В то время как у 50 % низкоэмпатичных отношение не менялось, либо наблюдалось ухудшение отношения к больному [3]. У студентов, которые в начале своей профессиональной деятельности очень бурно переживают все события, тяжело влияющие на психику больных, например, страдания, смерть больных, операции, кровотечение, проявление психических заболеваний и т. д., постепенно развивается определенная эмоциональная сопротивляемость. В физическом отношении студент постоянно чувствует усталость, отсутствие сил, сниженный энергетический тонус, у него падает работоспособность и появляются различные симптомы физических недугов: головные боли, бессонница, потеря аппетита и т. д. [4].

Проблема стрессов представляет собой сферу пересечения многих дисциплин — от физиологии и медицины до педагогики, психологии социологии и политики. Поэтому, на сегодняшний день проблема психологического стресса приобретает все возрастающую научную и практическую актуальность. Однако конкретного определения стресса ученые разных областей дать не могут. Поэтому мы предлагаем

рассмотреть самые популярные и на наш взгляд и полные определения, которые будут охватывать всю полноту этого феномена.

Автором первоначальной концепции стресса стал канадский физиолог Ганс Селье. Он, изучая стресс в его гормональных и биохимических аспектах, предложил следующее определение: «стресс есть неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование» [5].

В современной научной литературе термин «стресс» используется в нескольких значениях. Рассмотрим наиболее распространённые из них описанные Н. Ризви.

1. Стресс - состояние беспокойства в организме, которое он стремится устранить или уменьшить.

2. Стресс – это психологические и поведенческие реакции, отражающие состояние внутреннего беспокойства или его подавления.

3. Стресс – это событие или условие в физическом или социальном окружении, которое ведет к принятию мер по избеганию или к агрессии, принятию решения об устранении или ослаблении угрожающих условий.

Современный исследователь В. А. Бодров предлагает следующее определение: «психологический стресс – это функциональное состояние организма и психики, которое характеризуется существенными нарушениями биохимического, физиологического, психического статуса человека и его поведения в результате воздействия экстремальных факторов психогенной природы (угроза, опасность, сложность или вредность условий жизни и деятельности)» [6].

Л. А. Китаев-Смык полагает возможным понимание «стресса» как неспецифических физиологических и психологических проявлений адаптационной активности при сильных, экстремальных для организма воздействиях, имея в виду в данном случае стресс в узком смысле. Неспецифические проявления адаптивной активности при действии любых значимых для организма факторов можно обозначать как стресс в широком смысле. Он говорил, что индивидуальная выраженность стресса, в частности его неблагоприятных проявлений, в большой степени зависит от осознания человеком своей ответственности за себя, за окружающих, за все происходящее в экстремальных условиях, от психологической установки на ту или иную свою роль [7].

Учитывая многочисленные работы по изучению классификаций и видов стресса и стрессовых реакций, которые имеются на данный момент в литературе, мы не выявили общепринятых типологий и определений. Поэтому, мы больше склоняемся к мнению не одного автора, а группе исследователей.

Проанализировав современную литературу о феномене стресса, мы можем сделать вывод о том, что существуют разновидности стресса. Стресс может быть физиологическим, так как сопровождается различными физиологическими реакциями. Ведь в основном стресс возникает вследствие болевого синдрома, высоких и низких температур воздуха, повышенного шума, вибрации, недостатка физической активности, непереносимости запахов и других причин. Также - эмоциональным, так как обладает соответствующими эмоциональными переживаниями. Стресс также может быть и информационным, который возникает по причине внезапности, новизны обстановки, недостатка или избытка информации. Любые внешние стимулы или события, которые вызывают у человека напряжение или возбуждение называются стрессорами. Однако проведя обзор литературы по данной проблеме, мы не нашли общепринятых классификаций стресса. Поэтому мы не можем не признавать актуальность современных исследований по данной проблеме в различных областях науки. Нам понятен большой практический интерес, привлекающий внимание молодых ученых в разных сферах деятельности.

Также мы согласны с авторами, что физиологические и психофизиологические особенности человека влияют на возникновение и протекание стресса. Однако из этого не следует, что в экстремальных ситуациях эти механизмы срабатывают фатально, без возможности управления ими личностью. Оценка ситуации человеком, приписывание ей того или иного индивидуального смысла выполняет решающую роль в ее восприятии либо как стрессогенного фактора, либо как фактора, способствующего успешной адаптации.

Как показал анализ литературы по проблеме, к настоящему времени, с одной стороны, накоплено значительное количество результатов многоплановых исследований, посвященных изучению стрессоустойчивости. С другой стороны — многие авторы отмечают сложность и во многом противоречивость и недостаточность концептуальных и методологических разработок данного психологического феномена, считает А. В. Михеева. Исследователи связывают стрессоустойчивость со способностью быть эмоционально стабильным или психически устойчивым (Н. Д. Левитов; П. Б. Зильберман; Я. Рейковский; В. Л. Марищук; В. Г. Норакидзе; К. К. Платонов; А. Г. Маклаков). Снадситуативной активностью (В. А. Петровский), с поисковой активностью (В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский), с сопротивляемостью (С. S. Carver, А. Antonovsky), со смыслопорождением (Ф. Е. Василюк), с творческим поведением, не привязанным к биологическим факторам (Ф. Е. Василюк, К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт, В. И. Кабрин и другие), с выносливостью (жизнестойкостью) (S. Kobasa, М. С. Pucetti, С. Мадди). Ряд исследователей рассматривает стрессоустойчивость через общие свойства нервной системы и темперамент (Б. А. Вяткин, С. Л. Макаренко, В. Д. Небылицин, Б. М. Теплов). Другие авторы (Л. Мерфи, Р. Лазарус, С. Фолкман, Д. Амирхан, Н. Сирота и другие) относят к стрессоустойчивости различные когнитивно - обусловленные механизмы совладения со стрессом (копинг-механизмы) и механизмы психологической защиты (Н. Хаан).

Мы предлагаем рассмотреть понятие «стрессоустойчивость» сформулированное многими современными исследователями, а также исследователями, которые стали классиками в своей области науки.

Исследователь В. А. Бодров под термином стрессоустойчивость понимает интегративное свойство человека, которое характеризуется необходимой степенью адаптации индивида к воздействию экстремальных факторов среды и профессиональной деятельности; детерминируется уровнем активации ресурсов организма и психики индивида; проявляется в показателях его функционального состояния и работоспособности [6].

Б. Х. Варданян определяет стрессоустойчивость как свойство личности, обеспечивающее гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации [8].

О. В. Лозгачёва под стрессоустойчивостью рассматривает «комплексное свойство человека, которое характеризуется необходимой степенью адаптации индивида к воздействию экстремальных внешних и внутренних факторов в процессе жизнедеятельности, обусловленное уровнем активации ресурсов организма и психики индивида, проявляющееся в показателях его функционального состояния и работоспособности».

Несмотря на то, что у различных исследователей нет единства в отношении содержания понятия «стрессоустойчивость», некоторые из них пытаются вывести синоним данному понятию. Большинство из авторов под стрессоустойчивостью понимают совокупность личностных качеств, позволяющих человеку переносить стресс - значительные интеллектуальные, эмоциональные и волевые нагрузки, а в

некоторых случаях и перегрузки, обусловленные особенностями учебно-воспитательной, профессиональной деятельности, а также социально-бытовыми жизненными ситуациями. Мы больше склоняемся к понятию стрессоустойчивости, которое было сформулировано П. Б. Зильберманом. На наш взгляд оно сформулировано наиболее точно и полно. Он определял стрессоустойчивость как "интегративное свойство личности, характеризующееся взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности индивидуума, которое обеспечивает оптимальное успешное достижение цели деятельности в сложной эмоциональной обстановке" [9].

Также стоит отметить, что Китаев-Смык Л. А. определил факторы, влияющие на стрессоустойчивость. К ним он отнес: врожденные особенности организма и ранний детский опыт; личностные особенности; направленность человека, его установки и ценности; факторы социальной среды (социальные условия и условия труда, ближнее социальное окружение); когнитивные факторы (уровень сензитивности, умение анализировать свое состояние и факторы внешней среды, прошлый опыт и прогноз будущего).

Также авторами были выделены некоторые личностные черты, обуславливающие повышение стрессоустойчивости [10]:

1) уровень самооценки: чем выше самооценка, тем больше стрессоустойчивость;

2) уровень субъективного контроля: характеристика степени независимости, самостоятельности и активности человека в достижении своих целей, его личной ответственности за свои действия и поступки. Например, интерналы считают, что способны влиять на ситуацию и берут ответственность за происходящее в свои руки; тем самым они менее подвержены стрессовым влияниям, чем экстерналы, которые воспринимают ситуацию как результат внешних обстоятельств и, соответственно, более уязвимы;

3) уровень личностной тревожности: склонность воспринимать большое количество ситуаций как угрожающие и реагировать на них состоянием тревоги. Однако тревожность не является изначально негативной чертой; определенный уровень тревожности — естественная и обязательная особенность активной личности, поддерживающая инстинкт самосохранения; при этом высокая личностная тревожность тесно связана с наличием невротического конфликта, с эмоциональными срывами и психосоматическими заболеваниями; поэтому открытость, интерес к изменениям и отношение к ним не как к угрозе, а как к возможности развития на фоне адекватного уровня личностной тревожности приводит к повышению стрессоустойчивости.

4) баланс мотивации достижения и избегания: люди, мотивированные на достижение чего-либо, легче переносят стрессовую ситуацию, чем люди, мотивированные на избегание неудач.

Также мы хотим рассмотреть инструменты по формированию стрессоустойчивости.

На данный момент в литературе имеются сведения об использовании в физическом воспитании студентов с целью профилактики стрессовых состояний традиционных средств физической культуры, таких как легкая атлетика, спортивные игры, плавание, гимнастика др.: (Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов 2002; И. В. Орлан, 2002; А. В. Щекин 2006; В. И. Ильинич, 2008 и другие). Также к традиционным средствам можно отнести дыхательную гимнастику, комплексы дыхательных упражнений. Остальные методики относят к нетрадиционным средствам: элементы аутогенной тренировки, нервно-мышечную релаксацию, функциональную музыку,

когнитивную терапию, релаксационную гимнастику, метод саморегуляции «Ключ» и «Звезда» и др. Поэтому становится актуальным обоснование этих эффективных технологий и внедрение их в учебно-воспитательный процесс ВУЗа.

ВЫВОДЫ. Проанализировав вышеизложенное, мы можем сделать вывод, что стрессоустойчивость личности играет важную роль в преодолении стресса. Потому что от нее зависит не только психическое состояние человека, но и профессиональная и повседневная деятельность. Ведь чем выше стрессоустойчивость, тем лучше и быстрее преодолевается стресс и тем менее разрушительное воздействие он оказывает на человека. Поскольку профессиональная деятельность медицинских работников предполагает эмоциональную насыщенность, психофизическое напряжение и высокий процент факторов, вызывающих стресс, мы можем сделать вывод о том, что управление феноменом «стрессоустойчивость» является важным аспектом в устройении учебно-воспитательного процесса медицинского вуза. Поэтому становится актуальным обоснование традиционных и нетрадиционных технологий стрессоустойчивости и внедрение их в учебно-воспитательный процесс ВУЗа. Мы считаем, что совокупное использование этих технологий на занятиях физическим воспитанием существенно повысит продуктивность формирования стрессоустойчивости студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарарышкина М. А. Принципы культурообразовательного аспекта при подготовке студентов высшей медицинской школы // Психология и педагогика современного образования в России: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: ПДЗ, 2006. – С. 212–224.
2. Эллис А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. – СПб.: Речь, 2002. – 352 с.
3. Савилов Е. Д. Использование адаптационных реакций в качестве критерия оценки, состояния здоровья /Е. Д. Савилов, С. Н. Жданова, Е. С. Савилова //Гигиена и санитария, 2002. № 4. – С. 72–74.
4. Бисалиев Р. В., Куц О. А., Кузнецов И. А., Деманова И. Ф. Психологические и социальные аспекты адаптации студентов // Современные наукоемкие технологии. – 2007. – № 5. – С. 82–83.
5. Селье Г. Стресс без дистресса/ Под общ. ред. Е. М. Крепса; предисл. Ю. М. Саарма; Пер. с англ. А. Н. Лука, И. С. Хорола. – М.: Прогресс, 1982. – 126 с.
6. Бодров В. А. Информационный стресс: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ, 2000. – 352 с.
7. Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. – М.: Академический Проект, 2009. – 943 с.
8. Варданян Б. Х. Механизмы регуляции эмоциональной устойчивости // Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. – М.: Знание, 1983. – 308 с.
9. Зильберман, П. Б. Эмоциональная устойчивость оператора // Очерки психологии труда оператора. – М.: Наука, 1974. – С. 152.
10. Човдырова, Г. С. Формирование психологической устойчивости к различным стрессогенным факторам у сотрудников органов внутренних дел: Лекция. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2003. – 22 с.

Поступила в редакцию 25. 03. 2018 г.

THEORETICAL ASPECTS OF FUTURE MEDICAL SPECIALISTS TRAINING FOR PROFESSIONAL WORK CONSIDERING THE INCREASED DEMANDS FOR THEIR PSYCHOPHYSIOLOGICAL AND PERSONAL ABILITIES

O. V. Uliankina, D.A. Chernishev.

In the article theoretical aspects of the formation of stress-resistance by analyzing scientific literature on the preparation of medical students for professional activity were considered. It is known that the profession of a doctor is considered to be one of the most stressful due to the increased demands on their psycho-physiological capabilities and personal qualities. But inadequate development of communicative abilities and skills of self-regulation leads to the fact that a significant part of medical students suffer from mental disorders provoked by stressful situations. Therefore, today the formation of stress-resistance is acquiring increasing scientific and practical relevance.

Ульянкина О. В., Чернышев Д. А.

Key words: stress resistance, stress, educational process, medical students.

Ульянкина Ольга Валентиновна

Преподаватель кафедры
физического воспитания
ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский
университет имени Максима Горького»
e-mail: olgauliankina@mail.ru

Uliankiana Olga Valentinovna

Senior lecturer of the Chair of Physical Education
SCE HPE “Donetsk National Medical University
named after Maxim Gorky”
e-mail: olgauliankina@mail.ru

Чернышев Дмитрий Алексеевич,

Доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: chernishevdmity@gmail.com

Chernishev Dmitry Alekseevich,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Professor of the Chair of Pedagogy
SCE HPE “Donetsk National University”
e-mail: chernishevdmity@gmail.com

УДК 377.1, 378.14

MICROSOFT EXCEL КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

© 2017. Е. Ю. Чудина

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»

В статье рассмотрены возможности создания педагогических тестов средствами Microsoft Excel. Приведен пример создания электронного теста для контрольного тестирования, проиллюстрированный соответствующими изображениями.

Ключевые слова. Электронное тестирование, педагогические тесты, создание тестов, Microsoft Excel.

Еще в эпоху Возрождения было замечено, что проповедь учителя бесполезна, если она не согласуется с реальными интересами ученика [1]. Поэтому, как отмечают А. И. Дзундза и В. А. Цапов, при организации учебно-воспитательного процесса педагоги должны работать со студентами «на их языке» – дать им привычный формат «электронного» обучения, применяя интерактивные методы и информационные технологии [1].

Э. А. Овчаренков, говоря об актуальности тестирования, подчеркивает «тот факт, что контрольная работа, экзамен и зачет, проводимые обычным способом, не могут быть интересны по форме (по определению) для современных студентов» [2]. И. Ф. Харламов отмечает, что «существенной составной частью всестороннего и гармоничного развития личности является техническое обучение, или приобщение ее к современным достижениям техники» [3].

Многие педагоги отмечают потребность самостоятельно создавать тесты и дорабатывать их доступными средствами [4, 5]. Как отмечают С. Б. Данилевич и В. А. Кирвас, «средства MS Office могут использоваться при разработке электронных дидактических материалов, таких как электронные мультимедийные пособия для самостоятельного изучения, электронные педагогические тесты, задания с автоматической обработкой текущих и итоговых результатов, электронные шаблоны для обработки результатов эксперимента, наблюдений, анкетирования и т. п.» [6]. Преимуществом пакета MS Office выступает то, что он является стандартным приложением операционной системы Windows и создание тестов при помощи данного пакета не требует установки специального программного обеспечения для создания тестов (Прометей, TestBuilder, SuperTest и другие) и доступно для уверенного пользователя. Кроме того, дальнейшее использование тестов, созданных средствами MS Office, имеет более широкую сферу применения в учебном процессе, так как тестирование может проводиться в любом компьютерном классе (без установки специальных тестовых оболочек) и использоваться при самостоятельной работе студентов дома.

Основная часть. На наш взгляд, для создания тестов целесообразно использовать пакет Microsoft Excel (MSExcел) – программу Microsoft Office для работы с электронными таблицами, поскольку она позволяет обрабатывать результаты тестирования в автоматическом режиме с возможностью получения числа правильных ответов и набранных баллов.

Рассмотрим технологию составления компьютерных тестов средствами MS Excel 2016. Для создания теста для проведения контрольного тестирования студентов мы предлагаем создать файл формата *. xls или *.xlsx, при этом необходимо создать отдельный лист для каждого варианта теста.

В каждом варианте теста (на отдельных листах файла) необходимо привести список вопросов и дать возможность выбора правильного ответа. Для выбора правильного ответа в вопросе теста можно использовать команду Проверка (вкладка Данные – команда Проверка – тип данных Список) (рис. 1).

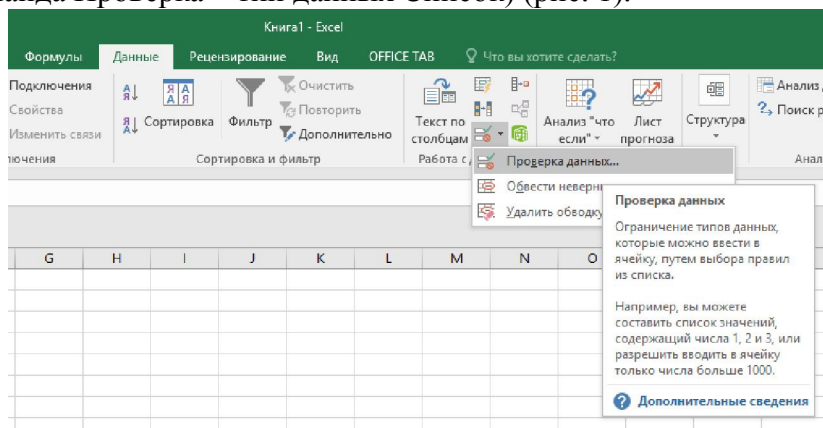

Рисунок 1 – Меню Данные – команда Проверка – тип данных Список

В ячейке «источник» в окне Проверка вводимых значений следует перечислить возможные варианты ответов через запятую (рис. 2) или сделать ссылку на предварительно заполненные ячейки с вариантами ответов (рис. 3).

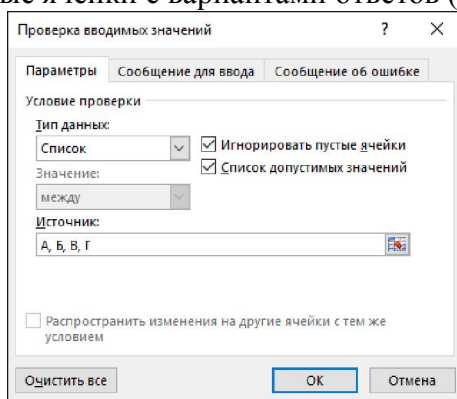

Рисунок 2 – Ввод вариантов ответов перечислением

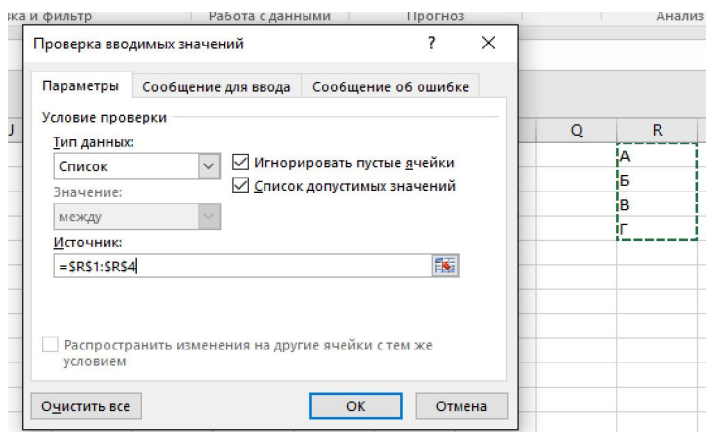

Рисунок 3 – Ввод вариантов ответов при помощи ссылки на ячейки

При использовании ссылки на ячейки столбец с вариантами ответов можно скрыть, для этого необходимо выделить данный столбец и правой кнопкой мыши выбрать команду Скрыть (рис. 4).

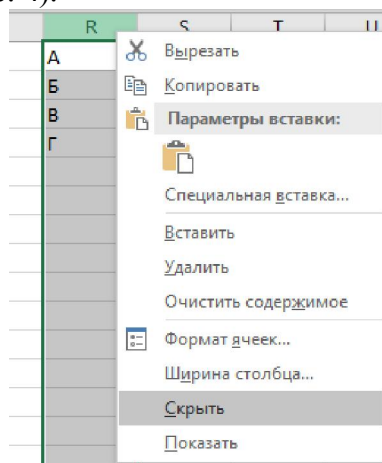

Рисунок 4 – Команда Скрыть для скрытия данных столбца

При необходимости отразить в дальнейшем скрытые данные необходимо выделить столбцы, соседние со скрытым, и правой кнопкой мыши выбрать команду Показать (рис. 5).

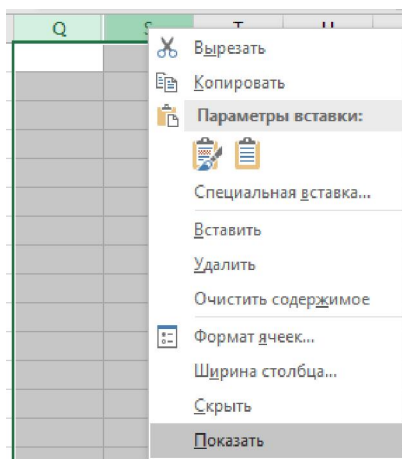

Рисунок 5 – Команда Показать для отображения данных скрытого столбца

Для оформления ячейки с вариантами ответов на вопросы теста желательно использовать визуальное выделение заливкой цветом (вкладка Главная – команда Цвет заливки) (рис. 6).

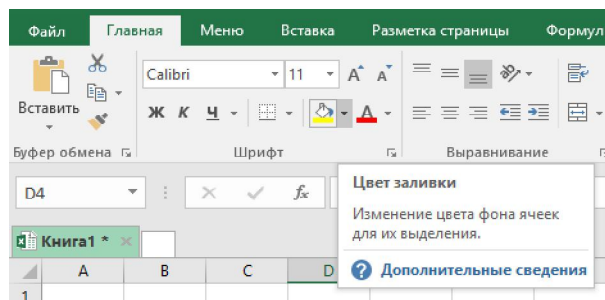

Рисунок 6 – Оформление ячейки при помощи заливки цветом

При составлении тестов удобно создавать для каждого варианта теста отдельный лист, чтобы номер листа соответствовал номеру варианта теста. Для создания нового листа достаточно нажать значок «+» внизу рабочего экрана (рис. 7).

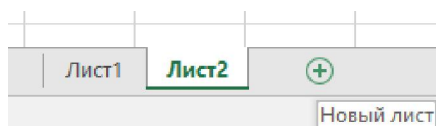

Рисунок 7 – Создание нового листа

В верхней части листа целесообразно указать номер варианта для студента и создать ячейку для ввода фамилии студента (рис. 8).

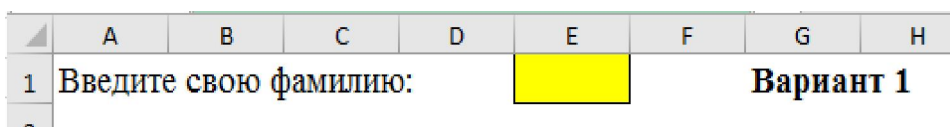

Рисунок 8 – Оформление начала теста

Для удобства восприятия тестовых заданий студентами можно убрать сетку на рабочем экране. Для этого необходимо перейти во вкладку Вид и снять галочку на ячейке Сетка, которая стоит по умолчанию (рис. 9).

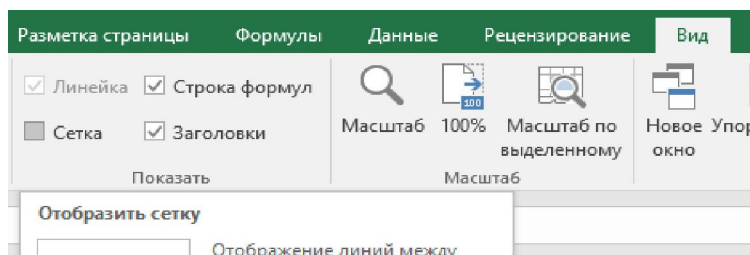

Рисунок 9 – Отображение сетки на рабочем листе

Окончание прохождения теста студентом можно отметить сообщением об окончании тестирования в нижней части рабочего листа (рис. 10).

10	Если x_0 – абсцисса точки перегиба функции $y = f(x)$, то			
	А. $f''(x_0) = 0$ или не существует	Б. $f''(x_0) > 0$	В. $f''(x_0) < 0$	Г. $f'(x_0) = 0$

Ответ:

Тест окончен.

Рисунок 10 – Сообщение об окончании тестирования

Чтобы сообщение появлялось строго после выполнения последнего тестового задания, можно использовать логическую функцию ЕСЛИ. Для этого в ячейке, выбранной для сообщения, необходимо поставить знак «=>» и выбрать в левом верхнем углу рабочего листа функцию ЕСЛИ (рис. 11).

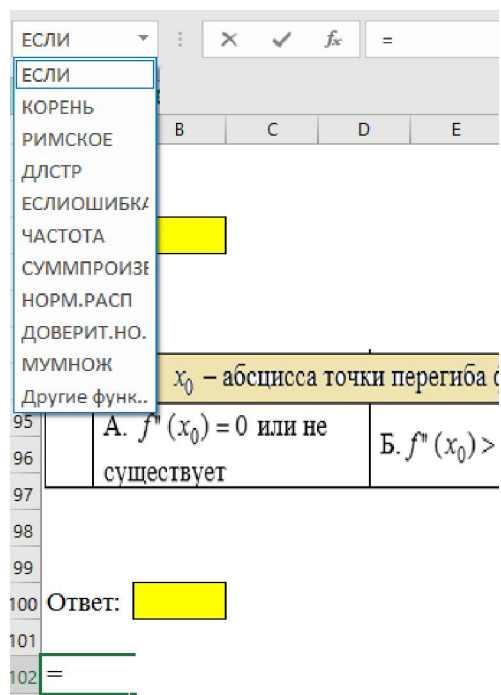

Рисунок 11 – Логическая функция ЕСЛИ

Функция ЕСЛИ должна содержать три аргумента: Лог_выражение (определение верности высказывания о равенстве нулю последней заполняемой ячейки с вариантами ответов), Значение_если_истина (пустое сообщение, «»), Значение_если_ложь (сообщение об окончании теста, например, «Тест окончен») (рис. 12). Сообщение появится после ответа на последнее тестовое задание.

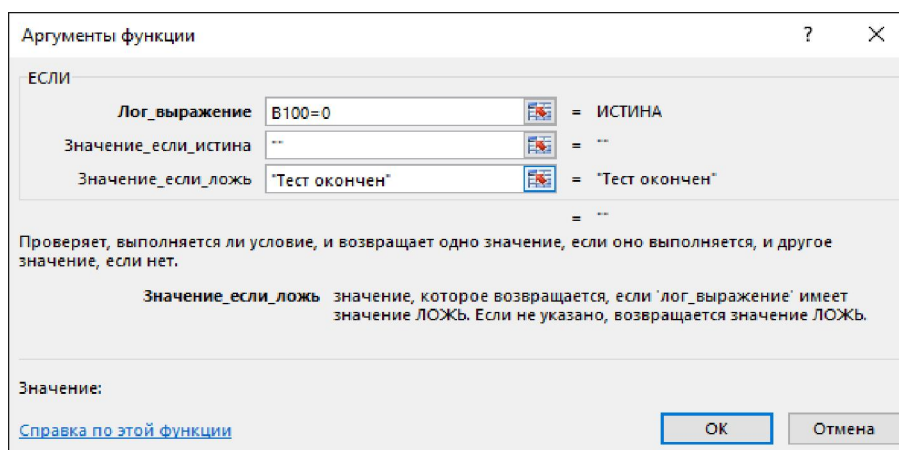

Рисунок 12 – Аргументы функции ЕСЛИ для сообщения об окончании теста

Инструкции или рекомендации по выполнению тестовых заданий, по мнению многих авторов, являются обязательной составной частью тестового задания [7]. Мы рекомендуем разместить в начале теста письменное указание (сообщение) к выполнению теста, также используя логическую функцию ЕСЛИ. Для этого возле первой ячейки с вариантами ответов необходимо выбрать соседнюю с ней ячейку, выделить ее цветом шрифта (например, красным): вкладка Главная – функция Цвет шрифта (рис. 13).

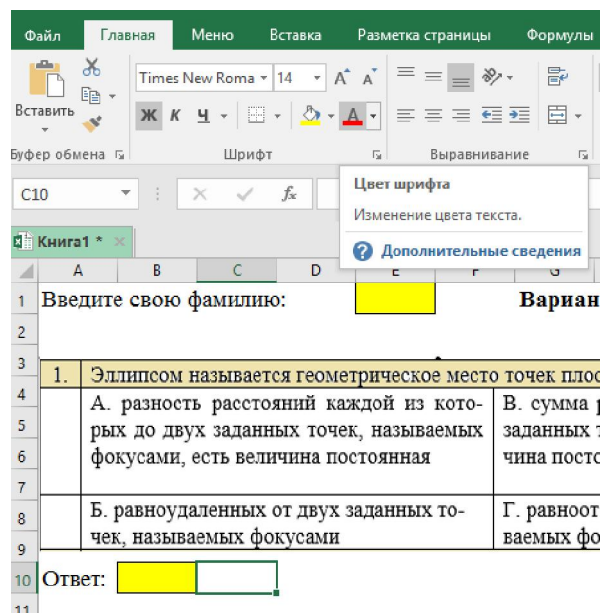

Рисунок 13 – Выбор цвета шрифта ячейки

После этого необходимо выбрать в выбранную ячейку знак « \Rightarrow », выбрать функцию ЕСЛИ и заполнить ее аргументы. Функция ЕСЛИ содержит три аргумента: Лог_выражение (определение верности высказывания о равенстве нулю первой заполняемой ячейки с вариантами ответов), Значение_если_истина (рекомендации к выполнению теста, например, «Выберите правильный ответ»), Значение_если_ложь (пустое сообщение, «») (рис. 14). Сообщение будет скрыто после выбора любого варианта ответа.

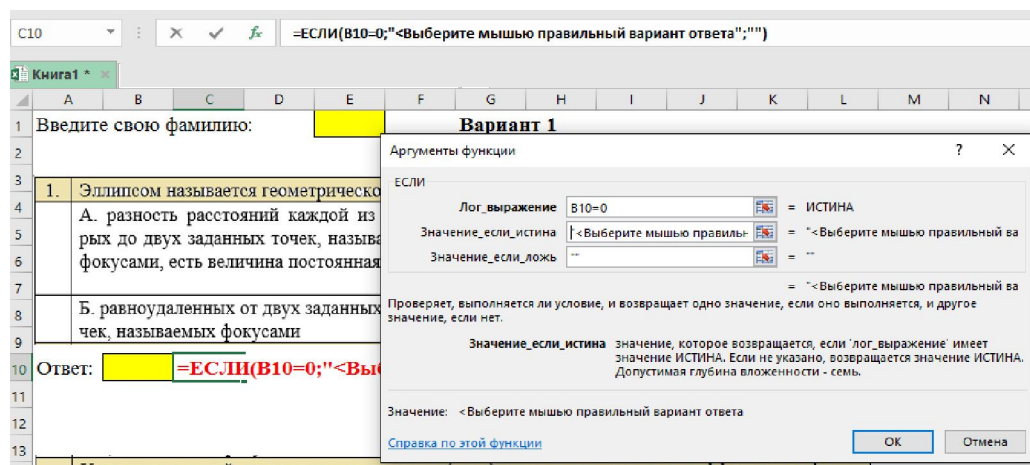

Рисунок 14 – Аргументы функции ЕСЛИ для вывода сообщения с указанием к выполнению теста

Перейдем к подведению итогов тестирования. Для подсчета результатов необходимо создать дополнительный лист. Правой кнопкой мыши выбрать команду Переименовать и ввести новое название листа, например, «Результаты» (рис. 15).

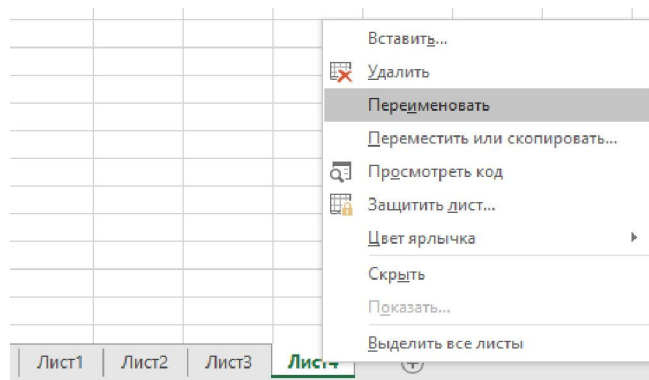

Рисунок 15 – Команда Переименовать для смены названия листа

Для точной идентификации результатов теста необходимо на листе Результаты сделать ссылку на номер варианта и фамилию студента, проходившего тестирование. Для этого на листе Результаты нужно поставить в ячейке знак «=», перейти на нужный лист и выбрать ячейку с номером варианта или фамилией студента, нажать клавишу Enter (рис. 16).

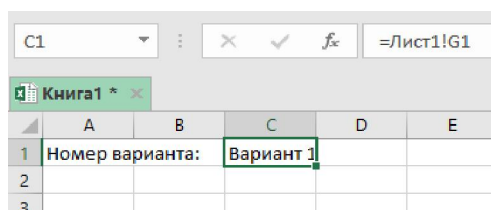

Рисунок 16 – Ввод ссылки на номер варианта и фамилию студента на листе Результаты

Для подсчета результатов тестирования на листе Результаты необходимо сделать ссылки на ячейки с вариантами ответов, выбранными студентами, которые расположены на соответствующих листах с вариантами теста (рис. 17).

Далее необходимо ввести список правильных ответов (рис. 18).

Для подсчета набранных студентом баллов можно использовать логическую функцию ЕСЛИ. Для этого в ячейке, выбранной для заполнения, необходимо поставить знак «=» и выбрать в левом верхнем углу рабочего листа функцию ЕСЛИ (рис. 19).

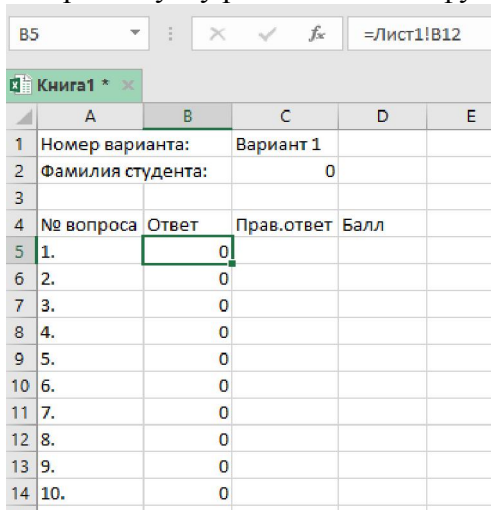

Рисунок 17 – Ввод ссылки на ячейки с выбранными вариантами ответов

4	№ вопроса	Ответ	Прав.ответ	Балл
5	1.		0 В	
6	2.		0 Б	
7	3.		0 В	
8	4.		0 А	
9	5.		0 А	
10	6.		0 В	
11	7.		0 Г	
12	8.		0 Б	
13	9.		0 А	
14	10.		0 А	

Рисунок 18 – Заполнение списка правильных ответов

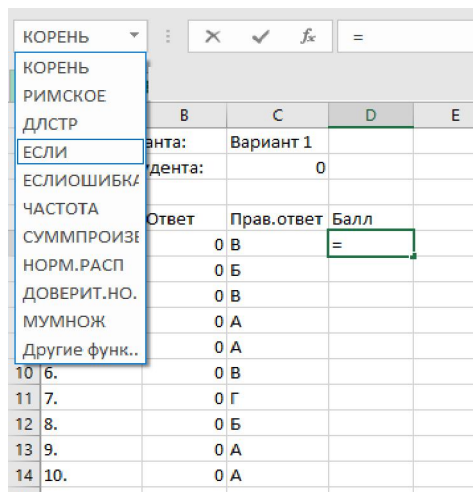

Рисунок 19 – Логическая функция ЕСЛИ для проверки правильности ответов

Функция ЕСЛИ содержит три аргумента: Лог_выражение (определение верности высказывания о равенстве значений проверяемой ячейки и ячейки с правильным ответом), Значение_если_истина (количество набранных баллов в случае правильного ответа, например, 3 балла), Значение_если_ложь (количество набранных баллов в случае неправильного ответа, обычно ноль) (рис. 20).

Для заполнения остальных ячеек в столбце Баллы достаточно выделить первую заполненную ячейку, навести курсор на ее правый нижний угол, чтобы курсор принял вид «+» и протянуть формулу вниз (рис. 21).

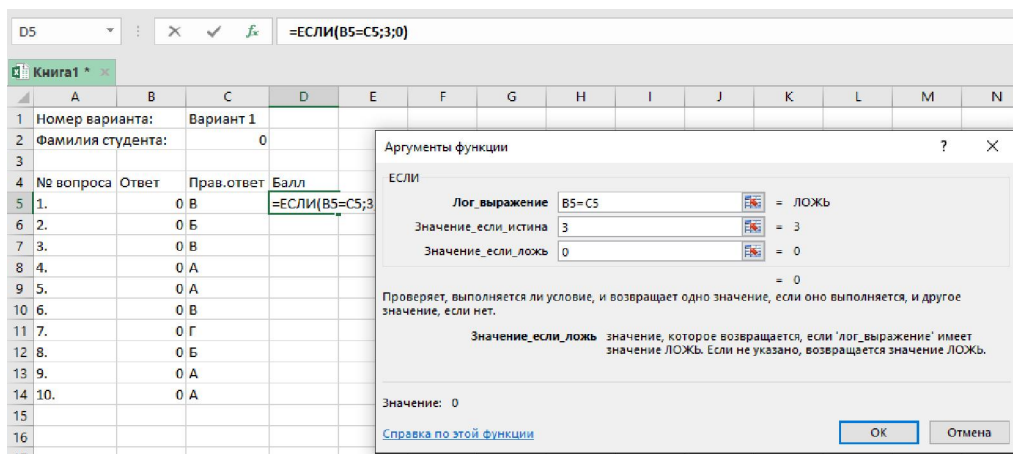

Рисунок 20 – Заполнение ячейки с набранными баллами

	A	B	C	D
1	Номер варианта:	Вариант 1		
2	Фамилия студента:	0		
3				
4	№ вопроса	Ответ	Прав.ответ	Балл
5	1.	0 В		0
6	2.	0 Б		
7	3.	0 В		
8	4.	0 А		
9	5.	0 А		
10	6.	0 В		
11	7.	0 Г		
12	8.	0 Б		
13	9.	0 А		
14	10.	0 А		
15				

Рисунок 21 – Заполнение столбца с набранными баллами

Для подсчета суммы набранных студентом баллов необходимо выделить ячейки столбца Баллы и во вкладке Главная выбрать функцию Сумма (рис. 22).

	A	B	C	D
1	Номер варианта:	Вариант 1		
2	Фамилия студента:	0		
3				
4	№ вопроса	Ответ	Прав.ответ	Балл
5	1.	0 В		0
6	2.	0 Б		0
7	3.	0 В		0
8	4.	0 А		0
9	5.	0 А		0
10	6.	0 В		0
11	7.	0 Г		0
12	8.	0 Б		0
13	9.	0 А		0
14	10.	0 А		0
15		Суммарный балл:		

Рисунок 22 – Суммирование набранных баллов

До выполнения теста студентом таблица подсчета баллов для одного варианта теста имеет следующий вид (рис. 23).

После выполнения теста студентом таблица подсчета баллов для одного варианта теста примет следующий вид (рис. 24).

	A	B	C	D
1	Номер варианта:	Вариант 1		
2	Фамилия студента:	0		
3				
4	№ вопроса	Ответ	Прав.ответ	Балл
5	1.	0 В		0
6	2.	0 Б		0
7	3.	0 В		0
8	4.	0 А		0
9	5.	0 А		0
10	6.	0 В		0
11	7.	0 Г		0
12	8.	0 Б		0
13	9.	0 А		0
14	10.	0 А		0
15		Суммарный балл:		

Рисунок 23 – Таблица подсчета баллов до выполнения теста

	A	B	C	D
1	Номер варианта:		Вариант 1	
2	Фамилия студента:		Иванов	
3				
4	№ вопроса	Ответ	Прав.ответ	Балл
5	1.	A	B	0
6	2.	B	B	3
7	3.	B	B	3
8	4.	B	A	0
9	5.	B	A	0
10	6.	Г	B	0
11	7.	A	Г	0
12	8.	B	B	3
13	9.	B	A	0
14	10.	Г	A	0
15	Суммарный балл:			9

Рисунок 24 – Таблица подсчета баллов после выполнения теста

Создав необходимое количество листов с вариантами теста, можно вынести результаты тестирования и количество баллов, набранных студентами, на лист Результаты (рис. 25). Номер листа соответствует варианту студента.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N
1	Номер варианта:		Вариант 1			Номер варианта:		0			Номер варианта:		0	
2	Фамилия студента:		Иванов			Фамилия студента:		0			Фамилия студента:		0	
3														
4	№ вопроса	Ответ	Прав.ответ	Балл		№ вопрос	Ответ	Прав.отве	Балл		№ вопрос	Ответ	Прав.отве	Балл
5	1.	A	B	0		1.	0 A	0	0		1.	0 B	0	0
6	2.	B	B	3		2.	0 B	0	0		2.	0 A	0	0
7	3.	B	B	3		3.	0 A	0	0		3.	0 B	0	0
8	4.	B	A	0		4.	0 A	0	0		4.	0 Г	0	0
9	5.	B	A	0		5.	0 B	0	0		5.	0 A	0	0
10	6.	Г	B	0		6.	0 A	0	0		6.	0 Г	0	0
11	7.	A	Г	0		7.	0 B	0	0		7.	0 B	0	0
12	8.	B	B	3		8.	0 B	0	0		8.	0 A	0	0
13	9.	B	A	0		9.	0 B	0	0		9.	0 A	0	0
14	10.	Г	A	0		10.	0 B	0	0		10.	0 B	0	0
15	Суммарный балл:			9		Суммарный балл:			0		Суммарный балл:			0

Рисунок 25 – Таблицы подсчета баллов для нескольких вариантов теста

Для сведения результатов в одну таблицу и их анализа целесообразно создать сводную таблицу успеваемости (рис. 26). При этом в столбце ФИО необходимо сделать ссылки на ячейки с фамилиями студентов, а в столбце суммарных баллов («Сумм. Балл» на рис. 26) – ссылки на ячейки с суммарными баллами, выделенные цветом.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	
1	Номер варианта:		Вариант 1			Номер варианта:		0			Номер варианта:		0			Группа:			
2	Фамилия студента:		Иванов			Фамилия студента:		0			Фамилия студента:		0				ФИО	Сумм.балл	
3																	1.	Иванов	9
4	№ вопроса	Ответ	Прав.ответ	Балл		№ вопрос	Ответ	Прав.отве	Балл		№ вопрос	Ответ	Прав.отве	Балл		2.		0	0
5	1.	A	B	0		1.	0 A	0	0		1.	0 B	0	0		3.		=M2	0
6	2.	B	B	3		2.	0 B	0	0		2.	0 A	0	0		4.			
7	3.	B	B	3		3.	0 A	0	0		3.	0 B	0	0		5.			
8	4.	B	A	0		4.	0 A	0	0		4.	0 Г	0	0		6.			
9	5.	B	A	0		5.	0 B	0	0		5.	0 A	0	0		7.			
10	6.	Г	B	0		6.	0 A	0	0		6.	0 Г	0	0		8.			
11	7.	A	Г	0		7.	0 B	0	0		7.	0 B	0	0		9.			
12	8.	B	B	3		8.	0 B	0	0		8.	0 A	0	0		10.			
13	9.	B	A	0		9.	0 B	0	0		9.	0 A	0	0					
14	10.	Г	A	0		10.	0 B	0	0		10.	0 B	0	0					
15	Суммарный балл:			9		Суммарный балл:			0		Суммарный балл:			0					

Рисунок 26 – Создание сводной таблицы

Для того чтобы проверить правильность составления теста, необходимо провести предварительную проверку, правильно ответив на вопросы теста и проверив полученные результаты в сводной таблице на листе Результаты (рис. 27).

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	
1	Номер варианта:	Вариант 1			Номер варианта:			Вариант 2			Номер варианта:			Вариант 3			Группа:		
2	Фамилия студента:	Иванов			Фамилия студента:			Петров			Фамилия студента:			Сидоров			ФИО		
3																	1.	Иванов	30
4	№ вопроса	Ответ	Прав.ответ	Балл	№ вопрос	Ответ	Прав.ответ	Балл	№ вопрос	Ответ	Прав.ответ	Балл	№ вопрос	Ответ	Прав.ответ	Балл	2.	Петров	30
5	1.	В	В	3	1.	А	А	3	1.	В	В	3	1.	В	В	3	3.	Сидоров	30
6	2.	Б	Б	3	2.	Б	Б	3	2.	А	А	3	2.	А	А	3	4.		
7	3.	В	В	3	3.	А	А	3	3.	Б	Б	3	3.	Б	Б	3	5.		
8	4.	А	А	3	4.	А	А	3	4.	Г	Г	3	4.	Г	Г	3	6.		
9	5.	А	А	3	5.	Б	Б	3	5.	А	А	3	5.	А	А	3	7.		
10	6.	В	В	3	6.	А	А	3	6.	Г	Г	3	6.	Г	Г	3	8.		
11	7.	Г	Г	3	7.	В	В	3	7.	Б	Б	3	7.	Б	Б	3	9.		
12	8.	Б	Б	3	8.	Б	Б	3	8.	А	А	3	8.	А	А	3	10.		
13	9.	А	А	3	9.	В	В	3	9.	А	А	3	9.	А	А	3			
14	10.	А	А	3	10.	В	В	3	10.	Б	Б	3	10.	Б	Б	3			
15		Суммарный балл: 30			Суммарный балл: 30			Суммарный балл: 30											

Рисунок 27 – Лист Результаты после предварительной проверки правильности составления теста

После того, как выполнена проверка правильности составления теста, необходимо скрыть лист Результаты с таблицами подсчета набранных баллов и сводной таблицей. Для этого необходимо навести курсор на название листа Результаты и правой кнопкой мыши выбрать команду Скрыть (рис. 28).

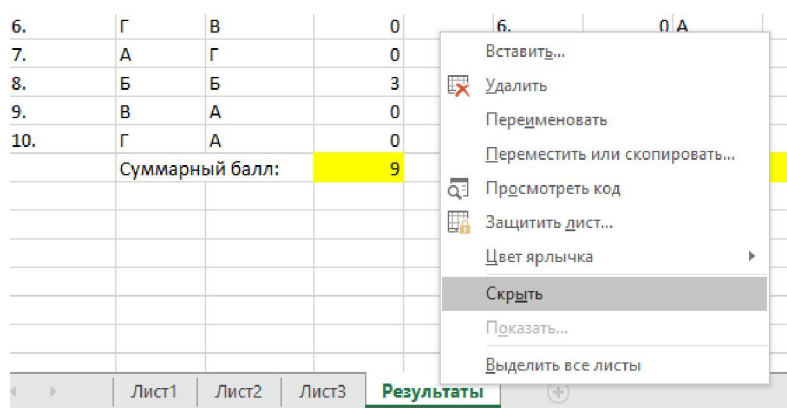

Рисунок 28 – Команда Скрыть для скрытия листа Результаты

После выполнения теста студентами для анализа результатов тестирования по группе студентов необходимо отобразить данные ранее скрытого листа Результаты. Для этого необходимо навести курсор на название последнего листа и правой кнопкой мыши выбрать команду Показать (рис. 29).

После этого необходимо выбрать лист Результаты в появившемся списке (рис. 30).

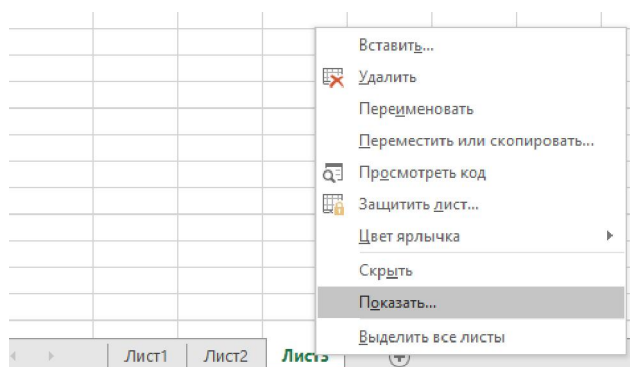

Рисунок 29 – Команда Показать для отображения скрытого листа

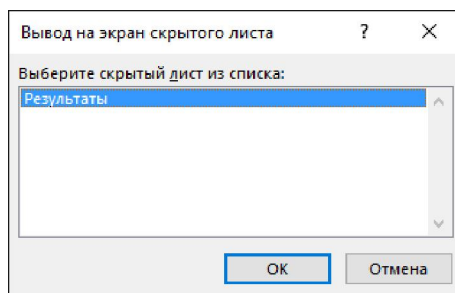

Рисунок 30 – Список скрытых листов

При проведении тестирования на более ранних версиях пакета MSExcel целесообразно сохранить файл с вариантами теста в формате *. xls. Кроме того, версии MSExcel до 2016 года позволяли переход в полноэкранный режим, при котором скрываются пользовательский интерфейс Microsoft Office, строка формул и строка состояния. Для перехода в полноэкранный режим в версиях MSExcel до 2013 года необходимо перейти во вкладку Вид – Представления книги – Во весь экран. Для выхода из этого режима достаточно нажать клавишу ESC. К сожалению, в последних версиях MSExcel полноэкранный режим недоступен [8].

Введите свою фамилию: **Вариант 1**

1.	$\int \frac{dx}{\sqrt{x}}$ равен	А. $\sqrt{x} + c$	Б. $2\sqrt{x} + c$	В. $\ln \sqrt{x} + c$	Г. $2\sqrt{x^{-1}} + c$
----	----------------------------------	-------------------	--------------------	-----------------------	-------------------------

Ответ: Выберите мышью правильный вариант ответа

2.	$\int \frac{1}{16+m^2}$ равен	А. $\arctg(4+m) + c$	Б. $\arctg\left(\frac{m}{4}\right) + c$
		В. $\frac{1}{4} \arctg\left(\frac{m}{4}\right) + c$	Г. $\frac{1}{16} \arctg\left(\frac{m}{16}\right) + c$

Ответ:

Рисунок 31 – Вариант теста

Таким образом, пакет MSExcel дает возможность доступными средствами создавать педагогические тесты (рис. 31) и проводить тестирование в условиях образовательного пространства вуза. Создание тестов в этом пакете не требует изучения специальных программ для проведения тестирования и доступно для опытных пользователей ПК. Кроме того, пакет MSExcel является стандартным пакетом MSOffice, и проведение тестирования с использованием этого пакета не требует установки дополнительного лицензионного программного обеспечения.

На наш взгляд, пакет MSExcel является доступным и достаточно эффективным средством создания педагогических тестов. Дальнейшей разработки требуют вопросы создания педагогических тестов с помощью других стандартных пакетов MSOffice, таких как MS Word и MS Power Point. Детального изучения требуют также вопросы оценки сложности тестовых заданий, формы тестовых заданий, количества заданий в тесте и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзундза А. И. Потенциал математического образования в формировании личности представителей «цифрового поколения» / А. И. Дзундза, В. А. Цапов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – №2 (83). – Гомель, 2014. – С. 57-63.
2. Овчаренков Э. А. Методика применения тестирования как одного из видов контроля и проверки знаний студентов вузов [Электронный ресурс] / Э. А. Овчаренков // Современные проблемы науки и образования. Педагогические науки. – №5. – 2014. – 8 с. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14967> (Дата обращения: 19.01.17).
3. Харламов И. Ф. Педагогика: Учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2003. – 519 с.
4. Баранова Ю. П. Технология составления компьютерных тестов средствами MS Excel [Электронный ресурс] / Современные научные исследования и инновации. №3. – 2012. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2012/03/10185> (Дата обращения: 15.02.2017).
5. Орлова М. И. Создание тестов средствами Microsoft office. [Электронный ресурс] / М. И. Орлова, Т. В. Горохова. – Режим доступа: <http://prosdo.ru/ouazoc/Орлова+М.+И.+Создание+тестов+средствами+Microsoft+office/main.html> (Дата обращения: 15.02.2017)
6. Данилевич С. Б. Электронное тестирование средствами MS Office / С. Б. Данилевич, В. А. Кирвас // Системи обробки інформації, выпуск 5 (86). – Харків, 2010. – С. 258-261.
7. Красильникова В. А. Теория и технологии компьютерного обучения и тестирования. Монография / В. А. Красильникова. – Москва: Дом педагогики, ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 339 с.
8. Центр справки Excel [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://support.office.com/ru-ru/article/Как-переключаться-между-обычным-и-полноэкранным-режимами-cbf43625-3fbc-48ca-9ed7-1fc678f3a0cc> (Дата обращения: 01.09.2017).

Поступила в редакцию 25. 12. 2017 г.

MICROSOFT EXCEL AS EFFECTIVE MEANS OF REALIZATION OF TECHNOLOGY OF PEDAGOGICAL TESTING

Chudina E. Y.

Possibilities of creation of pedagogical tests facilities of Microsoft Excel are considered in the article. An example of creation of electronic test is made for the control testing, illustrated by corresponding images.

Keywords: electronic testing, pedagogical tests, creation of tests, Microsoft Excel.

Чудина Екатерина Юрьевна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры физики, математики и
материаловедения
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры»
e-mail: eka-chudina@ya.ru

Chudina Yekaterina Yurievna

Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor at the Department of Physics,
Mathematics and Materials Science
SCE HPE “Donbass National Academy of Civil
Engineering and Architecture”
e-mail: eka-chudina@ya.ru

УДК 374.1

К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕДЖА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

© 2018. Н. В. Гризодуб.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена организации самостоятельной работы студентов в учебном процессе колледжа технического профиля. В статье представлены анализ научной литературы, позволяющий выделить основные направления в характеристике самостоятельной работы, уточнено понятие «самостоятельная работа студентов колледжа технического профиля». В статье самостоятельная работа студентов рассматривается как основная форма учебного процесса колледжа технического профиля.

Ключевые слова: учебный процесс, самостоятельная работа, компоненты структуры самостоятельной работы.

В настоящее время профессиональная подготовка специалистов в рамках условий получения образования в колледже технического профиля предусматривает сокращение часов аудиторной обязательной нагрузки и увеличение доли самостоятельной работы студентов (до 50%)[3]. Таким образом в современном образовательном пространстве СПО, изменяется роль самостоятельной работы и ее значение, она становится основой для обеспечения качества образования.

Целью данной работы является исследование организации самостоятельной работы студентов в учебном процессе колледжа технического профиля.

Анализ состояния изучаемой проблемы показал, что ряд ее аспектов нашли отображение в современных исследованиях. Ей посвящены исследования В. А. Козакова, Г. И. Зорина, И. А. Зимней, И. Э. Унта, П. И. Пидкасистый, Г. С. Костюк и др.

В. А. Козаков утверждает, что главной целью самостоятельной работы является развитие самостоятельности личности: «самостоятельная работа - это специфический вид учебной деятельности, главной целью которого является формирование самостоятельности субъекта обучения, а формирования его умений, знаний и навыков осуществляется опосредствованно через содержание и методы всех видов занятий»[6, с. 14].

Г. И. Зорина [5] рассматривает самостоятельную работу студентов, как одной из активных форм обучения, которая способствует формированию у них знаний, умений и навыков, направленных на самостоятельное, творческое решение поставленных задач, возникающих в практической деятельности будущего специалиста.

Анализ работ И. А. Зимней позволяет нам установить, что, по мнению автора, самостоятельная работа есть всегда внутренне мотивированная деятельность, выполнение которой, требует достаточно высокого уровня самосознания, самодисциплины, личной ответственности, рефлексивности, тем самым приносит удовлетворение как процесс самопознания и самосовершенствования обучаемого, а именно: «самостоятельная работа должна быть осознана как свободная по выбору, внутренне мотивированная деятельность, ... предполагает выполнение обучающимся целого ряда входящих в неё действий: осознания цели своей деятельности, принятия учебной задачи, придания ей личностного смысла..., подчинение выполнению этой задачи других интересов и форм своей занятости, самоорганизация в распределении учебных действий во времени, самоконтроля в их выполнении» [4, с. 250]. Автор также в организации учебного процесса выделяет три вида самостоятельной работы:

аудиторную (на занятиях), внеаудиторную (домашнюю), и собственно самостоятельную работу. Именно самостоятельная работа учащегося может служить основой перестройки его личностной позиции в учебном процессе» [4, с. 61].

Согласно И. Э. Унту, «самостоятельная работа» учащихся – это такой способ учебной работы, где 1) учащимся предлагаются учебные задания и руководства для их выполнения; 2) работа проводится без непосредственного участия учителя, но под его руководством; 3) выполнение работы требует от учащегося умственного напряжения» – писал И. Э. Унт [9, с. 135]. Также автор классифицирует самостоятельную работу по организации - работа на уроке (в рамках проведения урока, семинара, лабораторно-практических занятий и т. д.), и вне урока, т. е. дома; по активизации - индивидуальную и групповую. Причем автор считает самостоятельную работу более эффективной, чем фронтальную, так как самостоятельная работа позволяет учителю вовлечь в процесс обучения всех учеников, а учителю, в свою очередь, оценить достижения учеников на занятии.

П. И. Пидкасистый утверждал, что самостоятельная работа – это не форма организации учебных занятий и не метод обучения. Ее правомерно рассматривать как средство вовлечения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность средство ее логической и психологической организации [8]. Г. С. Костюк считает ее одновременно и средством, и результатом учебной деятельности студента [7, с. 4].

В своих работах ученые акцентируют внимание на отдельных ее особенностях: она является рационально спланированной, организационно и методически направленной; выполняется в умственном плане и завершается в виде результатов, которые можно проверить: схемы, отчеты и др.; является неотъемлемым условием сознательного усвоения знаний на всех стадиях учебного процесса, выполняется под руководством преподавателя, но без его непосредственного участия, контролируется самим обучаемым путем самоконтроля. Самостоятельная учебная работа может быть как индивидуальная, так и групповая; она осуществляется и на аудиторных занятиях, и во внеаудиторное время. Но, в большинстве формулировок термина «самостоятельная работа» присутствует утверждение – «без участия преподавателя». Понятие самостоятельной работы как способа самообразования присутствует в 8,6 % формулировок.

Анализируя понятие "самостоятельная работа", можно сделать вывод о том, что однозначной его трактовки нет, нет и единого подхода, несмотря на то, что многие исследователи давали свое определение самостоятельной работе.

Таким образом, анализ научной литературы позволил условно выделить основные направления в характеристике самостоятельной работы. Итак, самостоятельная работа это:

- 1) один из видов (форм) учебной деятельности;
- 2) познавательная деятельность;
- 3) метод обучения;
- 4) прием обучения;
- 5) организационная форма учебных занятий;
- 6) способ самообразования;
- 7) средство усвоения знаний, обретения практических умений;
- 8) средство вовлечения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность
- 9) средство организации познания;
- 10) способ формирования активности;
- 11) процесс самопознания;
- 12) способ саморазвития;

13) способ самоконтроля за эффективностью учебно-познавательной деятельности;

14) самооценка собственной деятельности;

15) метод стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности;

16) результат учебной деятельности;

Таким образом, самостоятельную работу одновременно можно отнести и к видам учебной деятельности, и к средствам организации учебного познания обучаемых.

Некоторые авторы, отождествляют самостоятельную работу, как комплекс педагогических условий, другие делают акцент на содержании заданий, их дифференциации. Ряд авторов пытается соотнести самостоятельную работу с самообразованием, саморазвитием личности.

Проведенный анализ научной литературы позволил выделить разные подходы и определить наиболее существенные признаки категории "самостоятельная работа".

Обобщение выше изложенного позволило сделать вывод о том, что самостоятельная работа:

1) организовывается преподавателем и осуществляется под его руководством (прямым или опосредствованным);

2) происходит без прямого участия преподавателя;

3) студент должен сам организовать собственную деятельность;

4) главной целью ее есть развитие самостоятельности личности;

5) цель такой работы определяет преподаватель;

6) в процессе такой работы студенты учатся контролировать и оценивать свою деятельность [1].

Изучение значительного количества научных источников по проблеме исследования подтверждает необходимость обоснования понятия самостоятельной работы студентов колледжа, потому что организация обучения в этих учебных заведениях отличается как от обычной классно-урочной системы, так и от системы, которая действует в университетах, институтах. Поэтому, на наш взгляд, существует потребность в уточнении понятия "самостоятельная работа" относительно студентов указанных учебных заведений. На наш взгляд самостоятельная работа студентов колледжа будет только тогда эффективной, когда преподавателем будут учитываться все компоненты ее структуры, а именно: наличие положительной мотивации к учению и приобретению новых знаний; четкого осознания обучаемым поставленных учебных целей и задач; наличие алгоритма выполнения задания, знание метода выполнения работы, знание студентом способов ее выполнения; организации преподавателем учебной деятельности, которая плавно перетекает в самоорганизацию студентом собственных учебных действий; оценки уровня усвоения учебного материала, выполнение поставленных задач, соблюдения целей, структуры занятия преподавателем, также постепенно перерастает в самооценку студента собственной деятельности.

Исходя из вышеизложенных компонентов структуры самостоятельной работы, мы придерживаемся следующей формулировки «самостоятельной работы» студентов относительно обучения в колледже технического профиля. Самостоятельная работа – это планомерная работа студентов направленная на выполнение поставленных целей и задач, происходящая при методическом сопровождении преподавателя, но без его прямого участия [1].

Результаты категориального анализа, а также исследование специфики учебного процесса позволяют уточнить: самостоятельная работа студентов колледжа технического профиля - это вид учебной деятельности, направленный на усвоение

студентами новых знаний, усовершенствование навыков самостоятельного познания, формирование практических умений, необходимых для будущей профессиональной деятельности; она организовывается и направляется преподавателем, но осуществляется без его непосредственного участия. На наш взгляд, такое определение учитывает существенные признаки самостоятельной работы и более всего отвечает направлению представленного исследования.

Итак, в учебном процессе колледжа технического профиля самостоятельная работа представляет собой полифункциональное явление. Она позволяет повысить эффективность усвоения знаний, развивать познавательные способности, учить самоорганизации, умению предусматривать и оценивать возможный результат самостоятельной учебной работы, планировать и корректировать собственную деятельность, формировать навыки профессионального самообразования. В процессе активной самостоятельной работы развивается самостоятельность студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Закон об образовании» МОН ДНР Принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 19. 06. 2015 года (Постановление №1-233П-НС).
2. Гризодуб Н. В., Чернышев Д. И. Теоретический анализ проблемы самостоятельной работы студентов колледжа технического профиля // *International scientific review*. – 2017. – №02 (33). – С. 70.
3. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222с.
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд. доп., испр. и перераб. – М.: Университетская книга: Логос, 2007. – 384 с.
5. Зорина Г. И. Организация самостоятельной работы студентов по дисциплине «Физическая химия» / Г. И. Зорина, Г. М. Курунина, Г. М. Бутов // *Современные наукоемкие технологии*. – 2010. – №7 – С. 15-18.
6. Козаков В. А. Самостоятельная работа студентов и ее информационно-методическое обеспечение: учеб. пособ. – К.: Выща шк., 1990. – 248 с.
7. Костюк Г. С. Навчально-виховний процес і психологічний розвиток особистості. – К.: Рад. шк., 1989. – 608 с.
8. Пидкасистый П. И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении: теоретико-экспериментальное исследование / Павел Иванович Пидкасистый. – М.: Педагогика, 1980. – 240с.
9. Унт И. Э. Индивидуализация и дифференциация обучения. – М.: Педагогика, 1990. – 204 с.

Поступила в редакцию 22. 04. 2018 г.

TO THE PROBLEM OF THE ORGANIZATION OF THE INDEPENDENT WORK OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE COLLEGE OF THE TECHNICAL PROFILE

N. V. Grizodub

The article is devoted to the organization of independent work of students in the educational process of a technical college. The article presents an analysis of scientific literature that allows to identify the main directions in the description of independent work, the concept of "independent work of college students of a technical profile" is specified. In the article, the independent work of students is considered as the main form of the educational process of a college of technical profile.

Key words: educational process, independent work, components of the structure of independent work.

Гризодуб Наталья Викторовна
Аспирант кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: natalyagrizodub@mail. ru

Grizodub Natalya Viktorovna
post-graduate student of pedagogy department
SEI HPE "Donetsk National University"
e-mail: natalyagrizodub@mail. ru

УДК: [378.091.2:316.647.5]–057.87

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВУЗА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

© 2017. В. Н. Десянченко

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье анализируется одно из педагогических условий обеспечивающее успешный процесс социальной адаптации студентов будущих социальных работников к условиям профессиональной среды Луганской Народной Республики. Автор статьи приходит к выводам, что образовательно-воспитательное пространство вуза как фактор процесса успешного формирования толерантности у студенческой молодежи занимает определяющее место в системе необходимых и достаточных условий формирования толерантности в процессе профессиональной подготовки студентов – будущих социальных работников.

Ключевые слова: образовательно-воспитательное пространство, толерантность, профессиональная подготовка, студенческая молодежь.

Современное общество характеризуется нестабильностью в политической, социальной, экономической сферах. Как следствие у людей возникают проблемы с общением, напряженность, что может послужить инициализирующим фактором для проявления интолерантности в кризисных ситуациях. В связи с этим расширяется спектр исследований, направленных на изучение сущности, этапов и условий формирования толерантности как конструктивной формы взаимодействия. Вопрос воспитания толерантности особенно актуален для студентов будущих социальных работников, поскольку современное кризисное общество остро нуждается в специалистах социальной работы. Специалист социальной помощи должен быть готов к принятию происходящих в обществе событий, конструктивному диалогу и действовать в интересах человека, нуждающегося в предоставлении ему квалифицированной профессиональной помощи.

Целью нашей статьи является описание одного из условий, влияющего на результат формирования толерантности у студентов будущих социальных работников. В современной науке педагогические условия понимаются как управляемые, обстоятельства, воздействия, среда. По утверждению Е. Бережновой, в отличие от факторов, существуют объективные условия, которые создает сам исследователь [1]. Поэтому мы рассмотрим одно из педагогических условий формирования толерантности, созданные в зависимости от поставленных задач.

На основе анализа научных трудов ученых, занимающихся проблемой толерантности личности (Г. А. Асмолов, Г. У. Солдатова, Е. Г. Луковицкая, Г. Олпорт, Е. В. Тишков, В. В. Бойко, Л. Г. Дикая, В. В. Семикина, Л. Митина), мы определили сущность педагогической толерантности будущих социальных работников, которая в совокупности отличается признаками толерантного человека и проявляется в профессиональной деятельности через его толерантное поведение: альтруизм, толерантность к неопределенности, адекватность образа «Я» и самооценки, рефлексивность, внутренний локус контроля, коммуникативную толерантность, эмпатию, креативность, психологическую устойчивость.

Разработку условий формирования толерантности мы определяем концептуальными положениями, на которые опирались при прогнозировании системы необходимых педагогических условий формирования толерантности.

Основное концептуальное положение заключается в том, что мы разрабатываем условия исходя из социально-педагогической парадигмы феномена толерантности, суть которой, в нашем случае, сводится к тому, что одним из основных факторов формирования толерантности будущих профессионалов есть наличие специально созданного образовательно-воспитательного пространства вуза, который, прежде всего, способствует формированию мотивационно-ценностного компонента толерантности. Образовательно-воспитательное пространство вуза обеспечивает двоякий процесс профессиональной подготовки (обучение, которое осуществляется средствами предметной подготовки: учебные планы по специальности «Социальная работа», а также дисциплины, которые нацелены на формирование толерантности у студентов будущих социальных работников) и воспитание личности будущего социального работника, понимаемое нами как формирование направленности личности, которая включает в себя систему интересов, желаний, стремлений, идеалов, мировоззренческий компонент и высшее образование в структуре направленности личности – её убеждения.

Первое условие формирования толерантности у будущих социальных работников в процессе профессиональной подготовки мы сформулировали как обеспечение наличия образовательно-воспитательного пространства вуза, которое будет способствовать формированию мотивационно-целевой составляющей толерантности.

В Законе ЛНР «Об образовании» от 30 сентября 2016 года [2], отмечается, что стратегическим направлением государственной политики в сфере образования является гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности и т. д., т. е. основой которого является принцип приоритетности гуманизма-человеколюбия. Указанный Закон обуславливает нормативный аспект рассматриваемого условия.

Реализация этого принципа предусматривает, прежде всего, всестороннее воспитание у молодежи качеств гуманизма-толерантности. Особая роль в процессе формирования и развития личности студента принадлежит образовательно-воспитательному пространству учреждения образования. Психология и педагогическая наука выделяют несколько видов пространства: пространства учреждения образования района, региона; образовательное, воспитательное, социальное пространства; пространство возможностей, жизненное, персональное, развивающее, инновационное и другие. Образовательно-воспитательное пространство – наиболее разработанная категория пространства, которое состоит из двух частей – образовательного и воспитательного. Оно связано с определённой территорией, поэтому его можно рассматривать как целостный, многопрофильный и многофункциональный образовательный комплекс, характеризующийся наличием в нем системообразующих и системосвязующих элементов.

Системообразующие элементы – это учреждения образования, обладающие высоким образовательным потенциалом (в нашем случае это университет. К системосвязующим элементам относятся: единая стратегия, ориентированная на приоритеты гуманистической педагогики, что имеет место в Законе ЛНР «Об образовании» от 30.09.2016 г.; общая территориальная субкультура; образовательные сообщества, образовательная интеграция (с Российской Федерацией). Образовательно-воспитательное пространство рассматривается нами как специально организованная педагогами и учащимися «среда в среде», которая создаёт принципиально новые возможности развития личности по отношению к уже имеющимся (по мнению Л. И. Новиковой) [3].

Структурной единицей образовательно-воспитательного пространства в нашем случае является вуз, в котором это пространство создано, а механизмом его создания

является взаимодействие субъектов, коллективов, объединённых пониманием педагогических задач, едиными дидактическими принципами и подходами. Образовательно-воспитательное пространство – это качественная характеристика микросоциума, от которой зависит успешность адаптации личности в социуме, уменьшение риска превращения её в жертву неблагоприятных условий социализации, и как следствие успешного становления человека как гражданина и профессионала своего дела [4].

Образовательно-воспитательное пространство вуза – это территория культуры, природы, искусства, предметного окружения студентов, научно-педагогические работники, этнический культурный опыт, друзья, средства массовой коммуникации, СМИ (Интернет, телевидение, пресса, книжные издания и др.). Все это имеет в основном стихийное влияние на личность. Не каждый студент будет его целенаправленно осваивать и присваивать. Поэтому важной составляющей здесь является совместная деятельность педагогов и учащихся в одном пространстве – образовательно-воспитательном пространстве вуза, цель которой – направить молодых людей в необходимое русло учебно-воспитательного процесса. Это предполагает выстраивание структуры отношений, соответствующее оформление учреждения образования и мест проживания студентов. Формированию данного пространства способствуют содержательно-предметное оформление учебных кабинетов и лабораторий; окультуривание территории вуза, организация специальных встреч студентов в свободное время (центров, клубов, сообществ), мест для проведения совместных учебно-научно-воспитательных мероприятий; издание учебно-методической литературы. Эти направления деятельности реализуются не стихийно, а организовано и целенаправленно. Отсюда вытекает значимость управления процессом формирования и обогащения образовательно-воспитательного пространства. Именно педагогически управляемое пространство играет решающую роль как в плане образования, так и воспитания молодых людей в процессе профессиональной подготовки [5, с. 5].

Кроме этого, выделение образовательно-воспитательного пространства вуза в качестве условия формирования толерантности у будущих социальных работников, обусловлено следующими факторами.

Во-первых, время обучения в высшем учебном заведении – это период, когда особенно интенсивно происходит развитие, воспитание и становление личности студента, осуществляется его профессиональная подготовка. В этот период влияние семьи несколько ослабевает, ее воздействие становится не ярко выраженным, но усиливается роль самовоспитания, повышается влияние на личность окружающего пространства, студенческого сообщества. Это сенситивный период для развития интеллекта, отработки системы ценностей и формирования мировоззрения, укрепления физических сил и здоровья, развития творческих способностей студенческой молодежи. В то же время вуз является той «территорией», где на студента объективно влияют источники воспитания, вступают в силу определенные педагогические закономерности и принципы воспитания. Все это указывает на необходимость образовательной деятельности в высших учебных заведениях с опорой на развитие образовательно-воспитательного пространства вуза [6, с. 488–492], которое отождествляется с понятием «воспитательная система». В этой связи мы можем рассматривать образовательно-воспитательное пространство вуза как сложноорганизованную педагогическую систему, структурные элементы которой используются субъектами образовательного процесса для освоения и трансляции гуманистических ценностей, и в первую очередь, ценностей толерантности.

Целостность образовательно-воспитательного пространства – это результат разнообразия, как его элементов, так и связей между ними при единственной педагогической концепции. Также целостность и стабильность воспитательного пространства обеспечиваются гибкостью его структуры. В то же время воспитательное пространство не может развиваться поступательно и линейно. Нестабильность и неравномерность является демонстрацией живого и способного к развитию образовательно-воспитательного пространства.

В структуре образовательно-воспитательного пространства высшего учебного заведения центральным является студенческий и преподавательский коллектив. Поэтому можно говорить, что воспитательное пространство вуза возникает как результат инициативной деятельности ректората, профессорско-преподавательского коллектива вуза, а также как результат деятельности студентов по освоению жизненного пространства, в основе, которой лежат личностные потребности. В вузе между двумя этими точками находятся разные социальные институты, которые принимают участие в этом процессе. Среди них: институт управления учебно-воспитательным процессом; институт заместителей деканов (директоров) по воспитательной и социальной, а также учебно-методической работе; институт кураторов; институт студенческого самоуправления. Деятельность каждого из указанных выше институтов направлена на выполнение своей локальной задачи, связанной в первую очередь с получением образования и воспитания студентов в духе толерантности [7].

Во-вторых, образовательно-воспитательное пространство вуза как условие формирования толерантности личности адекватно поликультурному образовательному пространству [8; 9; 10; 11, с. 93-96; 12]. В свою очередь поликультурное образовательное пространство выступает как условие сохранения разнообразия культур, этносов, религий, исторического права на отличие, непохожесть, знаковость этносов и народов в рамках образовательной политики национального этнокультурного образования в современном обществе. Здесь речь идет о том, чтобы реализовать акцент самоопределения, социальной самоидентификации студента, формирования его гражданской позиции, осознание своей принадлежности к Отечеству, с одной стороны и толерантной позиции по отношению к инокультурным и национальным группам всего мира. Образовательно-воспитательное пространство вуза адекватное поликультурному образовательному пространству, своими средствами разрешает проблему толерантности, которая превратилась в настоящее время в одну из главных проблем мировой гуманитарной мысли. Это связано с падением нравственности, нарушением прав человека, общечеловеческими, конфессиональными и межэтническими конфликтами.

Культура мира, толерантность, которую мы в настоящее время пытаемся привить подрастающему поколению, есть культура принятия другого, терпимости к нему, его способу мышления и поведения. Не случайно в «Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО» говорится: «Толерантность – это уважение, принятие и высокая оценка богатого разнообразия наших мировых культур, форм выражения и способов человеческого бытия. Она воспитывает знание, открытостью, коммуникацией и свободой мысли, совести и верований». Толерантность как основополагающая ценность культуры дает возможность мирного сосуществования и развития культурного плюрализма в рамках современной мультикультурной цивилизации. Необходимо отметить, что впервые определение понятия «поликультурное образование» было дано в Международном педагогическом словаре (Лондон, 1977): «поликультурное образование – полиэтничная (поликультурная) образовательная

ситуация, когда носитель одной культурной системы вступает в контакт с ценностями другой или других культур, представленных в данном учебном заведении». В отмеченном смысле для обозначения полиэтнического образования употребляются несколько однопорядковых терминов, среди которых поликультурное (мультикультурное), кросс-культурное, межкультурное, интеркультурное образование и тому подобное. Все эти термины охватывают формальное образование, у которого представлены две и более культуры.

Однако современная трактовка сущности полиэтнического (поликультурного) образования, которое мы и берем за основу, более содержательная, так как она предусматривает усвоение знаний о разных культурах, уяснение общего и особенного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, обращает внимание на важность воспитания толерантности по отношению к носителям инокультурной системы. Поэтому целью полиэтнического образования является формирование человека, способного к эффективной жизнедеятельности в поликультурной среде, которая владеет развитым чувством понимания и уважения других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований.

В-третьих, образовательно-воспитательное пространство адекватно воспитательному пространству, и, по своей сути представляет собой специально организованную, структурированную систему педагогических факторов становления личности, а значит и условием формирования такого ее интегративного качества, как толерантность. В пользу сказанного свидетельствуют нижеприведенные определения и высказывания различных авторов.

Так, в словаре под редакцией Г. М. Коджаспаровой, воспитательное пространство определяется как «педагогически целесообразно организованная среда, которая объединяет отдельных воспитанников или определенные группы и сообщества и оказывающая позитивное влияние, осознанно или неосознанно воспринимаемое каждым из них» [13, с. 275]. В трактовке Л. И. Новиковой воспитательное пространство – результат конструктивной деятельности, которая достигается в целях повышения эффективности воспитания, причем деятельности не только созидательной, но и интегрирующей [14]. По мнению автора, воспитательное пространство можно рассматривать как особенную педагогическую реальность, адекватную составляющим воспитанности человека. Ю. С. Мануйлов рассматривает воспитательное пространство как часть среды, в которой господствует, определенный педагогически сформированный образ жизни [15, с. 36]. Согласно Д. В. Григорьеву, воспитательное пространство – динамическая сеть взаимосвязанных педагогических событий, создаваемых усилиями социальных субъектов разного уровня (коллективных и индивидуальных), выступающих интегрированным условием личностного развития человека. Основным механизмом создания воспитательного пространства становится «событие», в котором совместная деятельность рассматривается как технологический момент [16].

Необходимо также отметить, что очень близким, на наш взгляд, к понятию «воспитательное пространство» является понятие «социально-воспитательная среда». В обоих случаях под «социальной средой» мы понимаем данность, которая не является результатом конструктивной деятельности человека. Пространство же является результатом педагогического усвоения отмеченной данности, то есть пространство – это овладение окружающей средой (естественное, культурное, социальное, информационное), приспособление, относительно решения воспитательных заданий. Социальная среда рассматривается исследователями как один из более важных компонентов воспитательной системы. Именно с его овладением связаны процессы

формирования ценностного отношения к миру и культуре, осознанию себя в этом мире, развитию собственного «Я», нахождению своего места, среди других людей [17, с. 31]. Наиболее истинной разницей между средой и пространством является утверждение: если средой необходимо научиться использовать в воспитательных целях, то единое воспитательное пространство важно научиться создавать.

Основываясь на таком понимании феноменов среды и пространства, можно дать определение понятию «социальное воспитание в вузе», под которым мы понимаем процесс создания образовательно-воспитательного пространства вуза с целью изменения его социально-воспитательной среды путем организации в нем воспитательной системы, адекватной специфике самой среды вуза определенного типа (вида), который предопределяет качественные изменения в структуре личности студента, как в субъекте высшего образования, культуры, истории, социальной жизни общества и собственно жизнедеятельности.

В-четвертых, образовательно-воспитательное пространство вуза объединяет процессы формирования толерантности студента и его профессиональной подготовки. Это объективное свойство вузовского пространства в наиболее полной мере, на наш взгляд, активизируется средствами компетентностного подхода. Как отмечают большинство ученых, в вузах практически отсутствует система формирования способностей и личностных качеств студентов, которая составляет основу их профессиональной компетентности. Проблема качества профессиональной подготовки с определенной остротой ставилась на разных этапах развития высшего образования. Однако в настоящее время состоялись принципиальные изменения в самом понятии качества профессиональной подготовки. Квалификационный подход, характерный для индустриального этапа социально-экономического развития общества, изменил компетентностный подход, более адекватный современному развитию общества. В связи с этим осуществляется модернизация системы современного образования, в том числе и высшей педагогической, наиболее перспективным представляется на основе компетентного подхода. Данный подход, с одной стороны усиливает практическую ориентированность образования, делает акцент на деятельностной стороне результата образования, с другой стороны, существенно расширяет его содержание личностными, ценностно-смысловыми составляющими, что делает его гуманистически направленным [18]. Существенным элементом гуманистической направленности личности является ее толерантность. Отметим, что в основе компетентностного подхода лежит компетентность, под которой понимается качество личности, которая выражается в готовности (способности) на его основе к успешной деятельности с учетом ее социальной значимости и социальных рисков, которые могут быть с ней связаны [19].

В-пятых, само по себе образовательно-воспитательное пространство не имеет своего смысла без влияния на студента специалиста, личности. Эту истину сформулировал К. Д. Ушинский: «Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать «характер» [20, с. 64]. Он должен передать студенту не только опыт, но и знание, профессиональные умения, приобщить его к культуре. В современной педагогике (и еще более явно в психологии) начинает преобладать подход к воспитанию не как к целеустремленному формированию личности, а как к созданию условий для саморазвития личности. Самый главный прием воспитания – это принятие человека таким, каким он является, без прямых оценок и установок [21, с. 138]. Такое понимание воспитания совпадает с основным принципом педагогики толерантности: создать для воспитанников широкое поле выбора, которое часто не открывается самим студентом через недостаточность его жизненного опыта, нехватку знаний и невозможность охвата всего богатства культуры.

Как правило, именно в студенческом возрасте достигают максимума в своем развитии психологические свойства и высшие психические функции: восприятие, внимание, память, мышление, язык, эмоции и чувства [22, с. 139–141]. Эта особенность студенческого возраста позволяет нам в ходе исследования сделать предположение о том, что именно этот возраст является сенситивным периодом для формирования у студентов качества толерантности с помощью созданного воспитательного пространства вуза.

Создание условий для саморазвития личности студента в вузе предусматривает специальную организацию социально-педагогического взаимодействия. Как отмечает С. В. Савченко «Образовательное пространство вуза это не просто совокупность двух его компонентов – учебы и воспитания. Здесь возникает и функционирует бесконечное разнообразие воспитательных отношений, взаимодействий, делового и межличностного общения, возникают и решаются реальные воспитательные ситуации, формируются личностные смыслы, развивается мотивационно-целевая сфера личности и субъективируется окружающая действительность» [23].

Организационными формами такой субъективизации является: профессорско-преподавательский коллектив вуза; органы студенческого самоуправления; студенческие организации; культурные, спортивные, досуговые подразделения университета; академические группы, и тому подобное [24, с. 115].

Таким образом, образовательно-воспитательное пространство вуза как условие формирования толерантности студентов – будущих социальных работников является таковым, поскольку имеет качества поликультурного образовательного пространства, объединяющего процессы формирования толерантности студентов и их профессиональной подготовки в ходе целенаправленного процесса получения образования, как важного способа социализации личности, результатом которого является сформированность мотивационно-целевого компонента структуры толерантности. Данное условие играет роль системообразующего в системе условий формирования толерантности, поскольку мотивационно-целевой компонент содействует формированию потребности в проявлении толерантных отношений, а также выполняет функцию целеполагания (декомпозиция цели в соответствии с формированием толерантности студентов, создания в них целевых установок, на ее формирование).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бережнова Е. В. Прикладное исследование в педагогике: Монография. – М. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.
2. Закон ЛНР от 30.09.2016 № 128-П «об образовании» – Режим доступа: <https://minobr.su/docs/laws/27-zakon-ob-obrazovanii.html>
3. Борытко Н. М. Категория пространства в современной теории воспитания / Н. М. Борытко // Наука и образование. – 2003. – №4
4. Мудрик А. В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В. А. Сластёнина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2000. – 200 с.
5. Феномен воспитательного пространства в современной образовательной практике. А. А. Глинский, Н. Н. Захожая // Выхаванне і дадаткова адукація. Жнівень, 2015. – С. 5
6. Рогалева Г. И. О воспитательном пространстве вуза / Г. И. Рогалева // Молодой ученый. – 2012. – №5. – С. 488-492
7. Воспитательная деятельность педагога: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / И. А. Колесникова, Н. М. Борытко, С. Д. Поляков, Н. Л. Селиванова; под общ. ред. В. А. Сластёнина и И. А. Колесниковой. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
8. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практика: перевод с фр. Бурдые П.
9. Шумейко Н. Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алатая, 2007. – 576 с.

10. Борытко М. М. В пространстве воспитательной деятельности [Текст]: Монография (М. М. Борытко; Науч. ред. Н. К. Сергеев. – Волгоград: Перемена, 2001. – 181 с.
11. Джурицкий А. Н. Поликультурное воспитание: сущность и перспективы развития / А. Н. Джурицкий // Педагогика. – 2002. - №10. – С. 93-96
12. Ковальчук О. С. Поликультурный подход в современном школьном образовании России: Автореф. дисс. канд. пед. наук. – К., 2003. – 17 с.
13. Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспарова, А. Ю. Коджаспаров. М., 2005. – С. 275
14. Новикова Л. И. Воспитательное пространство: опыт и размышления // Методология, теория и практика воспитательной системы: поиск продолжается / Л. И. Новикова, И. В. Кулешова М.
15. Мануйлов Ю. С. Средовой подход к воспитанию. Костанай, 1997. – С. 36
16. Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / под ред. И. А. Зеленой. М., 2004
17. Демакова И. Д. Воспитательная деятельность педагога как фактор гуманизации пространства детства / И. Д. Демакова. – Казань: Изд-во ТГПИ, 2000. – С. 31
18. Багачук А. В. Пилипчевская Н. В., Гаврилов И. К. Воспитательное пространство педагогического вуза как условие формирования ключевых компетентностей // вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск №3. – 2008
19. Татур Ю. Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. – 2004. №3
20. Ушинский К. Д. – 1948. – Т. 2. – С. 64
21. Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 138
22. Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 139-141
23. Савченко С. В. Научно-теоретические принципы социализации студенческой молодежи во вне учебной деятельности в условиях регионального образовательного пространства: дис. д-ра пед. наук: 13.00.05 / Савченко Сергей Викторович. – Луганск, 2004. – 455 с.
24. Мирошник О. Л. Социально-педагогические условия формирования политической толерантности у студенческой молодежи региональными средствами массовой информации. Дис. канд. пед. наук. 13.00.05, Луганск, 2012. – С. 115

Поступила в редакцию 25. 12. 2017 г.

EDUCATIONAL AND EDUCATIONAL SPACE OF HIGHER EDUCATION AS A CONDITION FOR FORMING TOLERANCE IN STUDENTS - FUTURE SOCIAL WORKERS

V. N. Delyanchenko

The article analyzes one of the pedagogical conditions ensuring a successful process of social adaptation of students of future social workers to the conditions of the professional environment of the Luhansk People's Republic. The author comes to the conclusion that the educational and educational space of the university as a factor in the process of the successful formation of tolerance among student youth occupies a determining place in the system of necessary and sufficient conditions for the formation of tolerance in the process of professional training of students-future social workers.

Key words: educational space, tolerance, vocational training, student youth.

Делянченко Виталий Николаевич

старший преподаватель кафедры политологии и правоведения

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

e-mail: Delyanchenko79@bk. Ru

Delyanchenko Vitaliy Nikolayevich

Senior Lecturer of the Chair of Political Science and Law

SEI HPE “Lugansk National University named after Taras Shevchenko”

e-mail: Delyanchenko79@bk. ru

УДК: 378.147:796

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ЦЕННОСТИ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

© 2018. И. П. Зенченков

ГОУ ВПО «Донецкий институт физической культуры и спорта»

Статья посвящена анализу понятию «ценность» для дальнейшего рассмотрения аксиологических основ формирования физической культуры личности будущего учителя. В статье приведены основные взгляды на понятие «ценность». Указано, что в ходе формирования физической культуры личности необходимо, чтобы ценности физической культуры были значением. Определены основные положения о «ценности» для дальнейшего диссертационного исследования.

Ключевые слова: ценность, идеал, значение, оценка, система.

На современном этапе развития общества высшие учебные заведения работают в постоянно изменяющихся социально-экономических условиях, которые оказывают влияние, как на материальную, так и духовную жизнь, а это, в свою очередь, находит отражение и на моральные и нравственные сферы людей. Происходящие резкие перемены в жизни людей, социальная и экономическая нестабильность создало чувство незащитности и неопределённости у многих людей. Подобная тенденция происходит и в образовании. Поэтому, без формирования системы ценностей в процессе профессиональной подготовки, как мощной основы личности, не позволит осуществить полноценное формирование и развитие личности будущего профессионала. Особая роль в этом случае отводится будущим учителям, от которых зависит построение системы ценностей будущего поколения. Таким образом построение системы ценностей у будущих учителей обретает первостепенное значение.

Особенность педагогических ВУЗов заключается в том, что наряду с общечеловеческими ценностями, должны быть сформированы ценности, от которых зависит здоровье подрастающего поколения. Одними из таких ценностей являются ценности физической культуры личности будущего учителя.

Цель исследования – теоретически рассмотреть понятие «ценности» для рассмотрения аксиологических основ воспитания физической культуры личности будущего учителя.

Для последующего углублённого изучения ценностей физической культуры личности будущего учителя, необходимо провести теоретический анализ понятия «ценности». В настоящее время в науке под ценностями понимается некая суммарная основа человека [8] и благодаря своим сложившимся ценностям или системе ценностей человек выражает своё отношение к окружающему миру и обществу [3].

Согласно исследователю С. Ф. Анисимову, ценности образуют смысл в какой-либо момент в жизни [1]. По мнению М. Г. Гинзбурга, ценности являются компонентами личности, кроме этого они ориентируют на будущее [5]. А. Г. Здравомыслов считает, что содержание ценностей в обществе происходит за счёт культурных достижений, к тому же ценности определяют духовное богатство человека [6]. Б. Г. Ананьев указывает, что в психологии ценности представляют собой центр духовного развития личности.

На современном этапе при изучении проблемы ценностей исследователи сосредотачивают своё внимание на формировании и приобщении человека к ценностям

[9]. Само понятие ценность изучается философами, культурологами, психологами, педагогами и т. д. Так, в философии исследуется и анализируется сама сущность категории «ценность», выстраивают положения составления классификации и иерархии ценностей. С точки зрения культурологии рассматривается проблема о статусе ценности в культуре [6], а также определяется различие цели и ценности, идеала и оценки [7]. В психологии осуществляется поиск понимания природы ценностей, а также рассматривается и изучается процесс формирования и усвоение ценностей сознанием, и присвоение ценностей человеком. В педагогике, на основе исследований в философии, психологии, а также культурологии создаётся основа формирования ценностей и системы ценностей у учащихся. Поскольку в педагогике ценности являются определяющими в учебно-воспитательном процессе. Ценности являются целью и фундаментом, на которые базируются все методики. Кроме этого, ценности осуществляют регуляцию и выполняют направляющую функцию в деятельности педагогического работника, способствуют в установлении общения и взаимодействия с учениками или со студентами [3].

Изучение проблемы ценности принято считать с 60-х годов XIX века, с началом выхода работы немецкого философа Г. Лотце «Микрокосмос». В этой работе было введено понятие «значимость», а также ценностные определения были поставлены на уровне с всеобщих законов (истины и факты, образы и вещи действительности) [4, 9].

Однако использовались аксиологические термины и понятия ещё до начала выстроенных и развёрнутых философских систем. Диоген Лаэртский в своём труде рассматривает понятия «зло», «справедливость», «мужество» с позиции дофилософских исследователей. В своих работах философы использовали систему слов, означающих ценности. Так, Фалес в своей работе оценивает мир как творение Бога.

Аристотель в «Метафизике» приводит свои размышления относительно понятий «зло» и «благо», а также приводит взгляды Гесиода и Парменида, согласно которым любовь определялась как характеристика бытия.

Ценностный подход к жизни больше использовали античные гедонисты, отодвинув религиозную рефлексию. Благодаря Сократу вошла новая идея, которая соединяет в себе поиск истины со стремлением к счастью, с самопознанием и истинным познанием. Сократ определил насколько зависимо блаженство от мудрости, а также дал соответствующую оценку и самооценку от настоящего или истинного познания. Поэтому он считал, что познание является не только средством обретения счастья, а как самоценность. Считается, что именно Сократ впервые рассмотрел вопросы соотношения добра и истины, морали и знания, философии жизни и рациональной философии.

Ученик Сократа, Платон, в своих работах уделял внимание проблеме ценностей, которая занимает одно из основных мест, например, в диалогах «Лафет», «Эвтифрон», «Хармид». В этих диалогах была поставлена проблема ценности, но не имела дальнейшего развёрнутого решения. Платон уделил внимание также и реальным земным ценностям, таким как человеческие качества, добропорядочность. К его заслугам можно отнести то, что он создал одну из первых классификаций ценностей, так, к высшим ценностям относились: мудрость, достоинство, воздержание, справедливость. Таким образом, была произведена первая попытка составления иерархии ценностей.

Аристотель в своих работах также оставил ряд аксиологических идей. Он считал, что ценность вещи, человека, его поступков определяется соответствием его личностной внутренней сути, цели и бытия. Всё это состоит в возможности раскрытия

заложенных потенций у человека, реализующиеся в деятельности, моральных качествах и в деятельности. Одним из больших вкладов в развитии проблемы ценности Аристотеля является учение о добропорядочности, о справедливости [3].

Важной и центральной мыслью эпикуреизму является увеличение самооценности человека, его жизни и свободы [12]. Эпикурейцы в своих работах акцентировали внимание ценностям духовной и материальной жизни. К ним они относили удовольствие, воля, ум, спокойствие, духовность, творчество. Кроме этого они исследовали и антиценности, к ним они относили страдания, смерть, страх. Несмотря на изучение ценностей и антиценностей, их работы не были направлены на систематизацию ценностей. Весомый вклад в создании основы будущей теории ценностей осуществили Марк Аврелий, Эпиктет, Сенека, Цицерон.

Философский термин «ценность» впервые был использован древнеримским политическим деятелем, оратором и философом Цицероном. Также он впервые использовал термином «преимущество». В своих трудах Цицерон и Марк Аврелий распознавали «высшие» и «низшие» ценности. Этот принцип был заложен в виде идеи для создания в дальнейшем новых иерархий ценностей. Согласно их положениям «высшей ценностью» являлась – «истинная ценность». Все остальные ценности они считали неравными, неполноценными, второстепенными, относительные и производными. Стоики использовали следующие показатели отличия высших и низших ценностей: к «высшим» относились те ценности, которые являлись объективными, а к «низшим» – цель конечного бытия. Примером может быть личное счастье человека или выражение отношения к чему-либо. Подход, который использовал Цицерон при распределении ценностей: «ценности в себе» и «ценности для другого» актуален и в настоящее время, т. е. построение субъект-объектных отношений.

После изучения взглядов античных философов, рассмотрим подходы к определению ценности последних веков. Интересное развитие проблемы ценностей продолжилась в исследованиях учёных направления неокантизма В. Виндельбанда, Г. Когена, Г. Рикерта. В работах учёных дополнительно вводится термин «долженствование», а понятие ценность появляется в научных трудах. Так, по мнению Г. Рикерта при использовании понятия ценность возможно провести различие между культурными процессами и явлениями природы [9]. Учёный считал, что ценность стоит наряду с понятием бытия. И в тоже время он считал, что ценность является смыслом, находящимся над бытием [1, 9].

Исследователи экзистенциального направления в философии Ж. П. Сартр, К. Ясперс считали, что ценности основываются на личной свободе [9].

Весомые достижения в исследовании проблемы ценности были сделаны учёными Э. Кассирер, Ж. Маритен, Ф. Ницше, Б. Рассел. В их работах были определены значимые аспекты категории «ценность», рассмотрено построение ценностного отношения и осуществлена попытка структурирования и переоценка ценностей [9].

В отечественной науке начало работы по исследованию проблемы ценностей начались с 60-х годов XX века. Существенный вклад в разработке теории ценностей сделали В. О. Василенко, О. Г. Дробницкий, И. С. Нарский, С. И. Попов [9], В. П. Тугаринов [14].

Последующие исследования в проблематике ценности были отражены в работах исследователей в области философии, психологии и педагогики: К. А. Альбухановой-Славской, В. Г. Алексеевой, С. Ф. Анисимовым [1], И. С. Артюховой, Л. М. Архангельского, М. М. Бахтина, В. П. Бездухова, Г. П. Выжлецова [4],

А. Г. Здравомыслова [6], Е. В. Золотухиной-Аболиной, М. С. Кагана [7], Д. А. Леонтьева [8], О. М. Панфилова, А. А. Ручки, В. И. Сагатовского [10] и др.

На современном этапе проблематика ценности остаётся актуальной, несмотря на то, что в научной литературе в области философии, педагогики, психологии, этике и культурологии имеется большое количество материалов. Однако в исследуемой проблеме среди множества работ имеются расхождения и различные понимания определений и трактовок.

В понимании В. О. Василенко ценность – это то, что помогает решать возникающие перед субъектом задачи.

С. И. Попов считает, что явления и предметы внешнего мира – это ценности [9].

По мнению И. С. Нарского ценности являются идеалами человеческой жизни [9].

Г. П. Выжлецов подчёркивает, что ценность и желаемая цель равнозначны между собой [4].

Согласно В. Н. Сагатовского, ценности представляют собой желаемые блага и возможные, приемлемые способы их достижения [10].

В своём исследовании Е. С. Сироткина, указывает, что особенность значения ценности заключается в отражении некоторых результатов «отношения одного сознания» к общественному опыту других людей [11, с. 136].

П. В. Петрий в своей работе ценности разделяет на духовные и материальные и также разделяет и их свойства, и стороны, которые в течении жизни удовлетворяют потребностям людей.

А. М. Воронина видит в ценностях ориентир, как для общества, так и для отдельного человека.

В своих работах И. С. Артюхова описывает ценности как духовные материальные явления, которые имеют смысл для каждого человека и оказываются мотивом деятельности.

В многообразии определений понятия «ценность» Д. А. Леонтьев видит в недостатке ясного понимания отношения «ценности» к чему-либо [8].

В следствии этого отечественные учёные Г. П. Выжлецов [4], Д. А. Леонтьев [8], В. В. Вольняков, А. А. Ручка, В. П. Бездухов попытались осуществить систематизацию подходов, которые рассматривали понятие «ценность».

Так, Г. П. Выжлецов определил три подхода для определения понятия «ценность» [4].

Согласно первому подходу «ценность» рассматривается для человека в виде значимости предметов и явлений и их возможности удовлетворить духовные и материальные потребности.

Во втором подходе к ценностям относятся высокие общественные идеалы. В этом подходе ценности становятся целью, а не средством удовлетворения потребности человека.

В третьем подходе ценность рассматривается как идеал и значимость для человека одновременно.

Согласно перечисленным подходам, ценность рассматривается относительно субъектно-объектных отношений [4].

Д. А. Леонтьев считает, что все существующие взгляды относительно понятия «ценность» можно распределить на шесть позиций [8].

По мнению учёного первая позиция связана с двойственностью самого слова ценность. Так, по его мнению, сами объекты являются ценными или имеет ценность.

Ко второй позиции он относит понимание под ценностями для субъекта значимые предметы, а также те, которые удовлетворяют его потребность. К этой же позиции

относится понимание «за особыми сущностями» [8, С. 17]. Учёный считает, что оба понимания этой позиции в науке имеется достаточно широкое распространение.

К третьей позиции относятся понимания, когда они связаны с значимостью только для конкретного субъекта или надындивидуальные, т. е. трансцендентные.

В четвёртую позицию входят также надындивидуальные ценности, однако они представлены с двух позиций. К первой относятся понятия ценности, которые не подчинены законам «бытия материального мира». Вторая позиция связана с социальными надындивидуальными ценностями.

Как указывает Е. В. Островая, социальные ценности не являются абсолютными, и они трансцендентны индивидуальной деятельности и сознанию. Так, О. Г. Дробницкого описывает ценности в виде общественных отношений.

В пятой позиции исследователи представляют ценности в виде регуляторов поведения. Причём ценности могут быть отражены в сознании и не отражены.

К шестой позиции Д. А. Леонтьев относит функции ценностей, которые предстают в виде «эталон – идеал». В этой позиции, описанные в исследованиях ценности, могут быть представлены как стандарты и нормы или как цели, смыслы и идеалы [8].

Существуют и другие систематизации ценностей. Так, В. В. Вольняков, А. А. Ручка разделяют четыре группы исследований и определения ценностей.

К первой группе определений ценностей относятся исследования, в которых ценности удовлетворяют потребности субъектов и предстают в виде идей и идеалов, явлений, процессов и вещей. Таким образом, объект является ценностью для субъекта, в ходе их взаимодействия, когда у объекта имеются качества и свойства, которые для субъекта представляются ценностями.

Определения ценностей, которые указывают на значимость объектов, процессов, явлений и идей, необходимых для деятельности и жизни людей, входят во вторую группу.

Третья группа включает в себя определения ценностей (объекты), которые удовлетворяют потребности субъектов, в процессе субъектно-объектного взаимодействия.

Четвёртая группа содержит определения ценностей, которые характеризуются как идеал.

Исследователь И. А. Ясеницкий предлагает свою систематизацию определения ценностей, которая основывается на «экономической» или «стоимостной» концепции. Так, согласно взглядам Г. Я. Головных, определение ценности выражается в виде вложенного труда, который высчитывается по отношению к общему общественному труду.

В своей работе В. П. Бездухов предлагает свою систематизацию определения ценностей, которая состоит из следующих признаков:

1. Что представляет собой ценность – значимость или значение?
2. К какой сфере относится ценность – должного или сущего?
3. Что из себя представляет ценность – отношение к предмету, объекту или это свойство предмета, объекта?
4. В какой системе отношений находится ценность – субъектно-субъектной или в субъектно-объектной?

В нашей работе мы исследуем формирование физической культуры личности будущего учителя, то нам необходимо знать:

- Является ли ценности физической культуры личности значением или значимостью?

–В какой системе отношений находятся ценности физической культуры личности?

В ходе формирования физической культуры личности необходимо чтобы ценности физической культуры были значимы. Также для нас важно, что понятие ценности находится в системе субъектно-объектных отношениях, то есть ценность воспринимается как значение и вне зависимости от человека существует. Исследователь О. Г. Дробницкий описал это положение, которое дальше было разработано М. С. Каганом [7], В. П. Бездуховым [7]. Также это положение было использовано в исследовании Е. В. Островой [9].

В своих исследованиях О. Г. Дробницкий подчёркивает, что ценность является свойством социального предмета, поэтому она относится предмету объективно и она объективна.

А. Н. Леонтьев указывал, что значение является формой, благодаря которой человек постигает и овладевает и это также во многом зависит от субъективного личного смысла.

Для нашего исследования является важным подход, который указала Е. В. Островая [9]. Она, основываясь на положении Б. С. Братуся, о том, что личностные ценности человека являются его смыслами жизни приходит к выводу о том, чтобы ценности стали личными, необходимо чтобы объект, предмет или явление имело смысл, следовательно, объект, предмет или явление нужно наделить смыслом.

Е. В. Островая подчёркивает, что значение многообразно и содержит в себе большое количество смыслов, т. к. каждый человек индивидуален и у каждого свой внутренний мир, отличающийся от внутреннего мира другого человека. Однако для любого человека трудно воспринимать уже готовое, необходимо время для того, чтобы выбрать ценное для себя и далее уже сформировать свою систему ценностей [9]. Как утверждает В. П. Бездухов, у учащихся должна быть свобода действий, в которой у них формируется ответственность за свои поступки и действия. Показателем результатов этих поступков и действий выступают «ценности как значения» [3].

Поскольку существуют различные определения понятия «ценность», то важно рассмотреть связь определений понятий «цель» и «ценность», «идеал» и «ценность», «оценка» и «ценность».

Во многих исследованиях определения понятий «цель» и «ценность» связаны между собой. В работе А. А. Ручки под ценностью подразумевается цель или она может быть, как средство достижения цели. Такого же мнения придерживались Н. И. Лапин, который считал, что цель задаёт общее понимание людей о целях и о норме поведения. Американский исследователь Н. Слезер в ценностях видел убеждения в обществе, к которым необходимо стремиться [13].

М. С. Каган считает, что цель играет роль регулятора поведения человека в обществе и поэтому она имеет отличия в значении для субъекта в виде какого-либо объекта [7]. Для нашего исследования важно, что ценность задаёт цели. Так, цель определяет педагогический процесс, а ценность вмещает в себя смысл и содержание. В этом случае В. П. Бездухов подчёркивает, что педагогическая деятельность со студентами организуется согласно целям их совместной деятельности, а показателем её строится на основе ценностей.

Рассмотрим взаимосвязь понятий «идеал» и «ценность». Поскольку «идеал» является движущей силой в жизни человека. Человек стремится к достижению идеала и в этом стремлении изменяет окружающий мир, себя, планирует свою жизнь. Идеал является стимулом в жизнедеятельности для человека и жизненным ориентиром. Таким образом, идеал для человека совмещает в себе две важные функции:

– является наивысшей целью в жизни и в деятельности субъекта, степень формирования ценностной системы;

– идеал служит показателем в оценивании явлений или предметов.

Как указывает Е. В. Островая [9], это привело в некоторых исследованиях к совмещению и отождествлению понятий «ценность» и «идеал».

В своём исследовании И. А. Ясеницкий разграничивает эти два понятия, указывая на то, что «идеал» не имеет каких-либо границ или рамок в возможности совершенствования, однако на него накладывает ограничения сама реальная действительность. Также «идеал» может быть нормой и находиться в самой ценности. По мнению И. А. Ясеницкого сущность является объективно-субъективный характер и в тоже время имеет и абсолютно-относительный характер.

М. С. Каган указывает на то, что «идеал» создаётся из реального бытия, которое поддаётся познанию и ценно для человека [7].

Следующая важная взаимосвязь, встречающаяся в работах исследователей – это «ценность» и «оценка».

Согласно С. Ф. Анисимову, эта взаимосвязь возникает при оценке ценности каких-либо объектов человеком, т. е. выясняется значимость объекта для жизни, деятельности [1]. Поэтому, как считает Г. П. Выжлецов, в ряде позиций исчезает различие особенностей между оценкой и ценностью [4].

М. С. Каган уточняет, что «ценность» и «оценка» нетождественные понятия и между ними существует различие, которое выражается в том, что ценность является определённым значением для субъекта, в то время как оценка выступает в виде выявления этого значения [7].

С помощью оценки возможно раскрытие различных связей, общих законов, происходящих в природе и в обществе. Оценка может меняться при изменениях в природе или обществе, т. е. происходит переоценка ценностей при перемене жизни и деятельности субъекта. Так, происходит перестройка системы ценностей. Человек выбирает для себя и далее предпочитает ту систему ценностей, которая больше всего желательна и притягательна для него.

Таким образом, при формировании физической культуры личности необходимо чтобы ценности физической культуры были значением. Само понятие ценности находится в системе субъектно-объектных отношениях, т. е. ценность воспринимается как значение и вне зависимости от человека существует. Также для нашего исследования важны следующие положения, относительно понятия «ценность»:

- ценность является значением, причём она объективна;
- ценность может существовать вне зависимости от человека;
- ценность может быть сформирована во внутренней системе ценностей человека или принята им в жизнедеятельности;
- ценность находится в субъектно-объектной системе, причём не между ними, а в отношении к . . .;
- при переходе ценности из внешней системы (объективной), во внутреннюю систему (субъективную) происходит обретение смысла предмета, явления или объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление / С. Ф. Анисимов. – М.: Мысль, 1988. – 253 с.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.

3. Бездухов В. П. Теория и практика приобщения учащихся к ценностям / В. П. Бездухов, А. В. Воронцов. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. – 192 с.
4. Выжлецов Г. П. Аксиология: становление и основные этапы развития / Г. П. Выжлецов // Соц. - полит. журнал. – 1996. – №1. – С. 86–100.
5. Гинзбург М. Г. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Г. Гинзбург // Вопр. психологии. – 1994. – № 2. – С. 44 – 53.
6. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. / А. Г. Здравомыслов. М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
7. Каган М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
8. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – 4. – С. 15–27.
9. Островая Е. В. Формирование духовных ценностей курсантов военного вуза в процессе преподавания культурологии: дис. канд. пед. н. 13. 00. 08 – теория и методика профессионального образования / Елена Викторовна Островая. – Самара, 2004. – 224 с.
10. Сагатовский В. Н. Духовные ценности личности и их формирование в развитом социалистическом обществе / В. Н. Сагатовский, Л. Г. Сагатовская. – Киев: Знание, 1981. – 316 с.
11. Сироткина Е. С. Ценности в мире человека: парадигмальный и социокультурные аспекты: Дис. ... канд. фил. наук: 09.00.01. / Е. С. Сироткина. – Саратов, 1996. – 153 с.
12. Скирбек Г. История философии / Г. Скирбек, Н. Гилье. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2000. – 800 с.
13. Слезлер Н. Социология / Н. Слезлер. – М.: Феникс, 1994, – 688 с.
14. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. – Л.: ЛГУ, 1968. – 424 с.

Поступила в редакцию 25. 04. 2018 г.

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF VALUES FOR CONSIDERATION OF AXIOLOGICAL BASES OF FORMATION OF PHYSICAL CULTURE OF THE PERSON OF THE FUTURE TEACHER

I. P. Zenchenkov

The article is devoted to the analysis of the concept of "value" for further consideration of the axiological foundations of the formation of the physical culture of the future teacher's personality. The article gives the main views on the concept of "value". It is indicated that the values of physical culture are needed to be essential in forming physical culture of the individual. The main provisions on "value" are defined for further dissertational research.

Key words: value, ideal, value, evaluation, system.

Зенченков Илья Петрович

Кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой адаптивной физической культурой
ГОУ ВПО «Донецкий институт физической культуры и
спорта»
e-mail: zenchilya@mail. Ru

Zenchenkov Ilya Petrovich

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Chair Adaptive Physical Culture
SEI HPE "Donetsk Institute of Physical
Culture and Sports"
e-mail: zenchilya@mail. ru

УДК 37.014.3

«УРОКИ» РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ

©2018. Г. В. Марченко

ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»

В статье проанализированы некоторые аспекты реформирования системы образования в Украине: изменения содержания образования, искажения исторических фактов, изменения ценностной основы педагогического образования, ломка отношений в системе «педагог – учащийся», уничтожение русской культуры и языка, что привело к моральной деградации личности, общества, государства.

Ключевые слова: образование, ценностные ориентации, реформа, деградация, общество.

Философия сегодня рассматривает феномен образования как государственную, общественную и личностную ценность.

«Современное общество Донецкой Народной Республики формирует для системы образования новый социальный заказ: ему необходимы не только высокообразованные, но и духовно богатые, инициативные граждане, способные адекватно относиться к происходящим в мире и стране событиям, культурному и научному наследию, историческим достижениям, к пониманию себя, своего места в обществе, к принятию ответственных решений в сложных ситуациях, прогнозированию возможных последствий совершаемых действий, открытые к взаимодействию, мобильные, активные, сопричастные к судьбе Отечества. В связи с этим возрастает значимость воспитательного компонента системы образования... Новое время требует от нас понимания воспитания как главного условия динамичного развития и расцвета общества» [1, с. 1-2]. Поэтому обращение к истории и настоящему состоянию развития образования в разных странах не утрачивает своей актуальности в связи с тем, что подобный анализ дает нам шанс избежать тех ошибок, которые чреваты тяжелыми политическими, экономическими, социальными и культурными последствиями для общества, страны, личности.

Распад Советского Союза и неожиданное «обретение независимости» бывшей союзной республикой Украиной стало для нее началом конца. Существовавшая много лет мощная идеологическая машина была разрушена, и на ее обломках те, кто возглавлял советскую Украину, принялись «строить» нечто, что должно было удовлетворить их растущие потребности и амбиции. Отсутствие сдерживающих факторов (политических, идеологических, экономических) привело к резкому имущественному расслоению общества, обогащению небольшого числа лиц через присвоение богатств, созданных трудом миллионов жителей УССР и СССР, и обнищанию подавляющего большинства, к росту уровня безработицы, преступности, наркомании и других асоциальных проявлений. В течение двух десятков лет правящая в Украине верхушка, которую трудно назвать «элитой» в силу многих причин, искала новую идеологическую основу, определенным образом оправдывавшую бы ее преступные по отношению к народу действия. В эти процессы была втянута и система образования, чему в немалой степени способствовал так называемый Болонский процесс, а его продолжила так называемая «образовательная реформа».

Под лозунгами гуманизации, демократизации и интеграции в европейское и мировое культурное, научное и образовательное пространство система образования в Украине стала утрачивать свои гуманистические и демократические основы. Это

проявилось, прежде всего, в постепенной смене ценностных приоритетов общества в целом, и молодежи в частности. Наши исследования, проводимые в течение более чем двадцати лет работы, свидетельствуют о том, что духовные ориентиры (любовь, Родина, патриотизм, честь, совесть, справедливость) будущих учителей сменились жесткой материальной ориентацией (получение высоких доходов здесь и сейчас, стремление уехать за границу, где более комфортные условия для обеспечения сытой и богатой жизни, личный успех и карьера, материальное благополучие, причем, неважно, какой ценой) [2-3]. Принцип «раньше думай о Родине, а потом о себе» постепенно и надолго забылся в украинском обществе. Это стало следствием, с одной стороны, той борьбы за выживание большинства населения, которую оно вело в 1990-е годы, а, с другой – той подрывной деятельности, которую развернули многочисленные негосударственные общественные организации на деньги различных американских и европейских «благотворительных фондов».

Постоянным атакам со стороны различных сект сайентологов, мормонов, баптистов, адвентистов и прочих «истов» подвергается православие как духовная основа единства славянских народов. Представители разных чуждых нам религиозных учений и течений стали постоянными гостями в учебных заведениях Украины.

Существенный «вклад» в уничтожение духовности молодежи и насаждении «потребительства» как основы мировосприятия и жизнедеятельности внесли и средства массовой информации, особенно киноиндустрия, телевидение, компьютерные сети, которые практически круглосуточно внедряли и продолжают внедрять в сознание молодых людей представления о притягательности американского образа жизни (не надо напрягаться и думать, следуй своим желаниям и порывам, главное в жизни – сладко есть и мягко спать). Культ материального, культ денег стал постепенно разъедать людские души.

Появление частных учебных заведений стало еще одним ударом по качеству образования. В подавляющем своем большинстве подобные учебные заведения создавались как источник обогащения своих основателей, которые мало заботились о реально качественном образовании учащихся. Платное образование породило и уродливые представления о взаимоотношениях в системе «учитель – ученик», «преподаватель – студент», когда оплата образовательных услуг воспринималась учащимися, да и некоторой частью родительской общественности, как достаточная для получения высокой оценки даже без личного присутствия. Стремление приобрести знания, опыт, профессию сменилось желанием получить диплом о высшем образовании без особых интеллектуальных усилий и затрат, желательного высшего учебного заведения попрестижней и с минимальными материальными расходами. А материальное обеспечение учителя и преподавателя поставило их в унижительное положение поставщиков «образовательных услуг», а не тех, кто «сеет разумное, доброе, вечное». Именно материальная составляющая труда учителя сделала его полностью зависимым от государства, с одной стороны, от родителей и учащихся – с другой. Поэтому педагоги были вынуждены учить тому, во что не верили сами, например тому, что Великая отечественная война советского народа против фашистских оккупантов – это вторая мировая война США, Европы и Гитлера против СССР как тоталитарного сталинского режима. И уже в конце 1990-х гг. будущие переводчики, работая над текстом об их коллеге, который обслуживал советскую делегацию на Нюрнбергском процессе, задавала преподавателю вопрос, так что же это была за война, и кто в ней все-таки победил.

Что касается оплаты труда педагогов. Мы, к сожалению, не можем похвастаться большими зарплатами, но тому есть объективные причины: гражданская война и

экономическая блокада Донбасса. Украинским же учителям, предлагаемая западными кураторами реформа образования, планирует повысить заработную плату до 6500 грн. с 20%-ной надбавкой за прохождение добровольной сертификации. Даже отдельные украинские эксперты выражают сомнения относительно способности местных общин профинансировать учебные заведения в полной мере. И все же старт реформированию «совкового» образования в Украине дан.

Вопрос реализации данной инициативы зависит не только от наличия источников финансирования. Более важным, по нашему мнению, является вопрос, а чего потребуют бандеровские власти взамен, чем должны будут поступиться учителя, чем пожертвовать, от чего отказаться в угоду диктатуре неофашизма. И, конечно же, чему научат эти «сертифицированные учителя» подрастающее поколение украинских детей при жестком запрете исторической правды, при отказе от славной истории своего народа, при активной разрушительной деятельности института национальной памяти. Вот что должно вызывать беспокойство не только в наших Республках, как пограничных с Украиной зонах, но и во всех европейских странах, так как в центре Европы возрождается «коричневая чума» XXI века в ее жутком человеконенавистническом облике.

Возвращаясь к Болонскому процессу, как воплощению интеграционных процессов в экономике и образовании, хотелось бы отметить сомнительность официальной версии его возникновения. Дело в том, что, по сути, Болонский процесс – это, своего рода стремление к стандартизации, унификации, что как-то противоречит устоявшейся западной тенденции индивидуализации образования. А вот советская система образования всегда отличалась *фундаментальностью* и *универсальностью*, за что «вслух» критиковалась западом, а в реальности – вызвала беспокойство своим качеством. Ведь, по свидетельству ректора МГУ, в австралийском институте физики из 120 научных работников 106 – выпускники советских вузов. И истоки Болонского процесса, по нашему мнению, следует искать в плоскости экономической. Подготовка «узких» специалистов за минимально возможный короткий срок, свободное перемещение дешевой рабочей силы между странами – вот в чем были заинтересованы корпорации запада. И потому универсальность советской системы образования была привлекательна и выгодна экономически. Поэтому и украинская реформа образования предусматривает увеличение срока обучения в школе до 12 лет, а готовить бакалавров планируется в течение 3 лет.

Что касается Украины, то в Болонском процессе и «реформе» иностранные разведки и их креатуры в различных фондах и неправительственных организациях увидели эффективный инструмент разрушения того советского позитива, который еще сохранялся в сфере образования.

Под стремлением присоединиться к Болонскому процессу министерские деятели ловко скрывали изменения содержательного наполнения учебных планов и программ. Так искусственно из контекста общей истории славянских народов была выделена история Украины. Ее начали излагать в контексте исключительно европейской истории, и в учебниках термин «Великая отечественная война» был заменен «Второй мировой войной», сегодня институт памяти снова вычеркнул понятие «Великая Отечественная война» из учебников, а сегодняшняя фашиствующая Украина стреляет в детей с георгиевскими ленточками – символами победы в той страшной Великой Отечественной, которую народы СССР вели против германского фашизма. Манипуляции с терминологией, замалчивание одних фактов, выпячивание нужных националистам и их хозяевам, своеобразная интерпретация известных фактов постепенно смещали акценты в тех или иных исторических событиях. Например,

молодежь Львова обвиняет СССР в голоде 1933 года, игнорируя или вовсе не зная того факта, что в 1933 году во Львове его не могло быть, так как в это время город входил в состав Польши. А то, что от голода 1933 года погибли тысячи жителей Поволжья, Нечерноземья, вообще не упоминается псевдоукроисториками.

Достаточно долго ими же насаждалась мысль об исключительности украинской нации, ее древнем происхождении, об исключительном значении трипольской культуры для развития цивилизации, о построении украинцами пирамид и т. п. По телевидению был показан фильм, созданный немецкими авторами, о том, что прародительницей всех народов согласно генетическому коду, выявленному немецкими «специалистами», является украинская женщина. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Под влиянием англо-саксонской модели педагогического образования в учебных планах резко сократились часы на изучение психолого-педагогических дисциплин, но при этом совсем не увеличились, а уменьшились и объемы педагогической практики, что негативно сказалось на качестве педагогической подготовки будущего учителя. Если в начале 1990-х годов на изучение истории педагогики отводилось 38 лекционных часов, то уже в 2000-х – только 14. В Британии педагогическая практика составляет до 40% учебного времени будущего учителя, а в украинских вузах до войны она была на уровне 12% для бакалавриата и всего 6% – для специалитета.

В реальности гуманизация учебно-воспитательного процесса обернулась абсолютизацией прав учащегося и ущемлением прав учителя (преподавателя). Все чаще мы слышим о фактах оскорбления, избиения, необоснованных жалоб и наветов на педагогов со стороны учеников и их родителей, что уничтожает самую суть профессиональной деятельности учителя, его человеческое достоинство. И кроме того педагог оказался полностью бесправен перед лицом руководства учебным заведением. Если раньше это выражалось в моральном и материальном давлении (игнорирование достижений учителя, волокита с присвоением категории, квалификации, бесконечное создание различных «бумаг», «отчетов», «программ», лишение премиальных и т. п.), то сегодня это увольнение учителя, запрет заниматься профессиональной деятельностью, полная люстрация, если педагог имеет свою точку зрения, отличную от навязанной властью, да еще и осмеливается называть вещи своими именами, отвечая на вопросы своих учеников. Так были уволены две учительницы из Славянска и Одессы с запретом работать в своей профессии, как не выразившие энтузиазма по поводу февральского государственного переворота в Киеве, который грозил всем педагогам Донбасса лишением степеней и званий, запрещал открывать учебные заведения и проводить занятия.

Переход на тестирование, по мнению сторонников Болонского процесса, как одну из наиболее объективных форм контроля, привел просто к оболваниванию молодежи, отучив ее думать, анализировать, и приучив к механическому зазубриванию дат, цифр, отдельных, вырванных из исторического контекста фактов. Все это совершенно не способствует формированию широкого целостного мировоззрения молодого человека, пониманию им того, что происходит вокруг, серьезному анализу объективной реальности, а ведет к фрагментации сознания. Использование результатов тестирования как основы для поступления в высшее учебное заведение привело к снижению общего уровня подготовленности школьников, но совершенно не повлияло на уровень коррупции в сфере образования, переместив ее из высшей школы в центры тестирования и в среднюю школу.

Насильственная украинизация привела к тому, что молодежь не знает ни украинского, ни русского языков, а украинский для почти половины учащихся не

является родным. Отсюда катастрофические ошибки в устной и письменной речи на обоих языках. Даже в Донбассе и в Крыму, которые больше и дольше всех сопротивлялись этому процессу, к 2014 году резко сократилось число школ с русским языком обучения, а в 2018 в Украине они практически все закрыты, а русский язык оказался под запретом. В социальных сетях очень метко назвали такой подход «Технологией геноцида русскоязычной культуры». Цель образовательной реформы – разрушить влияние великого и могучего русского языка, превратить его в системе образования в мертвый язык. По аналогии действий американцев с культурой индейцев. Живой язык является основой образованности, воспитанности, ответственности и совестливости при различной глубине его постижения. Усвоение его увеличивает интеллектуальный капитал граждан, который находится на ресурсах долговременной памяти в виде понятий и процедур смыслообразования. Реформа в образовании направлена на ликвидацию способности понимать смыслы текстов. Эта акция коснется всех народов, живущих в Украине, которых превратят в «неразумных хазар». Так как все потеряют способность понимать тексты своих национальных традиций и верований.

Из школьной программы уже убрали изучение многих литературных произведений русских писателей и поэтов (Пушкин А. С., Толстой Л. Н., Булгаков М. А., Шолохов М. А., Достоевский Ф. М.), на уроках литературы будут акцентировать внимание не на благородстве, интеллекте или смелости героев книг, а на деловых качествах и менеджерских способностях литературных персонажей. По этой причине и запрещены книги классиков литературы, пронизанные ненужной, по мнению псевдореформаторов от образования, для украинских детишек «моралистикой». Делаются отдельные неудачные попытки изучать русскую литературу в украинском переводе, а сейчас произведения русской литературы запрещены к ввозу в Украину, более того, имеющиеся на русском языке книги сжигаются неонацистами в западной части страны. Эти факты выступают ярким свидетельством «демократизации» системы образования Украины, где запрещено инакомыслие, самостоятельность мышления, своя точка зрения на происходящее. Содержание уроков литературы пополнится «произведениями» никому неизвестных поэтов и писателей Галиции.

Нельзя не согласиться с Федотовой Н., утверждающей, что Болонская декларация в основном обращает внимание на формальные аспекты организации образования, а не на его содержание, что проявляется в требовании его двуступенчатости [4, с. 18]. В Украине такой поход действительно реализуется формально, так как не является адекватным по отношению к существующим социокультурным реалиям. Сегодня и работодатели, и общество воспринимают бакалавра как недоучившегося студента. Да и большинство студентов четвертого курса совершенно не понимают, зачем им диплом бакалавра, когда они изначально рассчитывали на уровень специалитета с целью получения, по их словам, «полноценного образования» [4, с. 20].

К сожалению, объем статьи не позволяет всесторонне проанализировать так называемую «реформу образования» в Украине. Но и приведенные факты достаточны, по нашему мнению, для того, чтобы понять разрушительное влияние подобных «реформ» для личности, общества, государства. Поэтому педагогической общественности Республики необходимо сделать максимум возможного, чтобы избежать подобных вещей, чтобы проблемы и недостатки образования соседнего государства не привились в школах и вузах Донбасса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция развития непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной Республики, утвержденная Приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики 16. 08. 2017 г. № 832.
2. Марченко Г. В. Концептуальные основы развития будущего учителя в профессионально ориентированном пространстве высшего педагогического учебного заведения / Г. В. Марченко // Известия на съезда на ученице – Сливен: 50 години педагогическо образование в Сливен. – Сливен, 2011. – Том 19. – С. 194-201.
3. Марченко Г. В. Формирование духовных ценностей будущих учителей во внеаудиторной деятельности / Г. В. Марченко // Уровневое образование как пространство профессионально-личностного становления выпускника вуза: Материалы 11 Международной научно-практической Интернет-конференции (г. Ростов-на-Дону, декабрь, 2010 г.). – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. – С. 232-241.
4. Федотова Н. Н. Глобализация и образование / Н. Н. Федотова // Философские науки. – 2003. – №4. – С. 5-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2003/07/2003-07_r_dek-s1.htm (дата обращения 01.02.2018).

Поступила в редакцию 25. 04. 2018 г.

"LESSONS" OF REFORMATION OF EDUCATION IN UKRAINE

G. V. Marchenko

In the article, some aspects of reformation of the system of education in Ukraine are analyzing: changes of maintenance of education, distortion of historical facts, change of the valued basis of pedagogical education, breaking of relations in the system "teacher - student", elimination of the Russian culture and language, that resulted in moral degradation of personality, society, state.

Key words: education, valued orientations, reform, degradation, society.

Марченко Галина Владимировна

Кандидат педагогических наук,
доцент, декан факультета дополнительного
профессионального образования, зав. кафедрой
дополнительного образования, доцент кафедры
дошкольного и начального образования
ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»
e-mail:galna_marchenko@mail.ru

Marchenko Galina Vladimirovna

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Dean of faculty of additional
professional education, Head of additional
education department, associate professor of
department of preschool and initial education
SEI HPE "Donetsk pedagogical Institute"
e-mail:galna_marchenko@mail.ru

УДК 378.2-021.261:81'25:811.111:811.161.1

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ АДЕКВАТНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

© 2018. Г. В. Мерхелевич

Предприятие АРПИ (Учебно-методический комплекс иностранных языков)

В статье рассматривается проблема адекватности передачи смыслового содержания некоторых научных и академических понятий в результате их перевода с русского языка на английский. Указанная проблема рассматривается на основе анализа ошибок перевода, обнаруженных автором, с последующим обоснованием фактов нарушения смысловой адекватности, выявлением их причин и определением способов недопущения в будущем. Особое внимание уделено проблеме перевода на английский язык ученых *степеней* и научных *званий*, присваиваемых специалисту в различных областях знаний на этапе последиplomного образования.

Ключевые слова: адекватность, дефиниция, доктор наук, информационная база, кандидат наук, перевод, синоним, смысловое значение, толковый словарь, эквивалент.

В настоящее время, в условиях взаимного проникновения информации научного и академического происхождения и назначения, приходится сталкиваться с фактами неадекватной передачи значения смысловых *понятий* и специальных *терминов*, используемых в данной области знаний, в результате их перевода с родного языка на иностранный. Негативным следствием подобной неадекватности является ошибочное по смыслу восприятие как отдельных слов, так и целых фрагментов переведенного текста иноязычными читателями, для которых предназначается переводимая информация. При этом следует иметь в виду, что основным условием *адекватности* перевода с одного языка на другой является полная передача смыслового содержания, иными словами – мысли, оригинала средствами другого языка, причем независимо от словарного состава текста оригинала.

Одной из причин произвольного искажения смыслового значения переводимых терминов и понятий является факт недостаточно обоснованного подбора их эквивалента на языке перевода, что по своей сути граничит с *некомпетентным вмешательством* в смысловое наполнение текста оригинала в результате его перевода средствами другого (в данном случае – английского) языка.

В связи с этим представляется уместным привести афоризм Александра Поупа (Alexander Pope, 1688-1744): «Ограниченная осведомленность сродни неограниченной опасности»⁷ (*A little knowledge is a dangerous thing*).

Суть исследуемой проблемы заключается в том, что ограниченность, то есть недостаточность, информационной базы, используемой переводчиком, сужает область поиска требуемого эквивалента на иностранном языке перевода и повышает вероятность ошибки при его выборе.

Одной из объективных причин повседневной работы переводчика в условиях суженной информационной базы является печально привычная манера выполнения перевода на чисто *словарной* (а не фразеологической) основе, как правило, с использованием двуязычных, то есть в данном случае русско-английских, словарей. При этом русско-английский словарь, предлагая ряд английских синонимов-

⁷Перевод на русский автора статьи.

эквивалентов переводимому русскому слову или фразе, не позволяет переводчику сделать окончательный выбор слова нужного смыслового значения, поскольку по своей структуре не предполагает наличия его описания (дефиниции) и области применения того или иного из предлагаемых им синонимов.

Объекты и методы исследования. В силу вышеизложенного, опираясь на *двуязычный* словарь как на единственный источник информации, нельзя быть уверенным в полной адекватности выбранного английского слова соответствующему слову или фразе из русского оригинала. Особенно часто ошибочный выбор эквивалента при таком «словарном» (*читай* – не фразеологическом) подходе обуславливается тем, что переводимый элемент русского текста имеет в английском языке созвучного «собрата» в виде слова или словосочетания, относящегося к категории так называемых «ложных друзей переводчика».

В этой связи можно привести целый ряд типичных ошибок перевода, а именно перевод слова:

1) «академия» (в значении «высшее учебное заведение») как *academy*, которое на английском языке эквивалентно понятию «профессионально-техническое училище»;

2) «лицей» как *lyceum*, которое в англоязычной среде не имеет никакого отношения к учебному процессу, означая «лекторий», то есть помещение для чтения публичных лекций;

3) «гимназия» как *gymnasium*, что на английском языке означает «спортивный зал»;

4) «ассистент кафедры учебного заведения» как *assistant* вместо *instructor*;

5) «педагогика» (понятие, которое включает не только *преподавание*, но *воспитание* и *развитие* подопечного) как *pedagogy* (в английском языке означает «наука о преподавании») вместо *education*⁸;

6) «педагогические науки» как *pedagogicalsciences* (получается нечто типа «научные науки») вместо *educationalsciences*;

7) «балл» (условная единица измерения уровня знаний и навыков) как «кредит» путем транслитерирования английского слова *credit*;

8) «аннотация» (к статье или диссертации) как *annotation* вместо *abstract* (при этом нередко употребляемые нами в этом же значении синонимы *resume*, *summary* и *synopsis* в международной практике не встречаются);

ПРИМЕЧАНИЕ. Толковый словарь английского языка дает такую информацию:

Annotation is:

1. addition of notes: the adding of explanatory or critical notes to a text

2. explanatory note: an explanatory or critical comment that has been added to a text - из чего следует, что слово *annotation* как «ложный друг переводчика» фактически означает «примечание» или «комментарий».

9) «диссертация» (кандидатская или докторская) как *dissertation* вместо *thesis* [1, p. 531] в *британском* варианте английского языка. (На *американский* вариант

⁸ educate

1. *intransitive and transitive verb* teach: to give knowledge to or develop the abilities of somebody by teaching; (in / on sth) to teach sb about sth or how to do sth:

2. *transitive verb* arrange schooling: to arrange schooling for somebody • *They educated their daughters*

3. *transitive verb* develop: to develop or improve a faculty or sense

4. *transitive verb* train: to train or instruct somebody in a particular field

Education is the system of educating people in a community or society

английского это ограничение не распространяется, поскольку оба эти термина являются равнозначными по смыслу, то есть взаимозаменяемыми.)

Цели и задачи статьи. Особого внимания требует проблема перевода на английский язык ученых *степеней* и научных *званий*, присваиваемых специалисту в различных областях знаний на этапе его последиplomного образования, исследование и определение причин возникновения которой и является *целью* настоящей статьи, поскольку наши достижения в этой области давно и уверенно оставляют желать лучшего.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих *задач*:

- 1) выявление недостатков в профессиональной подготовке переводчиков;
- 2) анализ общепринятой методики выполнения перевода и поиск путей ее совершенствования;
- 3) анализ информационной базы, на основе которой принято выполнять перевод информации, и пути ее расширения до оптимального объема;
- 4) формирование приемов самоконтроля качества выполненного перевода со стороны переводчика.

Проблема выяснения и устранения причины трудности перевода принятых в странах СНГ ученых степеней *кандидата* и *доктора* наук является весьма актуальной, поскольку неадекватная передача смыслового содержания этих понятий средствами иностранного языка при переводе наносит прямой ущерб статусу их носителя в международном научном и академическом пространстве. (И повод для опасений в этой связи уже, безусловно, есть.)

Основной трудностью подбора адекватного эквивалента понятиям «кандидат наук» и «доктор наук» является то обстоятельство, что при наличии в научном пространстве СНГ двухуровневого последиplomного образования и *двух* ученых степеней (*кандидат* и *доктор* наук), присваиваемых на этапе последиplomного образования, за рубежом на этом этапе развития специалиста с высшим образованием присваивается только *одна* ученая степень (*Doctor of Philosophy in ...* или *Doctor of ...*).

При этом общепринятыми международными вариантами сокращенного написания вышеупомянутой ученой степени на английском языке являются аббревиатуры *PhD* (мн. число *PhD's*), *Ph. D.* (мн. число *Ph. D. 's*) или *DPhil. (D. Phil.)* [1, p. 531]. На основании вышеизложенного возникает вопрос, с какой из ученых степеней, упоминаемых в русском языке, следует соотнести вышеупомянутый английский термин.

Привычным – но далеко не всегда единственно верным – источником для получения нужной информации традиционно является *русско-английский* словарь. (Причем, если уж говорить о словарях этой категории, то предпочтение следует отдавать русско-английским словарям *англоязычных* авторов, которые, в отличие от аналогичных словарей, составленных *отечественными* авторами, дают уверенность в том, что предлагаемый ими английский эквивалент существует в реальной «английской» жизни, в то время как словари отечественных авторов могут предложить несуществующее в природе словосочетание-кальку, составленное из несочетающихся между собой слов как по смысловому, так и по стилистическому признаку.)

Один из таких словарей дает следующие английские эквиваленты русскому слову «кандидат»: *candidate, applicant, Master* (actually closer to a Doctor's degree) [2]. Другой дает такие эквиваленты: *candidate; holder of an academic degree roughly equivalent to a master's degree; candidate: кандидат наук, candidate of science; candidate member* (кандидат в члены) [3]. Третий словарь дает: *candidate; lowest Soviet University degree appx. = master* [4]. И, наконец, четвертый источник, The Oxford Russian Dictionary, дает

такие значения: *candidate*; *candidate-member*; *kandidat (in former USSR, holder of first higher degree, awarded on dissertation)* [5].

При этом следует иметь ввиду, что в *британском* английском, в отличие от его американского варианта, слово *dissertation* используется только применительно к степени магистра [1, p. 531].

Обращаемся в один из толковых словарей английского языка издательства Оксфордского университета за определениями смысловых значений слова *candidate* [8].

Candidate is:

1. (for sth) a person who is trying to be elected or is applying for a job
2. (BrE) a person taking an exam: a candidate for the degree of MPhil
3. (for sth) a person or group that is considered suitable for sth or that is likely to get sth or to be sth.

Для большей убедительности обращаемся еще в один, на этот раз американский, толковый словарь [6] и получаем:

Candidate is:

1. *applicant for office*: somebody who runs for election to a political office or an official position • *names of candidates for the leadership of the party*
2. *applicant for job*: somebody who applies for a new job or is being considered for a new job • *The successful candidate will have had experience with market research.*
3. *likely or suitable person*: somebody who seems suitable for something, for example, a surgical operation or a new treatment protocol, or who seems likely to be affected by a particular disease • *Men in this group are prime candidates for a heart attack.*
4. *exam taker*: somebody who sits for an exam, especially somebody who is scheduled to receive a degree upon passing exams • *She is a candidate for a juris doctor degree in May.*
5. *competitor*: somebody competing with others for a prize or award • *Candidates for Oscars include two Canadians and two Americans.*

На основании приведенной выше информации убеждаемся, что слово *candidat*ени в коей мере не может быть воспринято на английском языке как таковое, которое может иметь какое-либо отношение к определению уровня образования, а значит, к статусу или степени ученого. Оно, скорее, означает промежуточное состояние человека, претендующего на *что-л.* или находящего в поиске *какого-л.* нового для себя состояния, и поэтому никак не подходит по своему смысловому значению к устойчивому состоянию ученого, уже достигшего уровня, который мы хотим адекватно передать средствами английского языка.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что во всех приведенных выше примерах (даны курсивом) единственным предлогом (последологом) является предлог *for*.

Следует также отметить, что в электронном ресурсе ENCYCLOPÆDIABRITANNICA (раздел *Degree*, подраздел *Educational Award*) приведена следующая информация относительно понятия *The candidate of science*: “In Russia diplomas are awarded on completion of a four- or five-year university course. The *candidate of science* (*kandidat nauk*) degree is awarded after several years of practical and academic work and completion of a thesis and is comparable to the American Ph. D. *Doctor of science* (*doktor nauk*) degrees are awarded only by a special national commission, in recognition of original and important research”.

Принимаясь за перевод, напоминаем себе, что его *адекватность* основывается не на совокупном сочетании перевода значений отдельных *слов* оригинала, а на передаче средствами другого языка *смыслового наполнения* переводимой информации как

единого целого, иными словами, *духа*, или *ауры* переводимого словосочетания, выражения или фрагмента текста. В данном случае тот самый *дух* или *аура* как по своей сути, так и по своей роли в процессе перевода и становятся тем *оригиналом*, содержание которого надлежит передать средствами другого языка.

Смысловая аура, или дух, понятия «кандидат наук» на русском языке означает ученую степень, которая является следующим образовательным уровнем после полученного высшего образования. В связи с этим и перевод этого словосочетания должен основываться на «целостно-смысловом», а не «пословно-дословном» содержании понятия, которое за этим словосочетанием кроется. Ищем аналогичное по смысловому содержанию слово или словосочетание в английском языке, поскольку вероятность того, что среднестатистический носитель языка, которому адресована переведенная информация, будет уточнять непонятный ему чей-то образовательный статус в русско-английском словаре, ничтожно мала, если вообще не равна нулю.

Русско-английские словари зарубежных авторов-составителей приводят следующие определения:

1. [N-C] A *doctorate* is:

- the highest level of university degree, usually awarded for a lengthy piece of original research but sometimes for other outstanding achievements. [6];
- the highest degree (= qualification) awarded by a university [7].

3. [N-C] A *PhD* is:

- a degree awarded to people who have done advanced research into a particular subject. PhD is an abbreviation for 'Doctor of Philosophy' [7].

4. (also Ph. D. especially in *AmE*) is the abbreviation for Doctor of Philosophy (a university degree of a very high level that is given to sb who has done research in a particular subject) [8].

При этом:

1. A *Doctor of Philosophy* (PhD, Ph. D., DPhil, or Dr. Phil.; Latin *Philosophiae Doctor*) is:

- (*in British*) a *doctorate* awarded for original research in any subject except *law*, *medicine*, or *theology* [7];
- (*in American*) the highest *doctorate* awarded by a university for original research in any discipline [7];
- the highest degree awarded by a graduate school, usually to a person who has completed at least three years of graduate study and a dissertation approved by a board of professors [9]
- a person who has been awarded this degree. *Abbr.*: PhD [9].

2. [N-C] A *doctor of science* is a member of a university to whom a doctorate has been awarded for his proven record of internationally recognised scholarship. A candidate for the degree will usually be required to submit a selection of his or her publications to the board of the appropriate faculty, which will decide if the candidate merits this accolade [7].

Следует отметить, что в некоторых странах СНГ (см. Закон Украины «Про вищу освіту»: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2984-14>) вместо ученой степени «кандидат наук» введена академическая степень «доктор философии» (*PhD*), что якобы «существенно упрощает перевод документов на иностранные языки».

По мнению автора статьи, в данном определении ошибочным является применение слова «философия» как эквивалент английского слова *philosophy*, входящего в английский вариант названия. Ошибка заключается в том, что в данном случае это слово используется во втором своем значении, относящемся к просвещению, которое означает «область знаний», или просто «наука» (*the liberal arts: the branch of*

learning that includes the liberal arts and sciences and excludes medicine, law, and theology [6]). Подтверждением неуместности использования слова «философия» в этом словосочетании является совокупность определений, приведенных для этого термина в словаре русского языка: *философия*: 1. Наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Античная Ф. Гегелевская ф. Немецкая классическая философия. 2. (чего) Методологические принципы, лежащие в основе какой-н. науки. Ф. математики. 3. Отвлеченные, не идущие к делу рассуждения (разг.). Целую философию развел по пустякам. * Мелкая философия на глубоких местах (ирон.) - о наукообразных и бессодержательных рассуждениях. || прил. философский, -ая, -ое (к 1 знач.) [10].

Из вышеупомянутого видно, что ни одно из данных определений не соответствует тому значению, в котором слово «философия» применяется в оригинальном английском варианте названия данной ученой степени, наиболее близким по смыслу к которому является слово «наука» как область знаний в ее наиболее общем смысле. (*Philosophy is the liberal arts: the branch of learning that includes the liberal arts and sciences and excludes medicine, law, and theology* [7].)

Отсюда и происходит *противоречивость* названия ученой степени, ошибочно принятой в обращение в отдельных системах образования стран СНГ «доктор философии по ... (напр., *экономике, медицине* и др. »).

Возвращаясь к международным стандартам, следует отметить – в качестве сопутствующей нормативной информации – и содержащиеся в соответствующих нормативных документах указания на различные варианты и формы размещения сведений об ученой степени авторов в библиографическом описании изданий [1, p. 531; 11, p. 2134].

При этом в случаях, если такая ученая степень получена в университете населенного пункта, где находится несколько университетов, следует упоминать и названия того университета, в диссертационном совете которого состоялась защита диссертации:

ПРИМЕРЫ:

- Bonnie J. Blackburn, “The Lupus Problem”, Ph. D. diss (University of Chicago, 1970).
- Patrick Collinson, ‘The Puritan Classical Movement in the Reign of Elizabeth I’, Ph. D. thesis (University of London, 1957) [1, p. 531].
- L. A. Holford-Strevens, ‘Select Commentary on Aulus Gellius, Book 2’, D. Phil. thesis (Oxford University, 1971) [1, p. 531].
- Murphy, Priscilla Coit. “What a Book Can Do: Silent Spring and Media-Borne Public Debate.” PhD diss., University of North Carolina, 2000 [11, p. 2134].
- Schwarz, G. J. 2000. Multiwavelength analyses of classical carbon-oxygen novae (outbursts, binary stars). PhD diss., Arizona State Univ. [11, p. 2134].

Ученую степень можно указывать и в скобках:

V. Berridge, ‘Popular Journalism and Working-Class Attitudes, 1854-1886: A Study of *Reynold’s Newspaper, Lloyd’s Weekly Newspaper, and the Weekly Times*’ (Ph. D. thesis, University of London, 1976) [1, p. 531].

В заключение предлагается обсудить вариант перевода на английский язык названия ученой степени «кандидат и доктор наук», предложенный на сайте <http://study-english.info/translation-candidates.php>. Этот источник сообщает, что Министерство образования РФ предлагает следующий порядок соответствия российских ученых степеней зарубежным аналогам:

Doctoral Degrees. In countries with a two-tier system of doctoral degrees, the degree of Kandidat Nauk should be considered for recognition at the level of the first doctoral degree.

In countries with only one doctoral degree, the degree of Kandidat Nauk should be considered for recognition as equivalent to this degree.

In countries with a two-tier system of doctoral degrees, the degree of Doktor Nauk should be considered for recognition at the level of the second doctoral degree.

In countries in which only one doctoral degree exists, the degree of Doktor Nauk should be considered for recognition at the level of this degree. (en. russia. edu. ru)

Верными представляются нижеследующий (не всегда благозвучный) перевод и мнение о том, что при переводе официальных документов в задачу переводчика не входит выявление соответствий научных степеней, а в менее официальных случаях, например, на визитках, можно указать PhD или другой зарубежный эквивалент, понятный носителю языка.

В зависимости от специальности, по которой происходит защита диссертации, соискателю присуждается одна из следующих учёных степеней: кандидат наук (английский эквивалент *Candidate of Sciences*) и доктор наук (английский эквивалент *Doctor of Sciences*).

Что касается приведенных выше рекомендаций МОН РФ, то отечественная и научная и образовательная аудитория примет любые рекомендации от вышестоящей организации (хотя – в отличие от указаний или директив – понятие «рекомендация» не требует обязательного исполнения), а вот будут ли правильно поняты результаты их воплощения в жизнь теми зарубежными коллегами, для которых предназначена соответствующая информация на английском языке, уверенности не вызывает.

При этом следует отметить, что, принимая предложенные выше варианты, мы не только нарушаем правила перевода, который должен преследовать передачу *содержания* оригинала как единого целого, а не быть результатом компоновки перевода на основе совокупности значений каждого из *слов*, с помощью которых это содержание изложено в тексте оригинала. Тем более, что словосочетание «кандидат наук» содержит в себе с точки зрения грамматики русского языка нарушение правила управляемости определяемым слово «наук», поскольку нельзя быть «кандидатом чего-л.», а можно быть кандидатом на что-л. (должность, звание и др.). И эту ставшую привычной «неправильность» не следует сохранять, а необходимо исключать в языке перевода.

Предлагаемое же словосочетание *candidate of science(s)* содержит предлог *of*, который не согласуется со словом *candidate*, предполагающим применение исключительно предлога *for*. В результате предлагаемое словосочетание содержит ряд неправильностей, из которых применение слова *candidate* является смысловым отклонением, а применение предлога *of* – грамматическим, или стилистическим. А в случае применения слова *pedagogy* как ошибочно трактуемого эквивалента слова «педагогика» количество таких нарушений (*читай* – ошибок) будет еще больше, равняясь количеству слов в данном словосочетании. При этом две из них будут смысловыми (значения слов *candidate*, *pedagogy*) и одна – грамматической (применение предлога *of*). А нам остается только догадываться, с каким недоумением воспринимают эту нашу якобы ученую степень иностранцы в такой ее формулировке, а – если учесть грамматическую ошибку – то может встать вопрос и об уровне нашего общего развития.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о том, что для нашей науки и просвещения представляется более важным: не отходить от установившихся традиций, чтобы понимать самих *себя*, или выйти на соответствие международным правилам и

стандартам, чтобы быть правильно понятыми *другими* и быть достойно воспринятыми в ранге ученых вместо вызывающей недоумение роли «претендентов» неизвестно на что.

Если первое, то рекомендуем принять английским эквивалентом понятия «кандидат наук» аббревиатуру *Ph. D.* или *D. Phil (Doctor of Philosophy in ...)*. При этом, согласно международной практике, принадлежность данной ученой степени к той или иной науке подтверждается сокращением, приводимым в скобках. Например, степени кандидата педагогических наук соответствует следующая аббревиатура *Ph. D. (Edu.)* или *PhD (Edu)*, или в полной форме – *Doctor of Philosophy in Education, Doctor of Education*. В таком случае остается создать – поскольку отыскать не удастся – «цельнословной» (а не составленный как совокупность значений отдельных слов) английский эквивалент ученой степени «доктор наук».

Предлагается использовать для этой цели словосочетание *Doctor of Science(s) in ...*, которому соответствует сокращение *DSc* или *D. Sc*. Толкование этого термина на английском языке выглядит следующим образом:

1. A *doctor of science* is a member of a university to whom a doctorate has been awarded for his proven record of internationally recognised scholarship. A candidate for the degree will usually be required to submit a selection of his or her publications to the board of the appropriate faculty, which will decide if the candidate merits this accolade [12].

2. The *Doctor of Science (DSc)* is of a higher standing than either a masters degree (such as the Master of Science (MSc)) or the degree of Doctor of Philosophy (PhD) and is awarded for work that makes an original, substantial and distinguished contribution to knowledge in a field with which the faculty is concerned. Work submitted for the degree normally comprises publications that have appeared in the forms of books or papers in scholarly journals that are then presented in the form of a thesis. The degree will give the applicant authoritative standing in that field and the right to general recognition of this standing by scholars in the field [13].

3. A *doctor of science* is an honorary degree in science [14].

При этом предпоследняя дефиниция, приведенная на официальном вебсайте австралийского Университета Монаш (*Monash University*), свидетельствует о том, что в Австралии, которую следует рассматривать как одну из англоязычных территорий в части ее образовательного и научного пространства, ученой степени *Doctor of Science (DSc)* по своему рангу превышает степень *Doctor of Philosophy (PhD)*. Этим фактом вполне можно обосновать целесообразность использования вышеупомянутого словосочетания (*DSc*) для перевода на английский язык понятия «доктор наук», применяемого в странах СНГ, ввиду сохранения смысловой и содержательной адекватности при передаче этого понятия средствами другого языка.

Следует также отметить, что – в процессе анализа проблемы подбора английского смыслового эквивалента русским понятиям «кандидат наук» и «доктор наук» на фоне необходимости их адекватного восприятия зарубежной научной и образовательной аудиторией – может возникнуть предположение о том, что – в случае их перевода не на смысловой основе, а путем транслитерирования русского слова «кандидат» с помощью английского псевдоэквивалента *candidate* – вероятность ошибочного восприятия зарубежными коллегами ученой степени наших ученых на основе широко используемых и хорошо им знакомых значений слова *candidate* значительно выше вероятности их обращения за дополнительной информацией в словарно-справочные источники, содержащие транслитерированный вариант передачи этого понятия средствами английского языка «на русский лад», что фактически является «исключением из правил». Это, по мнению автора, указывает на целесообразность выполнения перевода нетрадиционных для англоязычной среды понятий, приводя к

уже известным и понятным за рубежом эквивалентам, вместо того, чтобы «изобретать» принципиально новые и поэтому малопонятные для этой среды понятия.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. На основании приведенного выше анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) одной из причин проблем, связанных с переводом научно-академических понятий на иностранный язык, следует считать ряд недостатков в профессиональной подготовке переводчиков, которые заключаются в недостаточной степени их погружения в иноязычную культурно-информационную среду на этапе обучения в вузе. В результате доминирующей в профессиональном ресурсе переводчиков оказывается *лингвистическая* (теоретические знания о языке как об учебной дисциплине) составляющая, наличие которой обуславливает формирование переводчиков как языковедов, при недостаточной степени их *филологической* (практическая адаптация к иноязычной среде на монологической основе применения языка как инструмента обмена информацией) подготовки, чем обуславливается недостаточно развитые у выпускника вуза *чувство языка и навык* владения им на практике.
- 2) анализ общепринятой методики выполнения перевода информации на иностранный язык показал преобладание в данном процессе приемов перевода, основанных на применении двуязычных (в данном случае – русско-английских) словарей, которые не содержат достаточной смысловой информации о предлагаемых ими английских эквивалентах переводимому русскому слову или фразе, что вынуждает переводчика делать выбор их иноязычного эквивалента на основе интуиции, то есть «вслепую». Данное обстоятельство существенно повышает вероятность ошибочного подбора искомого иноязычного эквивалента. В этой связи для совершенствования процесса перевода с целью повышения качества достигнутого результата следует обращаться к толковому словарю иностранного языка с определением необходимого эквивалента на основе приведенной в словаре дефиниции, а также – к оригинальным иноязычным текстам по тематике перевода, заимствуя из них нужную информацию в виде фраз или словосочетаний, в адекватности которых необходимо предварительно убедиться, сверяя значение переводимого слова или фразы с толкованиями, приведенными в монологических словарях иностранного языка;
- 3) анализируя информационную базу, на основе которой должен выполняться перевод информации на иностранный язык, необходимо отметить обязательность ее расширения за счет толковых словарей иностранного языка и текстовых материалов по тематике перевода. При этом на основе последних переводчику следует формировать свой собственный двуязычный (в данном случае – русско-английский) фразеологический словарь, незаменимость которого объясняется отсутствием необходимой информации в библиотечных фондах и Интернет-источниках словарно-справочного характера [12, с. 19-31; 15, с. 19-31; 16, с. 231-244];
- 4) формирование приемов самоконтроля качества выполненного перевода со стороны переводчика должно заключаться в следующем: с целью соблюдения основного правила перевода, которое заключается в том, что перевод должен обеспечивать передачу смыслового *содержания* оригинала как единого целого, вместо того, чтобы представлять собой результат компоновки на основе совокупности значений каждого из *слов*, с помощью

которых это содержание изложено в тексте оригинала, перевод должен быть выполнен и проверен переводчиком на соответствие этому требованию, после чего должно быть выполнено его окончательное редактирование носителем языка, обладающим достаточным уровнем интеллектуального и общекультурного развития. При этом ответственность за соответствие терминологического наполнения выполненного перевода требованиям международной лексики сохраняется за переводчиком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Oxford Guide of Style. – 2nd edition. – Oxford New York: Oxford University Press. 2002. – 639 p.
2. Игнатъев-Каллэхэм Л. Русско-английский химико-политехнический словарь / Л. Игнатъев-Каллэхэм. – Москва: Наука-Уэйли, 1993. – 852 с.
3. Кацнер К. Русско-английский словарь / К. Кацнер. – Москва: ПолиКом, 1991. – 496 с.
4. Романов А. С. Русско-английский и англо-русский словарь / А. С. Романов. – Москва: МИКП ИнноКо, 1992. – 509 с.
5. The Oxford Russian Dictionary. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1993. – 1340 p.
6. Bloomsbury English Dictionary. – London: Bloomsbury Publishing Plc, 2004. – 2166 p.
7. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. – 5th edition. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2006. – 1704 p.
8. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby, A. P. Cowie, J. Windsor Lewis. – 6th edition. – London: Oxford U. P., 2004. – 1600 p.
9. Random House Unabridged Dictionary. – 2nd edition. – New York: Random House, Inc., 1993. – 2478 p.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. / [АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Русский язык, 1981. – Т. 4. – 792 с.
11. The Chicago Manual of Style. – 15th edition. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 2003. – 956 p.
12. Мерхелевич Г. В. Русско-английский словарь фраз и словосочетаний для обучающихся на английском языке / Г. В. Мерхелевич. – Донецк: ЧП АРПИ, 2009. – 912 с.
13. Graduate research - Science – Monash University [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.monash.edu/science/future-students/graduate-options/Graduate-research/doctor-of-science> (Дата последнего обращения - 22.11.2017.).
14. Dictionary: Vocabulary.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vocabulary.com/dictionary/Doctor%20of%20Science> (Дата последнего обращения - 22.11.2017.).
15. Русско-английский словарь фраз и словосочетаний для университетов с преподаванием на английском языке / под ред. Г. В. Мерхелевича. – 2-е изд., испр. и доп. – Донецк: ЧП АРПИ, 2009. – 1042 с. (Серия: Научно-техническая библиотека).
16. Мерхелевич Г. В. Английский язык: как учить(ся), чтобы обучиться) / Г. В. Мерхелевич. – 3-е изд., доп. – Донецк: ЧП АРПИ, 2013. – 236 с. (Серия: Научно-техническая библиотека).

Поступила в редакцию 29. 04.2018 г.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF PROVIDING CONTENT-SIGNIFICANT ADEQUACY OF ACADEMIC AND SCIENTIFIC CONCEPTS IN TRANSLATION TO ENGLISH LANGUAGE

G. V. Merkhelovich

This paper deals with discussing a problem of adequate Russian-English translation of academic, research and scientific terminology and word combinations. The problem in question is considered and discussed as one analyzed on the basis of wrong translation cases observed, with relevant explanations and evidence of the mistakes made provided. A special focus is directed towards proper ways of Russian-to-English translation of typical Russian doctorate degrees.

Key words: adequacy, definition, doctorofscience(s), informationbase, doctorofphilosophy, translation, synonym, meaning, monolingual dictionary, equivalent.

Мерхелевич Геннадий Викторович

Кандидат педагогических наук

Генеральный директор

Предприятие АРПИ (учебно-метдический
комплекс иностранных языков)

e-mail: info@arpi.com.ua

Merkhelevich Gennady Viktorovich

Candidate of Pedagogical Sciences

General Manager

The ARPI ELT & Translation Agency

e-mail: forarpi@gmail.com.ua

УДК 378+620.3

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «НАНОМАТЕРИАЛЫ И НАНОТЕХНОЛОГИИ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

© 2018. *Приседский В. В.*

© 2018. *Волкова Е. И.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

Обсуждаются цели и содержание дисциплины «Наноматериалы и нанотехнологии» в технических университетах. Как примеры для иллюстрации подходов рассмотрены физические и химические свойства фуллеренов и углеродных нанотрубок, а также возможности использования приемов нанотехнологии для улучшения параметров сегнетоэлектрических керамических материалов.

Ключевые слова: наноматериал, фуллерен, нанотрубка, наноструктурная пьезокерамика.

Целью дисциплины «Наноматериалы и нанотехнологии» в технических университетах является формирование у студентов системы знаний и представлений в области теоретических и практических основ нанотехнологий и наноматериалов, их применений и перспектив дальнейшего развития в отраслях народного хозяйства, необходимых для профессиональной деятельности в условиях стремительного развития нанонауки и нанотехнологий. Основное внимание уделяется созданию системы знаний и представлений, составляющих теоретические и практические основы нанотехнологий, процессов разделения, синтеза, сборки и модифицирования свойств наноматериалов путем поатомного манипулирования, их приложения и перспектив дальнейшего развития во многих отраслях народного хозяйства [1; 3].

Такое направление позволяет будущим специалистам создать естественный фундамент, на базе которого будут развиваться и углубляться инженерные знания при дальнейшем развитии нанотехнологий и областей применения наноматериалов.

Изучение основных понятий и достижений нанотехнологии, видов наноматериалов, основных технологий их формирования, методов исследования наноструктур, основных физических и химических свойств наноматериалов, современных достижений в применении наноматериалов и нанотехнологий в разных отраслях техники формирует у студентов соответствующие знания, умения и навыки для использования их в профессиональной деятельности, знакомит слушателей с основными понятиями и представлениями нанотехнологии и наноматериалов, классификацией и основными свойствами наноматериалов, методами формирования наноструктур.

Данная дисциплина становится одной из наиболее важных в подготовке специалистов самого разного профиля: химиков, металлургов, горняков, механиков, инженеров по информационным технологиям и др.

Изложение дисциплины «Наноматериалы и нанотехнологии», как и любой другой учебной дисциплины, должно начинаться с определения ее места в общем комплексе учебных программ. Нанотехнология является междисциплинарным разделом фундаментальной и прикладной науки и техники, имеющим дело с теоретическим обоснованием, практическими методами исследований, методами анализа и синтеза, а также методами производства и использования продуктов с заданной атомарной структурой, полученной путем манипулирования отдельными атомами и молекулами.

Учебная дисциплина «Нанотехнологии и наноматериалы» имеет связи с такими естественнонаучными дисциплинами как «Математика», «Физика», «Химия», «Основы экологии», «Материаловедение и организация технологических процессов» и дисциплинами цикла профессиональной и практической подготовки: «Геотехнологии. Механика горных пород», «Материаловедение», «Управление состоянием массива горных пород», «Охрана труда».

Остановимся на особенностях изложения одного из важнейших разделов курса «Физические и химические свойства нанообъектов».

При рассмотрении современных достижений в области наноматериалов особый интерес представляют материалы, созданные на основе углерода. Необходимо донести слушателям тот важный факт, что в зависимости от того или иного расположения атомов углерода можно получить материалы с совершенно различными свойствами.

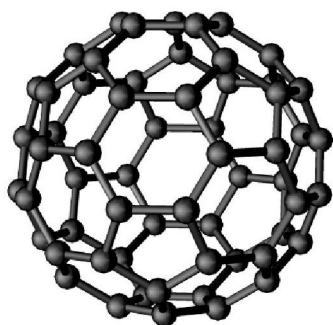

Рис. 1. Молекула C_{60}
(компьютерная модель)

В курсе «Общая химия» при изложении темы «Строение атома. Периодический закон Д. И. Менделеева» студентов знакомят с основными аллотропными модификациями углерода: алмаз, графит, карбин и фуллерен. В дальнейшем в курсе «Нанотехнологии и наноматериалы» представляется возможным более подробно рассмотреть строение фуллеренов, которые являются молекулярными соединениями и представляют собой выпуклые

замкнутые многогранники. В настоящее время понятие «фуллерены» применяется к широкому классу многоатомных молекул углерода с общей формулой C_n (n – четное число), имеющих форму замкнутого полого многогранника. Наиболее известные фуллерены – C_{60} и C_{70} . Следует отметить, что были синтезированы и изучены и другие молекулы фуллеренов, содержащих различное число атомов углерода – от 36 до 540 и более, причем молекула C_{60} является самой симметричной из всех известных на сегодняшний день. Она состоит из шестидесяти атомов углерода, расположенных на сферической поверхности с диаметром 1 нм (рис. 1) [2; 3].

При описании физических свойств необходимо ознакомить слушателей с кристаллической структурой фуллерита C_{60} : он обладает кубической структурой с ГЦК-решеткой, имеющей постоянную решетки 1,42 нм и плотность $1,65 \pm 0,03$ г/см³. Данное вещество устойчиво на воздухе, не плавится и не разлагается до 360°C, при более высоких температурах сублимирует. В кристалле молекулы C_{60} связаны, в основном, Ван-дер-Ваальсовым взаимодействием.

При изложении некоторых исторических аспектов следует подчеркнуть, что молекулы такого состава были получены в 1985 г. Г. Крото, Р. Смолли и Р. Кёрли при изучении масс-спектров пара, образовавшегося при лазерном облучении (абляции) твердых образцов графита. Полиэдрические кластеры углерода получили название фуллеренов, а наиболее распространённая молекула C_{60} — бакминстерфуллерена, по имени американского архитектора Бакминстера Фуллера, применявшего для постройки куполов своих зданий пяти- и шестиугольники, являющиеся основными структурными элементами молекулярных каркасов всех фуллеренов.

Знакомство слушателей с формами существования аллотропных модификаций углерода необходимо продолжить изучением таких искусственно созданных образований как углеродные нанотрубки (УНТ). Они были обнаружены в 1991 году в

лаборатории в Цукуба, Япония, при изучении сажи, полученной в электрическом разряде между двумя угольными электродами [2; 3].

УНТ имеют форму трубок или цилиндров диаметром от одного до нескольких десятков нанометров и длиной до нескольких сантиметров. Они состоят из атомов графита, но обладают другими, не свойственными графиту характеристиками.

В качестве основных способов получения УНТ можно рассмотреть:

- электродуговое распыление графита;
- абляция графита с помощью лазерного облучения;
- каталитическое разложение углеводородов.

Искусственно полученные нанотрубки могут быть однослойными и многослойными, причем идеальная однослойная нанотрубка образуется путем сворачивания плоскости графита, состоящей из правильных шестиугольников, в цилиндрическую поверхность. Результат сворачивания зависит от угла ориентации графитовой плоскости относительно оси нанотрубки.

Как правило, УНТ представляют собой графеновую плоскость, т. е. отдельную плоскость структуры графита с атомами углерода в состоянии sp^2 гибридизации, свернутую в цилиндр (рис. 2). Однослойные нанотрубки могут иметь металлическую проводимость или быть полупроводниковыми в зависимости от ориентации

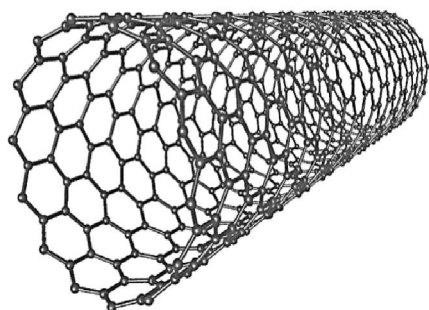

Рис. 2. Графеновая плоскость, свернутая в цилиндрическую нанотрубку (УНТ)

гексагональной сетки по отношению к продольной оси нанотрубки. Это свойство известно как хиральность.

Важно отметить, что углеродные нанотрубки обладают различными уникальными свойствами, такими как способность выдерживать большие напряжения с небольшой упругой деформацией (модуль Юнга = 1000 ГПа), способность выдерживать огромные растягивающие напряжения (до 30 ГПа), имеют высокую плотность тока (10^9 А/см²) и большую теплопроводность (6000 Вт/мК).

До сих пор исследователями во всем мире были разработаны несколько методик для синтеза УНТ. Наиболее распространенными методами являются дуговой разряд и химическое осаждение паров. Эти методы использовались на протяжении многих лет и значительно улучшены, но они по-прежнему имеют:

- низкую производительность;
- очень высокую стоимость;
- сложности в настройке диаметра нанотрубки;
- трудности в создании УНТ без примесей.

В последнее время наблюдается подлинный бум исследований, направленных на выяснение физико-химических характеристик нанотрубок. Можно указать на два основных стимула, мотивирующих развитие таких исследований. С одной стороны, это фундаментальный аспект, обусловленный миниатюрными размерами и уникальными физико-химическими характеристиками нанотрубок. С другой стороны – возможности значительного прикладного потенциала нанотрубок. Расширение подобных исследований связано еще и с тем, что многие свойства нанотрубок зависят от их геометрии.

Для УНТ установлена однозначная связь между структурой и проводящими свойствами. Это является следствием зависимости электронной структуры нанотрубки

от ее хиральности, которая представляет собой структуру заполненных электронных состояний. В зависимости от диаметра и хиральности УНТ могут быть металлическими или полупроводящими. При этом, такие важные характеристики электронных свойств полупроводящей нанотрубки, как ширина запрещенной зоны, электросопротивление, концентрация и подвижность носителей заряда, определяются ее геометрическими параметрами диаметром и хиральностью, т. е. углом ориентации графитовой поверхности относительно оси трубки.

На сегодняшний день перед исследователями остается еще много вопросов в связи с выбором переменных, которые могут оказать влияние на формирование и рост УНТ, таких как температура, давление и тип используемого катализатора.

При изготовлении УНТ важным аспектом является большая концентрация примесей, которые остаются встроенными внутри сети нанотрубок после обработки. Как следствие, порошок необходимо очищать для уменьшения количества примесей. Это обычно достигается путем фильтрации либо окислением кислотой или газом. Однако эти методы либо приводят к растворению некоторых из УНТ, вызывая их структурные повреждения, либо не в состоянии удалить крупные агрегаты частиц. Кроме того, эти методы, как правило, весьма дорогостоящие.

Благодаря своим выдающимся свойствам углеродные нанотрубки находят достаточно широкое применение в различных областях. Это производство нанокompозитов, многих объектов наноэлектроники, создание устройств для хранения водорода, изготовление полевых транзисторов и наносенсоров.

При изучении свойств УНТ, делающих возможным их применение в наноэлектронике, следует напомнить слушателям, что полевые транзисторы, используемые для усиления рабочего сигнала, в настоящее время изготавливаются из кремния и имеют размеры в несколько сотен нанометров. Об этом шла речь при изучении соответствующих разделов физики. Использование углеродных нанотрубок с размером менее 1 нм в диаметре позволяет уменьшить размер этих компонентов микросхем, являющихся частью электронного чипа.

Применение УНТ в области топливных элементов и батарей также является важным в рассмотрении вопросов их использования. В топливных элементах углеродные нанотрубки используются как хранилище водорода. Например, при создании водородных элементов для автомобильной промышленности водород должен содержаться в емкостях небольших объемов и веса, но позволять транспорту преодолевать разумные расстояния, по крайней мере, до 500 км. Это становится возможным в случае использования УНТ. В продолжение темы топливных элементов следует отметить, что все больший интерес вызывает возможность использования углеродных нанотрубок в качестве носителя катализатора катодных и анодных процессов топливного элемента.

И, конечно же, необходимо учесть, что углеродные нанотрубки обладают высокой пористостью, большой удельной площадью поверхности, высокой электропроводностью и химической стабильностью, что позволяет использовать их как основу для суперконденсаторов.

В курсе физики рассматриваются процессы накопления энергии в обычных конденсаторах. Этот процесс происходит при передаче электронов от одного металлического электрода к другому, при этом электроды должны быть разделены изоляционным материалом. Емкость устройства зависит от расстояния между электродами и природы диэлектрика между ними. В случае суперконденсаторов используется двойной электрический слой, каждый из которых состоит из очень пористых электродов, погруженных в электролит. Если электроды изготавливаются из

углеродных нанотрубок, эффективное разделение зарядов составляет около нанометра, что существенно меньше расстояний порядка микрометра в обычных конденсаторах. При этом за счет малого расстояния между электродами в сочетании с большой площадью поверхности емкость этих устройств увеличивается на один-два порядка и составляет от 18 до 250 Ф/г.

В качестве другого и более частного примера в изучаемом курсе можно рассмотреть результаты современных исследований возможности использования наноструктурных материалов для улучшения параметров сегнетоэлектрической керамики [4; 5]. Основной особенностью сегнетоэлектриков – важных материалов современной электронной техники – является спонтанная поляризация. В отсутствие внешних электрических полей сегнетоэлектрик разбивается на области с различным направлением самопроизвольной поляризации – сегнетоэлектрические домены. Диэлектрические и пьезоэлектрические свойства во многом зависят от подвижности границ доменов (доменных стенок) в переменных полях.

Многочисленные исследования показали, что снижение размера поликристаллических зерен ограничивает подвижность доменных стенок и приводит к снижению электрофизических свойств. Как видно на рис. 3, величина температуры Кюри T_C свободных частиц нанопорошков титаната бария снижается с уменьшением размера кристаллитов d_k , свидетельствуя о подавлении сегнетоэлектрического состояния в нанодиапазоне [4-7].

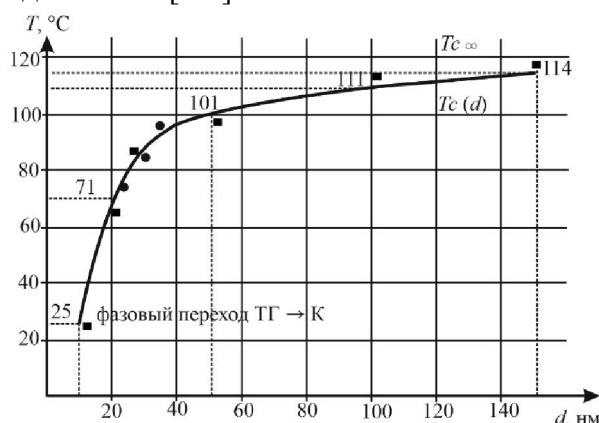

Рис. 3. Зависимость температуры Кюри T_C от размера d частиц порошка титаната бария [5]

Тем не менее, из нанопорошка сегнетоэлектрика можно получить керамические изделия с повышенными свойствами. Это показано на примере образцов цирконата-титаната свинца (ЦТС) состава $Pb(Zr_{0,52}Ti_{0,48})O_3$ [8]. Для достижения высоких свойств необходимо создать в материале двухуровневую зернистую структуру.

Такая структура создается при точном подборе условий спекания керамики, спрессованной из предварительно синтезированного нанопорошка. В таком материале наноразмерные кристаллиты, разделенные малоугловыми границами и генетически связанные с частицами исходного нанопорошка, существуют наряду с разделенными большеугловыми границами значительно более крупными зернами. Последние образуются не в результате обычного рекристаллизационного роста исходных нанокристаллических частиц, а путем объединения многих (10^3 - 10^4) кристаллитов, коррелированно изменивших под действием высокой поверхностной энергии свои ориентации путем проскальзываний и поворотов (рис. 4). Наноразмерные кристаллиты в таком материале соответствуют известным областям когерентного рассеяния (ОКР),

но важно, что в данном случае их размер искусственно задается размером частиц предварительно синтезированного нанопорошка.

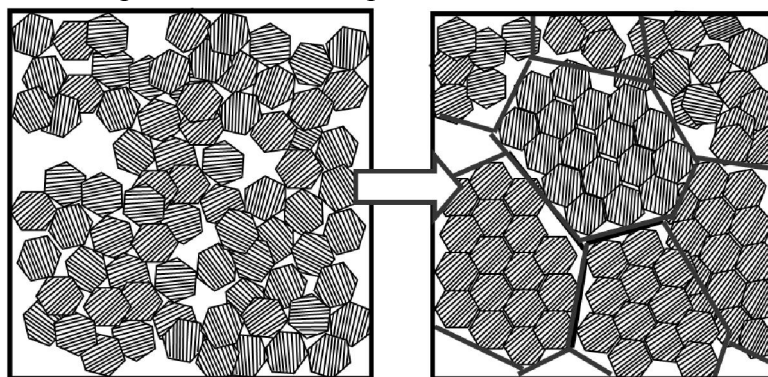

Рис. 4. Формирование двухуровневой зернистой микроструктуры в прессовках нанопорошка [8]

Более значительные расстояния между большеугловыми границами, играющими роль стопоров, способствуют высокой подвижности доменных стенок. С другой стороны, этому же способствует развитая поверхность и высокая поверхностная энергия границ нанокристаллитов внутри больших зерен. Повышенная локальная энергия увеличивает подвижность ионов решетки, в то время как малая разориентация на границах не стопорит доменные стенки. Эти дополнительные вклады в подвижность доменных стенок и приводят к более высоким электрофизическим свойствам сегнетокерамики, спеченной из нанопорошков, по сравнению с полученной традиционным методом.

Данный пример интересен тем, что размерные эффекты нанодиапазона ярко проявляются даже в том случае, когда они реализуются только на одном из многих уровней структурной иерархии материала, в этом случае – только на уровне областей когерентного рассеяния.

Рассмотрение наглядных примеров по использованию наноматериалов в различных отраслях промышленности и производства необходимо проводить с учетом особенностей будущей специализации слушателей. Это позволит возбудить мотивированный интерес к изучению данного курса и сформировать у студентов достаточно полную картину достижений современных нанотехнологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Volkova, E. I. Carbon nanotubes and their properties in the course on nanomaterials for engineering students / E. I. Volkova, V. V. Prisedsky // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: Хімія і хімічна технологія. – 2013, Вып. 1(20). – С. 186–193.
2. Schodek, D. Nanomaterials, Nanotechnologies and Design / Daniel Schodek Paulo Ferreira Michael Ashby. – Butterworth-Heinemann. – 2009. – 560 p.
3. Илюшин В. А. Физикохимия наноструктурированных материалов: учебное пособие / В. А. Илюшин. – НГТУ. – 2013. – 107 с.
4. Praveenkumar, B. Size effect studies on nanocrystalline $Pb(Zr_{0.53}Ti_{0.47})O_3$ synthesized by mechanical activation route / B. Praveenkumar, G. Sreenivasalu, H. Kumar, D. Kharat, M. Balasubramanian, B. Murty // Mater. Chem. Phys. – 2009. – Vol. 117. – P. 338.
5. Banerjee, A. Free-standing lead zirconate titanate nanoparticles: low-temperature synthesis and densification / A. Banerjee, S. Bose // Chem. Mater. – 2004. – Vol. 16. – P. 5610.
6. Zhu, W. Low temperature processing of nanocrystalline lead zirconate titanate (PZT) thick films and ceramics by a modified sol-gel route / W. Zhu, Z. Wang, C. Zhao, O. K. Tan, H. H. Hong // Jpn. J. Appl. Phys. – 2002. – V. 41. – P. 696.

7. Приседский, В. В. Слабосвязанный кислород и сверхпроводимость в $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_x$ / В. В. Приседский, П. Н. Михеенко, Ю. М. Иванченко, Б. Я. Сухаревский // Физика низких температур. – 1989. – Т. 15, № 1. – С. 8–16.
8. Prisedskii, V. V. Production and Properties of Nanostructured Metal-Oxide Lead Zirconate–Titanate Piezoceramics / V. V. Prisedskii, V. V. Pogibko, V. S. Polishchuk // Powder Metallurgy and Metal Ceramics. – 2014. – Vol. 52, No. 9-10. – P. 505–513.

Поступила в редакцию 29. 04. 2018 г.

EXPERIENCE OF TEACHING A COURSE IN NANOMATERIALS AND NANOTECHNOLOGIES FOR ENGINEERING STUDENTS

Prisedsky V. V.

Volkova E. I.

Tasks and contents of the “Nanomaterials and Nanotechnologies” in technical universities are discussed. As examples illustrating applied approaches, the physical and chemical properties of fullerenes and carbon nanotubes are considered as well as possibilities of using the methods of nanotechnology to improve the functional parameters of ferroelectric ceramic materials.

Key words: nanomaterial, fulleren, nanotube, nanostructured piezoceramics.

Приседский Вадим Викторович

Доктор химических наук, профессор
Заведующий кафедрой общей химии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»
e-mail: prisedsky@feht.donntu.org

Prisedsky Vadim Viktorovich

Doctor of Science (Chemistry), Professor
Head of the Chair of General Chemistry
SEI HPE „Donetsk National Technical University“
e-mail: prisedsky@feht.donntu.org

Волкова Елена Ивановна

Кандидат химических наук, доцент
Кафедры общей химии
Донецкий национальный технический университет
e-mail: a.volkov@mail.ru

Volkova Elena Ivanovna

PhD in Chemistry, Assistant Professor
The Chair of General Chemistry
SEI HPE “Donetsk National Technical University”
e-mail: a.volkov@mail.ru

УДК 378.1

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2017. *Приходченко Е. И.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

© 2017. *Маркова Е. А.*

ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»

В данной статье были рассмотрены проблемы управления современным отечественным образованием на отечественном и зарубежном опыте. Авторами рассмотрены и разработаны научно-методические и практические рекомендации по повышению уровня управления образовательным процессом. Особое внимание обращается на то, какими качествами должен обладать современный педагог. В результате выявлено ряд факторов, которые оказывают влияние на механизмы реализации высококачественного управления учебным процессом.

Ключевые слова: образовательный процесс, менеджмент в управлении учебным процессом, формирование управленческих качеств педагога.

В начале третьего тысячелетия общество требует реформ в системе отечественного образования, направленного на внедрение инноваций в структуру и содержание преподавания для получения лидирующих мест на мировом рынке подготовки высококвалифицированных кадров. Высококачественное образование является одним из жизненно необходимых ценностей индивида, которое играет важную роль в экономическом, культурно-духовном, интеллектуальном развитии общества, а также является гарантией устойчивости и стабильности развития нации.

В настоящее время интеллектуальный потенциал является не только личностной характеристикой, но и базовой частью развития человека. Подготовка высококвалифицированных специалистов в области педагогики с высокодуховными, устойчивыми моральными качествами – это и есть фундамент духовного, культурного и социального развития страны в долгосрочной перспективе.

Актуальность исследования сферы образования обусловлена тем, что современные международные рыночные отношения изменили характер функционирования образовательной системы. На протяжении всего времени в отечественном образовании царил авторитарно-бюрократическая система в отличие от западных стран, которые давно работают по корпоративному стилю. Исходя из этого мировой опыт показывает, что постиндустриальная система управления недееспособна.

Весомый вклад в отечественные исследования менеджмента в образовании внесли – Бабанский В. К., Батулин В. К., Буданов В. Г., Гончаров М. А., Друкер П., Журавлев В. А., Кравцов О. А., Комлев М. Х., Корчагин Е. А., Моргенстерн Д., Нессебар Д., Подласый И. П., Стембольский Э., Трапицина С. Ю., Фрейдина Е. В., Харитоновна В. А., Шеремет М. А и др. [1-15].

Целью исследования является разработка теоретико-методологических, научно-методических и практических рекомендаций по повышению уровня управления образовательным процессом.

Для достижения поставленных целей нами будут разрабатываться такие задачи: формирование управленческих качеств педагога;

более подробное изучение терминов технологий, связанных с управлением образовательным процессом в контексте дефиниции «управление» («менеджмент»).

Рассмотрим менеджмент в образовании, какими качествами должен обладать современный педагог. Для осознания сущности понятия менеджмент, а также основных понятий, связанных с данным термином, необходимо для начала рассмотреть понятие управления.

Управление – это целенаправленное влияние на объект с целью его стабилизации или изменения в соответствии с поставленными задачами через особый вид деятельности, который превращает неорганизованную учебную группу в эффективный, целеустремленный и продуктивный коллектив [8].

Управление - это процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь поставленных целей в целенаправленном искусстве управления для достижения поставленных задач. В этом случае педагог выступает как фацилитатор.

Необходимо отметить, что понятие управления в разных сферах деятельности трактуется по-разному. Многие ученые в термин «управление» вкладывают многогранное понятие, которое совершенствуется и дополняется в каждую эпоху.

Под термином «управление» чаще всего понимают:

- целенаправленное воздействие на объект с целью направить его поведение в зависимости от экономических и политических изменений;
- особый вид деятельности, который направлен на достижение целей организации и представляет собой способ поддержания целостности коллектива;
- самостоятельная наука [9].

За всю эпоху исследований термина «управление» было подчеркнута много разных аспектов управленческой деятельности, таких, как:

- процесс влияния на сферу деятельности объекта, коллектива и организации с целью достижения поставленных задач [10];
- объединение усилий подчиненного и руководителя для достижения запланированных целей [11];
- упор на компетентность организующего начала коллектива для достижения общих целей [15].

Исходя из этого, для достижения поставленных задач управление обязано соединять человеческие и материальные ресурсы.

Резюмируя вышеприведенные определения управления, можно сделать вывод, что менеджмент – это использование управленческих методологий и методов, направленных на организацию коллектива с целью получения как можно лучших положительных результатов. Задачей менеджмента является правильная организация слаженной работой коллектива для повышения качества и скорости предоставления образовательных услуг.

Особую роль в образовании занимает менеджмент, так как в последнее время сфера образования требует гибкого подхода в управлении.

Итак, образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения и развития являющийся значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, установок, опыта деятельности и компетенции определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [12].

Образование – это объем систематизированных знаний, умений, навыков, способов мышления, которыми овладел обучаемый [13]. То есть, нами делается вывод:

образование – это совокупность знаний, умений, навыков используемый для интеллектуального развития человека.

Отсюда следует, что менеджмент в образовании – это искусство управления интеллектуальными, материальными и финансовыми ресурсами человека в целях эффективного и действенного функционирования организации. Эффективность менеджмента высшего образования зависит, прежде всего, от степени взаимодействия всех ее элементов на всех уровнях управления.

В этих условиях особую значимость приобретает принцип системности как основополагающий в процессе формирования результативного комплекса управленческих мероприятий. Современная сфера образования – это сфера внедрения и реализации инноваций. А менеджмент в образовании также является инновацией.

Многие думают, что такое новое направление связано с бизнесом, экономикой и политикой, однако это не совсем так. Итак, менеджмент в образовании – это специфическая отрасль, вобравшая в себя истоки педагогики и цикл социально-гуманитарных дисциплин для результативного управления образовательными организациями и сферой образования в целом. Менеджмент в образовании можно назвать «пилотным» проектом, так как зачастую методом проб и ошибок продолжают поиски наиболее оптимальных и приемлемых на данном этапе существования социума путей развития доступного образования.

В мировой практике менеджмент выступает как наука, искусство и деятельность по мобилизации интеллектуальных, материальных и финансовых ресурсов в целях эффективного и действенного функционирования организации. В менеджменте воедино соединяются как бы два направления: коммерческо-экономическое, или как его еще называют, организационно-техническое, и психолого-педагогическое, связанное с управлением людьми, с организацией коллектива для достижения конечной цели.

Зарубежная практика показывает, что менеджмент в образовании определяется как «сосредоточение на процессе принятия наиболее многозначащих решений в школе» [14]. А основополагающая идея менеджмента в ВУЗах и в учебном процессе основана на децентрализации управления в системе образования, то есть в ее контексте педагог обязан быть наделен правом участвовать в разработке и принятии наиболее важных и весомых решений.

Педагогический менеджмент – это один из составляющих компонентов менеджмента в образовании, который включает в себя мотивационные и творческие инструменты в управлении образовательным процессом. Внедрение педагогического менеджмента в практику деятельности современного образовательного учреждения вызвано необходимостью осуществления адекватного управления в условиях реформирующегося отечественного образования, когда образовательные учреждения уходят от идентичности, предоставляя населению вариативные образовательные услуги, развиваются на основе демократизации, участвуют в инновационных процессах.

Менеджер в образовании – это профессионал в управлении административными, финансовыми и учебными процессами в системе образования на макро- и микроуровне, обладающий организаторскими и коммуникативными качествами. Он стремительно приобретает социальный статус и целенаправленно повышает образовательный уровень в сфере управления образовательной организацией, а также повышает эффективность рабочего процесса не только педагогических кадров, но и обучаемых. Исходя из этого, стоит разделять понятия «педагогический менеджмент», который направлен только на учебный процесс, и «менеджер в образовании», который включает в себя комплекс управленческих навыков по всем направлениям деятельности.

В управлении учебным заведением необходимо выделить три этапа. На первом этапе осуществляются исследования всего учебного заведения и дается предположительная оценка деятельности образовательной организации, на втором – происходит мониторинг с помощью различных социологических, психологических методов, и на третьем – делается заключение о положении дел, а также предлагаются варианты улучшения ситуации. Исходя из этого, без эффективного менеджмента вряд ли можно добиться высоких результатов в какой-либо сфере деятельности. И образование – не исключение.

В связи с этим в менеджменте образования можно выделить ряд факторов, которые оказывают влияние на механизмы реализации высококачественного управления учебным заведением. В числе таковых:

- выявление системообразующих элементов менеджмента в образовании;
- цели управления учебным процессом;
- методы, задействованные субъектами менеджмента;
- задачи, которые стоят перед менеджером;
- основные принципы, на которые опирается преподаватель;
- функции менеджмента в образовании [6].

Системообразующими элементами в сфере образования являются субъекты (педагогические кадры) и объект менеджмента в образовании, то есть взаимоотношения между управленцем и подчиненными, сотрудниками учебного заведения.

Выстраивание целей детерминировано необходимостью внедрения каких-либо нововведений в управлении учебным заведением. Данные инновационные процессы сопровождаются позитивными результатами.

Классификация методов многообразна: экономические (распределение бюджета учебного заведения); административные (приказы, распоряжения); социально-психологические (урегулирование трудовых споров, конфликтных ситуаций среди сотрудников и учащихся), которые могут использоваться одновременно.

Основными задачами являются: создание инструментария для достижения поставленных целей; формирование высококвалифицированного педагогического состава; приобретение финансовых и организационных ресурсов; производство апробации новшеств и осуществление мониторинга результатов «пилотных» проектов.

Одними из приоритетных качеств менеджера в образовании являются: рационализм (рациональное использование финансовых средств); социальная ориентированность (педагог должен уметь направлять свои усилия не только на локальный социум, но и общество в целом); стабильность (в ходе внедрения новшеств результаты должны оставаться устойчивыми); последовательный подход к инновациям.

На данный момент исследователи выделяют несколько функций менеджмента, характерные для образования: организация (объединение коллектива для достижения поставленных целей и задач); планирование (постепенное выстраивание целей и задач); мотивация (преподаваемая дисциплина должна вызывать интерес у учащихся); контроль (проверка выполнения модернизации учебного процесса),

Оценкой качества управления в сфере образования являются:

- эффективность использования нововведений на практике;
- степень позитивного социального восприятия среди субъектов и объектов педагогического менеджмента;

- наличие положительных показателей качества образовательного процесса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы, что:

- руководителю, педагогу образовательной организации или сотруднику государственных органов в сфере образования в настоящее время недостаточно иметь только педагогическое образование;

- в ходе экономического развития можно проследить стремление сферы управления расширить свои возможности за счет построения правильной тактики и стратегии управления персоналом или образовательной организацией в целом;

- в науке управления, как и в других науках, существует ряд остро стоящих проблем, которые требуют немедленного решения и анализа, активизации дополнительных трудовых и материальных ресурсов и правильного принятия решений;

- в современном мире требования к образованию очень высоки, и потому основная проблема руководства образовательного учреждения заключается в нехватке молодых специалистов административного направления. Все заместители руководителя – педагоги опытные и с большим стажем работы, с традиционными взглядами на управление, так называемой, старой закалки, поэтому весь учебно-воспитательный процесс на современном этапе развития общества постепенно утрачивает актуальность. Необходимы переподготовленные специалисты с учётом требований и вызовов современного общества. Требуется более глубокого изучения организации управления отдельной учебной группы.

Успешным образование, с точки зрения управления, экономики, маркетинга и педагогики, станет тогда, когда руководитель будет нацелен на развитие и благополучие учебного заведения индивидуального подхода к каждому к каждому обучаемому с учетом использования современных методов и инструментов управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабанский, В. К. Рациональная организация учебной деятельности/ В. К. Бабанский - М.: Знание, 1981. – 96 с.
2. Буданов, В. Г. Управление образовательным процессом в современных условиях: инновации и проблемы моделирования/ В. Г. Буданов, В. А. Журавлев, В. А. Харитонова // Информационный портал Ips. su. - 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://isps.su/2016/01/18/upravlenie-obrazovatelnyim-protsesso>
3. Батурич, В. К. Общая теория управления: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Экономика» и «Менеджмент» / В. К. Батурич. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. - 487 с.
4. Гончаров, М. А. Основы менеджмента в образовании: учеб. пособие /М. А. Гончаров. – М.: КноРус, 2010. – 480 с.
5. Друкер, П. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы / П. Друкер // пер. с англ. Бук Чембер Интернешнл. – М.: ИНФРА-М, 1992. – 146 с.
6. Комлев, М. Х. Система ключевых показателей эффективности как инструмент совершенствования менеджмента организации // Теория и практика общественного развития. - 2015. - № 20. - С. 107 - 109.
7. Корчагин, Е. А. Компетентностный подход и традиционное представление о высшем образовании// Высшее образование в России. 2016. №11 . с. 47-54
8. Менеджмент в образовании: учебник и практикум / под общ. ред. С. Ю. Трапицина. – М.: ЮРАЙТ, 2017. – 414 с.
9. Нессебар, Д. Педагогический менеджмент в образовании / Д. Нессебар // Информационный портал Syl. ru. – 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.syl.ru/article/198834/new_pedagogicheskiy-menedjment-v-obrazovanii.
10. Приходченко, К. І. Освітній менеджмент/ К. І. Приходченко-Донецьк:ДУіІШ, 2011. – 412 с.
11. Подласый, И. П. Педагогика: учебник/ И. П. Подласый. - Изд. 2-е- М: Юрайт, 2011. -574 с
12. Стембольский, Э. Что такое управление – полный обзор понятия + основные определения / Э. Стембольский // ХитерБобер.ru: электронный бизнес-журнал. – 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://hiterbober.ru/business-terms/chto-takoe-upravlenie-ponyatie.html>.
13. Моргенстерн, Д. Тайм-менеджмент: Искусство планирования и управления своим временем и своей жизнью / Д. Моргенстерн. - М.: Добрая книга, 2013. - 256 с.

14. Фрейдина, Е. В. Исследование систем управления: Учебное пособие по специальности «Менеджмент организации» / Е. В. Фрейдина; Под ред. Ю. В. Гусев. — М.: Омега-Л, 2013. — 368 с.
15. Шеремет, М. А. Управление изменениями: учеб. пособие / М. А. Шеремет. – М. Дело, 2010. – 128 с.

Поступила в редакцию 28. 11. 2017 г.

MANAGEMENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS: THEORETICAL ASPECT

E. I. Prihodchenko, K. A. Markova

In this article the problems of management of modern domestic education on the domestic and foreign experience were considered. The authors considered and developed scientific-methodological and practical recommendations for improving the level of management of the educational process. Particular attention is drawn to the qualities that a modern teacher should possess. As a result, a number of factors that influence the mechanisms of implementation of high-quality management of the learning process are revealed.

Key words: educational process, management in the management of the educational process, formation of the managerial qualities of the teacher.

Приходченко Екатерина Ильинична

Доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный учитель Украины, Академик
Международной академии наук педагогического
образования.
Профессор кафедры социологии и политологии
Донецкого национального технического
университета.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
технический университет»
e-mail: 88rapoport88@mail. ru

Маркова Екатерина Алексеевна

Ассистент кафедры социально-гуманитарных
дисциплин.
ГОУВПО «Донецкий педагогический институт».
e-mail: 88rapoport88@mail. ru

Prihodchenko Ekaterina Ilinichna Doctor of
Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher
of Ukraine, Academician of the International
Academy of Pedagogical Education Sciences
Professor of the Chair of Sociology and
Political Science of Donetsk National Technical
University
SCE HPE "Donetsk National Technical
University"
e-mail: 88rapoport88@mail. ru

Markova Ekaterina Alekseevna

Assistant of the Chair of Social and Humanitarian
Disciplines
SEI HPE "Donetsk pedagogical institute"
e-mail: 88rapoport88@mail. ru

УДК 378

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

© 2018. Т. Н. Жидких

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им М. Горького»

В статье рассматривается корпоративная культура как стратегический инструмент, позволяющий ориентировать преподавателей, студентов, сотрудников высшего учебного заведения на единые цели, стимулировать их инициативу и создавать условия для комфортного делового общения. Проанализирована структура корпоративной культуры: миссия, философия, организационные ценности, нормы и правила поведения, имидж вуза.

Ключевые слова: корпоративная культура; философия, организационные ценности; нормы и правила поведения; имидж вуза.

В последние годы наблюдается научный и практический интерес к феномену корпоративной культуры. Корпоративная культура рассматривается как мощный стратегический инструмент, который дает возможность ориентировать все подразделения организации и отдельных сотрудников на общие цели, мобилизовать инициативу сотрудников, воспитывать преданность организации. Именно она делает организацию уникальной, формирует ее историю и организационную структуру, правила коммуникации и принятия решений, внутренние ритуалы и легенды.

Изучению корпоративной культуры в социологическом и управленческом аспектах посвящены труды зарубежных учёных (Р. Аккофф, М. Буке, М. Хессель, Э. Шейн и др.). Проблему корпоративной культуры высшего учебного заведения изучают И. Н. Богданова, А. В. Бондаренко, Н. А. Кадочников, И. Г. Матыцина, С. П. Фирсова и др.

Целью нашей статьи является анализ структуры корпоративной культуры высшего учебного заведения.

Во все предшествующие периоды существования образовательных учреждений проблеме формирования общих целей, ценностей, делового кредо не уделялось должного внимания: ориентиры корпоративной культуры использовались локально и разрозненно, а сама она находилась на периферии управления. Однако, в современной теории управления учебными заведениями корпоративная культура приобрела статус одного из наиактуальнейших и наиперспективнейших направлений, одновременно выступая предпосылкой реализации новейших управленческих практик.

Как утверждает А. И. Пригожин, осознание культуры организации, ее элементов – это начало управления ею. Это новый и чрезвычайно достойный объект управления, определяющий реальное состояние организации [11].

Изучать корпоративную культуру вуза, по мнению О. И. Бойковой, необходимо для того, чтобы знать, какие изменения можно проводить в рамках данной культуры, как спрогнозировать результаты и последствия этих изменений [5, с. 109].

В современной литературе можно обнаружить значительное число определений корпоративной культуры. Как и многие другие понятия в сфере организационно-управленческих наук, корпоративная культура не имеет единственного общепризнанного толкования. Вместе с тем, большинство авторов сходятся на том, что корпоративная культура – это философия и идеология организации, а также общие

ценности, ориентации, ожидания, нормы, которые лежат в основе взаимоотношений большинства сотрудников как внутри организации, так и за ее пределами. Поскольку корпоративная культура проявляется во взаимоотношениях между людьми в организации, отдельные люди или отдельные подразделения организации склонны описывать их похожими терминами.

Корпоративную культуру высшего учебного заведения, по мнению И. Н. Богдановой, следует понимать как духовно-ментальное образование, целостную совокупность разделяемых студентами, преподавателями и сотрудниками ценностей, идеалов, традиций, норм поведения, связанных с единым пониманием миссии вуза, осознанием общей с ним судьбы. [4, с. 113].

Данную мысль продолжает С. П. Фирсова. Исследователь считает, что корпоративная культура определяет степень причастности коллектива к миссии, стратегическим целям и ключевым задачам деятельности вуза, отождествление собственных успехов и достижений с успехами и результатами организации, а также результативность взаимодействия и согласованности всего университетского сообщества, определяя его позитивное развитие в соответствии с мировыми образовательными стандартами [13, с. 46].

Таким образом, корпоративная культура является важнейшим фактором воспроизведения социального опыта, помогающего людям жить и развиваться в определенной социальной среде, сохраняя единство и целостность своего сообщества.

Белорусский исследователь И. Г. Матыцина, изучая корпоративную культуру университета, выделяет следующие ее особенности: целевую (ценностную) направленность, многослойность (корпоративная культура администрации, которая определяет стиль и характер управления в учреждении; корпоративная культура профессорско-преподавательского состава и работников; корпоративная культура студенческого сообщества), вхождение внешних клиентов (абитуриентов) в состав университетской корпорации, тесную связь с репутацией и имиджем вуза, постоянную смену контингента обучающихся, вовлечение студенчества в жизнедеятельность и события университета, выпускника как носителя традиций, норм, ценностей, имиджа университета и др. [9, с. 179].

К обязательным элементам корпоративной культуры образовательного учреждения современные исследователи относят миссию, философию, организационные ценности, нормы и правила поведения, историю, традиции, психологический климат, корпоративные коммуникации, стиль управления, имидж вуза [2, с. 8].

По мнению И. Ансоффа, миссия, в широком смысле, воплощает философию и предназначение организации, и определяет ценности, принципы, которыми руководствуется эта организация, а также – действия, которые необходимо осуществить, чтобы иметь определённое лицо. Очень часто миссию определяют как стратегическую цель, которая выражает смысл и назначение организации [1].

Понятие «миссия высшего учебного заведения» является ценностно-ориентированными сопряженным с формируемыми образовательной организацией качествами субъекта, обучающегося в нем [9, с. 73].

Этой точки зрения придерживается и Д. Новиков, указывая на то, что в современных условиях образование должно быть ориентировано на конечный результат: "... сегодня в условиях технологической революции, в условиях информационного общества конечным результатом системы образования является личность, способная обеспечить конкурентоспособность экономики, уровень развития

высоких технологий производства, высокие показатели внутреннего валового дохода, высокий уровень материальной и духовной жизни населения” [10, с. 8].

Ядром корпоративной культуры являются организационные ценности. А. Беляев, анализируя корпоративную культуру университета, считает, что, культивируя такие ценности как компетентность, творческая устремленность, готовность к внешней и внутривузовской конкуренции (соревнованию), к работе в команде, коллективизм, гордость за свой университет, корпоративная культура повышает сплоченность сотрудников, согласованность их поведения, наиболее соответствующего целям организации. [3, с. 63].

По мнению И. В. Легостаевой, знание основных нормативных документов, регламентирующих деятельность высшего учебного заведения (Устав, Кодекс корпоративной этики и пр.), истории его становления, традиций, формирующихся многими годами, миссии, декларирующей основные направления деятельности, способствует принятию ценностей вуза [8].

Таким образом, разделяемые преподавателями, студентами, сотрудниками вуза организационные ценности сплачивают коллектив, делают его особым, неповторимым, способствуют объединению людей, приводят их к достижению стоящих перед образовательной организацией задач.

Становясь членом организации, каждый из нас постепенно усваивает ее правила и нормы поведения, а также идеалы, которые могут в дальнейшем стать ценностными и жизненными ориентирами личности.

Следующий элемент корпоративной культуры – нормы и формы поведения, закрепленные, как правило, в Правилах внутреннего распорядка и Кодексе корпоративной этики. Кодекс корпоративной этики, в данном случае, выступает как важный моральный регулятор жизнедеятельности образовательной организации. Российский исследователь А. В. Бондаренко считает, что в основе кодекса должна лежать система корпоративных ценностей образовательной организации. Кодекс корпоративной этики – это носитель брэнда. Он демонстрирует исключительность и даже невоспроизводимость другими некоторыми качествами и поступками [6, с. 20]. Главная цель кодекса – не допустить внутренних этических конфликтов, которые не решаются чисто легальными или формальными процедурами. Предотвращение нравственных коллизий – его сверхзадача [6, с. 18].

Кодекс корпоративной этики позволяет решать различные вопросы:

- порядок разрешения конфликтных или нерегламентированных ситуаций;
- определяет и регулирует нормы поведения и морали в корпоративной среде;
- регулирует порядок принятия решений в сложных ситуациях;
- формирует положительный имидж образовательного учреждения, тем самым,

повышая уровень доверия со стороны потребителей образовательных услуг

Ценность кодекса корпоративной этики заключается в том, что его существование приводит к повышению рейтинга и привлекательности образовательной организации. Это связано с тем, что образовательная организация демонстрирует внутреннюю дисциплину, сплочённость всего коллектива и, соответственно, надёжность.

Корпоративная культура высшего учебного заведения - это степень его высокой репутации, имидж, создаваемый в условиях конкуренции в современном образовательном и социально-экономическом контексте.

Кадочников Н. А., в своем диссертационном исследовании "Корпоративный имидж как фактор конкурентоспособности высшего профессионального учебного

заведения" определяет корпоративный или организационный имидж как "образ, сложившийся у различных групп заинтересованных лиц (родителей, работодателей, государственных органов власти и управления, студентов, преподавателей, научных кругов и др.) под влиянием полученной информации о разных сторонах деятельности вуза и определяющий позицию потребителя по отношению к данному высшему учебному заведению" [7, с. 8].

На основании проведенного исследования среди студентов, работников образовательных структур, потенциальных клиентов и работодателей автор выделяет ряд факторов, формирующих имидж образовательных учреждений:

- стаж и опыт работы в сфере образования;
- известность в профессиональных кругах и среди общественности;
- репутация руководителя организации, профессионализм руководства;
- перспективы профессионального развития образовательной организации;
- востребованность выпускников на рынке труда, уровень их зарплаты и карьерного продвижения;
- отношение сотрудников организации к обучающимся;
- уровень профессионализма, известность преподавателей, их требовательность;
- мнение студентов об организации учебного процесса, уровне преподавания;
- территориальное местонахождение, внешнее и внутреннее оформление учебного заведения;
- профессионализм работы руководства со СМИ в продвижении своих услуг;
- открытость и интегрированность учебного заведения [7, с. 15].

Следует отметить, что формирование имиджа образовательного учреждения и эффективное управление им дает высшему учебному заведению определенный резерв в позиционировании себя на рынке образовательных услуг в условиях конкурентной среды. Устойчивый и обязательно положительный имидж выступает как стимул к первоначальному выбору услуги, основной мотив к предпочтению услуги перед конкурентами. Другими словами, имидж является фактором укрепления конкурентных позиций вуза, обеспечивающий его преимущества в условиях конкурентной борьбы.

Подводя итоги, отметим, что корпоративная культура – сложное многоплановое явление, которое влияет на эффективность учебного заведения и возможность достигать поставленных целей. В образовательной организации она выполняет важную роль – объединяет преподавателей, студентов, сотрудников структурных подразделений и руководство вуза в единую команду для эффективной реализации миссии учебного заведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансофф И. Стратегическое управление. Сокр. пер. с англ. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.
2. Андомин О. В. Формирование корпоративной культуры преподавателей в системе внутривузовского повышения квалификации: автореф. дис.... к. пед. наук.: 13.00.08. / О. В. Андомин: Самар. гос. техн. ун-т, Самара. - 2010. – 20 с.
3. Беляев А. Корпоративная культура университета: от теории к практике // Высшее образование в России. № 11, 2007. с. 62-65
4. Богданова И. Н. Корпоративная культура вуза и противоречия студенческой социализации в транзитивном обществе // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 7, Философия, 2012. № 2 (17). с. 113-118
5. Бойкова О. И. Корпоративная культура в вузе как стратегический ресурс инновационного развития // Вестник российской академии естественных наук. 2011. №4. С. 109-111

6. Бондаренко А. В. Корпоративный кодекс этики как важный инструмент в жизнедеятельности университета / Кадровый резерв, 2013. - т. 11, № 1. - с. 14-22
7. Кадочников Н. А. Корпоративный имидж как фактор конкурентоспособности высшего профессионального учебного заведения: автореф. ... к. экон. наук.: 18.00.05. / М., 2005. – 25 с.
8. Легостаева И. В. Педагогическое сообщество университета как носитель и транслятор социокультурных ценностей // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 2.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24335> (дата обращения: 14.05.2018)
9. Матьцина И. Г. Специфика корпоративной культуры современного классического университета и опыт её формирования / Инновационные процессы и корпоративное управление: материалы VI Международной заочной научно-практической конференции, 14–28 марта 2014 г., Минск. - Минск, 2014. – С. 177-184
10. Новиков Д. А. Введение в теорию управления образовательными системами / Д. А. Новиков. – М.: Изд-во “Эгвес”, 2009. – 156 с.
11. Пригожин А. И. Социология организаций. – М.: Наука, 1980. – 250 с.
12. Строгеецкая Е, В. Идея и миссия современного университета // Вопросы образования. 2009. № 4. с. 81-97
13. Фирсова С. П. Формирование корпоративной культуры в образовательном пространстве технического университета [Текст] / С. П. Фирсова // Фундаментальные исследования – 2011 - №4 – С. 46-49.

Поступила в редакцию 25. 05. 2018 г.

CORPORATE CULTURE OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

T. N. Zhidkikh

In the article corporate culture is examined as strategic instrument, allowing to orient teachers, students, employees of higher educational institution on single aims, to stimulate their initiative and create conditions for comfort business intercourse. The structure of corporate culture is analysed: mission, philosophy, organizational values, norms and rules of behavior, image of higher educational institution.

Keywords: corporate culture; philosophy, organizational values; norms and rules of conduct; image of higher educational institution.

Жидких Татьяна Николаевна

Доцент кафедры организации высшего образования, управления здравоохранением и эпидемиологии
ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»
e-mail: gidkih@mail.ru

Zhidkikh Tatyana Nikolaevna

Associate Professor of the Organization of Higher Education, Health Management and Epidemiology Department
SCO HPE “Donetsk National Medical University of M. Gorky”
e-mail: gidkih@mail.ru

УДК 37.017.93

ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ МОНАРХОВ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2018. М. А. Токмачева

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье исследуется феномен «русской святости» и предпринимается попытка отследить ее динамику в культурно-историческом контексте. Анализ особенностей воспитания наследников русского престола, меняющихся под влиянием эпохальных событий в России, позволяет обнаружить взаимосвязь духовного уровня русского православия и педагогических явлений при монаршем дворе.

Ключевые слова: воспитание монарха, образование престолонаследников, русская святость.

Размышляя о воспитании наследников царской династии в свете русского культурно-исторического пространства невозможно обойти тему особого вида благочестия, которое это пространство породило. Это уникальные, свойственные русской душе жертвенность, аскетизм, решительное упование на мир иной, которые мы далее будем называть «русской святостью». Термин «русская святость» не нов. Об этом явлении писали Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский, А. Д. Шмеман. Есть и диссертационные исследования современных ученых, посвященные святости как феномену русской культуры (М. Ю. Бубнова, С. А. Смирнова).

Если рассматривать «русскую святость» в динамике и перенести ее на геометрическую плоскость в виде линии, можно заметить причинно-следственные связи духовного состояния народа и его правителей с культурно-историческими событиями, а, значит, спрогнозировать формирование культурного пространства сегодняшнего и завтрашнего русского мира.

Первый толчок к формированию исторического самосознания русского народа дало Крещение Руси равноапостольным князем Владимиром. Русский ум и душа оказались онтологически готовыми к принятию Евангельской Благой вести. Пришедший к нам из Византии «максимализм Православия», встретившись с «максимализмом национального характера» [1, с. 42], породил «русскую идею» касательно великого замысла Творца о России. Духовно-нравственные идеалы, основанные на христианстве, закреплялись в традициях и формирующемся характере русского народа, который с XI по XV век дал таких правителей-подвижников, как блгв. кн. Борис и Глеб (1015), блгв. вл. кн. Андрей Боголюбский (1174), блгв. вел. кн. Александр Невский (1263), блгв. вел. кн. Дмитрий Донской (1389).

Из записок грека Павла Алепского, узнаем, что «Россия XV–XVII вв. представляла собой подобие большого монастыря, где в центре жизни державы стояла церковная жизнь» [2, с. 8]. Помимо внешнего благочестия и устройства живописных храмов, русский народ отличался аскетичным укладом жизни: продолжительные молитвенные правила, поклоны, строгие говенья. Англичанин Самуэль Коллинз, проживший несколько лет в России, с удивлением отмечал раннее приобщение детей к церковным уставам: «Достигнув двухлетнего возраста, они уже соблюдают посты очень строгие» [3, с. 192]. Ежедневные посещения церковных богослужений не только были привычной практикой простолюдинов, но и являлись частью придворного этикета. Так, по свидетельству современников, Иоанн Грозный вместе с опричниками ежедневно выстаивал восьмичасовые церковные службы, а также сам «читал и пел на

клиросе и клал такие земные поклоны, что со лба его нисходили кровоподтеки» [4, с. 418]. Всякое делание русский человек старался совершать ради Христа, во славу Божию. Отсюда его неукротимое стремление к идеалу, даже в ущерб собственному комфорту и земному благополучию.

В отличие от Европы, где под влиянием папизма монархам присваивалось, прежде всего, наличие формальных ритуальных обязательств, царская власть на Руси, наряду с державным суверенитетом, являлась и высшим носителем вассалитета, что подразумевало ее «подчиненную зависимость по отношению к Верховному Судье – Богу» [1, с. 36]. Столь высокая духовная миссия не могла не найти отражение и в основах воспитания будущего монарха.

Наиболее ярко задача воспитания самодержца отражена в трудах горячего последователя византийской ортодоксии Максима Грека. В письмах, адресованных Иоанну Грозному, преподобный рисует образ «царя истинна», который должен, прежде всего, удерживать себя от страстей и грехов, а термин «самодержец» в его трактовке определяется как «державший себя в руках» [5, с. 8]. Такая аскеза, способность самому себе запрещать все то, что противоречит христианской нравственности, роднит монарха с монахом. И тот, и другой – «μονος» (греч.) – одиноки в своем личностном предстоянии пред Богом и несут одинаковое послушание: полное отсечение своей воли. И если для любого монаха Жених – Христос, то монарх сам является женихом для своей страны, ведь ««венчание на Царство» – это мистический брак с Россией» [6, с. 372].

Само по себе помазничество на царство, несмотря на то, что носило освящающий характер, не гарантировало святости его обладателю, ибо святость необходимо стяжать, или, как говорится в Евангелии, «нудить». И именно это стремление к святости необходимо было вырабатывать будущему монарху с детства с целью установления «Божьего порядка» на земле.

О нравственных ценностях, которые прививались княжичам с ранних лет, позволяет судить «Поучение» Владимира Мономаха, адресованное наследникам. В нем князь четко обозначил понятие о долге правителя: «...страх Божий имейте превыше всего» [7, с. 166–167]. Мономах, как и многие другие князья, задавал идеал боголюбивого и аскетичного правителя, который по мере утверждения на Руси православия укоренялся в сознании все большего числа людей и невольно вынуждал власть имущих ему соответствовать. Правитель должен был понимать, что без религиозного чувства народа, без веры в Промысел Божий не может быть и монархии. Его задача – добиться взаимного понимания с нацией, слившись с нею в этом чувстве, подавать своим подданным пример религиозной сознательности, но «лишь при условии, чтобы, стоя впереди, он находился, однако, на той же самой почве» [8, с. 453].

Несмотря на расстояние, отделявшее Верховного правителя от простого народа, он все же долгое время оставался «первым среди равных». Археолог и историк И. Е. Забелин, исследовавший быт русских царей XVI–XVII вв., указывает на одинаковые обычаи, нравы, домашние порядки и даже уровень образования государя, как с боярским, так и с крестьянским сословием: «отличие обнаруживалось только... в количестве золота и всяких драгоценностей... Но это был только наряд жизни, нисколько не изменявший ее существенных сторон...» [9, с. 38]. Основными педагогическими источниками на протяжении веков для русского человека от крестьянина до великого князя были Кормчая книга и «Домострой», главными принципами которых было неукоснительное следование Божиим заповедям [10, с. 27].

По мнению некоторых исследователей, наиболее яркое проявление «русской идеи» произошло на стыке XV–XVI веков, в это же время случился и первый отход от

нее, произошло падение фактора духовности, ставшее впоследствии метапричиной крушения Российской Империи. Ряд мыслителей (Н. А. Бердяев, И. К. Смолич, А. Д. Шмеман) связывают начало отступления от веры с противостоянием духовных школ Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Вопреки наследию преподобного Сергия Радонежского, призывавшего сочетать духовное созерцание и активное мирское делание, «стяжатели-иосифляне» и «нестяжатели-ниловцы» породили две противоборствующие традиции из единого корня. Победа в этой борьбе Иосифа Волоцкого, перевес внешнего делания и решения церковно-административных задач над внутренним совершенствованием расценивается сегодня многими исследователями как «трагедия русской святости» [11, с. 36; 12, с. 194; 13, с. 187; 14, с. 19–21; 15, с. 36]. Православные святоотеческие традиции постепенно вытеснялись духом законничества, еретическим начетничеством, что привело к масштабному излому, обозначенному в истории, как Смутное время.

По свидетельству французского офицера, служившего при Борисе Годунове, «во время междоусобицы многие русские усвоили себе лютеранские убеждения и явно смеялись над православными обрядами и постами» [16, с. 502–503]. Претерпевала упадок и национальная культура. Так, к середине XVI века развитие письменности замирает и живет преимущественно переводами с латинского и польского языков [13, с. 227].

Воцарение Михаила Романова положило конец Смуте, при патриаршестве его отца Филарета произошло восстановление «симфонии» Церкви и Государства, возрождались педагогические традиции древнерусских князей. Ноуже в правление Алексея Михайловича, несмотря на то, что в народе еще жила искренняя религиозность, и сам «тишайший» царь строго держался православных канонов – «въ Великий пост ... полагал по 1500 поклонов и этимъ удивлял иностранцевъ» [17, с. 260] – влияние вестернизированной мысли начинает повсеместно проявлять себя. Так, в качестве наставника для старших детей Алексеем Михайловичем был приглашен «папешник и лукав человек» [18, с. 215] Симеон Полоцкий, чья просветительская деятельность стала своего рода культурно-идеологическим приготовлением к изменениям, реализованным впоследствии Петром I. Также в правление Алексея Михайловича дают о себе знать и первые атрибуты абсолютизма на Уложенном Соборе 1649 года, согласно которому государственная власть имела право вторгаться «в церковные владения» [19, с. 37]. Зарождающийся цезарепапизм, подпитываемый вероотступническими тенденциями, постепенно разворачивает кривую «русской святости» вниз. Следующим фактором, усугубляющим трагедию русской духовности, стал раскол 1666 года и низложение патриарха Никона. Историк М. В. Зызыкин называет революцию 1917 года попущением за этот грех своеволия царской власти [20, с. 185].

Торжество светского государства над священным царством окончательно установилось в эпоху Петра I, попытавшегося, по словам Н. Я. Данилевского, «сделать прививку европейской цивилизации к русскому дичку» [21, с. 187]. Воспитанный «немецкой слободой» Петр пытается изменить русский уклад жизни на западный манер, начав с собственных детей, к которым применяет новое по духу воспитание. Старшего сына Алексея, забрав из рук «мамок и нянек», он передает «ученым немцам», а для багрянородного внука в качестве наставника выбирает архиепископа Феофан Прокоповича, известного сторонника лютеранства, автора скандального «Духовного регламента», упразднившего патриаршество в России [22, с. 192]. Насильственной европеизацией Петр I порушил принцип русской соборности и фактически запрограммировал все дальнейшие государственные катаклизмы.

Поскольку при Петре I не был до конца четко сформулирован порядок престолонаследия, его смерть положила начало «эпохе дворцовых переворотов» [23, с. 351], длившейся почти 40 лет, и заставившей православие пережить еще ряд откровенно репрессивных мероприятий: сначала в царствование Анны Иоанновны, когда немецко-протестантское окружение императрицы вело открытые гонения на православную веру; затем с вступлением на престол Екатерины II, именовавшей себя «*Chef de l'Église Greque*» [24, с. 10] («православной Императрицей»), что не помешало ей издать знаменитый указ о национализации церковного имущества и закрытии семинарий [25, с. 277]. А. С. Пушкин расценил эти действия как «сильный удар по народному просвещению» [26, с. 417].

Начиная с правления Павла I Россия шла по пути демонтажа петровского наследия. Издаётся «Акт о престолонаследии», прекращается давление на православную церковь, начинается возвращение монастырям отобранного имущества – и здесь мы видим некое восхождение линии святости. К сожалению, Павел Петрович не допускался к воспитанию своих старших детей – их образованием с рождения занималась бабушка Екатерина Великая. Находясь под влиянием либерального философа-англиканца Джона Локка и не скрывая своей англomanии, императрица приглашает для великих князей Александра и Константина английских педагогов, а в качестве законоучителя выбирает прожившего много лет в Англии протоиерея А. А. Самборского, человека достаточно светского, лишённого глубокой религиозности. Спустя годы император Александр I признавался, что «из всех его воспитателей ни один не в состоянии был пополнить страшного пробела, оставленного отцом Самборским» [27, с. 12]. Однако наиболее сильное влияние на подрастающего Александра оказал его наставник крайний республиканец масон Ф. -Ц. Лагарп, прививавший наследнику целых тринадцать лет «свой дух, свои идеи и планы» [22, с. 506], которые заключались в разрушении традиционного монархического правления в России и утверждении «общей религии человечества... и о соединении всех народов в братском союзе» [28, с. 666]. Об атеистических взглядах Лагарпа свидетельствует следующее определение, данное им Христу: «Некий еврей, именем которого названа одна религиозная секта» [29, с. 71]. Результатами этого либерально-атеистического образования стали умозаключения великого князя о нелепости наследования престола и желании выборности верховной власти.

Против амбициозной программы либеральных преобразований в 1811 году возвысил свой голос Николай Карамзин: «Государь, ты преступаешь границы своей власти... Можешь все, но не можешь законно ограничить ее» [30, с. 376]. Слова мыслителя были услышаны: во второй половине своего правления Александр I отказался от идеи общехристианского единства, совершенно не вписывающейся в концепцию самодержавного государства.

Начало XIX века стало воскрешением монашеского духовничества и старчества. Развивалось православное миссионерство, переживала свой ренессанс и русская религиозно-философская мысль, что способствовало притоку в Церковь некоторой части дворянства. При царствовании Николая Павловича произошел возврат к исконно русским принципам воспитания будущего монарха. В качестве наставника наследника Николай I пригласил В. А. Жуковского, изложившего основные правила будущего монарха. По мнению поэта, правитель должен быть не ученым, а просвещённым. Истинный смысл просвещения при этом Жуковский видел в соединении многообъемлющего знания с высокой нравственностью: «Человек знающий, но не нравственный, – будет вредить, ибо хуже употребит ему известные способы действия. Человек нравственный, но невежда – будет вредить, ибо, и с добрыми намерениями, не

будет знать способов действия» [31, с. 293]. Несмотря на то, что в своей наставнической деятельности Жуковский старался не касаться военных и богословских дисциплин, его поучения были заметно пронизаны духом православного благочестия: «Все мы на этой дороге равны: и царь, и последний нищий, – говорил поэт своему подопечному, – Разница только та, что рожденный на степени высокой сверх Божия суда, предается еще и суду истории, которая на память его кладет или клеймо стыда, или венец славы» [32, с. 13].

Свой позитивный опыт Александр II, став императором, попытался передать и сыну Николаю. Однако сохранившаяся переписка матери-императрицы с педагогом К. Д. Ушинским свидетельствует о том, что в образовании наследника были некоторые упущения. В «Письмах о воспитании наследника русского престола» Константин Дмитриевич резко критиковал тенденцию подбирать русским великим князьям учителей из числа иностранцев: «если бы мне, не знающему ни слова по-китайски, а следовательно, и не понимающему китайской жизни, предложили воспитывать китайского царевича, я бы отказался, и думаю, я поступил бы вовсе не геройски, а просто как честный человек» [33, с. 580].

Цесаревич Николай Александрович, тем не менее, получил блестящее образование, но ввиду скоропостижной кончины так и не смог применить полученные наставления. Бремя престолонаследия легло на плечи его брата Александра, совершенно неподготовленного к кардинальному повороту событий. Однако окружение выдающихся преподавателей, среди которых был и К. П. Победоносцев, сыграло свою благотворную роль: император Александр III Миротворец на протяжении всего правления неуклонно преследовал интересы России во внутренней и внешней политике, в идеале соответствуя тому типу царя-батюшки, которого чаял русский народ. Принимая непосредственное участие в воспитании своих детей, государь, несмотря на добрую натуру, был сторонником строгих, почти аскетичных подходов: он «понимал, что детей своих не нужно особенно отдалять от земли и делать из них небожителей» [34, с. 86]. Будучи человеком исключительного благочестия, Александр Миротворец смог воспитать царя-мученика Николая II, канонизированного ныне Русской Православной Церковью в лике святого страстотерпца.

Если сравнить воспитательные заветы Владимира Мономаха и последних русских императоров, то обнаруживаем множество общих черт. Уроки формирования будущего самодержца, таким образом, проходя сквозь эпохи, большей частью усвоились Романовыми, при этом на всех этапах эволюции династии просматривается диалектика русского духа, его становление, укрепление, победы и поражения.

Подытоживая рассмотрение принципов воспитания престолонаследников, можно выявить их основные особенности:

1. Опора на православные нормы, каноны и традиции.
2. Личностный характер воспитания в духе преемственности поколений.
3. Комплексный характер воспитания, включающий духовно-нравственное, трудовое, эстетическое, умственное и физическое направления.
4. Сочетание элитарных подходов в воспитании с народными приемами и традициями.

В тоже время, отслеживая трагедию России в ее духовно-историческом ракурсе, обнаруживаем факторы сбоя в воспитании наследников, приведшие, в результате, к повороту русской нации с пути православного оцерковления жизни на путь секулярной идеологии:

1. Ослабление семейных связей ввиду недостатка родительского воздействия на наследников престола и заменой его наемными воспитателями.

2. Усваивание престолонаследниками чуждых русскому менталитету идей вследствие установившейся практики ангажирования иностранных учителей.

3. Отсутствие попыток воспитателями направить ход мыслей воспитанника в сторону восстановления парадигмы «симфонии властей».

Несмотря на то, что последние русские властители были благожелательно настроены к Русской Церкви, способствовали укреплению православия и содействовали духовному образованию, перешагнуть рубеж полного устранения антисистемы они не успели. Митрополит Московский Владимир как-то пророчески заметил, что там, «где падают алтари, падают и престолы» [6, с. 601]. Таким образом, кроме суровых условий исторического бытия русского народа, существовали и внутренние причины, ослабившие национальный иммунитет. Подрыв «алтаря», т. е. веры, начавшийся в петровский период и переросший в масштабную секуляризацию, захватившую широкую сферу образования и подорвавшую колоссальный воспитательный потенциал, который формировался на основе православных традиций и накапливался несколькими поколениями русских монархов, стал тем ключевым фактором, который привел к крушению Российской Империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти / А. Н. Боханов. – М.: Русское слово, 2002. – 352 с.
2. Священник Алексей Мороз. Россия перед выбором. Духовность истинная и ложная / А. Мороз. – СПб.: «Общество святителя Василия Великого», 1998. – 64 с.
3. Роде А. Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинз, Я. Рейтенфельс, сост. А. Либерман. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. – 544 с.
4. Христианство: век за веком. Очерки по истории христианской Церкви / Под общ. ред. архиепископа Егорьевского Марка (Головкова). – М.: Дарь, 2011. – 640 с.
5. Громов М. Н. Максим Грек / М. Н. Громов. – М.: Мысль, 1983. – 198 с.
6. Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл / А. Н. Боханов. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 662 с.
7. Поучение Владимира Мономаха / Сост. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова // Златоустрий. Древняя Русь. X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 303 с.
8. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М.: Эксмо, 2016. – 608 с.
9. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. В 3 кн. / отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1. Ч. 1. – 457 с.
10. Домострой / Под ред. Терещенко Т. Н. – М.: Дарь, 2015. – 160 с.
11. Бердяев Н. А. Русская религиозная идея / Н. А. Бердяев // Проблемы русского религиозного сознания. – Регоw, 1923. – С. 69.
12. Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости / И. Кологривов, иеромонах. – Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1961. – С. 194
13. Федотов Г. П. Святые древней Руси / Г. П. Федотов, предисл. Д. С. Лихачева, А. В. Меня, коммент. С. С. Бычкова // Собр. сочинений в 12 т. – М.: Мартис, 2000. Т. 8. – 272 с.
14. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский (Париж, 1937) – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
15. Шмеман А., протоиерей. Исторический путь православия / А. Шмеман, протоиерей. – М.: Православный паломник, 2003. – 365 с.
16. Домский И. П. Исторический очерк русского проповедничества / И. П. Домский. – СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского и Ко, 1878. – 816 с.
17. Архимандрит Серафим (Соболев). Об истинном монархическом мирозерцании / С. Соболев, архимандрит. – М.: Лествица, 2002. – 542 с.
18. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви / А. В. Карташев. – Минск: Белорусский Экзархат, 2007. – 589 с.
19. Завьялов А. А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II / А. А. Завьялов. – СПб.: Типография Лопухина, 1900. – 402 с.
20. Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи / М. В. Зызыкин. – М.: Ладомир, 1995. – 378 с.

21. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н. Я. Данилевский. – СПб.: Общественная польза, 1871. – 544 с.
22. Башилов Б. История русского масонства, XVII – XX вв. / Б. Башилов. – М.: Лента-Пресс, 2004. – 1234 с.
23. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // Сочинения в девяти томах. – М.: Мысль 1989. Т. 4. – 400 с.
24. Сочинения императрицы Екатерины II. Автобиографические записки / Сост. А. Н. Пыпин. – М.: Олмс, 1998. – 495 с.
25. Смолич И. К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учения старцев: Приложение к истории Русской Церкви / И. К. Смолич. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 1997. – 606 с.
26. Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах / А. С. Пушкин. – М.: Библиополис, 1994. Т. 5. – 706 с.
27. Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. В 5 т. / В. К. Надлер. – СПб.: Изд-е книгопродавца Киммеля, 1886. Т. 1. – 378 с.
28. Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви: учебное пособие / А. П. Доброклонский – М.: Крутицкое подворье, 2009. – 935 с.
29. Соколов О. В. Аустерлиц: Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. / О. В. Соколов. – М.: Русский культурный фонд «Империя России», 2006. – 315 с.
30. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России / Предисл., примеч. и подгот. текста Ю. С. Пивоварова. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – 480 с.
31. Глинский Б. Б. Царския дети и ихх наставники / Б. Б. Глинский. – С.-Петербург, Москва: издание т-ва М. О. Вольфъ, 1912. – 330 с.
32. Письма В. А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству великому князю Константину Николаевичу // Русский архив. – М.: Типография Т. Рись у Мясицкихъ воротъ, 1867. – 93 с.
33. Архив К. Д. Ушинского. В 4 т. / сост. и подгот. к печати В. Я. Струминский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. Т. 4. – 721 с.
34. Сургучев И. Детство императора Николая Второго / И. Сургучев. – Париж: Возрождение, 1953. – 151 с.

Поступила в редакцию 29. 05. 2018 г.

EDUCATION OF FUTURE MONARCHS IN THE CONTEXT OF NATIONAL HISTORIOGRAPHY

M. A. Tokmacheva

The article studies the phenomenon of "Russian holiness" and attempts to trace its dynamics in the cultural and historical context. Analysis of the peculiarities of upbringing of the Russian throne heirs, which are changing under the influence of epoch-making events in Russia, makes it possible to discover the links between the spiritual level of Russian Orthodoxy and pedagogical phenomena in the monarch's court.

Key words: education of monarchs, upbringing of heirs, Russian holiness.

Токмачева Марина Алексеевна.

Преподаватель кафедры романо-германской филологии, аспирант кафедры педагогики, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.
E-mail: tok_marina@mail.ru

Tokmacheva Marina Alekseevna

Lecturer at Department of Romance and Germanic Philology, postgraduate student at Department of Pedagogy
Lugansk Taras Shevchenko National University
E-mail: tok_marina@mail.ru

УДК 377:[37.01+37.04+37.07]+378

«ПРОЕКТОРИУМ»: ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ КОУЧИНГА В ОБУЧЕНИИ ПРОЕКТНОМУ МЕНЕДЖМЕНТУ

© 2018. Фёдорова А. А.

ВУЗ «Республиканский институт повышения квалификации инженерно-педагогических работников», г. Донецк

В статье раскрывается важность обучения административно-управленческого, педагогического и студенческого состава образовательных учреждений профессионального образования основам осуществления проектной деятельности; представлен краткий теоретико-методологический обзор и результаты практического применения авторского учебно-методического практикума «Педагогическая игра «Проекториум»», применяемого для обучения проектному менеджменту.

Ключевые слова: проектная деятельность, проектный менеджмент, игра, проекториум, коучинг, образовательное учреждение профессионального образования.

Стремительные перемены в социально-экономической, политической и культурной жизни современного общества требуют кардинальных изменений в сфере образования на всех ее уровнях. Наиболее благоприятное решение развития и саморазвития личности любого специалиста в процессе профессиональной подготовки и повышения квалификации находит в условиях подготовки к реализации проектной деятельности [1]. Однако, в практике все чаще наблюдаем существенное противоречие между, с одной стороны, социальным заказом образовательным учреждениям профессионального образования страны на специалистов с опытом осуществления разноплановой проектной деятельности для осуществления инновационных разработок, способных поднять экономический уровень региона, сформировать позитивный имидж, признанность на мировой арене и с другой стороны, отсутствием на момент окончания обучения у выпускников практического опыта организации и реализации проектной деятельности, а также недостаточным вниманием к осуществлению рассматриваемого вида деятельности со стороны административно-управленческого и преподавательского состава соответствующих учебных заведений.

Совершенствуя систему подготовки административно-управленческого и преподавательского состава образовательных учреждений профессионального образования в системе дополнительного образования, а также в рамках работы со студенческой молодежью кафедра управления образованием и педагогики ВУЗ «Республиканский институт повышения квалификации инженерно-педагогических работников» активно внедряет игровые технологии и инструменты педагогического, управленческого коучинга как форму консультативной поддержки, которая помогает слушателям в достижении значимых для них целей в оптимальное время путем мобилизации внутреннего потенциала, развития необходимых способностей, формирования новых жизненно необходимых навыков.

Так, решая вышеупомянутое противоречие, в рамках деятельности лаборатории инновационных технологий и курсов повышения квалификации по дополнительной профессиональной программе «Современный образовательный менеджмент» был разработан и апробирован учебно-методический практикум «Педагогическая игра «Проекториум» автора представленной статьи, кандидата педагогических наук, профессионального сертифицированного коуча, доцента кафедры управления образованием и педагогики Александры Александровны Фёдоровой.

Цель статьи: с теоретико-методологических позиций раскрыть особенности применения игровых технологий с элементами коучинга в обучении проектному менеджменту на примере авторского учебно-методического практикума «Педагогическая игра «Проекториум»».

Рассматривая применение игровых технологий с элементами коучинга в обучении проектному менеджменту, прежде всего, остановимся на понятиях «проектная деятельность» и «проектный менеджмент/управление проектной деятельностью».

Под проектом, в данном случае, понимаем целенаправленное и строго ограниченное по времени мероприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги, результата или же воздействия [1, с. 5].

Рассматривая понятие деятельность, чаще всего ученые определяют его как регулируемую сознанием активность человека. По мнению С. Рубинштейна, специфическая особенность человеческой деятельности заключается в том, что она сознательная и целенаправленная. «В ней и через нее человек реализует свои цели, объективирует свои замыслы и идеи в преобразуемой им действительности» [2, с. 135]. Деятельность определяется А. Леонтьевым как «... форма активного целенаправленного взаимодействия человека с окружающим миром (включающим и других людей), отвечающего вызвавшей это взаимодействие потребности, как «необходимости» в чем-либо» [3, с. 91].

Так же созвучны с рассматриваемой в статье проблемой определения И. Дубровиной, А. Прихожан, которые под деятельностью понимают активность человека, направленную на достижение сознательно поставленной цели [4, с. 520].

По мнению В. Шапар, «деятельность человека, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей – это творчество» [5, с. 520]. Также Л. Выготский отмечал, что «деятельность, которая создает что-то новое, можно назвать творческой» [6, с. 85].

Таким образом, под проектной деятельностью понимаем творческую деятельность, направленную на формирование организаторской компетентности, результатом которой является целенаправленное и строго ограниченное по времени мероприятие, направленное на создание уникального самодостаточного продукта, услуги, результата или же воздействия.

По данным научных исследований в современной литературе зафиксировано более 350 дефиниций понятия «управление». Среди многообразия подходов к определению понятия «управление», соответствующих различным авторским позициям, Е. Хрыков отмечает, что единства во взглядах на сущность управления нет, «семантический анализ систематизация и обобщение показывает, что главными компонентами существующих определений являются: субъект – управляющая система; объект – управляемая подсистема; средство взаимосвязи – влияние или взаимодействие, основа функционирования, цель» [7].

Исходя из вышеуказанного, учитывая ключевые слова в проанализированных нами определениях ученых (целесообразная деятельность, система, совокупность действий, целенаправленное, упорядоченное взаимодействие; процесс, механизм, руководство людьми), синтезируем свою обобщенную формулировку понятия управление.

Управление – это совокупность действий, целенаправленное взаимодействие управляющей и управляемой подсистем, на основе диалогического характера, стимулирования инициативы и творчества, способствующих развитию личности каждого участника управленческого процесса, с учетом переноса управляемой

подсистемы на качественно высокий уровень для реализации поставленных целей или достижения запланированных результатов.

Вышерассмотренное позволяет нам синтезировать собственное понятие «проектный менеджмент/управление проектной деятельностью». Под ним понимаем: совокупность действий, взаимодействие управляющей и управляемой подсистем, на основе диалогического характера, стимулирования инициативы и творчества, способствующих развитию личности, формированию управленческой компетентности каждого участника рассматриваемого процесса, с учетом переноса управляемой подсистемы на качественно высокий уровень для реализации целенаправленного и строго ограниченного по времени мероприятия, направленного на создание уникального самодостаточного продукта, услуги, результата или же воздействия.

Как свидетельствует более чем 13-летний опыт автора в работе с молодежью вообще и непосредственно с лидерами студенческого самоуправления, представителями общественных организаций, а также работе с представителями административно-педагогического состава образовательных учреждений наиболее эффективным процесс усвоения необходимой для работы информации проходит в тренингово-игровой форме.

В отечественной, зарубежной педагогике и психологии проблему игровой деятельности разрабатывал ряд ученых, среди которых: К. Ушинский, С. Рубинштейн, К. Гросс, Ф. Шиллер, Г. Спенсер, К. Бюлер, Ж. Пиаже и др. Чаще всего под определением игры в науке встречаем следующее: игра – это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением.

Э. Роббинс, американский писатель, предприниматель, занимающийся темой саморазвития, неоднократно указывал в своих работах, что образование XXI века, это обретения практических знаний через игры и получения удовольствия.

Говоря о педагогической игре, ее существенным признаком отмечаем наличие четко поставленной цели обучения и соответствующего ей педагогического результата. Следует отметить, что для нас наибольший интерес представляет теория К. Гросса, усматривающая сущность игры в том, что она служит подготовкой к серьезной дальнейшей деятельности. Так, играющий совершенствует свои способности, в нашем случае – способности осуществления проектной деятельности (социальной, воспитательной, информационной, имиджевой, научной и пр.)

Реализация игровых приемов и ситуаций в образовательном процессе происходит по таким основным направлениям: дидактическая цель ставится перед обучающимися в форме игровой задачи; образовательная деятельность подчиняется правилам игры; учебный материал используется в качестве ее средства, в образовательную деятельность вводится элемент соревнования, который переводит дидактическую задачу в игровую; успешное выполнение дидактического задания связывается с игровым результатом.

Помочь овладеть необходимыми знаниями, умениями и навыками в образовательном процессе, став его активными участниками, научиться эффективно применять проектную деятельность на практике, может внедрение коучинговых технологий в образовательный процесс.

Согласно определению, данному Дж. Уитмором, коучинг (от англ. *coaching* – тренерство) – это профессиональная помощь человеку в определении и достижении его личных и профессиональных целей [8]. Автор-создатель коучинга Т. Голви дает следующее определение: коучинг – это раскрытие потенциала человека с целью максимального повышения его эффективности. Коучинг не учит, а помогает учиться.

Это процесс, позволяющий личности при использовании нужных методов и приёмов добиваться самых высоких результатов [9].

Говоря о внедрении управленческого коучинга в систему образования вообще и непосредственно в обучение осуществлению проектной деятельности, рассматриваем данное понятие как форму консультативной поддержки, которая помогает обучающемуся достигать поставленных целей в оптимальное время путем мобилизации внутреннего потенциала, развитию необходимых способностей и формированию новых навыков.

Рассматриваемое взаимодействие педагога-коуча, выступающего в роли ведущего игры, и обучающихся основывается на равноправном личностно-ориентированном партнерстве, которое способствует раскрытию потенциала каждого члена проектной команды, повышению его мотивации, уровня ответственности и эффективности в целом. Педагог-коуч выступает в роли своеобразного вдохновителя, который помогает в поиске решения разноплановых задач, помогает детально понять и разобрать разрабатываемую ситуацию, оценить реальные запросы, разобраться в трудностях и проблемах в рамках осуществления проектной деятельности, мобилизовать все внутренние и внешние ресурсы как для дальнейшего решения предложенной либо сложившейся в реальности ситуации, так и для своего дальнейшего персонального развития.

Автором предлагается разработка учебно-методического практикума «Педагогическая игры «Проекториум»», нацеленной на ознакомление, освоение и отработку основных этапов проектной деятельности (рис. 1). «Проекториум» строится как целостная проективная игра, объединенная общим сюжетом и персонажами. Игрокам предлагается почувствовать себя в роли супергероев, которые получают задание разработать оговоренный проект, пройдя при этом трудности и испытания, получив необходимые подсказки, решив поставленные задачи. При этом игровой сюжет развивается параллельно основному содержанию обучения проектному менеджменту. «Проекториум» помогает активизировать учебный процесс, отработать навыки постановки целей, определения ближайшей и дальней перспектив, оценить возможные риски, находить пути привлечения необходимых для реализации проекта ресурсов, разрабатывать PR-стратегии, намечать план действий, вносить в него необходимые коррективы, оценивать степень достижения поставленных целей и пр.

Рис. 1. Игровое поле учебно-методического практикума «Педагогическая игра «Проекториум»» (автор-разработчик: А. Фёдорова, художник: Н. Давыдова)

Маршрутный лист игрового поля состоит из 100 ходовых полей, которые соответствуют базовым категориям проектного менеджмента. Среди них: поставка целей (работа с техникой SMART), программа и планирование проекта, концепция, оценка возможностей и рисков, методы анализа проекта (SWOT, PEST, GARI др.), PR, бюджет проекта (в т. ч. партнеры и спонсоры), поле креативности (в категории «PR» на разработку заданий с использованием метода фокальных (случайных) объектов), оценка результатов успешности проекта. Кроме того, на поле представлены поля- «базы», попадание на которые сулит для команды передвижением вперед или назад по игровому полю. Каждая категория соответствует определенной значку на игровом поле. В комплекте с игровым полем представлен набор игровых карточек с заданиями, соответствующими вышеупомянутым категориям. На «рубашке» карточек изображены соответствующие значки, указывающие на принадлежность к той или иной категории проектного менеджмента. На протяжении игры участники имеют право обратиться за подсказкой в информационный центр. Данный центр представляет собой теоретико-методологическую базу игры в виде набора информационных карточек в количестве 26 штук.

Далее по тексту остановимся на алгоритме проведения игры:

1. Формирование команд. Ознакомление с игровыми правилами.
2. Т. к. одним из ключевых задач на этапе планирования является распределение ролей в команде для наиболее органичного сочетания задач проекта и личной направленности участников команды, участникам игры предлагается распределить свои командные роли, используя для этого в качестве базовой теорию М. Белбина. Определение капитана команд.
3. Команды получают по 3 карты с изображением кодовых ключей, которые, при необходимости, могут быть обменяны на 3 подсказки из информационного центра.
4. Команды передвигаются на первое поле «ШТАБ», где получают вводные по разрабатываемому в рамках игры проекту.
5. По правилам большинства настольных игр передвижение по игровому маршрутному листу осуществляется благодаря игровым кубикам.
6. Ходы осуществляют капитаны команд. Они же вытягивают карту с заданием из соответствующей игровому полю категории проектного менеджмента.
7. На выполнение задания команды получают от 10 до 15 минут, что предварительно оговаривается до начала игры исходя из возможных временных резервов.
8. Процесс обсуждения решения заданий проходит под «присмотром» ведущего-коуча, который, при необходимости, может направить команду в нужное русло.
9. По окончанию обсуждения уполномоченный от команды презентует полученное решение на суд второй команды, ведущего-коуча, зрителей, жюри (в случае наличия при игровом процессе двух последних категорий).
10. Команда-соперник и члены жюри имеют право задать по одному уточняющему вопросу в рамках презентующегося решения.
11. Победившей считается команда, которая первой преодолевшая весь маршрутный путь, выполнив успешно поставленные (выпавшие) перед ней задания.
12. Обсуждение итогов игровой работы (в рамках изначально полученных вводных).

Предполагается, что при отсутствии базовых знаний, касательно управления проектами, обучающиеся проходят тренинговый интенсив «Успешный проект: от и до» под руководством педагога-коуча.

Ориентировочная программа вышеупомянутого интенсива включает следующие тематические блоки, которые, по мнению автора, наиболее полно раскрывает необходимые (базовые) аспекты осуществления проектной деятельности:

Блок 1. Что такое проект? Виды проектов. Жизненный цикл проекта. Концепция, этапы создания проектов любого масштаба и уровня. Классификация проектов. Форматы проектов/мероприятий. Управление проектом: event-проект, планирование проекта, контроллинг проекта, техники менеджмента, вспомогательные средства event-менеджмента и др. Инструменты планирования проектов. Постановка целей проекта. SMART. Особенности формирования команды для реализации проекта. Инструменты анализа проектов. Терминология проектной и event-сферы.

Блок 2. Особенности видов научно-технических, социально-информационных, социально-воспитательных, имиджевых проектов.

Блок 3. Бюджет проектов (мероприятия). Работа со спонсорами: составление спонсорского предложения, презентационный пакет, особенности переговоров.

Блок 4. Продвижение проекта. VIP гости. Работа с артистами, работа с приглашенными звездами. Работа с подрядчиками.

Блок 5. Оценка успешности проектов (эффективности мероприятия). Основы «управления временем» (тайм-менеджмента) организатора.

Содержание пяти предложенных блоков может быть так или иначе дополнено на усмотрение непосредственных организаторов тренингового интенсива.

Следует отметить несколько существенных особенностей данной игры: игра может носить как соревновательный характер (над разработкой проекта работают, соревнуясь, сразу несколько людей или целых команд), так и применяться в рамках более глубокой работы над проектом уже сформированным действующим коллективом; игра подразумевает возможность выбора для разработки неограниченного количества проектных тем; игра может быть использована для обучения и отработки навыков проектного менеджмента, как обучающейся молодежи, так и административно-управленческого и педагогического состава, в т. ч. в процессе тимбилдинга.

В ходе апробации рассматриваемого в рамках статьи учебно-методического практикума «Педагогическая игра «Проекториум»» приняло участие 142 человека (представители сферы образования (административно-управленческий, педагогический, студенческий состав образовательных учреждений), а также представители общественных (в т. ч. молодежных) организаций).

В начале и в конце игрового процесса участникам было предложено анонимно заполнить анкету-опросник. Обработка результатов анкетирования проводилась путем математического подсчета голосов, высказанных респондентами по тому или иному вопросу. Анализ результатов свидетельствует о том, что уровень управленческой компетентности респондентов (усреднено) после участия в тренинговом интенсиве и непосредственно игре возрос на 72%, у участников только игрового процесса (вступающих в игру без проработки на тренинговом интенсиве) на 38%.

Кроме того, результаты анализа ответов показали, что:

98% от общего количества респондентов отметило, что с удовольствием приняло бы участие в подобном игровом формате при разработке проектов;

92% от общего количества респондентов отметило, что игровые задания построены таким образом, что на выходе, в результате прохождения маршрутного пути игры и коллективного обсуждения, участники имеют готовые концепцию, план действий и массу нестандартных идей по реализации разрабатываемого проекта.

Таким образом, вышерассмотренное позволяет сделать вывод о том, что применение игровых технологий с элементами коучинга в процессе освоения основ проектного менеджмента выгодно отличается от других педагогических технологий тем, что позволяет обучающимся быть лично причастными к функционированию

изучаемого явления, даёт возможность прожить некоторое время в «реальных» жизненных условиях, «незаметно» усваивая необходимый материал и отрабатывая навыки осуществления проектной деятельности. А, результаты апробации и внедрения предложенного автором статьи учебно-методический практикум «Педагогическая игра «Проекториум»» свидетельствуют о высоком уровне её актуальности и практической значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фёдорова А. А. Базовые основы проектной деятельности. Гранты и грантодатели: Учебно-методическое пособие / А. А. Фёдорова. – Донецк: РИПО ИПР, 2018. – 50 с.
2. Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии / Л. С. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность: монография / А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Соколова. – М.: Смысл, 2005. – 431 с.
4. Дубровина И. В. и др. Психология: Учебник /И-В. Дубровина, Е. Е. Данилова, А. М. Прихожан; Под ред. И. В. Дубровиной. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 464 с.
5. Шапар В. Б. Сучасний тлумачний психологічний словник / В. Б. Шапар. – Х.: Прапор, 2005. – 640 с.
6. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психол. очерк: кн. для учителя / Л. С. Выготский. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 90 с.
7. Хриков С. Управління навчальним закладом: навч. посіб. / С. Хриков. – К.: Знання, 2006. – 365 с.
8. Уитмор Дж. Внутренняя сила лидера. Коучинг как метод управления персоналом / Дж. Уитмор. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 309 с.
9. Голви Т. Работа как внутренняя игра: Раскрытие личного потенциала / Т. Голви. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 266 с.

Поступила в редакцию 23. 04. 2018 г.

«PROJECTORIUM»: APPLICATION OF GAME TECHNOLOGIES WITH COACHING ELEMENTS IN PROJECT MANAGEMENT TRAINING

A. A. Fedorova

The article is devoted to the importance of administrative-and-managerial, pedagogical and student bodies carrying out of project activities in education establishments of professional education. A short theoretical and methodological review and application results of proprietary learning and teaching case study «Pedagogical Game Technology «PROJECTORIUM»» dealing with project activities training is presented.

Key words: project activities, project management, game, projectorium, coaching, education establishment of professional education.

Фёдорова Александра Александровна
Кандидат педагогических наук.
ВУЗ «Республиканский институт повышения квалификации инженерно-педагогических работников».
Доцент кафедры управления образованием и педагогики.
E-mail: fedorova.science@gmail.com.

Fedorova Aleksandra Aleksandrovna
PhD in Pedagogy.
HEI «Republican Institute of Post-diploma Education for Engineering and Pedagogical Workers».
Assistant Professor of the Department of Educational Management and Pedagogy.
E-mail: fedorova.science@gmail.com.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15000 – 20000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (elena_andrienko8@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсивом).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7. 1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7. 05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук: [сб. науч. тр.]. – Волгоград: ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса: [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- аннотация, ключевые слова (словосочетание **Keywords**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION □UNDER□ IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A. V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
--	--

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition □under□ in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андрienко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2018. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М. В. Фоменко, В. Г. Медведева

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 29.06.2018 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл. печ. л. 30,3.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.